

Археология Месопотамии

Перси С. П. Хэндкок

MESOPOTAMIAN ARCHEOLOGY

BY

Percy S. P. Handcock

Содержание

[АРХЕОЛОГИЯ МЕСОПОТАМИИ](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

[ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ](#)

[ГЛАВА I — ВВЕДЕНИЕ](#)

[\(a\) ЗЕМЛЯ И НАРОД](#)

[РАСА](#)

[ПОЧВА](#)

[\(b\) КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ВАВИЛОНА И АССИРИИ](#)

[ГЛАВА II — РАСКОПКИ](#)

[ГЛАВА III — РАЗГАДКА КЛИНОПИСНЫХ НАДПИСЕЙ](#)

[ГЛАВА IV — КЛИНОПИСНЫЕ НАДПИСИ](#)

[ГЛАВА V — АРХИТЕКТУРА](#)

[РАСТВОР](#)

[КАМЕНЬ](#)

[ДЕРЕВО](#)

[МЕТАЛЛ](#)

[ХРАМЫ](#)

[ДВОРЦЫ](#)

[ЧАСТНЫЕ ДОМА](#)

[Колонна](#)

[АРКА](#)

[ГЛАВА VI — СКУЛЬПТУРА](#)

[БАС-РЕЛИЕФЫ](#)

[СКУЛЬПТУРА В КРУГЛОМ ВИДЕ](#)

[ГЛАВА VII — МЕТАЛЛУРГИЯ](#)

[ГЛАВА VIII — ЖИВОПИСЬ](#)

[ГЛАВА IX — ЦИЛИНДРИЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ \[129\]](#)

[ГЛАВА X — ГРАВИРОВКА НА РАКУШКАХ И РАБОТА ПО СЛОНОВОЙ КОСТИ](#)

[\(A\) ГРАВИРОВКА НА РАКУШКАХ](#)

[\(B\) РАБОТА ПО СЛОНОВОЙ КОСТИ](#)

[ГЛАВА XI — ТЕРРАКОТОВЫЕ ФИГУРЫ И РЕЛЬЕФЫ](#)

[ГЛАВА XII — КЕРАМИКА И ГОНЧАРНОЕ ИСКУССТВО](#)

[ГЛАВА XIII — ОДЕЖДА, ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ И Т. Д.](#)

[ГЛАВА XIV — ЖИЗНЬ, МАНЕРЫ, ОБЫЧАИ, ЗАКОНЫ, РЕЛИГИЯ](#)

[\(A\) РАННИЙ ШУМЕРСКИЙ ПЕРИОД](#)

[1. ЗАКОНЫ, МАНЕРЫ И ОБЫЧАИ](#)

[2. РЕЛИГИЯ](#)

[\(В\) ПЕРИОД ХАММУРАБИ](#)

[1. ЗАКОНЫ, МАНЕРЫ И ОБЫЧАИ](#)

[2. РЕЛИГИЯ](#)

[\(В\) АССИРИЙСКАЯ ЭПОХА](#)

[1. СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА](#)

[2. РЕЛИГИЯ](#)

[\(D\) ВАВИЛОНСКАЯ И АССИРИЙСКАЯ СИМВОЛИКА](#)

[\(E\) ВАВИЛОНСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ](#)

[КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)

[СПИСОК НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ ЦАРЕЙ И ПРАВИТЕЛЕЙ И КРАТКОЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ](#)

[КАРТЫ](#)

[СНОСКИ:](#)

[УКАЗАТЕЛЬ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберга по археологии Месопотамии

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в США и большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Археология Месопотамии

Автор: Перси С. П. Хэндкок

Дата выпуска: 26 марта 2014 г. [Электронная книга № 45229]
Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Дельфиной Леттау, Тургутум Динцером и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «АРХЕОЛОГИЯ МЕСОПОТАМИИ»

Примечание

транскрибатора:

Некоторые имена с разным написанием не были исправлены, так как эти варианты написания, возможно, являются альтернативными вариантами написания одного и того же имени или названия места.

Изображение на обложке было создано транскриптором и находится в общественном достоянии.

МЕЖПОТАМИЯ АРХЕОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ В АРХЕОЛОГИЮ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ. АВТОР: ПЕРСИ С. П.
ХЭНДКОК, М.А. С МНОЖЕСТВОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТАМИ

ЛОНДОН: MACMILLAN AND CO. LTD. И PHILIP LEE WARNER, ST. MARTIN'S STREET. MDCCCXCII

ПОСВЯЩАЕТСЯ

А. М. ЛОРДУ

В ЗНАК ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

МНОГИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ДРУЖБЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В каждой области науки теории вчерашнего дня постоянно вытесняются эмпирическими фактами сегодняшнего дня, хотя установление этих фактов часто является косвенным результатом теорий, которые сами факты и развеивают. Отсюда следует, что труды величайших ученых и экспертов не имеют окончательного характера, они являются лишь ступеньками на пути к цели совершенного знания. С момента публикаций Лейарда, Роулинсона, Ботта и Плейса появилось много нового материала, доступного для реконструкции исторического прошлого вавилонян и ассирийцев, и в результате мы можем восполнить многие пробелы в картине, столь замечательно и, насколько это было возможно, столь точно нарисованной пионерами в области раскопок и исследований. Эта работа, которая возникла по предложению доктора Уоллиса Баджа, представляет собой попытку автора кратко описать цивилизацию древней Вавилонии и Ассирии в свете этих новых материалов.

Мы надеемся, что бесконечное многообразие видов деятельности и занятий, составляющих цивилизацию любой страны, оправдывает решение автора охватить столь много тем в одном томе. Следует отметить, что объем, отведенный для рассмотрения различных видов искусства и ремесел, варьируется, с одной стороны, в зависимости от относительной важности, которую каждый из них играл в жизни народа, а с другой — в зависимости от количества материалов, доступных для изучения конкретной темы.

Было приложено все возможное, чтобы главы, посвященные архитектуре, скульптуре и металлургии, были настолько исчерпывающими, насколько это позволяют ограничения объема книги, а для тех, кто желает продолжить изучение любой из тем, рассматриваемых в этой книге, и превратить набросок в картину, в конце приводится краткая библиография.

Не было сочтено целесообразным накапливать огромное количество ссылок в сносках, и поэтому автор не может выразить свою признательность другим авторам за их работы во всех случаях, как он бы хотел.

В дополнение к главам, которые непосредственно посвящены культурной эволюции жителей Месопотамии, две главы посвящены рассмотрению клинописного письма — его изобразительному происхождению, истории его расшифровки и литературе, в которой оно используется, а еще одна глава посвящена историческому обзору раскопок. Краткое хронологическое резюме в конце книги, очевидно, не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим; оно лишь призвано дать общее представление о хронологическом порядке некоторых из наиболее известных правителей и царей Вавилонии и Ассирии, о которых упоминается в этой книге, а также о некоторых из наиболее значительных вех в истории этих двух стран.

Автор выражает благодарность попечителям Британского музея за разрешение сфотографировать некоторые предметы из вавилонской и ассирийской коллекций, а также доктору Уоллису Баджу за предоставленные возможности и поддержку в выполнении этой работы; издательству University of Chicago Press за разрешение воспроизвести иллюстрации из *American Journal of Semitic Languages*, а также диаграммы из Harper's Memorial Volumes; М. Эрнесту Леру за разрешение использовать некоторые из иллюстраций, содержащихся в монументальных трудах Де Сарзека и Хезей, а также М. Ш. Эггиманну из «Librairie Centrale d'art et d'architecture ancienne maison Morel» за его любезное разрешение воспроизвести две

иллюстрации, содержащиеся в Dieulafoy, *L'Art Antique de la Perse*. Он также благодарен Deutsche-Orient Gesellschaft за разрешение сделать автотипную копию одной из иллюстраций в книге Андре «*Der Anu-Adad Tempel*». Он также желает выразить признательность профессору Х. В. Хильпрехту за разрешение использовать многие иллюстрации, содержащиеся в его многочисленных публикациях, а также доктору Фишеру за разрешение воспроизвести некоторые фотографии, содержащиеся в его великолепно иллюстрированной работе о раскопках в Ниппуре. Он очень благодарен этим двум господам, а также М. Леру и Deutsche-Orient Gesellschaft, поскольку фотографии проводимых раскопок, очевидно, носят уникальный характер и не подлежат повторению; он также желает выразить свою признательность д-ру В. Хейсу Уорду за его любезное разрешение скопировать ряд оттисков печатей и других иллюстраций, содержащихся в его недавно опубликованной работе «*Cylinder-Seals of Western Asia*». Наконец, он рад возможности выразить благодарность г-ну Мэнселлу за разрешение опубликовать многие фотографии предметов из его несравненной коллекции, хранящейся в Британском музее и Лувре, а также за другие способы содействия иллюстрированию данного тома. Большинство планов и чертежей, использованных в данном томе, являются работой мисс Э. К. Ридер, которая выполнила свою задачу с присущим ей мастерством.

П. С. П. Х.

Март 1912 г.

ИСПРАВЛЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ

с. 6, стр. 3	2500 г. до н. э. <i>читать</i> 2400 г. до н. э.
стр. 6, строка 18	2500 г. до н. э. <i>читать</i> 2400 г. до н. э.
стр. 43, строка 7	вместо «французские» <i>читать</i> «французские и английские» исследователи
стр. 62, строка 2	<i>вместо</i> «значительно» <i>читать</i> «много»
стр. 89, строка 5	<i>вместо</i> ± <i>читать</i> —
стр. 110, строка 2	2500 г. до н. э. <i>читать</i> 2400 г. до н. э.
стр. 125, строка 7	от ноги, <i>для</i> или <i>читать</i> и
стр. 130, строка 23	2400 г. до н. э. <i>читать</i> 2350 г. до н. э.
стр. 155, строка 31	<i>вместо прочитав</i> иметь
стр. 235, строка 9	из foot, <i>вместо</i> Sumu-la-ilu <i>читать</i> Sumu-ilu
стр. 247, строка 1	2500 г. до н. э. <i>читать</i> 2400 г. до н. э.
с. 249, стр. 35	<i>после</i> «грубость» <i>читать</i> «эти головы»

Номера, указанные на таблицах VII–XI, неточны и должны быть изменены в соответствии со списком иллюстраций и ссылками в тексте:

	<i>Текущий номер и положение</i>	<i>Правильный номер и положение</i>
Зиккурат Ашур-насир-пала	VII <i>Напротив</i> стр. 64	VIII <i>Напротив</i> стр. 78
Надписи на глине	VIII"78	IX"106
Разрушенные курганы и суд мужчин	IX"106	X"132
Водопровод, Ниппур	X"132	XI"138
Раскопки в храмовом дворе	XI"138	VI"64

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Введение	
(a) Земля и люди	1
(b) Краткий обзор истории Вавилона и Ассирии	28
II. Раскопки	40
III. Расшифровка клинописных надписей	85
IV. Клинoписные надписи	95
V. Архитектура	119
VI. Скульптура	181
VII. Металлургия	242
VIII. Живопись	270
IX. Цилиндрические печати	284
X. Гравировка на раковинах и работа с слоновой костью	309
XI. Терракотовые фигурки и рельефы	317
XII. Керамика и гончарные изделия	325
XIII. Платье, военное снаряжение и т. д.	337
XIV. Жизнь, нравы, обычаи, право, религия	364
Краткая библиография	406
Список наиболее важных королей и правителей и краткое хронологическое резюме	408
Указатель	411

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ЦВЕТНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

I. Цветной лев в Хорсабаде

Фронтиспис

ПЛАСТИНЫ В ПОЛУТОНЕ

НА
СТРАНИЦЕ

II. Куюнджик и Неби Юнус (два вида)	42
Нимруд (Калах)	42
Хорсабад	42
III. Раскопки в Нимруде (Калах) во дворце Ашур-насир-пала	44
IV. «Рыбный бог» и входной проход, Куюнджик	48
V. Дверной проем в Телло, воздвигнутый Гудеей	54
Юго-восточный фасад здания Ур-Нины в Телло	54
VI. Остатки стелы в здании под зданием Ур-Нины	58
Колодец Эаннатума	58
VII. Раскопки во дворе храма: Ниппур	64
VIII. Зиккурат и дворец Ашур-насир-пала, Ашур	78
IX. Надписи на глине, иллюстрирующие размеры и формы табличек и т. д., использовавшихся вавилонянами и ассирийцами	106
X. Разрушенные курганы Ниппура	132
Двор людей с северо-востока, Ниппур	132
XI. Водопровод Ур-Энгура, Ниппур	138
XII. Фрагмент «Стеллы с изображением стервятника» Эаннатума, патеси Лагаша	186
XIII. Стела Победы Нарам-Сина	192
XIV. Стела с выгравированным сводом законов Хаммурапи	198
Плита с изображением бога Солнца	198
XV. Барельеф Ашур-насир-пала	202
XVI. Барельефы Ашур-насир-пала (четыре сюжета)	204
XVII. Осада города тараном и лучниками	206
XVIII. Сцены охоты Ашурбанипала: лев и львица в саду	218

XIX. Сцены охоты Ашурбанипала (два сюжета)	218
xx. Сцены охоты Ашурбанипала: охота на диких ослов с собаками	220
Ашур-бани-пал возливает возлияние на мертвых львов	220
XXI. Ашур-бани-пал, отдыхающий за трапезой	222
Музыканты и слуги	222
XXII. Известняковая фигура раннего шумера	224
Три архаичные каменные головы	224
xxiii. Голова и две диоритовые статуи Гудеа; верхняя часть женской статуэтки	228
xxiv. Статуи Небо и Ашур-насир-пала; торс женщины	230
XXV. Крылатые гении с человеческими головами	236
XXVI. Каменный лев Ашур-насир-пала	238
XXVII. Лев из Касра	240
xxviii. Различные предметы из бронзы, из Нимруда	254
XXIX. Бронзовая чаша, из Нимруда	256
XXX. Украшенная арка в Хорсабаде	278
XXXI. Глазурованные кирпичи	282
XXXII. Панели из слоновой кости, из Нимруд	314
XXXIII. Керамика из Нимруда и Ниневии	334

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

РИСУНОК	СТРАНИЦА
1. Пиктограммы	97
2. Пиктограммы	99
3. Позднеавилонская «копия» ранней надписи	117
4. Кирпичный штамп Нарам-Сина	117
5. Глиняное покрытие «Солнечной таблички»	117
6. Реставрация храма в Ниппуре	137
7. Реставрация храма Ану-Адада в Ашуре	144
8. Восстановление дворца Саргона в Хорсабаде	151
9. Купольные крыши в Ассирии	155
10, 11. Терракотовые водостоки	159
12. Колонные опоры в Телло	161
13. Большой капитель колонны; маленький капитель колонны	165
14. Колонны (различные)	166
15. Ранняя арка в Ниппуре	170
16. Ранняя арка в Телло	170
17. Консольная арка в Ниппуре	173
18. Круглая арка в Вавилоне	173
19-22. Арочные водостоки в Хорсабаде	174
23. Погребальная усыпальница в Ашуре	176
24. Погребальная усыпальница в Уре (Мукейер)	176
24a. Зиккурат на ассирийском барельефе	180
24b. Зиккурат в Хорсабаде	180
25. Шесть ранних барельефов	182
26. Стела Ур-Нины и головка булавы Месилима	185
27. Два фрагмента «Стелы с изображением стервятника»; небольшой скульптурный блок (правление Энтемны)	189
28. Пять барельефов, в том числе один с изображением Нарам-Сина	194
29. Барельеф Саргона, царя Ассирии	209
30. Барельеф Сеннахериба; удаление каменного быка	213
31. Сеннахирим в Лахише	215

32. Статуя Эсара, царя Адаба	223
33. Ранняя каменная статуя женщины	224
34. Статуя Маништусу; сидящая фигура женщины; голова женщины	225
35. Сидящая фигура Шалмана-Шинуна II	231
36. Каменная голова льва; фигура собаки; каменная фигура быка с человеческой головой, инкрустированная ракушкой	234
37. Медный наконечник копья; полая медная трубка	243
38. Ранние медные фигурки	245
39. Медные фигурки носильщиков корзин; медная фигурка Гудеи	247
40. Фигурки и головы животных из меди и бронзы	250
41. Два ассирийских меча; ассирийский топор	254
42. Бронзовое блюдо	257
43, 44. Бронзовые задвижки для ворот	259, 260
45. Серебряная ваза Энтемены	265
46. Цветной глиняный рельефный лев из Вавилона	274
47. Раскрашенный бык из Вавилона; раскрашенный бык из Нимруда (Калах)	275
48. Три цилиндрических печати; глиняная табличка с оттиском печати	285
49-77. Оттиски цилиндрических печатей	289
78-83. Гравюры на раковинах	310
84. Резной панно из слоновой кости из Нимруда	314
85. Ранние терракотовые фигурки	318
86. Поздние терракотовые фигурки	320
87. Терракотовая фигурка собаки	323
88. Терракотовая плакетка с изображением собаки и слуги	323
89. Каменная ваза Нарам-Сина	328
90. Декорированная каменная ваза Гудеи	328
91. Три каменных сосуда, на одном из которых есть надпись Сеннахериба, а на другом — имя Ксеркса; небольшой стеклянный сосуд Саргона	330
92, 93. Два ранних глиняных сосуда из Ниппура	332
94. Оружие в форме бумеранга	342
95. Ассирийские украшения	348
96, 97. Расчески	349
98, 99. Пешие копейщики и пешие лучники первого ассирийского периода	350
100-102. Лучники во время правления Саргона	351

103-105. Лучники во время правления Сеннахериба	352
106, 107. Ассирийская кавалерия	354, 355
108. Ассирийская колесница	356
109. Ассирийские шлемы и головные уборы	357
110. Ассирийское оружие нападения	358
111. Тараны и щиты	360
112. Морское снаряжение ассирийцев	362
113-115. Вавилонские эмблемы	396-398

КАРТЫ

(1) Месопотамия, (2) Вавилония

[Папка в
конце](#)

Месопотамская археология

ГЛАВА I — ВВЕДЕНИЕ

(a) ЗЕМЛЯ И НАРОД

Т Месопотамская цивилизация, наряду с египетской, считается одной из двух древнейших цивилизаций мира, и хотя раскопки М. Дж. де Моргана в Сузах, разрушенной столице древнего Элама, выявили элементы развитой цивилизации, которая, возможно, даже предшествовала месопотамской, необходимо помнить, что шумеры, которые, насколько нам известно, первыми привнесли искусство жизни и все, что с ним связано, в низменную долину Тигра и Евфрата, вероятно, сами эмигрировали с эламского плато к востоку от Тигра; в любом случае, шумеры обозначали и «гору», и «страну» одним и тем же письменным знаком, поскольку с их точки зрения эти два понятия, по-видимому, были синонимами; в поддержку этой теории о горном происхождении шумеров можно, возможно, привести дополнительное объяснение храмовых башен, характерной чертой большинства религиозных сооружений в Месопотамии, как сознательное или бессознательное подражание кирпичам и раствору холмов и хребтов их родной земли, обусловленное врожденной неприязнью к монотонной ровности вавилонской равнины, в то время как также значимым фактом является то, что в самый ранний период бог солнца Шамаш изображается с одной ногой, опирающейся на гору, или же стоящим между двумя горами. Как бы то ни было, история эламитов была тесно связана с историей жителей другой стороны Тигра с самых ранних времен до разграбления Сузы Ашшурбанипалом, царем Ассирии, в VII веке. Оба народа использовали клинопись, названную так из-за клиновидной формы символов, которые были вырезаны из материала, использовавшегося в более поздние времена для всех целей письма — глины их родной земли. Оба народа говорили на агглютинативном языке, в отличие от нашего, который является флективным, и оба унаследовали схожую культуру.

Еще одним и, в своем роде, более убедительным аргументом в пользу теории горного происхождения является раннее искусство шумеров. На самых примитивных печатях-цилиндрах мы видим деревья и животных, обитающих в горах и, безусловно, не встречающихся на низменных равнинах Вавилонии. Кипарис и кедр встречаются только в горных районах, но дерево, которое можно отождествить с одним из них, изображено на ранних печатях-цилиндрах; конечно, древние шумерские правители добывали кедровое дерево в горах для своих строительных работ, и поэтому наличие такого дерева на цилиндрических печатях лишь свидетельствует об определенной осведомленности о нем, но *при прочих равных условиях* более разумно предположить, что изображенные материальные земные объекты были теми, с которыми люди были полностью знакомы, а не теми, с которыми они были знакомы лишь поверхностно. Опять же, на ранних цилиндрах горный бык, известный как *Bison bonasus*, играет ту роль, которую в более поздние времена играл низменный водяной буйвол. Это происходит с такой постоянной регулярностью, что вывод о том, что в те дни дом шумеров находился в горах, является почти неизбежным. Кроме того, как отмечает Уорд, составной человек-бык Эа-бани, спутник Гильгамеша из «», всегда имеет тело бизона, а не буйвола. То же самое можно сказать и о частом появлении горных козлов, ориксов и оленей с разветвленными рогами, что также указывает на то, что естественной средой обитания всех этих животных были горы.

Для целей данной книги долину Месопотамии можно разделить на две половины, проведя условную границу между двумя реками чуть выше Абу-Хаббы (Сиппар); северная половина охватывает земли, занятые ассирийцами, а южная половина — земли, занятые

вавилонянами. Точная дата колонизации Ассирии Вавилонией неизвестна, но первому известному коренному² царю Ассирии, Иришуму, мы можем присвоить приблизительную дату 2000 г. до н.э. Вавилония собственно представляет собой аллювиальную равнину, границы которой на востоке и западе составляют соответственно горы Персии и плоскогорье Аравии. Эта долина постепенно формировалась за счет уступки территории морем, поскольку в далеком прошлом Персидский залив охватывал всю равнину, по крайней мере, до города Вавилон, где были найдены морские ракушки, и, вероятно, значительно дальше. Ее формирование произошло благодаря илу, принесенному двумя реками и отложившемуся в устье залива: количество земли, ежегодно отвоєвываемой у моря в древние времена, неизвестно, но, поскольку Спасинус Хоракс, современный Мохаммера, который сейчас находится примерно в сорока семи милях от побережья, во времена Александра был расположен на морском побережье, мы знаем, что с тех пор завоевание суши у моря продолжалось со скоростью 115 футов в год.

Таким образом, физические характеристики страны, в которой развивалась вавилонская цивилизация, если она и не была местом ее зарождения, очень похожи на характеристики Нижнего Египта; однако в Египте, судя по имеющимся данным, самым ранним центром цивилизации был Юг, или Верхний Египет, а Север был завоеван Месниу (металлургами) с Юга не только на поле боя, но и в области культуры и цивилизации. Обе страны имеют лишь небольшой участок побережья, где их реки впадают в море: Нил — в Средиземное море, а Тигр и Евфрат — в Персидский залив; обе страны возникли и ежегодно возникали из моря, поскольку известно, что в одно время Средиземное море проникало на юг до Эсне, а Персидский залив, как уже упоминалось, простирался по крайней мере до Вавилона; поэтому мы не удивляемся, обнаруживая как в вавилонской, так и в египетской космологии традицию, рассказывающую о сотворении мира из первобытной водной массы, хотя эта идея менее заметна в египетской космологии, чем в вавилонской и еврейской. Обе страны также подвергались ежегодным наводнениям, которые, хотя и приносили немало разрушений, в то же время оседали илом, столь необходимым для обогащения почвы, а опустошение сдерживалось или, по крайней мере, смягчалось в обеих странах благодаря сложной системе оросительных каналов, которые летом служили средством для доставки живительной воды на сухую и жаждущую землю. И Вавилония, и Египет имеют теплый климат, хотя Египет гораздо более сухой и поэтому более здоровый, а соответствующая сухость его почвы сохранила материальные свидетельства его древней истории в гораздо более совершенном состоянии, чем болотистая местность Нижней Месопотамии; и, наконец, климат Египта не подвержен таким же резким изменениям температуры, которые характерны для сезонов в долине Евфрата.

Свидетельства какой-либо расовой связи между самыми ранними известными жителями этих двух стран весьма неубедительны; что касается их искусства, обычаев и языка, то шумеры, с одной стороны, и додинастические и раннединастические египтяне, с другой, демонстрируют полную независимость друг от друга; обе страны, вероятно, были завоеваны в ранний период своей истории семитами, которые в случае Месопотамии полностью вытеснили своих предшественников другого происхождения, но в то же время сами были поглощены более высокой цивилизацией шумеров, наследниками которой они были по судьбе и в дальнейшее развитие которой они сами внесли столь значительный вклад; но в какой период или периоды семиты захватили Египет и северное побережье Африки, наложив свой неизгладимый и безошибочный отпечаток на основу египетского и ливийского языков, неизвестно; когда бы это ни было, мы можем с уверенностью предположить, что их приход произошел в доисторические времена, поскольку иероглифы и, вероятно, также язык династических египтян были естественным развитием языка и

примитивных изобразительных знаков их предшественников (), а теория о насильственном разрыве в преемственности ранней египетской цивилизации в начале первой династии с каждым днем становится все более несостоятельной. Мы также не можем назначить какую-либо определенную дату прибытия семитов в долину Месопотамии, хотя нововавилонский царь Набонид дает нам традиционную дату для Шар-Гани-Шарри³ (Саргона) и его сына Нарам-Сина, царей Агаде, которые, насколько нам известно, основали первую семитскую империю в стране. До времени Шар-Гани-Шарри действительно были семитские цари Киша, но их власть была явно очень ограниченной по сравнению с далеко простирающейся империей правителей Агаде. Однако есть основания сомневаться в точности традиционной даты 3750 г. до н. э., которую Набонид присваивает Нарам-Сину, главная причина заключается в необычайном разрыве в результатах вавилонских раскопок между временем Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина и Гудеа, священника-царя Лагаша в Южной Вавилонии, правившего около 2400 г. до н. э.; то есть в отношении периода около 1300 лет раскопки практически не дали нам никакой информации, в то время как как в начале, так и в конце этого периода у нас есть обильные свидетельства цивилизации и истории жителей Вавилонии; во-вторых, стиль искусства, характерный для времени Гудеа и царей Ура, а также стиль письма, обнаруженный в их надписях, не предполагают такого длительного промежутка между временем Саргона и их собственными днями. Но есть еще и другие соображения, которые являются еще более весомыми и заслуживают большего внимания, чем им уделялось до сих пор, поскольку они зависят от стратификации самих разрушенных курганов. Очень значимым фактом является то, что архитектурные остатки Ур-Энгура (около 2400 г. до н. э.) в Ниппуре находятся непосредственно над остатками Нарам-Сина, поскольку такое расположение вряд ли возможно, если между этими двумя правителями прошло около 1300 лет. Кроме того, раскопки, проводимые доктором Бэнксом для Чикагского университета в Бисмае, дали аналогичные результаты: непосредственно под разрушенным зиккуратом Дунги, преемника Ур-Энгура на троне Ура, были обнаружены большие квадратные кирпичи, характерные по размеру и форме для времени Шар-Гани-Шарри, а среди кирпичей была также найдена золотая полоска с выгравированным именем Нарам-Сина. Таким образом, свидетельства, полученные в результате раскопок на этих двух участках, кажутся чрезвычайно весомыми против традиционной даты, записанной Набонидом.⁴

Поэтому возникает соблазн предположить, что этот долгий период молчания, который невозможно адекватно объяснить, вообще не существовал, что заявление Набонида следует считать недостоверным и что Шар-Гани-Шарри и Нарам-Син, вероятно, жили и правили более чем тысячу лет спустя, то есть около 2650 года до нашей эры. С другой стороны, важно помнить, что вавилоняне были астрономами и математиками недюжинного уровня и проявляли максимальную тщательность при вычислении дат, что, кроме того, Набонид был царем Вавилонии и, следовательно, «априори» мог обладать надежными традициями, если таковые существовали, и, более того, что он жил на 2500 лет ближе к тому времени, чем мы. Упомянутая надпись Набонида была найдена в кургане Сиппара недалеко от Агаде. В ней говорится: «Угловой камень фундамента храма Э-ульба в городе вечного огня (Агаде) не видели со времен до Саргона, царя Вавилона, и его сына Нарам-Сина... Цилиндр Нарам-Сина, сына Саргона, которого в течение 3200 лет не видел ни один из его предшественников, великий господин Сиппара Шамаш открыл ему». Таким образом, согласно Набониду, Нарам-Син жил около 3750 года до нашей эры. Однако археологические данные в данном конкретном случае являются настолько убедительными, как в отрицательном плане в отношении отсутствия каких-либо материальных свидетельств длительного промежутка времени, о котором идет речь, и положительно в отношении стратификации курганов, содержащих реликвии этих двух царей, а также в отношении сходства между более ранними

скульптурами и надписями Шар-Гани-шарри и Нарам-Сина () и теми, которые относятся ко второй половине третьего тысячелетия до н.э., что мы больше не можем поддерживать неявную уверенность в исторической точности Набонида, которую когда-то имели ранние ученые.

Из найденных надписей Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина мы заключаем, что авторы этих надписей были семитами, другими словами, мы узнаем, что империя Агаде была семитской империей, и поскольку они распространили свою империю на всю Западную Азию, шумерская власть, расположенная более к югу, должна была пропорционально сократиться. Но их шумерские предшественники установили свое влияние и власть в Месопотамии задолго до этой даты, поскольку шумерские надписи, которые почти наверняка относятся к досаргонскому периоду, дают нам имена большого числа ранних царей и правителей Вавилонии; их раннюю дату подтверждает почерк этих надписей, которые носят более архаичный отпечаток, чем надписи Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина. Так же как скульптуры без надписей можно относительно датировать по стилю искусства, которому они соответствуют, так что можно предварительно сказать, что эта скульптура или цилиндрическая печать старше той, потому что она представляет более архаичный и менее законченный стиль искусства, так же можно приблизительно датировать безымянные и без даты надписи по стилю письма, принятому в этих надписях. Таким образом, в нашем распоряжении есть два средства, с помощью которых мы можем отнести памятники раннего периода без надписей к их относительно правильным местам в эволюции искусства и культуры; с одной стороны, слой разрушенного кургана, в котором был найден данный объект, часто можно относительно датировать по памятникам с надписями, найденным либо в самом слое, либо в слое непосредственно выше или ниже; или, в случае их отсутствия, по глубине, на которой слой находится под вершиной кургана, хотя последний критерий сам по себе является неудовлетворительным, поскольку такое накопление, очевидно, будет варьироваться в разных местах. Однако ценность всех таких доказательств зависит от того, были ли слои нарушены, что, к сожалению, часто бывает.

Причина, по которой руины месопотамских городов приняли форму курганов, заключается в том, что завоеватель разрушал глиняные стены и здания своего побежденного врага, но вместо того, чтобы убирать обломки, он строил на них; для своих новых строительных работ новоприбывший часто использовал часть старого материала, отсюда и неопределенность даты, присвоенной объекту, основанная на простом предположении, что такой объект принадлежит к тому слою, в котором он в конечном итоге оказался, без других подтверждающих доказательств. С другой стороны, в наши дни мы всегда можем применять чисто археологический тест, который зависит от тщательного изучения стиля искусства или способа письма.

Некоторых из уже упомянутых правителей, предшествовавших Саргону, можно расположить в строго хронологическом порядке, например, правителей города Лагаша, одного из самых ранних центров шумерской цивилизации в Вавилонии. Лагаш находится в пятнадцати часах пути к северу от Ура и в двух часах к востоку от Варки (древний Эрех), и именно Лагаш предоставил нам больше материала для изучения ранней шумерской жизни и культуры, чем любой другой город в долине Евфрата.

Порядок ранних досаргонских правителей Лагаша следующий: Ур-Нина, по-видимому, основатель династии, поскольку он не присваивает королевский титул ни своему отцу, ни деду, а его преемники ведут свою родословную от него; Акургал, Эаннатум, Эаннатум I, Энтемена, Эаннатум II, Энетарзи, Энлитарзи, Лугал-анда и Урукагина. Но хотя их хронологический порядок определен, продолжительность их правления неизвестна, и их

даты могут быть установлены только приблизительно, и даже эти приблизительные и относительные даты полностью зависят от даты Шар-Гани-шарри. Если предположить, что дата последнего была около 2650 г. до н.э., то дата Ур-Нины будет примерно 3000 г. до н.э. Ур-Нина, первый член династии « », оставил нам ряд своих скульптур и стел, но есть и другие безымянные произведения искусства, обнаруженные либо в окрестностях, либо непосредственно в Лагаше, которые представляют собой менее развитую форму искусства, а что касается надписей, то и более архаичный стиль письма, в то время как в некоторых случаях данные памятники были фактически обнаружены в слоях под зданием Ур-Нины, и с ними начинается история месопотамского искусства и цивилизации, о которой оно является столь красноречивым свидетельством.

РАСА

Раса, к которой принадлежали шумеры, неизвестна, но тот факт, что их язык был агглютинативным, а не флективным, следовательно, не был ни арийским, ни семитским, а по крайней мере в этом отношении был близок к монгольским языкам, к которым относятся турецкий, финский, китайский и японский языки являются наиболее яркими примерами сегодняшнего дня, побудил некоторых ученых искать связь между некоторыми шумерскими корнями и определенными китайскими словами, однако следует признать, что эта предполагаемая связь в настоящее время является скорее гипотетической. Дальнейшие усилия были также предприняты Лакупери и другими, чтобы установить параллели между китайским искусством и культурой и искусством и культурой шумеров, но доказательства не очень убедительны.

ПОЧВА

Поскольку поверхностный слой почвы Вавилонии не образовался там, а был принесен реками и отложен ими, когда их течение теряло силу при приближении к морю и они не могли больше нести свой груз, целесообразно проследить происхождение этой почвы до ее первоначального источника. И Евфрат, и Тигр берут свое начало в горах Армении,⁶ геологическая структура которых состоит в основном из гранита, гнейса и других полевошпатных пород. Эти породы постепенно разлагались под воздействием дождей, а их обломки быстро уносились вниз по течению; в своем течении реки проходят через различные геологические формации, включая известняк, песчаник и кварц, которые вносят свой вклад в образование ила, предназначенного для формирования части почвы дельты; почва, состоящая в основном из мела, песка и глины, чрезвычайно плодородна, что принесло ей репутацию, о которой свидетельствуют даже классические писатели: так, Геродот, который процветал в VII веке до н.э., говорит нам (I, 293), что «из всех стран, которые мы знаем, нет ни одной, которая была бы столь плодородна в отношении зерна. Конечно, она не претендует на выращивание оливок, винограда или других подобных деревьев, но в зерне она настолько плодородна, что обычно дает двестикратный урожай, а когда урожайность максимальна, даже трехсоткратный. Листья пшеницы и ячменя часто достигают четырех пальцев в ширину. Что касается проса и кунжута, я не буду говорить, до какой высоты они вырастают, хотя мне это известно, ибо я не забываю, что то, что я уже написал о плодородии Вавилонии, должно показаться невероятным тем, кто никогда не бывал в этой стране... Пальмы растут в большом количестве по всей равнинной местности, в основном плодоносящие, и эти плоды снабжают их хлебом, вином и медом». Как бы преувеличенно ни было это описание, все древние писатели сходятся в том, что вавилонская

земля обладает плодородием и продуктивностью, превосходящими любую другую страну, которую они знали.

Но нынешнее состояние страны сильно отличается от того, что было раньше, поскольку пренебрежение земледелием вновь превратило ее в пустыню или, в непосредственной близости от рек, в зараженное болото. Кроме того, реки неоднократно меняли свое русло, хотя это замечание в большей степени относится к медленному течению Евфрата с его низкими берегами, чем к более быстрому Тигру, течение которого ограничено более высокими берегами и, следовательно, его русло претерпело меньшие изменения. В настоящее время предпринимаются большие усилия, чтобы исправить ситуацию, в которой оказалась некогда плодородная равнина Вавилонии, и в начале прошлого года (1911) компания Sir John Jackson (Limited), подрядчики и инженеры, получила контракт на строительство большой плотины в верховьях канала Хиндия: последний представляет собой канал, для которого Евфрат покинул свое собственное русло, и, следовательно, русло Евфрата, на берегах которого лежит город Вавилон, летом совершенно сухое, вся вода течет по каналу Хиндия, за исключением периода паводков. Таким образом, население практически перестало пытаться возделывать берега Евфрата и в большинстве своем переселилось через всю страну к этому каналу. Однако последний, будучи совершенно неспособным выдержать нагрузку, возложенную на него неразделенными водами Евфрата, стал сильно заболоченным, и много хорошей земли превратилось в болото. Турки долгое время пытались построить плотину, которая бы отводила часть воды обратно в русло реки и тем самым позволяла регулировать сток в канале, но они не достигли своей цели. Инженеры сэра Уильяма Уилкокса успешно заполнили пространство между двумя рукавами плотины, но почти сразу же плотина была прорвана в другом месте. Однако, когда нынешний проект будет должным образом реализован, берега Евфрата вновь будут покрыты плодородными землями, как в былые времена, а район, процветание которого зависит от состояния канала Хиндия, также будет улучшен.

На берегах этих рек росли акации, гранатовые деревья и тополя, но самым полезным для вавилонян было финиковое дерево, из сока которого они делали сахар и ферментированный напиток, а его волокнистая кора использовалась для изготовления веревок, а древесина, будучи одновременно легкой и прочной, широко использовалась в качестве строительного материала. Финиковая пальма имела столь многообразное применение, что у вавилонян была популярная песня⁴⁶, в которой они воспевали триста шестьдесят преимуществ этого бесценного дерева. Важная роль, которую она играла в жизни раннего шумерского населения, отражена в эпитете, который Энтемена применил к богине Нине, обращаясь к ней как к «той, кто заставляет расти финики», а различные амфорные чаны, а также своего рода овальные бассейны, очевидно использовавшиеся для производства или хранения финикового вина, были обнаружены Де Сарзекком в Телло.

Финиковая пальма встречается на ассирийских барельефах, но следует признать, что художественные произведения вавилонян и ассирийцев не дают нам столько информации о флоре и фауне страны, сколько можно было бы ожидать. Виноградные лозы и пальмы часто встречаются на более поздних барельефах, а дубы и терпентинные деревья также были известны, поскольку Эсархаддон использовал их в качестве материала для своих строительных работ в Вавилоне, а кедры регулярно закупались для тех же целей.

Из различных деревьев, изображенных на ранних печатях, почти ни одно не может быть идентифицировано с какой-либо степенью уверенности, за исключением, возможно, финиковой пальмы: тростник из болот появляется довольно рано, но с другой стороны, фиговое дерево встречается только в более поздние времена, что согласуется с указанием

Геродота о том, что в его время они не росли в Месопотамии; несмотря на это, они, должно быть, были известны и, по-видимому, культивировались достаточно рано, поскольку среди подношений, сделанных Гудеей (2450 г. до н. э.) богине Бау, перечислены фи́ги, а оливковое дерево, должно быть, также было известно в ранний период, поскольку до сих пор сохранились глиняные предметы в форме оливки, относящиеся к временам Урукагины.

Лотос иногда выгравирован на печати, всегда в руке бога, и вместе с другими египетскими элементами часто встречается на слоновой кости и бронзовых блюдах из Нимруда.

Просо и другие зерновые культуры были предметом художественного изображения; в более поздние времена появляются цветы неопределенного характера, хотя традиционные узоры розеток, столь знакомые в ассирийском искусстве, пример которых можно найти на пластинке [XXX](#). без сомнения, обязаны своим происхождением реальной попытке воспроизвести живой цветок, в то время как плющ встречается только на позднем греко-египетском цилиндре, а на сирийско-хеттском цилиндре мы находим изображение чертополоха.

Камыши встречаются чаще, чем любые другие деревья или растения, как на цилиндрических печатях, так и на барельефах. Они были очень востребованы для строительства хижин и легких лодок, но глина их родной земли предоставляла всеобъемлющий и изобильный материал для строительства дворцов, храмов и домов; ее возможности были признаны на самом раннем этапе и использовались соответствующим образом. Камень практически неизвестен в низменной равнине Вавилонии, и когда он был необходим, его приходилось добывать далеко в горах и транспортировать с большими затратами и трудом, поэтому он сравнительно редко использовался для чисто художественных или декоративных целей, а скорее применялся там, где требовалась прочность; по этой причине в Вавилонии обычно использовали базальт, диорит, долерит или другой твердый камень вулканического происхождения. В Ассирии, с другой стороны, как алебастр, так и различные виды известняка были легко доступны и широко использовались в строительстве, а также легко поддавались обработке резцом скульптора, чья обязанность заключалась в том, чтобы запечатлеть главные события правления царя в виде изображений на стенах его дворца.

Из зерновых культур наиболее важными были пшеница, ячмень, вика и просо, которые выращивались в больших количествах, а из домашних животных наиболее распространенными были лошади, волы, овцы, свиньи, козы, ослы и собаки. на барельефах из Куюнджика, одного из курганов, представляющих древнюю Ниневию (другой — Неби Юнус («Пророк Иона»), так названный местными жителями из-за их веры в то, что пророк Иона был похоронен там), изображены верблюды, которые также входят в состав дани, принесенной вассальными князьями ассирийскому царю Салманасару II (860-825 гг. до н.э.), и соответственно изображены на бронзовых воротах из Балавата и на так называемом Черном обелиске, известном в основном благодаря изображению Иегу и его данщиков. Изображенные здесь верблюды принадлежат к двугорбой бактрийской породе, которая имеет меньшую выносливость, чем одногорбые дромадеры Аравии и Африки. В современной Вавилонии последние являются важнейшим средством передвижения, но в холмистой местности Ассирии они менее полезны из-за своей склонности скользить на любой, кроме самой ровной, местности. Существует, по-видимому, только один единичный случай изображения верблюда на цилиндрической печати, и он относится к персидскому периоду. Ассирийское слово, обозначающее «верблюд», вероятно, имеет арабское происхождение, и Аравия, без сомнения, была родиной верблюда. Что касается лошадей, волов, овец, коз и собак, то они постоянно изображаются в ассирийском искусстве. Лошадь,

родом из Азии, по всей вероятности, была одомашнена в Месопотамии раньше, чем в Египте; очень ранним свидетельством ее существования в Месопотамии считается архаичная печать-цилиндр, ныне хранящаяся в Музее Метрополитен в Нью-Йорке, на которой изображен бог, управляющий четырехколесной колесницей, в отличие от ассирийских боевых колесниц, которые были двухколесными; колесница тянется животным неопределенного характера, которое Уорд первоначально считал лошадью, но, учитывая изображение быка, тянущего колесницу, найденное на ранней ассирийской печати, которую он датирует примерно 2000 г. до н.э., становится ясно, что бык использовался для тяги колесниц в древние времена, и Уорд соответственно считает неоднозначное животное, о котором идет речь, также быком. Шумерское название лошади было «осел гор», что указывает на то, что животное было впервые известно им в диком состоянии: мы находим его изображение на одном из пограничных камней Навуходоносора I (около 1120 г. до н.э.), но оно, безусловно, было известно в долине гораздо раньше. Гиксосы, или пастухи-цари из Азии, завезли лошадей в Египет около 1700 г. до н.э., а упоминание о лошадях встречается в письме Буррабуриаша, царя Вавилона, к Аменхтепу, царю Египта, около 1400 г. до н.э.

Очень древний фрагмент из Ниппура (см. рис. [25](#), Е), опубликованный Хилпребтом и процитированный и воспроизведенный Уордом в [книге 4](#), показывает нам рогатое животное, тянущее плуг, которое, по мнению Уорда, может быть газелью или антилопой; если это последнее, то мы можем, возможно, сделать вывод, что животное этого вида использовалось для тяги еще до появления быка и, безусловно, до появления лошади. Как бы то ни было, в более поздние времена лошадь, по-видимому, использовалась только на поле боя и для охоты. Ассирийские солдаты ездили на них верхом и запрягали их в свои боевые колесницы, и стоит отметить, насколько более успешными были ассирийские скульпторы в своих изображениях лошадей, чем египтяне. Лошади на барельефах, по-видимому, принадлежат к более мелкой, низкорослой и коренастой породе, чем арабские, и эта порода, как полагают, до сих пор существует в Курдистане. Ассирийцы, по-видимому, не имели обычая наделять лошадей крыльями или человеческой головой, как они иногда делали с быками и львами, хотя на некоторых пехлевийских [8](#) печатях и кольцах более позднего периода (226-632 гг. н.э.) изображены крылатые лошади.

Бык с «длинными прямыми и загнутыми рогами», по-видимому, был одомашнен с самого раннего периода и изображен на цилиндрических печатях, которые по своим надписям относятся к раннему периоду, когда линейное письмо еще не было вытеснено более поздним клинописью, а на одной из этих ранних печатей (ср. рис. [63](#)) сам бог изображен верхом на одном из этих быков; однако следует отметить, что бык- играет менее заметную роль в художественных изображениях Месопотамии, чем в Египте, где в гробницах так часто изображаются сцены повседневной сельскохозяйственной жизни. Лишь в очень редких случаях бык изображается на цилиндрических печатях или скульптурах в качестве жертвенного животного, лучшим примером чего является фрагмент стелы с изображением стервятника Заннатума; тот же царь сообщает нам в другом месте, что он приносил в жертву быков богу солнца в Ларсе, а теленка — Эн-лилу, повелителю Ниппура, более известному под семитским именем Бел, которое, однако, он никогда не носил;⁹ Однако, несмотря на то, что бык редко использовался в жертвенных обрядах, нет сомнений в том, что на протяжении всей истории Месопотамии он считался воплощением и, следовательно, естественным символом силы и плодородия, а крылатые быки Саргона (ср. Pl. [XXV](#)) являются наиболее известными и, возможно, наиболее характерными памятниками ассирийского искусства.

Мул использовался как вьючное животное; повозки тянули мулы, на них перевозили женщин и детей, а также использовали для перевозки товаров и для всякой черной работы;

их иногда можно увидеть на ассирийских барельефах, и они являются одним из сюжетов знаменитых «Охотничьих сцен» Ашшурбанипала, где они находятся под присмотром слуг царя.

Овцы были одомашнены с самых ранних времен, но изображения коз более распространены; на рис. [62](#) мы видим чрезвычайно архаичную печать, на которой изображен человек, гонящий козу, за которой следуют две овцы. Еще один пример изображения козы и овец можно найти на раннем каменном рельефе, показанном на рис. [25](#), F.

Козел часто встречается как на печатях, так и на барельефах. Насколько мы можем судить, козел был наиболее распространенной жертвой, и поклоняющиеся часто изображались с козлом на руках. (Ранний пример козла в вавилонском искусстве см. в медной голове козла из Фары, [40](#), В.) Рис. Борода иногда четко очерчена,¹⁰ что позволяет определить ее как козла, а не антилопу, в то время как овцы и козлы хорошо представлены на бронзовых накладках ворот из Балавата. Хотя овцы, по-видимому, не играли такой важной роли в жертвенном культе, как козлы, они играли гораздо более заметную роль в гадании, и из осмотра различных частей их печени выводились бесчисленные предзнаменования.

Осел был известен с самых ранних времен, как дикий осел, на охоту на которого, по-видимому, так любил ходить Ашшурбанипал (ср. табл. [XX](#)), так и одомашненный осел. Уорд нашел только один пример его раннего изображения на цилиндрических печатях, но колесница бога Нин-гирсу на знаменитой стеле с изображением стервятника запряжена ослом, а тот факт, что Урукагина, один из царей Первой династии Лагаша, постановил, что если в конюшне одного из подданных царя родился хороший осел, царь мог приобрести его только за справедливую цену, и даже в этом случае он не мог заставить владельца расстаться с ним, показывает, что осел был широко распространен в его время.

Собака встречается на некоторых из самых ранних печатей из Вавилонии и особенно часто на тех, которые изображают легенду об Этане и Орле (см. рис. [62](#)): она также появляется на более поздних вавилонских печатях и очень часто встречается на ассирийских барельефах.

Здесь они изображены на охоте (см. табл. [XX](#)). Ассирийские гончие, по-видимому, напоминали мастифов, и, по словам Лэйарда, эта порода до сих пор существует в Тибете, хотя и не в Месопотамии. Еще одно хорошее изображение собаки мы видим на терракотовой пластинке, найденной сэром Х. Роулинсоном в Бирс-Нимруде (см. рис. [88](#)), а Ашшурбанипал оставил нам несколько глиняных моделей своих собак, изготовленных из одного куска, как и колоссальные быки, но довольно грубо выполненных. Хотя мы мало знаем о породах собак, с которыми были знакомы ассирийцы и вавилоняне, мы в любом случае знаем, что они были знакомы с собаками разных окрасов, поскольку они извлекали предзнаменования из пегих, желтых, черных, белых и других собак.

Газель была известна в Месопотамии с давних времен, и иногда она, по-видимому, заменяла козла в качестве жертвы для жертвоприношения.

Антилопа часто изображается на ранних цилиндрических печатях, и, по-видимому, ее иногда запрягали в плуг, как можно видеть на раннем каменном рельефе из Ниппура,¹¹ но в вавилонском искусстве не всегда легко отличить антилопу от козы.

Козел также легко спутать с горной овцой из-за формы рогов, но на правильных изображениях у него есть борода. Хороший и очень ранний пример изображения козла можно найти на фрагменте раковины, относящемся к самому раннему шумерскому периоду (см. Лувр, кат. № 222).

Кабан не часто изображался, но, без сомнения, был достаточно распространен, как и сегодня; его можно найти на чрезвычайно архаичной печати (см. рис. [54](#)), а множество маленьких свиней повторяется в четырех регистрах на более поздней цилиндрической печати, в то время как на других печатях охотник пронзает кабана копьем, и, наконец, свиноматка с молодым изображена на одном из настенных рельефов из дворца Сеннахериба в Куюнджике. Интересно отметить, что еще в эпоху Хаммурапи ()¹² свинина была очень ценным продуктом питания, настолько, что часто входила в состав храмовых

подношений, и Унгнад обращает внимание на один случай, когда некий злоумышленник украл одну из храмовых свиней и понес за это тяжелое наказание, в то время как в официальных списках провианта для храма конкретно перечислены различные части свиньи, а из осмотра свиней делались благоприятные и неблагоприятные предсказания.

Кролик или *заяц* редко встречается в ранних скульптурах или гравюрах, но он появляется на более поздних так называемых сиро-хеттских цилиндрах и иногда изображается на ассирийских барельефах.¹³

Орикс, *горный баран*, *олень*, *черепаха*, *дикобраз*, *обезьяна* — все они иногда встречаются на цилиндрах, а обезьяна, в частности, является частью дани, принесенной подчиненными народами Салманасару II на Черном обелиске, а также изображена на барельефах, украшавших стены дворца Ашшур-насир-пала в Нимруде. В обоих последних случаях изображенные обезьяны, по-видимому, принадлежат к индийскому виду и явно были в новинку для ассирийцев, которые, несомненно, ценили их соответственно.

Есть единичные примеры изображения *лисы*, *лягушки* и *медведя*, но ни один из них не играет важной роли в истории искусства страны. *Лев* и *змея* занимают видное место в художественных изображениях и, несомненно, были знакомыми и грозными существами в реальной жизни, а величие первого и хитрость второго были достаточными, чтобы обеспечить им место в мифологической и геральдической символике жителей Месопотамии. Лев был известен повсюду, как в высокогорьях, так и в низинах, и до сих пор обитает в низменных болотистых землях Вавилонии. На цилиндрических печатях он обычно изображается в смертельной схватке с Гильгамешем, героем вавилонского фольклора, или его другом За-бани, который, конечно, всегда побеждает его; он изображается на глине и камне с самых ранних (см. рис. [26](#). В) до самых поздних времен, его изображают на одежде и украшают ножны, а также он играет важную роль в геральдическом символе древнего города Лагаш, который состоит из орла с распростертыми крыльями, сжимающего двух львов, обращенных в противоположные стороны (см. рис. [27](#)), что, несомненно, символизирует власть, которую царь Лагаша осуществлял над народами Востока и Запада соответственно. Он пользуется сомнительной честью быть предметом особого внимания ассирийского царя в более поздние времена, который предоставил ему возможность заниматься любимым развлечением (см. табл. [XIX](#)); отдельные цари убивали их в больших количествах, и Тукульти-Ниниб I (1275 г. до н. э.), чтобы привести один пример, зафиксировал, что он убил около 920 львов, так же как Аменхтеп III, царь Египта, хвастается, что он убил 102 льва в первые десять лет своего правления. Первоначально львы, несомненно, были достаточно многочисленны, но по мере сокращения их численности стало необходимо ловить и содержать их в клетках до тех пор, пока они не понадобятся для королевской охоты (см. Pl. [XXVII](#)). Лев иногда изображается в колоссальном размере, с крыльями и головой человека, и в этом виде, стоя у ворот королевского дворца, он призван отгонять злобных и вредоносных демонов, а в других случаях он менее полно оснащен и имеет только голову, торс и руки человека. Всегда являясь существом, имеющим вес в более чем одном смысле, его тело неплохо подходит для использования в качестве гири; до нас дошло значительное количество бронзовых гирь в виде львов, изготовленных, вероятно, финикийцами (как и изделия из слоновой кости Ассирийской империи), а вес каждой гири был указан финикийскими буквами. Иногда полая бронзовая голова льва служила украшением конца оси колесницы. Как правило, лев символизировал врагов царя, поэтому всякий раз, когда он появляется в конфликте, он всегда побеждается либо чистой физической силой, как в случае с Гильгамешем, либо пронзается стрелой, копьем или ножом, как мы часто видим на барельефах ассирийских дворцов. Но львы, вероятно, время от времени приручались, как и сегодня. Во время своего

первого визита в Хиллах сэр Генри Лэйард получил в подарок от Осман-паши двух львов; один из них, как он рассказывает, был известным завсегдатаем базаров, мясных лавок, которые он регулярно грабил, но, помимо этой милой маленькой причуды, он, по-видимому, вел себя довольно хорошо. В своем описании животного Лейард говорит, что он был «выше и крупнее собаки породы сенбернар и, как и львы, обычно встречающиеся на берегах рек Месопотамии, не имел темной и лохматой гривы африканских видов». Далее он сообщает нам, что, однако, видел львов с длинной черной гривой на реке Карун, которая впадает в Персидский залив недалеко от Мохаммеры на крайнем юге Вавилонии; но львы обоих видов сегодня очень редко встречаются в Месопотамии, и, как правило, только на расстоянии.

Змей играл в месопотамском искусстве меньшую роль, чем лев, но, по крайней мере с некоторых точек зрения, не менее значимую. Два змея, обвивающиеся вокруг шеста, составляют центр изображения, выгравированного на знаменитом кубке (см. рис. [90](#)), посвященном Гудеей, патеси или священником-царем Лагаша около 2450 г. до н. э., своему богу Нин-гиш-зи-да, который, по-видимому, символизировался змеями, а по обе стороны от переплетенных рептилий находятся два крылатых чудовища с головами змей, в то время как на нескольких цилиндрических печатях более древнего периода мы видим бородатого бога, тело которого состоит из змеиных колец. В этой связи мы можем сравнить изображение на цилиндрической печати того же Гудеа (см. рис. [64](#)), где посреднический бог, представляющий патеси сидящему божеству, которое Уорд с некоторым основанием считает Эа, характеризуется змеями, поднимающимися с его плеч.

Но самым известным примером изображения змеи в вавилонской мифологии является печать, на которой два существа, возможно божественные, возможно человеческие, сидят по обе стороны дерева (), а за одним из них изображена стоящая змея; эта печать обязана своей известностью мнению ранних ученых, что эта сцена представляет собой вавилонский вариант еврейской традиции о грехопадении.

Судя по изображениям змей, найденным на вазах, пограничных камнях, цилиндрических печатях и в других местах, змеи, распространенные в Месопотамии в то время, когда были созданы эти памятники, должны были быть значительных размеров, а из литературы мы знаем, что некоторые из этих змей были ядовитыми. Ассирийские цари также упоминают о распространенности змей в некоторых странах, куда они проводили экспедиции или которые были им подчинены. Так, например, Эсархаддон рассказывает нам, что земля Базу кишела змеями и скорпионами, как кузнечиками.

Среди других животных, знакомых жителям Месопотамии, можно упомянуть *бизона* («риму») — животное гор и лесов, которое играет заметную роль в истории о Гильгамеше; старинный пиктограф, обозначающий бизона, состоит из головы быка, в которую вписаны три диагональных клина, которые вместе означают «гора» и, таким образом, указывают на место его происхождения. На цилиндрических печатях Вавилонии были идентифицированы различные виды крупного рогатого скота, что свидетельствует о том, что во время изготовления печатей память об их существовании и, вероятно, сама реальность их присутствия все еще ощущались и были известны. *Буйвол*, обитающий в болотах южной Вавилонии, часто встречается на цилиндрических печатях, относящихся к временам Шар-Гани-Шарри и его преемников, а также выгравирован на фрагментах раковин, относящихся к самому раннему шумерскому периоду. Лэйард рассказывает нам, что эти уродливые животные, которые сегодня процветают в болотах, снабжают арабов большим количеством молока и масла; обычно с ними легко обращаться, но они испытывают особую антипатию к

запаху мыла, и в результате запах свежеевыстиранной одежды может в значительной степени раздражать их. Дикие быки были предметом усердной охоты ассирийских царей из династии Саргонидов, среди которых в этой связи можно особо упомянуть Ашур-насир-пала. (Графическую иллюстрацию охотничьих подвигов этого царя см. на табл. [XVI](#)). После Саргонидов охота на быков, по-видимому, перестала быть одним из основных королевских видов спорта, возможно, из-за безжалостности, с которой эти животные преследовались царями этой династии. В джунглях, по крайней мере во времена Лэйарда, все еще в изобилии обитали львы, леопарды, рыси, дикие кошки, шакалы, гиены, волки, олени, дикобразы и кабаны, а гиены достаточно распространены и сегодня.

Леопард иногда изображается на более архаичных печатях, но редко на более поздних, он отличается своими пятнами; хороший пример леопарда можно увидеть на архаичной печати, гораздо более ранней, чем время Шар-Гани-Шарри.¹⁴ Таким образом, можно видеть, что художественное и литературное наследие Месопотамии в немалой степени помогло нам в наших усилиях по формированию общего представления о животном мире этой страны в былые времена. Однако это относится лишь в очень ограниченной степени к птицам, где цвет является более определяющим фактором в их бесконечных вариациях, чем форма и очертания: именно здесь египтяне проявили весь свой природный гений и сумели ярко изобразить столько разных видов птиц на стенах своих гробниц с помощью кисти и красок. С другой стороны, в Ассирии и Вавилонии, где художественный гений народа никогда не использовал цвета в качестве единственного средства выражения, единственными птицами, которые часто встречаются, являются орел и стервятник — орел как символ королевской власти, а стервятник — как всегда готовый пожиратель останков убитых врагов, хотя, без сомнения, на равнинах и болотах обитало большое разнообразие птиц, как и сегодня.

Орел, королевская птица *par excellence*, является воплощением царской власти в геральдическом гербе Лагаша еще со времен его первой династии, а ко времени Гудеи (2450 г. до н.э.) появился двуглавый орел, характерный для хеттского искусства. Именно на крыльях орла Этана безуспешно пытается подняться на небеса, что изображено на различных архаичных печатях (см. рис. [62](#)). Со временем орел становится воздушной опорой Ашура, бога, от которого Ассирия получила свое название, и дает форму крылатому диску, который, как правильно замечает М. Хезей, является «еще более загадочным символом божественности»; ассирийцы считали его достойным чести быть соединенным с телом человека, и созданное таким образом сложное существо наделялось силами, превосходящими силы простых людей, и, по-видимому, приобретало полубожественный характер, в то время как в других случаях мы видим, как его крылья присоединяются к телу быка с человеческой головой (см. Pl. [XXV](#)) или льва, комбинированный эффект которых, должно быть, был таким, что потрясал самых смелых подземных демонов.

Длинный и с голым шеей *стервятник* не часто встречается в месопотамском искусстве, а на цилиндрических печатях он встречается только на тех, которые известны как сирохеттские. Хищные птицы, от которых «стела с стервятником» получила свое название, без сомнения, должны изображать стервятников; так же как и птицы, изображенные на барельефах, украшавших стены дворца Ашшурбанипала в Ниневии,¹⁵ , поскольку в обоих случаях они заняты тем, что уносят резко отсеченные конечности и головы павших врагов.

Страус появляется в месопотамском искусстве только в поздний период, хотя в Эламе на ранней керамике встречаются изображения рядов страусов, очень похожих на знакомых страусов на додинастической керамике древнего Египта. Однако иногда он занимает видное место в вышивке на одежде ассирийского царя, а также встречается на халцедоновой печати в Париже.¹⁶

Аист, который зимой питается в вавилонских болотах, встречается на цилиндрических печатях, но в некоторых случаях трудно определить изображенную птицу; *журавль* и *дрофа*, по-видимому, также представлены, в то время как мы имеем несомненный пример *лебедя* на мягкой змеевидной печати, которую Уорд считает раннеассирийской.¹⁷ *Петух* встречается или практически встречается только на цилиндрических печатях персидского периода.

О существовании *уток* известно благодаря обнаружению каменных и мраморных гирь в форме уток, на одной из которых выгравировано имя Набу-шум, а на другой — Эрба-Мардук.

Голуби использовались и ценились с самых древних времен, поскольку Эннатум сообщает нам, что он принес в жертву богу Энзу четыре голубя, а *ласточки* и *вороны* были очень многочисленны, поскольку в истории о Всемирном потопе Сит-Напиштим посылает ласточку, ворону и голубя, чтобы узнать, насколько спали воды.¹⁸

Саранча встречается на одной или двух печатях, а также появляется в качестве продукта питания на ассирийских барельефах (ср. Layard, Series II, Pl. 9), где она изображена нанизанной на палку, в то время как скорпион часто встречается на цилиндрических печатях и присутствует на некоторых из самых ранних.

Рыбы изображаются как на печатях, так и на стенах дворцов, но их присутствие, как правило, объясняется желанием художника развеять все сомнения зрителя относительно воды, успеха своего воспроизведения, в котором он отнюдь не слишком уверен. На стенах дворца Сеннахериба в Куюнджике изображен один забавный эпизод из жизни рыб, где краб эффективно впивается клешнями в тело несчастной рыбы, а также один раз встречается на цилиндрической печати.

Рыба, несомненно, использовалась в пищу с самых древних времен; так, Эннатум записывает, что он приносил в жертву своим богам определенные виды рыб, а одной из реформ, введенных Урукагиной, царем Первой династии Лагаша, было лишение должности вымогателей-инспекторов рыбного промысла. Болота по-прежнему изобилуют рыбой, некоторые виды которой достигают значительных размеров; в основном это барбели или карпы, мясо которых, хотя и грубое, служит регулярным источником пищи для арабов.

Не было ничего неестественного или неуместного в том, что в стране, которая была создана и ежегодно создавалась за счет моря, и в которой основными средствами транспорта были реки и каналы, рыба, как повелительница вод, занимала важное место в мифологических и религиозных представлениях жителей этой страны: так, бог Эа из Эриду, один из самых известных и важных вавилонских богов, и Оаннес у греков, который, согласно одному из преданий, был создателем мира, изображались в виде рыбы.

Однако необходимо избегать опасности предположить, что все животные, птицы, рыбы и деревья, изображенные на памятниках или упомянутые в литературе древности, принадлежали к фауне или флоре Месопотамии в то время, когда были выполнены эти гравюры и скульптуры; единственный абсолютно верный и столь же очевидный вывод заключается в том, что существование такой фауны или флоры было известно, в то время как степень знакомства художника с рассматриваемым экземпляром можно, с большой долей осторожности и с учетом примитивности раннего искусства, определить по сравнительной точности, с которой он его воспроизвел, а также по частоте его появления в современных произведениях искусства. Что касается литературных свидетельств, то, к сожалению, во многих случаях существует некоторая неопределенность в идентификации упоминаемых животных и растений, и, кроме того, многие из животных, изображенных на

памятниках или упоминаемых в литературе, являются частью дани, приносимой подчиненными государствами, точное местонахождение которых, что еще больше усложняет дело, часто неопределенно. Иногда, как в случае с лошадью (см. стр. [15](#)), ранняя идеографическая форма письма дает нам некоторое представление о происхождении упомянутого объекта, в то время как появление животного или дерева в раннем месопотамском искусстве и существование того же дерева или животного в современной Месопотамии является весомым аргументом в пользу включения его в древнюю фауну и флору страны. Опять же, за некоторыми исключениями, можно предположить, что животные, предлагаемые и принимаемые в качестве дани царями Вавилонии и Ассирии, использовались каким-то образом, а не просто содержались в зоологических садах, в связи с чем мы, возможно, можем справедливо предположить, что цари Ассирии, принимавшие верблюдов от вассальных вождей, использовали их в качестве средства передвижения, хотя в самой Ассирии, с ее пересеченной местностью, верблюды не были бы более полезны, чем сегодня, из-за их склонности скользить на неровной поверхности и, как следствие, практической необходимости ограничивать их использование ровными песчаными землями, такими как в Вавилонии, где сегодня их можно увидеть тысячами.

(b) КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ

В ранние дни истории Вавилона страна была разделена на ряд небольших княжеств или городов-государств, и практическая реализация общепризнанной истины о том, что «в единстве сила», была достигнута только позднее. В этом отношении ранняя история вавилонской цивилизации также имеет параллели с историей древнего Египта, где мы видим, что страна была аналогичным образом разделена на ряд округов или номов, которые со временем склонялись к объединению и фактически кристаллизовались в северное и южное царства. Но в Египте процесс объединения пошел еще дальше, и примерно во времена Первой династии жители Египта были верны одному и только одному господину — царю севера и юга, чья двойная власть символизировалась ношением короны севера и короны юга.

Конечно, невозможно точно установить дату первого появления шумеров в Вавилонии, но места их самых ранних известных поселений были расположены в Шумере или Южной Вавилонии, а их главными городами были Ур, Эрех, Ниппур, Ларса, Эриду, Лагаш и Умма. Также невозможно дать какую-либо точную дату завоевания семитами Северной Вавилонии или Аккада, достаточно сказать, что в самый ранний период, о котором имеются исторические свидетельства, по-видимому, существуют доказательства присутствия семитов или аккадцев в Аккаде наряду с шумерами в Шумере. Основными центрами семитского заселения были города Аккад или Агаде, Вавилон, Борсиппа (Бирс-Нимруд), Кута, Opis, Сиппар и Киш.

Город Киш с древнейших времен стал влиятельным фактором в вавилонской политике.

Так, некий Месилим, царь Киша, чья инкрустированная булава была обнаружена в Телло (Лагаш),¹⁹ сообщает нам, что он посвятил ее богу Нин-гирсу во время правления Патеси Лагаша Лугал-шар-енгура и что он также восстановил храм этого же бога. Ничего больше не известно об этом патесе Лагаша, но Месилим правил в Кише в очень ранний период, поскольку Энтемена из Лагаша начинает свой исторический очерк о взаимоотношениях, существовавших между его городом и Уммой, с периода Месилима.

Расовое происхождение Месилима вызывает сомнения, но нет сомнений в семитском происхождении Шарру-Ги, Маништусу и Урумуша, более поздних царей Киша, чье правление

следует отнести к досаргонскому периоду, и поэтому, возможно, разумно предположить, что более ранний Месилим также был семитом. Если это так, то булава этого правителя содержит свидетельство того, что ранний шумерский город Лагаш в свое время находился под властью семитов, и окончательно доказывает, что — насколько это касается документальных свидетельств — шумеры и семиты сосуществовали в Вавилонии с самого раннего периода месопотамской цивилизации.

Спустя некоторое время Лагаш сумел утвердить свою независимость, и многие из его последующих правителей называли себя «царями». Первая династия Лагаша, которая, по-видимому, была основана Ур-Ниной, прочно удерживала власть в течение значительного времени, но правление Урукагины ознаменовало конец династии, а также захват и разграбление города Лугаль-Заггиси, правителем соседнего города Умма.

Границы империи Лугаль-Заггиси включали Ур, Эрех, Ларсу и Ниппур, и он, без сомнения, был одним из самых могущественных правителей своего времени. Другими досаргонскими царями, чья власть была непосредственно связана с Эрехом и Уром, были Лугаль-Кигуб-Нидуду и Лугаль-Кисалси, но степень их влияния невозможно оценить с какой-либо степенью достоверности.

В период, непосредственно предшествовавший созданию империи Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, центром объединения семитских сил Аккада, по-видимому, был город Киш, завоевания трех его царей из династии Шарру-Ги Маништусу и Урумуша подготовили почву для успеха их преемников в Агаде. Таким образом, как Маништусу, так и Урумуш, по-видимому, распространили свою власть на юг, в землю Шумер, и оба эти царя успешно воевали против Элама.

Однако империя Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина была обречена полностью затмить империю своих предшественников, поскольку она охватывала не только северную и южную Месопотамию, но и Сирию и Палестину, и фактически была первой вавилонской империей, достойной этого названия.

Между тем власть шумеров на юге временно ослабла, и патесы Лагаша и других шумерских центров того времени явно правили по терпимости, а не по силе прав, которые они были готовы успешно отстаивать на поле боя.

Но с вступлением на престол Гудеа около 2450 г. до н. э. на мгновение угасшее пламя шумерского влияния в Вавилонии вновь разгорелось, и началась сильная антисемитская волна. Эта волна, по-видимому, не сопровождалась серией войн или сражений, поскольку в записях Гудеа, самого могущественного правителя среди поздних патесов Лагаша, редко упоминаются какие-либо военные достижения, но масштабность его строительных работ свидетельствует об обилии ресурсов, которыми он располагал, а названия стран, которые он подчинил для получения строительных материалов, окончательно доказывают, что влияние Лагаша во время правления Гудеа было значительным. Список мест, откуда он добывал дерево и камень, включает горы в Аравии и на сирийском побережье, а медь он добывал из рудников на территории Элама к востоку от Тигра.

Однако важность Лагаша вскоре утратила свое значение, и Ур стал доминирующей силой в Вавилонии. Династия Ура (около 2400 г. до н.э.), просуществовавшая около 120 лет, была основана Ур-Энгуром. Он включил всю южную Вавилонию в сферу своего влияния, а на севере оставил свидетельства своих архитектурных начинаний в Ниппуре; поэтому он называл себя «царем Шумера и Аккада», но тот факт, что его сын и преемник Дунги счел

необходимым подчинить Вавилон, указывает на то, что его власть в Аккаде не была бесспорной. Дунги правил 58 лет, в течение которых он подчинил всей Вавилонии и, по-видимому, аннексировал большую часть Элама. Он настолько прочно установил свой контроль над Эламом, что столица этой страны (Сузы) по-прежнему оставалась в руках его преемников, хотя для поддержания «статус-кво» приходилось предпринимать частые экспедиции.

Династия Ура, по-видимому, была свергнута в результате вторжения эламитов; в любом случае, Иби-Син, последний царь Ура, был увезен эламитами, и власть в Вавилонии перешла к городу Исин. Династия Исина просуществовала около 225 лет, в течение которых Вавилония переживала период большого процветания.

Во второй половине первой половины этого периода власть в Вавилонии, по-видимому, временно перешла в руки Гунгуну, царя Ура и Ларсы, который претендовал на власть над всем Шумером и Аккадом, но его господство было недолгим, и Исин вскоре восстановил свое положение как главная сила в Вавилонии.

Тем временем семитский элемент на севере постепенно восстанавливал свое господство и, наконец, утвердился как конкретный факт с установлением династии Суму-абу в самом городе Вавилоне около 2000 года до н. э.

Примерно в это же время эламцы обосновались в южной Вавилонии в Уре и Ларсе под руководством Кудур-Мабука и его сыновей Арад-Сина и Рим-Сина и в начале династии осуществляли сюзеренитет над всей этой областью. Впоследствии Рим-Син потерпел тяжелое поражение от рук Хаммурапи, самого прославленного царя династии и Амрафела из Книги Бытия, а сам погиб от рук Самсу-илуны, преемника Хаммурапи. Со смертью Рим-Сина власть эламитов в Вавилонии подошла к концу.

Хаммурапи укрепил власть Вавилона и распространил свое влияние во всех направлениях, но его главная заслуга заключается в кодификации вавилонского права. Однако вскоре верховенство Вавилона на юге было успешно оспаривано Илума-илу, который основал царство на берегах Персидского залива и положил начало так называемой «Второй династии» в списках царей.

Илума-Илу был современником Самсу-Илуны, чьи атаки он дважды отразил. Абешу, преемник Самсу-Илуны на троне Вавилона, также пытался подчинить мятежную «Страну моря», но без успеха, и с этого времени южная Вавилония находилась под властью царей «Страны моря».

Но у Самсу-илуны был еще один враг, с которым ему приходилось бороться, помимо южных мятежников, враг, который в конечном итоге был предназначен подчинить всю Вавилонию и под власть которого она находилась в течение нескольких столетий.

Касситы были воинственным народом, проживавшим к востоку от Тигра и к северу от Элама, и, по-видимому, они начали нападать на вавилонскую территорию во время правления Самсу-илуны, хотя, судя по всему, они не оказали существенного влияния на вавилонскую мощь. Однако примерно столетие спустя династия Вавилона была свергнута в результате вторжения хеттов из Каппадокии, которые разграбили город, разрушили храм великого бога города Мардука и унесли его статую в качестве трофея. Хеттское завоевание, вероятно, подготовило почву для вторжения касситов, которые надолго укрепились на

троне Вавилона. Поначалу их сфера влияния, по-видимому, ограничивалась северной половиной равнины, но впоследствии они распространили свою власть на Страну Моря.

Тем временем Ассирия в Северной Месопотамии превратилась в отдельное и независимое царство, и на горизонте уже были видны признаки ее будущего величия.

Дата колонизации Ассирии неизвестна, но в любом случае она должна была произойти до времени Хаммурапи, поскольку в его время страна носила название «Ассирия» и входила в состав его империи. Борьба за господство в конце концов закончилась победой северян, которые под руководством своего царя Тукульти-Ниниба (около 1275 г. до н. э.) осуществили завоевание Вавилонии. В дополнение к своему титулу «царь Ассирии» Тукульти-Ниниб называл себя «царем Кардуниаша (т. е. Вавилона), царем Шумера и Аккада». С того момента и до разрушения Ниневии (около 606 г. до н. э.) и основания Набополассаром недолговечной Нововавилонской империи Вавилония занимает второстепенное место в политической истории Западной Азии.

Непосредственные преемники Тукульти-Ниниба I, по-видимому, постоянно вели войны с вавилонянами, которые ни в один период своей истории не подчинялись ассирийскому игу. Восхождение на престол Тиглат-Пилесера I около 1100 г. до н. э. положило начало новому периоду в истории ассирийской экспансии. Некоторые горные племена, которые были верны прежним ассирийским монархам, подняли восстание, и Тиглат-Пилесер взял на себя задачу их подавить. Северные моски, которые шестьдесят лет назад были вассалами Ассирии, под руководством пяти царей вторглись на территорию Коммагены, но были эффективно разгромлены Тиглат-Пилесером, и земля Коммагены была завоевана «во всей своей протяженности».

Различные другие племена на севере, из которых наиболее важными, по-видимому, были наири, были аналогичным образом подчинены Ассирии.

В кампании против Вавилонии он также был успешен на данный момент и добился покорения Вавилона, Сиппара, Описа и других городов в Нижней Месопотамии. Но его триумф здесь был недолгим, и ассирийцы были изгнаны Мардук-надин-ахе, царем Вавилона, который далее вторгся в Ассирию и увез статуи некоторых ассирийских богов.

Ашур-бел-кала, сын и преемник Тиглат-Пилесера I, восстановил удачу ассирийских войск на юге и заставил Мардука-шапик-зерима, преемника Мардука-надина-ахе, просить о мире.

Но после правления двух сыновей Тиглат-Пилесера I Ассирия потерпела тяжелое поражение от хеттов и потеряла территории, завоеванные Тиглат-Пилезером. Северная Сирия, которая была вынуждена признать верховную власть Тиглат-Пилезера, теперь провозгласила свою независимость и в течение некоторого времени оставалась хозяйкой своей судьбы.

Таким образом, Ассирия на время утратила свое положение мировой державы, и только во время правления Тукульти-Ниниба II (890-885 гг. до н.э.) ее судьба начала восстанавливаться. Этот царь вновь подчинил наиров и, по-видимому, вновь подчинил всю долину Верхнего Тигра. Ашур-насир-пал (885-860 гг. до н.э.) продолжил работу по расширению и повторному завоеванию. С дальнейшим расширением ассирийской власти на север сразу же возникла необходимость в столице, занимающей более центральное положение, чем древний Ашшур, и, соответственно, Ашур-насир-пал перенес резиденцию своего правительства в Калах (Нимруд), примерно в сорока милях к северу от Ашшура.

Почти 500 лет назад Салманасар I заложил фундамент города в Калахе, но нестабильная обстановка того времени задержала его рост. Ашур-насир-пал снес то, что осталось от старого города, и основал новый город на том же месте, и в течение по крайней мере столетия Калах оставался столицей империи.

Ашур-насир-пал также расширил свою сферу влияния в западном направлении и совершил триумфальный поход по Северной Сирии, но, по-видимому, он осторожно воздерживался от столкновения с могущественным царем Дамаска.

Сын и преемник Ашур-насир-пала, Салманасар II (860-825), укрепил дело своего отца и деда и в то же время сам совершил новые завоевания. Его походы на запад привели его в контакт с израильтянами, и мы находим упоминание об Ахаве, царе Израиля, как об одном из сирийских союзников, восставших против него. Спустя несколько лет Салманасар стал сюзереном Израиля и получал дань от узурпатора Иегу.

После правления непосредственных преемников Шалманасера мощь Ассирии временно начала угасать, и подчиненные народы заявили о своей независимости, но в 745 г. до н. э. на престол взошел Тиглат-Пилесер III, или Пул, как он называется во 2 Царств 15:19 и в других местах, и восстановил влияние и власть Ассирии в Западной Азии. Его войны в Сирии означали катастрофу для Израиля и утрату независимости для Иудеи. Ахаз, царь Иудеи, обратился за помощью к Тиглат-Пилесеру против союзных сил Рецина, царя Дамаска, и Пекаха, царя Израиля. Тиглат-Пилесер сразу же воспользовался этой прекрасной возможностью вмешаться во внутренние дела Палестины, разгромил Израиль и Дамаск и увёл в плен израильские колена Рувима, Гада и половину колена Манассии (734 г. до н. э.). Осия, убийца и узурпатор, купил право на престол Израиля за десять талантов золота и определенное количество серебра, но во время правления преемника Тиглат-Пилесера, Салманасара IV (727-722 гг. до н.э.), он вступил в интригу с Египтом, что привело к его депортации в Ассирию, где он провел остаток своих дней в плену. Тем временем Самария, столица его царства, была осаждена и после двухлетней осады захвачена Саргоном, который депортировал большую часть населения в Ассирию. Саргон, «сын никого», то есть узурпатор, был одним из величайших ассирийских царей (722-705 гг. до н.э.) и первым, кто вступил в фактический конфликт с египтянами. Палестина в целом не проявила готовности взяться за оружие против своего могущественного повелителя, но филистимский город Газа, полагаясь на поддержку Египта, отказался подчиниться. Филистимский полководец Ханнон, не сумев отразить ассирийскую армию, отступил в Рафию, город на границе с Египтом, где к нему присоединился египетский полководец Шабе. В Рафии противостоящие армии вступили в сражение, и после ожесточенной битвы союзники были вынуждены отступить перед лучше вооруженной и более дисциплинированной армией Саргона. По возвращении Саргон счел необходимым вновь подчинить Вавилонию, а также продолжил войну с Эламом. Его преемником стал его сын Сеннахирим (705-681 гг. до н.э.). Подавив восстания, которые, как правило, сопровождали вступление на престол нового царя, Сеннахирим вторгся в Сирию, установил свою власть над северной Палестиной, подавил восстание в филистимском городе Аскалоне, а затем приступил к атаке на город Экрон, на помощь которому пришла египетская армия. Их объединенные силы были разгромлены Сеннахиримом при Алтаку, и Экрон пал. Затем его внимание привлек Иудея; захватив множество небольших городов и обратив в рабство около 200 000 жителей, он приступил к осаде Иерусалима. Иезекия, царь Иудеи, некоторое время сопротивлялся осаде, но под давлением голода был вынужден сдаться и купил безопасность своего города, лишив храм его сокровищ. Сеннахирим вернулся в Ассирию, но через два года отказ Езекии от его сюзеренитета вызвал новую экспедицию в Палестину. Ассирийские войска сначала разместились в Лахише (), откуда Сеннахирим послал гонца к Езекии с требованием

немедленной капитуляции. Тем временем Сеннахериб двинулся на запад с целью вступить в бой с египетской армией, расположившейся в Пелусии, одном из пограничных городов Египта. Но внезапная катастрофа — возможно, вспышка чумы — настигла ассирийское войско, и Сеннахериб вернулся в Ниневию. По прибытии домой он счел необходимым еще раз подавить восставший Вавилон и, чтобы сделать свою работу более долговечной, полностью разрушил город (689 г. до н. э.). К концу своего правления он провел кампанию в Киликии, где победил греков и, как говорят, заложил основу города Тарс. В 681 г. до н. э. он был убит своими сыновьями, и корона в конечном итоге перешла к Эсархаддону (681-668 гг. до н. э.). Наиболее ярким событием его правления было завоевание Нижнего Египта (672 г. до н. э.), но к концу его правления Тирхака, эфиопский царь Египта, отвоевал Мемфис и угрожал положить конец ассирийскому господству; его порабощение было одним из первых действий Ашшурбанипала, преемника Эсархаддона. Иудея также подняла восстание, но была быстро подавлена, а ее царь Манассия был увезен в плен.

Ашшурбанипал сменил Эсархаддона в 668 г. до н. э. Работа по восстановлению ассирийской власти в Египте заняла некоторое время и была окончательно завершена захватом Фив (666 г. до н. э.). При Ашшурбанипале Ассирия достигла вершины своей мощи как внутри страны, так и за ее пределами, а границы ее империи были расширены как никогда ранее. После длительной войны Элам был покорен, но впоследствии присоединился к Шамаш-шум-укину, брату Ашшурбанипала и наместнику Вавилонии, в организованном восстании против Ассирии, которое привело к поражению Шамаш-шум-укина и окончательному захвату и разграблению Сузы, столицы Элама (около 640 г. до н. э.).

В то время как Ашшурбанипал был занят Вавилонией и Эламом, Лидия, с одной стороны, и Египет, с другой, воспользовались возможностью, чтобы сбросить иго своего сюзерена. Лидия была покорена, но Египет сумел сохранить свою независимость. К концу правления Ашшурбанипала колесо фортуны уже начало поворачиваться, и на восточном горизонте уже сгущались тучи. Меды вторглись на территорию Ассирии еще до его смерти в 626 г. до н. э., а через несколько лет после этого события царь мидийцев Киаксар нанес поражение ассирийской армии и осадил Ниневию. Но конец был временно отсрочен благодаря наступлению скифских орд.

Вскоре после этого Ниневия снова подверглась нападению Киаксара и Набополассара, ассирийского полководца, командовавшего Вавилонией, и после двухлетней осады город был взят и разрушен (около 606 г. до н. э.). Ассирия теперь перешла под власть мидийцев, а Вавилония досталась Набополассару, который основал Новую или Нововавилонскую империю. Эта поздневавилонская империя просуществовала всего около семидесяти лет. Набополассара сменил Навуходоносор, который на момент смерти своего отца вел кампанию против Нехо, царя Египта, которому он нанес тяжелое поражение при Кархемише. Его палестинские походы привели к захвату Иерусалима и переселению большей части населения Иудеи в плен. И Иоаким, и Седекия, цари Иудеи, пытались сбросить вавилонское иго, но безрезультатно. Преемники Навуходоносора не совершили ничего достойного упоминания, и во время правления Набонида Вавилон, находившийся под властью Валтасара, был захвачен Киром в 539 году до н. э., и Вавилония перешла под власть персов. Она оставалась под властью Персии до времени восхождения Александра Македонского, когда стала греческой провинцией.

ГЛАВА II — РАСКОПКИ

История собственно раскопок начинается с первой экспедиции, отправленной для проведения раскопок, но есть один ученый, который, хотя и не проводил раскопок в больших масштабах, был первым, кто привез клинописные надписи в Европу, и по этой причине заслуживает особого упоминания.

К. Дж. Рич, родившийся в 1787 году в Дижоне, с раннего возраста девяти лет увлекался изучением восточных языков и со временем овладел ивритом, персидским, арамейским и арабским языками, а в четырнадцать лет, по некоторым данным, даже пытался читать китайские иероглифы. В 1803 году он стал кадетом на службе Ост-Индской компании, а впоследствии его военная должность была заменена гражданской. Посетив Египет, Палестину, Малую Азию и другие страны, он вернулся в Бомбей, но еще до достижения двадцати четырех лет был назначен представителем Ост-Индской компании в Багдаде. В 1811 году он посетил руины Вавилона, о чем рассказывается в его «Мемуарах о руинах Вавилона», а его посещение Ниневии зафиксировано в *«Повествовании о пребывании в Курдистане и на месте древней Ниневии, с дневником путешествия по Тигру в Багдад и рассказом о посещении Шираз и Персеполя»*. Кроме того, именно Ричу мы обязаны первыми точными планами Ниневии и Вавилона. В ходе своих путешествий он собрал обширные коллекции, состоящие в основном из арабских, персидских, турецких, арамейских и сирийских рукописей, ряда греческих и восточных монет, а также многих древностей из Вавилона и Ниневии, в том числе первых клинописных табличек, увиденных в Европе (). После его смерти от холеры в 1820 году его коллекции были приобретены попечителями Британского музея.

Но первопроходцем в области раскопок был М. Ботта, французский консул в Мосуле, который занял первое место по времени. В 1842 году, по совету Моля, он начал исследование кургана Куюнджик, одного из двух курганов, обозначающих местоположение города Ниневии, но, не добившись успеха, в 1843 году он перенес свое внимание на холм Хорсабад (город Хосроэс) в нескольких милях к северу от Мосула, где он обнажил руины дворца, который оказался дворцом Саргона, царя Ассирии (722-705 гг. до н.э.) и отца Сеннахирима. В 1851 году французская Ассамблея проголосовала за выделение средств на экспедицию в Вавилонию, а также на другую экспедицию в Ассирию, целью которой было завершение раскопок, начатых с таким большим успехом в Хорсабаде: эту экспедицию возглавил Виктор Плейс, который в то же время сменил Ботту на посту французского консула в Мосуле. В 1851-1855 годах Плейс завершил раскопки дворца Саргона, а также обнажил окружающие здания и комнаты, доведя свою работу до городской стены; в Хорсабаде были обнаружены руины целого укрепленного города, который оставался погребенным в течение примерно 2500 лет: город был назван Дур-Шаррукин в честь его основателя Саргона. Четыре угла городских стен были ориентированы по сторонам света, а в самих стенах было пробито восемь огромных ворот, каждые из которых были названы в честь ассирийского божества. Дворец был построен на террасированном холме высотой 45 футов, который был сделан из необработанных или невыжженных кирпичей и защищен оболочкой из больших квадратных камней. Дворец содержал широкие залы, украшенные скульптурами, крылатыми быками и т. п. Полы различных комнат, как правило, состояли из утрамбованной глины и, без сомнения, были скрыты от глаз сложными коврами, однако иногда неприглядную глину скрывали плитки или мраморные блоки.

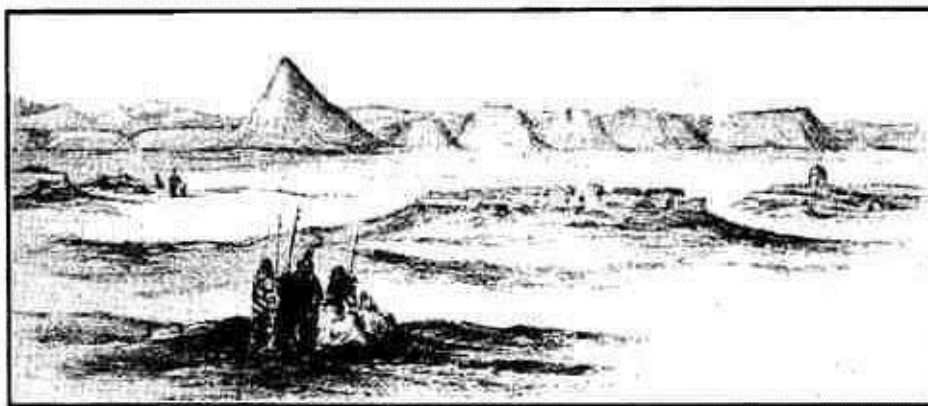
Стены были очень толстыми, т. е. от 9-1/2 до 16 футов, а в одном месте их толщина достигала 25-1/2 футов. Внутренние стены менее важных комнат были покрыты только белой штукатуркой, окруженной черными линиями, а так называемые женские апартаменты, напротив, были украшены фресками и белыми или черными арабесками. В дворе гарема были обнаружены мраморные статуи, а также остатки зиккурата или ступенчатой башни — характерной черты месопотамских храмов. Раскопки Плейса не были столь плодотворными в плане крупных скульптур и памятников, как раскопки Ботта, но они были особенно плодотворными в отношении более мелких предметов из стекла, камня, глины и металла.

Первым англичанином, который занялся этой областью, был Лейард, который в 1845 году, всего через два года после первой экспедиции Ботты, начал раскопки разрушенных курганов Нимруда. Нимруд, который оказался древним Калахом, был построен на прямоугольном плато, так же как и Хорсабад, и исследование этого места принесло богатый урожай новых материалов для реконструкции истории прошлого. Ашур-насир-пал, царь Ассирии (885-860), следуя примеру Салманасара I (около 1300), перенес столицу из Ашура на сорок миль севернее, в Калах, где построил для себя дворец, раскопки которого стали одним из величайших триумфов Лейарда. Этот дворец занимал северо-западную часть холма и был частично восстановлен Саргоном; к северу от дворца Ашур-насир-пала находилось место, где стоял храм Ниниба или Адара, бога войны. Салманасар II (860-825), преемник Ашур-насир-пала, также построил дворец в Калахе, к юго-востоку от дворца своего предшественника; этот дворец, известный как центральный дворец « », был почти полностью перестроен Тиглат-Пилесером III, библейским Пулом (745-727 гг. до н.э.).

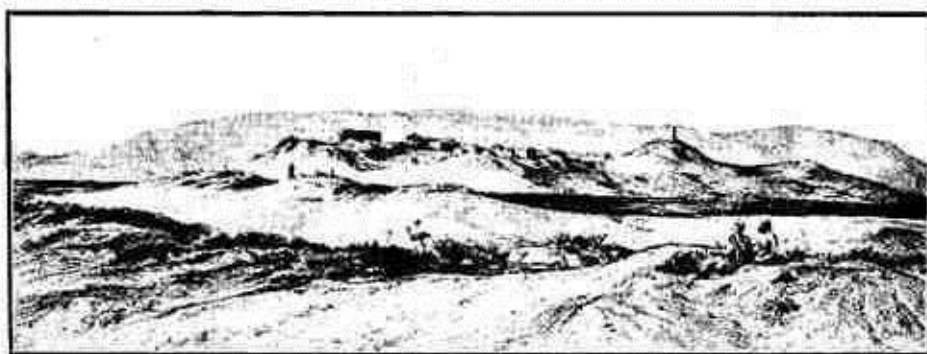
ПЛАСТИНА II

3

4

1. Куянджик и Неби Юнус с севера
2. Куянджик и Неби Юнус из Мосула

3. Нимруд (Калах)
4. Хорсабад

В юго-западном углу был раскопан дворец Эсархаддона (681-668), при строительстве которого этот царь беззастенчиво использовал материалы более старых дворцов, но здание оказалось сильно поврежденным огнем. К северу от дворца Эсархаддона и к югу от дворца Ашур-насир-пала находился сравнительно небольшой дворец Адад-нирари III (812-783 гг. до н.э.), а в юго-восточном углу параллелограмма были обнаружены незначительные остатки дворца Ашур-этил-илани (около 625 г.), одного из последних монархов Ассирии.

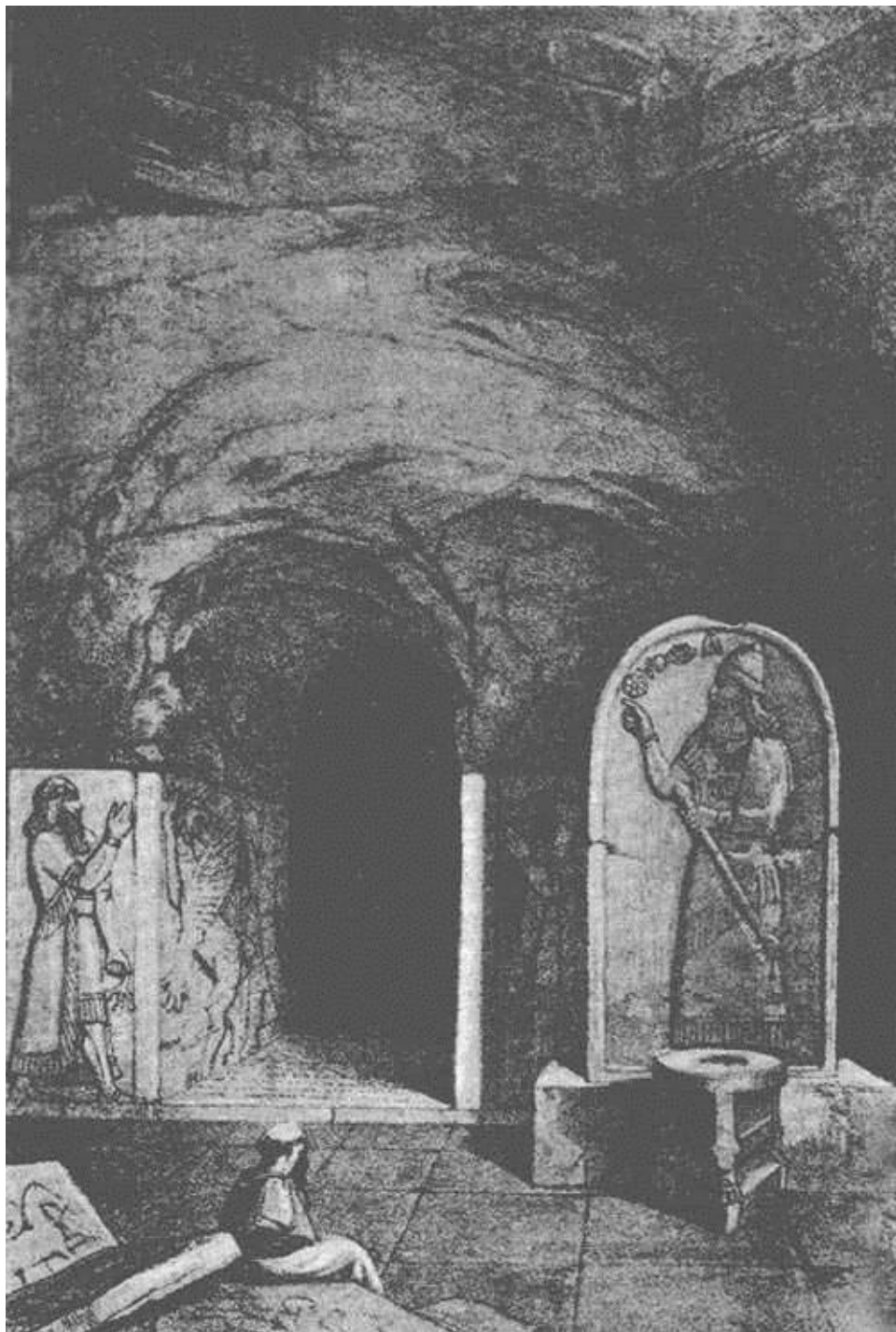
Таким образом, Лейард обнаружил и раскопал остатки семи королевских дворцов в Нимруде; из этих семи дворцов дворец Ашур-насир-пала был, безусловно, самым важным с археологической и исторической точки зрения.

Настенные барельефы, крылатые львы и быки с человеческими головами (см. табл. [XXV](#)), обелиски, бронзовые чаши, железные серпы и наконечники копий, резные панели из слоновой кости и зеркала, «посеребренная» головка скипетра и различные колокола — вот лишь некоторые из множества ценных находок в Нимруде, каждая из которых вносит свой вклад, будь то небольшой или значительный, в восстановление страницы истории человечества и культурной эволюции.

Но, без сомнения, самыми впечатляющими памятниками, обнаруженными в ходе ассирийских раскопок, являются гигантские крылатые быки и львы, которые стояли у ворот королевского дворца. Перемещение этих монстров восточной древности было еще более

сложной задачей, чем их раскопки (), и потребовало от французских и английских исследователей максимальной изобретательности.

Те, что были раскопаны французами в Хорсабаде, были отправлены по частям в Париж, а части, на которые они были распилены с целью облегчить их транспортировку, были снова собраны в Лувре, музей, который они теперь украшают. Лэйард, однако, применил другой метод при транспортировке крылатых быков из Нимруда в Лондон, благодаря чему ему удалось перевезти их в целости и сохранности, не разбивая их никоим образом; необычайные трудности, связанные с этим подвигом, дают нам яркое представление о подобных трудностях, которые, должно быть, пришлось преодолеть ассирийцам при перемещении этих массивных каменных глыб из карьера к входам во дворцы и при их точной установке на определенные места. Лэйард дает нам подробное описание²⁰ плана, который он разработал для перемещения некоторых из этих громоздких монстров, тринадцать пар которых уже были обнаружены. Его первые усилия были направлены на двух меньших колоссов. Первой и самой большой проблемой, которую нужно было решить, было то, как опустить их без риска падения и, как следствие, поломки. Скульптуры сначала обернули матами или войлоком, чтобы смягчить последствия любой неприятности, которая могла с ними случиться, будь то обрыв веревок или порезы мягкого камня. Из гор были привезены тяжелые деревянные ролики, которые были размещены на шпалах, уложенных параллельно скульптуре, и теперь оставалось только опустить крылатое существо на ролики; это было сделано с помощью умело примененных веревок, при этом опускание постепенно погружающегося монумента сдерживалось толстыми балками, которые поддерживали его при падении и постепенно извлекались по мере необходимости. Когда бык приблизился к роликам, балки пришлось полностью убрать, и весь вес и нагрузка оказались на кабелях и веревках, которые растянулись до предела, и бык упал на землю с высоты около четырех футов, но, к счастью, не повредился. Был должным образом вырыт ров длиной около 200 футов, шириной 15 футов и глубиной в некоторых местах 20 футов, по которому бык мог пройти на роликах до края насыпи — этот ход был необходим из-за невозможности поднять такой огромный вес — гигантское животное было медленно вытаскано большим количеством арабов до конца траншеи и спустилось по склону холма, где его опустили на специально построенную телегу, которая с момента своего появления была девятидневным чудом для местных жителей. Сама телега была оснащена двумя прочными осями, которые Ботта использовал для перевозки скульптур из Хорсабада. «Каждое колесо было сделано из трех массивных частей толщиной почти в фут, вырезанных из ствола шелковичного дерева и скрепленных железными обручами. Поперек осей были уложены три балки, а над ними — несколько поперечин, все из того же дерева. К одной оси был прикреплен шест, к которому также были прикреплены железные кольца для веревок, чтобы люди и буйволы могли тянуть телегу. Колеса были снабжены подвижными крюками для той же цели». Используемое дерево шелковицы, конечно, приходилось добывать в горах, поскольку в долине Месопотамии не было дерева необходимого качества и размера. Сначала буйволов запрягали в шест, а несколько человек тянули за веревки, прикрепленные к колесам и подвижным крюкам, но, по-видимому, буйволы вскоре забарахлили, и их пришлось убрать, после чего всю работу выполняли триста арабов. Наконец, после многочисленных усилий, бык прибыл к реке, где его выгрузили на специально подготовленную платформу, с которой он мог скатиться на плот. Вот такие препятствия приходилось преодолевать при простой перевозке этих огромных каменных блоков экскаватором XIX века, из чего мы можем составить небольшое и весьма неадекватное представление о неукротимом рвении и непобедимой энергии ассирийцев примерно двадцать шесть или двадцать семь веков назад при добыче, резьбе, транспортировке и установке охранных гениев.

Из книги Лэйарда

Раскопки в Нимруде (Калахе) во дворце Ашур-насир-пала

Калах (Нимруд) был столицей Ассирии в течение 220 лет (885-668), но в конце этого периода он уступил свое превосходство Ниневии, которую Сеннахериб перестроил и которая была столицей империи с его времени до конца главы, т. е. примерно до 630 г. до н. э. Сеннахирим, естественно, построил дворец в своей новой столице, Ниневии, и открытие и раскопки этого дворца также являются результатом неустанных усилий покойного сэра Генри Лэйарда и его помощника Хормузда Рассама. Этот дворец Сеннахериба занимал юго-западный угол северной из двух групп холмов, известных как Куюнджик, которые

обозначают местоположение древнего Ниневии, а дворец Ашурбанипала (668-626 гг. до н.э.) находился непосредственно к северу от него. К сожалению, дворец Сеннахериба пострадал от пожара, когда мидяне захватили город в 606 г. до н.э., в результате чего большая часть его настенных барельефов была сильно повреждена. Полная раскопка этого дворца стала великим триумфом второй экспедиции Лэйарда (1849-1851 гг.), и барельефы, снятые со стен его семидесяти и более залов и комнат, теперь, несмотря на их относительно плохое состояние, составляют одно из самых бесценных сокровищ Британского музея. Но еще одно эпохальное открытие в анналах месопотамских раскопок следует отнести на счет этого всемирно известного археолога.

Однажды Лейард обнаружил две соединенные между собой комнаты, и, удалив обломки, обнаружил, что «на высоте фута или более от пола они были полностью заполнены клинописными табличками из обожженной глины, некоторые из которых были целыми, но большая часть была разбита на множество осколков».

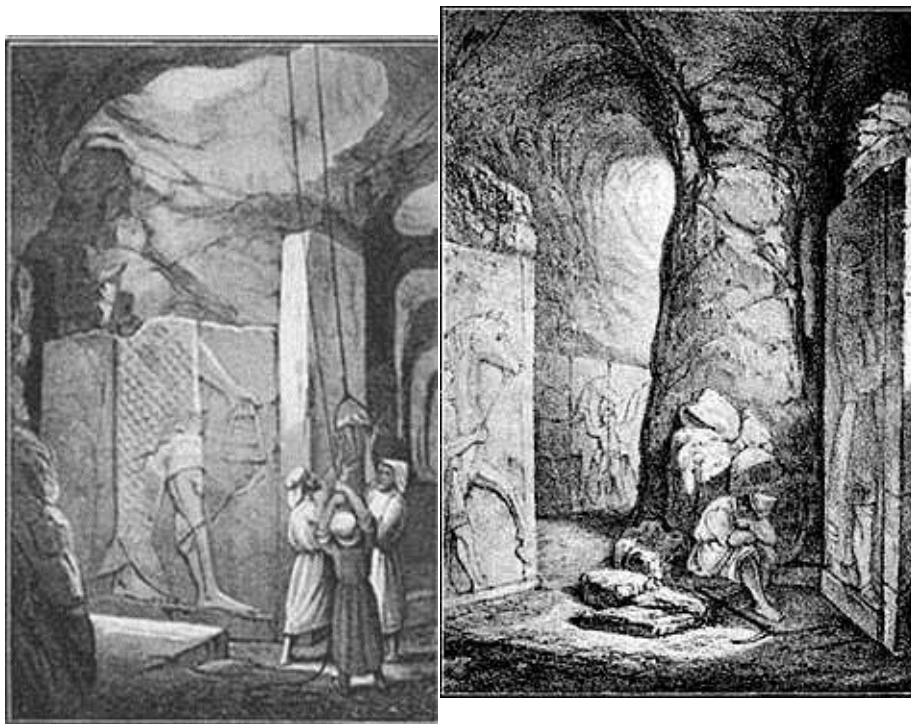
Фактически он наткнулся на часть библиотеки Ашурбанипала, одного из величайших царей Ассирии; библиотека, по-видимому, хранилась частично в северном дворце, принадлежавшем самому Ашурбанипалу, а частично в юго-западном дворце, построенном Сеннахерибом; именно в последнем были найдены упомянутые комнаты; другая половина этой великой библиотеки поздних ассирийских царей была впоследствии раскопана Рассамом. Содержимое этих табличек, изготовленных из лучшей глины и размером от одного до пятнадцати дюймов, столь же разнообразно, как и сами таблички. Некоторые из них содержат исторические записи, другие — астрономические отчеты или математические вычисления; есть также письма частного и публичного характера, но большинство табличек посвящено астрологии и медицине, которые в сознании вавилонян были тесно связаны между собой. Молитвы, заклинания, псалмы и религиозные тексты в целом составляли значительную часть этой библиотеки, и поскольку большая часть «томов» или табличек не являются оригинальными произведениями, а являются копиями более ранних вавилонских произведений, ценность библиотеки, ныне известной под названием «коллекция Куюнджик», для изучения религиозных и мифологических представлений как вавилонян, так и ассирийцев, невозможно оценить. Многие из табличек являются двуязычными: идеографический шумерский текст сопровождается ассирийским межстрочным переводом, и эти таблички, наряду с другими табличками из коллекции, содержащими слоговые таблицы, в которых указаны шумерское значение, ассирийское название и иногда ассирийское значение различных знаков, оказались чрезвычайно полезными для повторного открытия языков Месопотамии. Лэйард также посетил Вавилонию и начал раскопки в Вавилоне и Ниппуре, но его вавилонские операции не были сопровождаемы таким же необычайным успехом, как его раскопки в Ниневии и Кале.

В 1851 году во Вавилонию была отправлена французская экспедиция под руководством Френеля и Жюль Опперта: они обнаружили различные реликвии в руинах Вавилона, среди которых особо следует упомянуть прекрасную коллекцию фрагментов цветного кирпича, но, к сожалению, все было утрачено в результате несчастного случая на Тигре в 1855 году.

В 1852 году Рассам сменил Лейарда на этом посту и сразу же столкнулся с трудностями, вызванными уступками Роулинсона Виктору Плейсу, которому он передал право на раскопки того, что оставалось раскопать в Куюнджике, который, с точки зрения Рассамы, находился в сфере влияния Великобритании и на который, следовательно, британские археологи имели приоритетное право. В 1853 году Рассам начал работы в Калат-Шеркате, но, помимо обнаружения двух глиняных призм с надписями из летописи Тиглат-Пилесера I (1100-1080 гг. до н.э.), древний Ашшур на этот раз не принес больших плодов. В Калахе,

месте блестящих триумфов Лейарда, Рассам обнаружил Э-зида, храм Небо, бога, который соперничал с Мардуком за первое место в вавилонском пантеоне позднейших времен и чье имя увековечено в именах нескольких царей первой Вавилонской империи, а также в именах трех царей второй империи, самым известным из которых является библейский Навуходоносор; были обнаружены шесть больших статуй бога, две из которых, судя по надписям, относятся к эпохе ассирийского царя Адад-нирари III (812-783); стела царя Шамши-Адада II (825-812 гг. до н.э.) и остатки обелиска с надписью Ашур-насир-пала завершают список его основных находок на этом месте. Но его имя навсегда будет связано с Куюнджиком; его первые усилия не принесли больших результатов, кроме обнаружения известнякового обелиска Ашур-насир-пала, покрытого барельефами, который сейчас находится в Ассирийском трансепте Британского музея, и женского торса из дворца Ашур-бел-кала, царя Ассирии около 1080 г. до н.э. (см. табл. [XXIV](#)). Однако Рассам воспользовался упущением Виктора Плейса, чтобы воспользоваться разрешением, предоставленным ему Роулинсоном на исследование северной части Куюнджика, но в то же время принял меры предосторожности, проводя свои первые работы под покровом ночи. Его ночные труды увенчались самым большим успехом, которого могли добиться раскопщики того времени, — открытием нового дворца, — и после того, как он удовлетворился этим результатом, раскопки были разрешены и в дневное время, поскольку общепризнанным правилом является, что открыватель нового дворца получает право на его полное раскопание в отличие от остального мира. Недавно обнаруженный дворец оказался дворцом Ашурбанипала, царя Ассирии (668-626 гг. до н.э.), при котором Ассирия достигла вершины своей мощи как внутри страны, так и за ее пределами, распространив свое влияние даже на Фивы, столицу Верхнего Египта, которая была захвачена и разграблена этим царем в 666 году до н.э. Но Ашшурбанипал был не только великим воином, но и великим охотником, и барельефы, которые он велел высечь на стенах своего дворца в Куюнджике в память о своих охотничьих подвигах, вероятно, являются шедеврами ассирийского искусства. Таким образом, они свидетельствуют не только о спортивном духе этого царя, но и о его поддержке искусства, а дальнейшее открытие Рассамом второй половины библиотеки Ашшурбанипала показало, что этот царь был еще большим покровителем литературы, чем можно было предположить до сих пор.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ IV

Оба из Лайярда

«БОГ-РЫБА», Куюнджик

Входной проход, Куюнджик

Весной 1854 года средства иссякли, и Рассам был вынужден вернуться, но вскоре после этого он принял политическую должность в Адене. Тем временем в Вавилонии уже начались работы У. К. Лофтуса, который проводил небольшие раскопки в Варке, древнем Эрехе, руины которого являются крупнейшими в Вавилонии, но, хотя было обнаружено много интересных древностей, ни одна из них не имеет эпохального значения, и, пожалуй, наиболее известны гробы в форме тапочек, относящиеся к парфянскому периоду. В связи с тем, что Эрех был заселен в течение большей части своей истории, то есть около 5000 лет, он не является плодотворной жилой для ранних древностей. С другой стороны, Сенкере (Ларса), который был отождествлен с Элласаром из Книги Бытия xiv. 1, по-видимому, оставался более или менее незаселенным после персидского периода, и поэтому является более подходящим местом для исследования и изучения ранней истории Южной Месопотамии. Кирпичи с надписями из Сенкере показывают, что Хаммурапи (Амрафел из Бытия xiv?) и Ур-Энгур (), самый известный царь первой династии Вавилона, отремонтировали древний храм-башню, как и его нововавилонский преемник Набонид примерно четырнадцать веков спустя, а знаменитый Навуходоносор из Ветхого Завета также не обошел его вниманием в своих реставрационных работах. Нижние слои кургана показали, что Ур-Энгур, царь Ура, чье правление, вероятно, можно отнести к второй половине третьего тысячелетия до нашей эры, также оставил свой след в этом древнем городе Ларса. Впоследствии Ларса разделила судьбу других ранних вавилонских городов и использовалась как кладбище: найденные рядом с гробами таблички, по-видимому, относятся к гораздо более раннему периоду и, вероятно, были найдены могильщиками, которым и следует приписать их изменение положения. В то же время раскопки проводились и в Телл-Сифре, в результате чего было обнаружено около ста так называемых «пластин-футляров» (т. е. пластин, защищенных глиняной крышкой или оболочкой), относящихся к временам первой династии Вавилона, что, в свою очередь, привело к

открытию до сих пор неизвестного царя этой династии, Самсу-илуны, преемника Хаммурапи.

Когда Лофтус проводил раскопки в Варке в начале 1854 года, Дж. Э. Тейлор, вице-консул в Басре, проводил раскопки от имени Британского музея в Мукейере, месте древнего города Ур. Он начал работы на том, что в то время казалось и в конечном итоге оказалось главным зданием города, храмом бога Луны Сина, в четырех углах которого он обнаружил четыре глиняных цилиндра, а также еще один цилиндр в форме бочки, надпись на котором имеет еще большее значение, чем надписи на угловых цилиндрах. Мы узнаем, что храм построил Ур-Энгур, царь Ура, что его сын Дунги отремонтировал его, а Набонид, последний царь Вавилона, восстановил его примерно две тысячи лет спустя. Эти фундаментные цилиндры Набонида оказались очень интересными с исторической точки зрения, поскольку надпись на каждом из них заканчивалась молитвой за Бел-шар-усура (), сына и наследника царя, Белшаццара из книги Даниила, который командовал Вавилоном во время захвата города Киром. Тейлор также проводил раскопки на других вавилонских памятниках, наиболее важным из которых был Абу-Шахрейн, древний Эриду, бог которого, Эа, был одним из самых прославленных и почитаемых богов в Вавилонии. Его руины меньше, чем руины Ура, но в них сохранились остатки двухэтажной храмовой башни, которую Тейлор раскопал. По найденным кирпичам с надписями было установлено, что это место является древним Эриду.

В конце 1854 года сэр Генри Роулинсон приступил к раскопкам Бирс-Нимруд, древней Борсиппы; он начал раскопки в четырех углах того, что в конечном итоге оказалось знаменитым Э-зида, храмом Небо, в поисках глиняных цилиндров, подобных тем, что были найдены в углах других вавилонских зданий; он обнаружил два таких фундаментных цилиндра, которые оказались дубликатами, а также фрагменты других цилиндров, все из которых были помещены туда Навуходоносором.

Вскоре после возвращения Рассама из Ассирии в 1854 году Лофтус поступил на службу в Попечительский совет Британского музея и был отправлен продолжать раскопки в Куюнджике. Лофтус умело продолжил работу своего предшественника; были обнаружены новые рельефы, самым известным из которых, пожалуй, является рельеф с изображением Ашшурбанипала и его царицы, отдыхающих за трапезой в саду (см. табл. [XXI](#)), но, несмотря на желание, средств было недостаточно, и Лофтус был вынужден отказаться от надежды завершить раскопки дворца самого знаменитого царя Ассирии.

Обильный урожай, полученный в результате многочисленных раскопок в Месопотамии и хранящийся в музеях, обеспечил достаточное количество материала, чтобы занять интеллектуальный ум ученых на некоторое время, в то время как широкая общественность, интерес которой к этим археологическим экспедициям зависел от ощутимых результатов, была склонна ждать расшифровки и публикации накопленной массы глиняных табличек, памятников и стел, уже имевшихся в наличии, прежде чем выделить необходимые средства для новых экспедиций, и только в 1873 году Джордж Смит, способный помощник сэра Генри Роулинсона, чье открытие вавилонского описания Всемирного потопа принесло ему большую славу, а также вновь разжегло энтузиазм общественности по поводу раскопок, смог, благодаря щедрости владельцев «Daily Telegraph», лично возглавить экспедицию в Месопотамию. В январе того же года Смит отправился в Мосул, но по прибытии с огорчением обнаружил, что турецкое правительство еще не выдало необходимого фирмана, и поэтому он направился на юг, по пути осматривая руины Нимруда и Калат-Шерката. В северной Вавилонии он провел лишь короткое время, которое посвятил посещению Вавилона, Борсиппы (Бирс-Нимруд) и других древних руин, но к началу апреля он получил

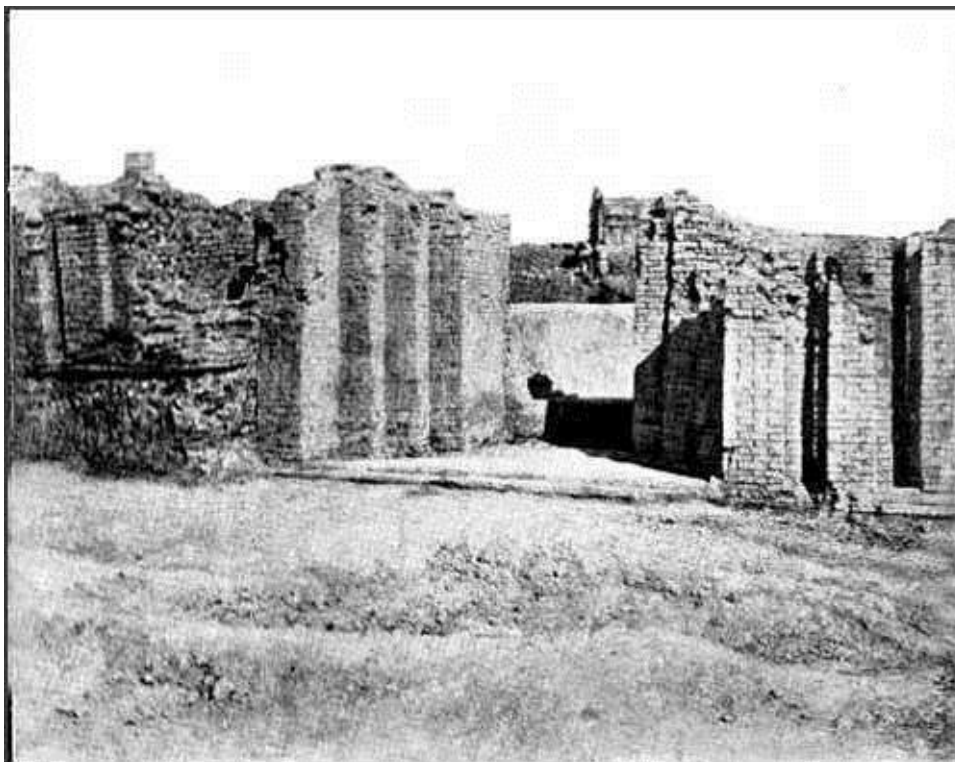
необходимое разрешение на раскопки в Ассирии и сразу же вернулся в Мосул. В первую очередь его внимание было привлечено Нимрудом, местом стольких триумфов Лейарда (), но его предшественники в этой области уже собрали весь урожай, и то, что осталось, было скудным и ничтожным.

В следующем месяце он перенес место своих операций в Куюнджик с целью обнаружить остатки библиотеки Ашурбанипала. Работа была далеко не легкой из-за полной неразберихи, в которой тогда находились руины, отчасти из-за работы предыдущих раскопок, отчасти из-за строителей моста в Мосуле, которые использовали остатки древних зданий Ассирии для строительства моста, и отчасти из-за нестабильности некоторых туннелей Лейарда, которые тем временем обрушились. Здесь тоже урожай был собран, и лето ассирийских раскопок подошло к концу, но цель, которую преследовали владельцы «Daily Telegraph», была достигнута благодаря обнаружению еще одного фрагмента вавилонского рассказа о Потопе, который заполнил главную лакуну в этой истории. Смит надеялся, что это чрезвычайно важное открытие побудит его спонсоров выделить дополнительную сумму для продолжения работ, но они отказались. Смит с неохотой был вынужден повернуть на запад и вернуться в Лондон, но еще до конца года он снова отправился на Восток, поскольку попечители Британского музея проголосовали за выделение 1000 фунтов стерлингов на очередную экспедицию туда. Он прибыл в Мосул в день Нового года 1874 года и возобновил поиски табличек, но время, которое было в его распоряжении, было коротким, поскольку его фирман истекал в марте того же года. Несмотря на это, за три месяца, проведенные в Куюнджике в ходе этих двух экспедиций, он обнаружил около трех тысяч табличек, посвященных различным темам и представляющих собой бесценный материал для изучения вавилонской и ассирийской астрономии, теологии и хронологии. Ему принадлежит не только открытие вавилонской истории о потопе, но и части легенд о сотворении мира, а также эпоса о Гильгамеше, герое вавилонского фольклора, в то время как для исследователей истории Ветхого Завета первостепенное значение имеет его открытие собственного отчета Саргона о его походе против города Ашдод, записанного в двадцатой главе Исаии. Весной 1876 года Смит провел свою третью и последнюю экспедицию в Ассирию под эгидой Британского музея, ценность коллекций которого он уже значительно повысил. Но по прибытии он обнаружил, что по всей стране бушует холера, а повсюду царит хаос и беспорядок. Проводить раскопки в таких условиях было невозможно, но Смит не щадил усилий в своих тщетных попытках преодолеть невозможное, смело сталкиваясь со всеми опасностями и трудностями, но в конце концов он поддался пагубному воздействию климата и воздействия внешних факторов и умер в Алеппо в августе 1876 года, став мучеником науки. Джордж Смит был не только археологом, но и ученым, и его научные достижения тем более достойны похвалы, если вспомнить, что он был практически самоучкой, который благодаря своей необычайной настойчивости и неукротимой воле добился успеха там, где другие люди, возможно, более способные, потерпели неудачу, и только по этой причине он имеет право на видное место, которое занимает в анналах ассириологии.

Вскоре после смерти Джорджа Смита в 1876 году попечители Британского музея попросили Рассама возобновить свои давно заброшенные работы в Ассирии, и после некоторой неизбежной задержки работы были начаты в январе 1878 года. Работа была значительно облегчена благодаря присутствию сэра Генри Лейарда в качестве специального представителя Великобритании в Константинополе, поскольку последний всегда поддерживал дружеские отношения с турецким правительством и, следовательно, мог добиться уступок, которые вполне могли бы быть отказаны кому-либо другому. Приказ Рассама был достаточно ясным: он был отправлен для продолжения раскопок в Ниневии, но

его сердце было настроено на открытие дворцов и храмов, а не на сравнительно неинтересную задачу поиска табличек, важность или неважность которых невозможно было определить с ходу, без подробного изучения их содержания (). Его амбиции были удовлетворены вскоре после его прибытия: за год до возобновления работ по исследованию Ассирии друг прислал ему две части бронзовой дверной панели, покрытой фигурами и клинописными знаками, и сразу же по возвращении в Ассирию он поинтересовался, где были найдены эти куски обработанного металла. Вскоре он обнаружил, что они были частью большой бронзовой дверной панели, совершенно случайно найденной крестьянином в кургане под названием Балават, примерно в пятнадцати милях к востоку от Мосула. Соответственно, его немедленным желанием было обнаружить остатки этого уникального памятника древней металлургии, и с этой целью он решил исследовать курган Балават. Он обнаружил, что это место использовалось жителями окрестностей в качестве кладбища и, следовательно, находилось за пределами его фирмана, но, не обращая внимания на риск столкновения с властями и еще более неминуемый риск поднять местное население на открытое сопротивление, поскольку ни один народ, цивилизованный или нецивилизованный, не привык пассивно соглашаться с эксгумацией своих мертвых, он решил рискнуть всем ради достижения своей цели. Его усилия увенчались успехом, и вскоре после прокопанных первых траншей были обнаружены фрагменты бронзовых пластин, похожих на те, что были найдены ранее. В течение короткого времени остальные панели были должным образом возвращены на свет божий: когда-то эти панели украшали деревянные ворота большого здания, к которому они были прикреплены. Сцены, изображенные на них, представляют события из жизни и походов Салманасара II (860-825 гг. до н.э.), преемника Ашур-насир-пала и первого ассирийского царя, который, как известно, вступил в непосредственный контакт с Израилем. В ходе раскопок кургана он наткнулся на руины небольшого храма и большой мраморный ларец, в котором находились две таблички из того же материала с надписями Ашур-насир-пала. Работа Рассам в Куюнджике и Нимруде также была далеко не бесплодной, хотя Нимруд, безусловно, не принес урожая, сравнимого с урожаем прошлых дней: несколько барельефов, ряд глиняных табличек и несколько эмалированных плиток — практически все, что Нимруд внес в изучение ассирийской древности в этот раз. То же самое и в Куюнджике: глиняные надписи были главными и практически единственными плодами раскопок, проведенных Рассамом в ходе его четырех экспедиций (1878-1882). Наиболее эпохальными из этих надписей были десятигранный призма из обожженной глины, содержащая летопись Ашшурбанипала, и четыре цилиндра в форме бочонка с надписями, описывающими различные походы Сеннахериба. Рассам также предпринял попытку полного исследования Неби Юнуса, второго по величине кургана, который обозначает место или часть места древнего Ниневии, но он не добился успеха, которого заслуживали его неустанные усилия, из-за врожденной склонности к раздорам и интригам, которая дремлет в сердцах восточных людей даже в лучшие времена, а в данном случае не только не дремлет, но и проявляется во всей своей первозданной силе, в результате чего Рассам был вынужден прекратить свои работы, а все его надежды окончательно развеялись.

ПЛАСТИНА V

Déc. en Chald., Таблица 53, ii

Вход в Телло, воздвигнутый Гудеей; слева — более позднее здание периода Селевкидов

Déc. en Chald., Таблица 54

Юго-восточный фасад здания Ур-Нины в Телло

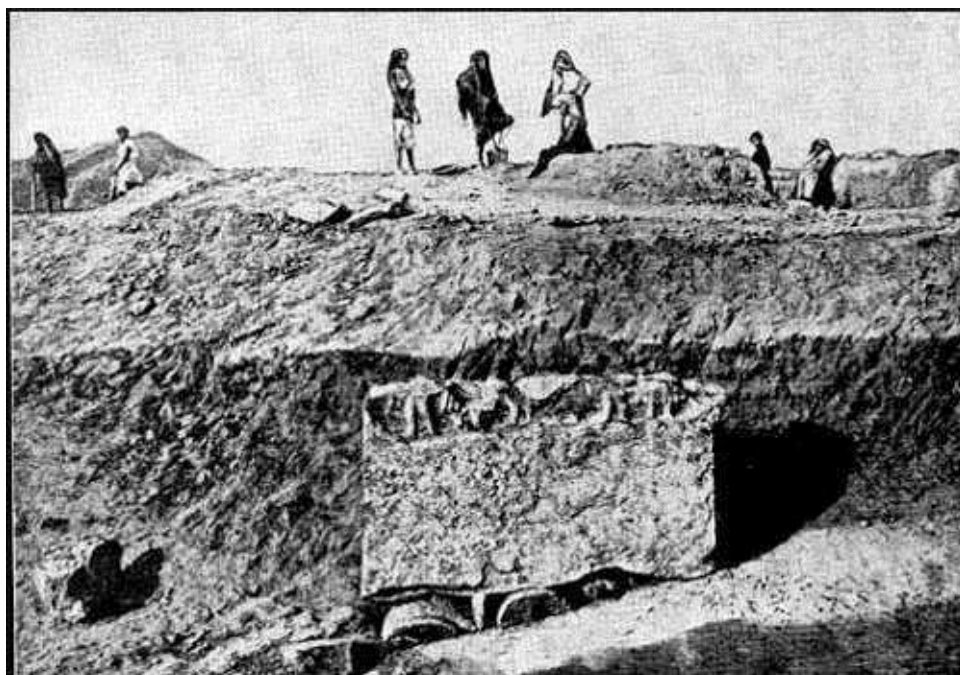
Тем временем раскопки продолжались и в Вавилонии, причем эти раскопки были призваны открыть новую эру в изучении Вавилонии и оказались неоценимыми как для археологов, так и для исследователей древнего искусства. Весной 1877 года, за несколько месяцев до возвращения Рассама в Ассирию после четвертьвекового перерыва, Эрнест де Сарзек, французский вице-консул в Басре, начал пробные раскопки на руинах курганов Телло, на которые его внимание обратил Дж. Асфар, местный христианин и бывший торговец древностями. Телло уже завоевало себе имя как место, представляющее исторический

интерес (), которое, вероятно, окупит труд, затраченный на его методические раскопки, в результате обнаружения в его руинах конусов и кирпичей с надписями, и, разумеется, оно более чем оправдало свою раннюю репутацию, поскольку из всех древних мест вавилонской цивилизации Телло дал, безусловно, самый богатый урожай археологических материалов для реконструкции истории Шумера и систематического изучения шумерского искусства и культуры. Здесь невозможно перечислить все далеко идущие результаты бессмертной работы Де Сарзека, поэтому мы должны ограничиться упоминанием о наиболее важных из его открытий. Во время своего первого визита в Телло ему посчастливилось найти часть статуи из долерита, лежавшую у подножия одного из холмов, из чего он правильно заключил, что сама статуя изначально занимала место в каком-то большом здании, руины которого, как он предположил, были скрыты в этом холме. В соответствии с этим он приступил к раскопкам кургана и вскоре обнаружил, что он содержал здание немалых размеров, возведенное на большой платформе из необработанных или высушенных на солнце кирпичей: среди найденных им предметов были большая статуя из долерита с надписью Гудеа, священника-царя Лагаша около 2450 г. до н.э., надписи на дверных косяках, скульптуры и вазы, медельные статуэтки, имеющие вотивный характер, и, наконец, самое важное из всего — первые фрагменты стелы с изображением стервятника Эаннатума, одного из самых известных произведений раннего вавилонского искусства, как с точки зрения его древности, так и с точки зрения того, как оно иллюстрирует не только художественные, но и военные операции шумеров в этот далекий период (ср. табл. [XII](#)). В ходе следующих двух экспедиций (1880-81) он систематически раскопал здание на холме, известном как «А», в ходе чего обнаружил около девяти или десяти статуй из долерита, многочисленные статуэтки и каменную вазу Нарам-Сина, сына Шар-Гани-Шарри из Агаде, который, вероятно, жил за несколько веков до Гудеи. Само здание, которое в основном относится к парфянскому периоду, но в которое была включена часть старого дворца Гудеи, кратко обсуждается на странице 149. Но, как справедливо отмечает профессор Хильпрехт²¹, долеритовые статуи Гудеи «всегда будут оставаться главной находкой, связанной с именем Де Сарзека», известной как одухотворенностью и жизненностью, с которой они выполнены, так и мастерством и ловкостью, которые эти древние вавилоняне продемонстрировали в обработке самых твердых камней. Среди других ценных, а точнее, бесценных находок можно упомянуть известную серебряную вазу Энтемены (см. рис. [45](#)), резную головку булавы Месилима, огромное медноголовое копье и несколько барельефов Ур-Нины, основателя Первой династии Лагаша. В кургане «В» раскопки Де Сарзека не только обнажили здание Ур-Нины (см. табл. [VI](#)), но и обнаружили остатки еще более древнего сооружения, лежащего под зданием этого древнего правителя и опирающегося на мостовую примерно в 16 футах ниже платформы Ур-Нины. При этом были также обнаружены медные статуэтки и каменные барельефы весьма архаичного характера.

В 1889 году Де Сарзек покинул Вавилонию и вернулся только в 1894 году, когда возобновил раскопки на кургане «В». Были обнаружены два колодца и водоток времен Эаннатума, а среди небольших реликвий этой давно забытой эпохи были найдены различные кусочки ракушек с вырезанными на них изображениями деревьев и животных. Невозможно переоценить вклад, который историки ранней Вавилонии и исследователи древнего искусства Месопотамии обязаны работе этого выдающегося археолога. Если Лейарду, Ботте и Плейсу мы обязаны открытием книги древней истории Ассирии и снятием печатей, которые так долго держали эту книгу закрытой, то Де Сарзеку мы обязаны восстановлением еще более ранней страницы в истории жизни и прогресса человечества. Последняя четверть XIX века, охватывающая период необычайной деятельности Де Сарзека в области археологии (его первая экспедиция была проведена в 1877 году, а последняя — в 1900 году),

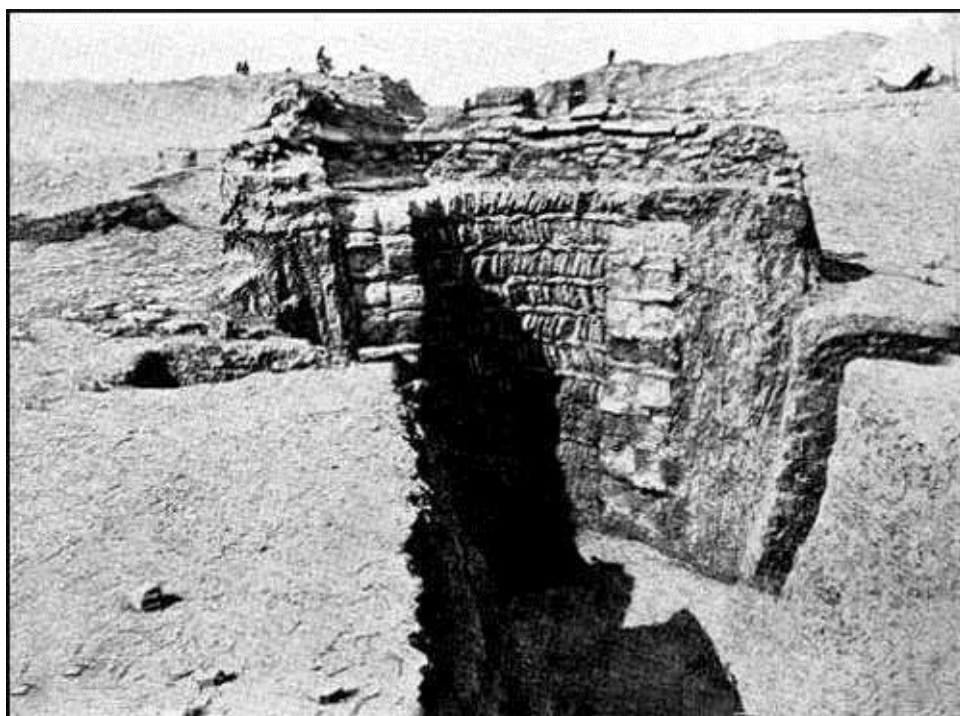
навсегда останется в памяти благодаря эпохальным открытиям в Вавилонии, которые потомки будут всегда ассоциировать с именем этого выдающегося французского археолога.

ПЛАСТИНА VI

Déc. en Chald., Pl. 56, ii

ОСТАТКИ СТЕЛЫ В ЗДАНИИ ПОД ЗДАНИЕМ УР-НИНЫ

Déc. en Chald., Pl. 57, ii

Тем временем Рассам максимально использовал возможности, предоставленные ему на щедрых условиях фирманом 1878 года, и охватил как можно большую территорию и посетил как можно больше объектов, хотя вопрос о том, принесло ли бы науке больше пользы систематическое изучение нескольких курганов, чем разграбление многих, вероятно, следует ответить утвердительно. В 1879 году он начал работы в Вавилонии, уделив первоочередное внимание разрушенным курганам Вавилона и Борсиппы. По прибытии он обнаружил, что несколько арабов усердно занимаются добычей строительных материалов из кургана Бабила, и в ходе раскопок они наткнулись на четыре колодца глубиной около 140 футов, построенные из блоков красного гранита, каждый из которых был высотой около 3 футов и с необычайной точностью прилегал к соседнему блоку. Исходя из общего вида кургана, а также из размеров разрушенных стен, которые он покрывал, Рассам пришел к выводу, к которому почти столетие назад пришел Рич и который несколько лет спустя принял Хильпрехт, что именно в Бабиле мы должны искать всемирно известные висячие сады Диодора и Плиния.

Раскопки Рассам на холме Каср не принесли значительных результатов, но его работа на холме Джумджума на юге, названном так по имени современной деревни, расположенной в этом месте, принесла богатый урожай табличек, в основном коммерческого характера. Борсиппа также откликнулась на призыв Рассам, и было найдено много табличек, а большая часть знаменитого храма Э-зида, посвященного богу Небо, вновь увидела свет: среди более мелких реликвий особого упоминания заслуживает обнаружение бронзовой ступени знаменитого Навуходоносора, а также глиняного цилиндра времен Антиоха Сотера 270 г. до н. э., который, по мнению Хилпрехта (), является «последним королевским документом, составленным на древневавилонском языке и письменности». Но, пожалуй, самым ценным вкладом Рассам в ассириологию было обнаружение места расположения древнего Сиппара. Ранее было предпринято много неудачных попыток найти этот город, так часто упоминаемый в клинописных надписях, и Джордж Смит уже предположил, что его возможным местоположением может быть холм Абу-Хабба, расположенный примерно в тридцати милях к северу от города Вавилон, но именно Рассаму мы обязаны фактическим определением местоположения этого древнего центра поклонения богу солнца Шамашу на Вавилонской равнине. Руины Абу-Хаббы невысокие, но обширные, самая длинная из древних городских стен имеет длину около 1400 ярдов, а на западной стороне до сих пор можно увидеть остатки старого зиккурата, или храмовой башни. Раскопки Рассам на этом месте были чрезвычайно успешными, и самым важным из его открытий в древнем здании, которым он в основном занимался, стала знаменитая каменная табличка Набу-аплу-иддина, царя Вавилонии, около 870 г. до н.э. Надпись, в которой зафиксировано восстановление храма бога Солнца этим царем, увенчана на лицевой стороне великолепным барельефом, изображающим поклонение богу Солнца (см. табл. [XIV](#) и стр. 205). Находка этой замечательной таблички, помимо ее ценности как произведения искусства и исторического документа, означала также идентификацию одного из самых ранних мест месопотамской цивилизации и повторное открытие древнего святилища Шамаша. Среди других надписей, обнаруженных при этих раскопках, особое значение имеют большие глиняные цилиндры Набонида (555-538 гг. до н. э.), последнего царя Нововавилонской династии. Уже упоминалось о традиции, записанной Набонидом на его цилиндре, касающейся даты Шар-Гани-Шарри из Агаде и его сына Нарам-Сина, а также об археологических свидетельствах, призванных уменьшить историческую ценность записи Набонида « » (см. стр. 5). Рассам разведал многие другие места в Вавилонии, в частности Телло, откуда он извлек несколько предметов, в том числе ряд табличек и две втулки ворот с надписью имени Гудеа, во время

своего быстрого и несколько тайного визита в начале 1879 года. Но тремя величайшими триумфами археолога, чья долгая карьера подошла к естественному концу в 1910 году, стали идентификация давно забытого места Сиппар, обнаружение бронзовых ворот в Балавате и, наконец, раскопки северного дворца Ашшурбанипала в Ниневии и раскрытие бесценных реликвий искусства и литературы, которые в нем были найдены.

Тем временем другие нации, помимо французов и англичан, готовились к работе, начатой так замечательно и полной надежд на будущее. Германия продвигалась медленно, но благодаря щедрости мистера Л. Саймона осенью 1886 года была отправлена экспедиция на Восток под эгидой Королевских музеев Пруссии в Берлине и под руководством Б. Морица, Р. Кольдевея и Л. Мейера. Но, несмотря на запоздалость немецкой деятельности в области исследований, никогда не следует забывать, что Фридриху Деличу принадлежит уникальная честь и прославление того, что он поставил ассириологию на научную основу, и в реальном смысле этого выдающегося ученого можно считать отцом этой науки. В то же время предшественник Делича Шредер заслуживает особого упоминания, поскольку он был первым, кто читал лекции в Германии по этому предмету, и чьим лекциям Делич и другие ученые, несомненно, многим обязаны. Экспедиция 1886 года начала работу в начале 1887 года на руинах Эль-Хиббы и Сургула, двух курганов, расположенных близко друг к другу к северо-востоку от Телло, что привело к обнаружению бесчисленных построек, в основном частного характера; небольшие реликвии, обнаруженные немецкими раскопками на этих двух участках, по большей части были значительно повреждены пожаром, который произвел большой опустошительный эффект в обоих местах.

Но главным интересным моментом в связи с раскопками в Эль-Хиббе и Сургуле было обнаружение ряда ранних захоронений. Многие тела были сожжены, из чего Колдевей сделал вывод, что кремация²² была одним из способов, которым шумеры древности избавлялись от своих мертвецов. Многие из обнаруженных надписей были опубликованы недавно скончавшимся доктором Мессершмидтом. Рассматриваемые таблички включают тексты, принадлежащие как первой, так и второй династиям Лагаша (Телло). Одна из табличек, найденных в Сургуле и написанных Гудеа, самым известным правителем Второй династии Лагаша, показала, что и Эль-Хибба, и Сургул признали Гудеа своим сюзереном.

Примерно в то же время дух раскопок в Америке также постепенно проникал в жизнь, и сегодня Америка проводит больше археологической работы, чем любая другая страна в мире.

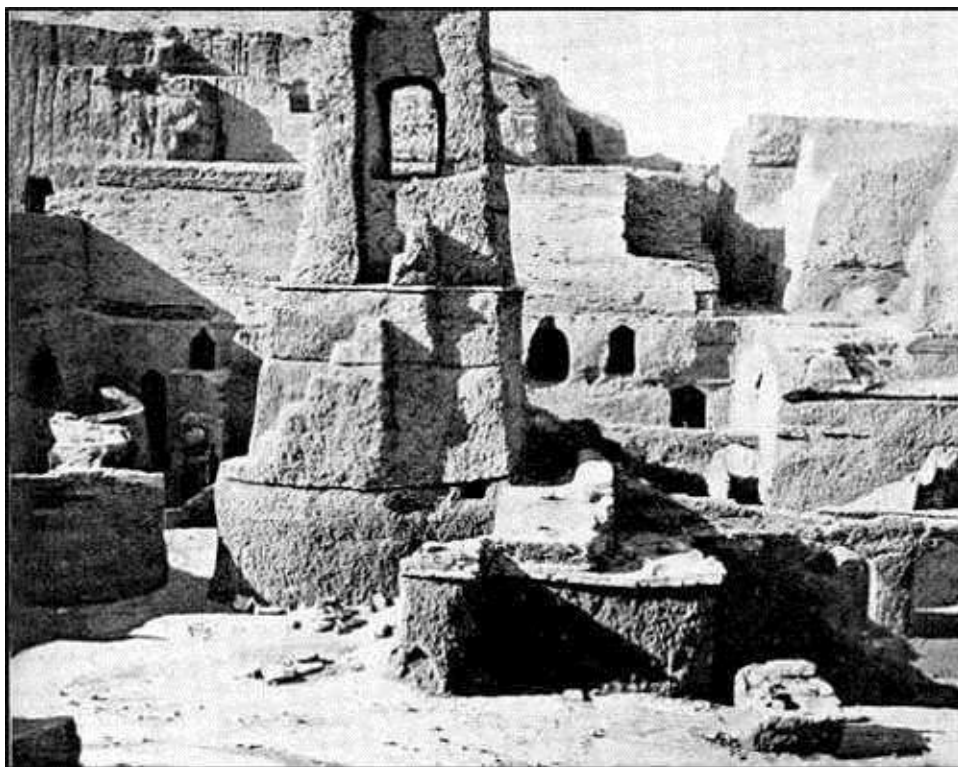
Древний город Ниппур долгое время был известен как один из самых известных центров вавилонской религии и поклонения великому богу Эн-лилу, и, соответственно, именно на этот город американцы впервые обратили свое внимание, и именно здесь они сделали те эпохальные открытия, которые заняли для них столь видное место в истории месопотамских раскопок, и это несмотря на все споры, которые возникли в связи с этими открытиями. Американцы действительно отправили экспедицию в Вавилонию еще в 1884 году под руководством доктора У. Хейса Уорда из нью-йоркской "Индепендент", но целью, с которой она была направлена, была общая разведка, а не настоящие раскопки. Первая экспедиция (1888-89) в Ниппур, организованная главным образом профессором Дж.П. Питерсом, которого поддерживали доктор У. М. Пеппер, проректор Харрисон, господа Э. В. Клей, К. Х. Кларк, У. У. Фрейзер и другие, носила в основном предварительный характер и служила скорее для демонстрации масштаба предстоящей работы, чем для достижения каких-либо определенных практических результатов. Питерс был директором первой и

второй (1889-90) экспедиций, в то время как проф. Р. Ф. Харпер и проф. Х. В. Хилпрехт были назначены ассириологами в первую экспедицию, а г-н Филд был архитектором. Первая экспедиция занималась раскопками в течение двух месяцев и девяти дней, в то время как вторая вела раскопки в течение трех месяцев и одиннадцати дней. Доктор Хейнс был руководителем третьей экспедиции (1893-96) и оставался в курганах Ниппура почти три года без перерыва. Четвертую экспедицию (1898-1900) проводили Хилпрехт в качестве научного руководителя, Хейнс в качестве полевого директора и К. С. Фишер и Х. В. Гир в качестве архитекторов, а во время последней кампании раскопки продолжались около шестнадцати месяцев и привели ко многим важным открытиям.

Первая экспедиция, как уже говорилось, носила подготовительный характер, и, следовательно, ее результаты нельзя оценить только по количеству фактически сделанных открытий. За те короткие два месяца, в течение которых экскаваторы продолжали работу, было обнаружено большое здание с огромными контрфорсами и двумя круглыми башнями. Здание — без сомнения, крепость — построено сравнительно поздно, относится к парфянскому периоду и было построено на месте древнего храма Эн-лил и его ступенчатой башни.

Бинт-эль-Амир, курган, на котором находились руины этого знаменитого храма, имел коническую форму и занимал площадь более восьми акров.²³ Научное исследование кургана таких гигантских размеров само по себе было непростой задачей, в то время как исследование погребенного храма было новаторской работой, поскольку ни один из крупных вавилонских храмов еще не был полностью раскопан.

ФОТО VII

Раскопки во дворе храма: Ниппур
(Из книги К. С. Фишера "Раскопки в Ниппуре", с разрешения)

Раскопки этого храма доказали, что сценическая башня “не занимала центральную часть храмового двора”, и хотя она, несомненно, была наиболее заметной особенностью храмовой территории, на самом деле это не был сам храм: последний находится в большом здании, примыкающем к сценической башне. Во всяком случае, это здание построено еще во времена Шаргани-шарри и его сына Нарам-Сина. Башня-сцена, которая, вероятно, никогда не имела более трех ступеней, обязана своей последней формой Ур-Энгуру, царю Ура (ок. 2400), хотя Ашшур-бани-пал, царь Ассирии почти две тысячи лет спустя, имел возможность отремонтировать и отреставрировать его. На кирпичах Ашур-бани-пала, которые перемешаны с кирпичами Ур-Энгура, выбита надпись: “Белу, царю земель, его царю, Ашур-бани-палу, его любимому пастуху, могущественному царю, Царю четырех сторон земли, построившему Э-кур, его любимый храм, из обожженных кирпичей”. В четырех футах позади облицовочной стены Ур-Энгура были обнаружены большие кирпичи, характерные для времен Нарам-Сина, в то время как кирпичи, из которых было сформировано самое внутреннее ядро башни, относятся к досаргоническим и раннешумерским временам.²⁴

О крайней древности нижних слоев этого кургана можно судить по тому факту, что Хейнс, спускаясь в предсаргонический период под мостовую Нарам-Сина, прошел примерно через тридцать футов руин, прежде чем добрался до девственной почвы.

Одной из самых интересных находок в ранних слоях был сводчатый водосток (см. рис. 15 и стр. 170), который предположительно является самой ранней известной вавилонской аркой, в то время как было обнаружено большое количество терракотовых труб, а также терракотовый водосток. К объектам меньшего размера относятся обетные стелы (см. рис. 25), таблички, цилиндрические печати и терракотовые вазы (см. рис. 92, 93). Но было обнаружено, что большое количество реликвий, содержащихся в слоях выше уровня Нарам-Сина, относятся к докаргоническому периоду, несмотря на их расположение в кургане. Среди них были дверные гнезда, фрагменты ваз, плиты, статуи и более пятидесяти кирпичных штампов с надписью Саргона или Нарам-Сина.

Но открытие и частичные раскопки храмовой “Библиотеки”²⁵ или “архива” в Ниппуре привели к наиболее далеко идущим и эпохальным результатам, поскольку таким образом были обнаружены буквально тысячи табличек, предоставив такое количество нового материала для ассириологических исследований, которое редко встречается в истории вавилонских исследований.

Большая часть найденного материала²⁶ носит научный или литературный характер. Большинство табличек необожжены и, следовательно, пострадали от пагубного воздействия времени, климата и других влияний, среди которых можно особо упомянуть разрушения, причиненные вторжением эламитов в третьем тысячелетии до н.э. Вследствие этого задача дешифровщика намного сложнее, чем была бы в противном случае, но, несмотря на вандализм эламитов и разрушительную работу, которую они стремились осуществить и в какой-то степени осуществили, археолог, вероятно, обязан сохранностью этих табличек их захоронению в разрушенных обломках древнего города. частью которого они были. Эти необожженные глиняные таблички, по-видимому, обычно размещались на глиняных полках шириной около 1-1 / 2 фута, в то время как они содержат всевозможную “литературу” по астрономии, астрологии, математике, географии, истории, медицине, грамматике и религии. Одна из табличек дает нам ценную информацию о самом храме; большой зал храма назывался Эмах, и хотя Эн-лил и его супруга, без сомнения, были главными божествами этого места, в нем было около двадцати четырех святилищ,

посвященных другим богам, точно так же, как это было в Э-сагиле, великом Храме Мардука в Вавилоне, недавно раскопанном Deutsche Orient-Gesellschaft.

Позднеассирийский, неавилонский и персидский периоды также хорошо представлены в огромном скоплении клинописных табличек, найденных на этом месте, среди наиболее интересных из которых - "Таблички Мурашу", семьсот или более из которых были обнаружены в разрушенном здании примерно в двадцати футах под поверхностью. Тщательность, с которой были изготовлены эти таблички, и многочисленные оттиски печатей, которые они несли, сразу привлекли внимание Хильпрехта. Оказалось, что они принадлежат деловым архивам сыновей Мурашу, брокеров и банкиров из Ниппура, которые процветали во времена персидских царей Артаксеркса I (464-424 гг. до н.э.) и Дария II (423-405 гг. до н.э.). Но помимо обычного банковского бизнеса, фирма действовала как агент персидских царей. Очевидно, у персидских царей была привычка распределять налоги самостоятельно, подобно римским императорам более поздних времен, и сыновья Мурашу взялись взимать царские налоги со своих вавилонских подданных в Ниппуре и других местах. Интерес этих табличек, однако, не ограничивается информацией, которую они предоставляют нам относительно способа ведения бизнеса в тот период; но они представляют еще большую ценность за то, что они дают нам представление об обычной жизни людей.

Именно во время последней экспедиции были тщательно обследованы городские стены, а также те, что окружали территорию храма, название первых - Ним-Мардук, а название последних - Имгур-Мардук. Доступ в храм осуществлялся через ворота в южной стене, которые, во всяком случае, были такими же древними, как времена Шаргани-шарри из Агаде. "Абуллу Рабу", большие ворота города, располагались к северо-востоку от Храма; их длина составляет 35 футов, из чего мы знаем, что это была толщина самой стены, хотя, к сожалению, в этом месте от старой городской стены ничего не осталось, грубые кирпичи, из которых она была сложена, были сняты и использованы в качестве строительных материалов при постройках более позднего Ниппура. Сами ворота состояли из центральной дороги шириной около 13 футов, используемой для обычного движения, по обе стороны от которой были приподнятые проходы для пешеходов, в то время как все сооружение было построено из отмеченных большим пальцем кирпичей и, следовательно, является докаргоническим. Под центральной проезжей частью был обнаружен фундамент, состоящий из массивных каменных блоков, уложенных в битум. На некотором расстоянии к северу от этих ворот была обнаружена большая часть старой городской стены, относящаяся в основном ко временам Нарам-Сина и Ур-Энгура соответственно, причем работа последнего царя, конечно, накладывалась на работу Нарам-Сина. До сих пор видны следы нескольких сотен футов стены Нарам-Сина, а также водопровод, состоящий из обожженных кирпичей, уложенных в битум. Стена была восстановлена Ур-Энгуром, который украсил ее внешнюю сторону серией панелей шириной 11 футов, размещенных с интервалом в 30 футов, из которых около семнадцати были найдены в их первоначальном положении; экскаваторы не смогли определить толщину стены, но в одном месте было обнаружено, что она сохранилась до толщины более 25 футов. Во внутренней стороне этой более поздней стены было пристроено несколько небольших помещений, в которых были найдены реликвии, представляющие разный интерес; описание более поздней парфянской крепости и маленького парфянского дворца, обнаруженных по другую сторону канала Шатт-эн-Нил, будет относиться к периоду, о котором в этой книге не говорится, и читатель должен соответственно обратиться к стандартным работам некоторых из самих раскопщиков (Петерса, Хилпрехта или Фишера) для получения информации об этих более поздних постройках, а также для получения подробностей обо всех сооружениях и находках в

Ниппуре. Однако, возможно, было рассказано достаточно, чтобы указать на чрезвычайную важность, которой были чреваты американские экспедиции в Ниппур, хотя даже сегодня мы не в состоянии адекватно оценить всю ценность самоотверженного труда землекопов и обильные результаты, к которым эти работы приводили и продолжают приводить ежедневно.

Тем временем сами турки, осознавая важность памятников и реликвий, найденных в разрушенных курганах, которые с момента отъезда Рассама из Багдада в 1882 году с большим успехом эксплуатировались агентами торговцев древностями, решили отправить собственную экспедицию. Экспедицией руководили отец Шейл, молодой французский ассириолог, и Бедри Бей, инспектор древностей Османской Империи, которые начали работу весной 1894 года в Абу Хаббе (Сиппар), месте, которое было особым охотничьим угодьем торговцев и которое, следовательно, считалось заслуживающим научного изучения. Самым важным результатом экспедиции стало обнаружение около семисот табличек, в основном писем или контрактов, относящихся ко времени первой вавилонской династии, и особенно к правлению Самсу-илуны, сына и преемника Хаммурапи. В 1891 году доктор Уоллис Бадж раскопал соседний курган Дер и обнаружил множество текстов и т.д.; Сейчас они находятся в Британском музее.

26 марта 1899 года доктор Колдевей, чьи раскопки в Эль-Хиббе и Сургуле были более чем успешными, начал работы на кургане Аср в Вавилоне, кургане, который отмечает место расположения всемирно известного дворца Навуходоносора.

Немецкие раскопки в Вавилоне, предпринятые Кольдевеем, Мейснером, Андрае и М. Л. Мейером, на самом деле не принесли такого богатого урожая, как ожидалось, учитывая важную роль, которую этот город играл в истории страны со времен Хаммурапи и далее, поскольку разрушение города Сеннахерибом в 689 г. до н.э. проводилось с такой тщательностью, что мало что осталось, чтобы рассказать о величии Вавилона до его времени, и это немного состояло в основном из табличек с контрактами, относящихся ко времени Первой мировой войны. Династия, а также ряд горшечных захоронений, относящихся к еще более раннему периоду. Но как бы сильно мы ни сожалели о нехватке материала, полученного из разрушенных курганов Вавилона, для реконструкции его ранней истории, периода, в течение которого он находился на пике своего могущества, — периода великого царя Навуходоносора (604-561 гг. до н.э.) — немецкие раскопки предоставили нам много ценной информации. Курган Аср, который был найден, чтобы скрыть остатки знаменитого дворца Навуходоносора, дворца, в котором он жил большую часть своего правления, и того же самого, в котором умер Александр Македонский, по-видимому, был новым пригородом Вавилона и не содержал ничего ранее седьмого века. Была обнаружена массивная городская стена, толщина которой, как было установлено, составляла около 136 футов, и частично раскопан дворец Навуходоносора, но двумя наиболее важными открытиями лета 1899 года были стела из долерита и барельеф из песчаника. Стела из долерита имеет высоту 4 фута 2 дюйма, и на ее гладкой стороне изображена фигура хеттского бога, в то время как обратная сторона содержит хеттскую надпись. Бог поднял обе руки и размахивает трезубцем в одной руке, большим молотом в другой, в то время как на боку у него висит меч. Длинная коса волос ниспадает ему на спину, его головной убор представляет собой фригийскую шапочку, его обувь - остроносые туфли, столь характерные для хеттов, а туника, украшенная бахромой, достает до колен. Вторая находка заключалась в плите из песчаника длиной более 4 футов и высотой около 4-1 / 2 футов, на которой рельефно изображена группа фигур, из которых две наиболее примечательные - бог Адад, вооруженный двумя вспышками молнии в каждой руке, и богиня Иштар.

В следующем году Кольдевей смог предоставить более подробную информацию относительно общего плана и расположения дворца Навуходоносора. Дворец содержал большое количество комнат, расположенных вокруг больших центральных дворов. Стены различных зданий покоятся на массивном фундаменте, сложенном из кирпичей и фрагментов. На этой фундаментной платформе была обнаружена крепостная стена, идущая с востока на запад, толщиной более 56 футов, пронизанная единственными воротами, в то время как на углу этой стены было обнаружено другое здание, более древнее, чем сама стена. Это здание было построено из обожженного кирпича и асфальта, на самих кирпичах были нанесены надписи на арамейском и идущий лев.

На восточном фасаде Хасра в Вавилоне брусчатка улицы сделана из белого известняка или красно-белой брекчий, но единственная часть уличного мощения, найденная в ее первоначальном положении, - это слой обожженного кирпича, покрытый асфальтом, который служил основой для каменной мостовой выше. Огромные известняковые блоки имеют площадь более 3 квадратных футов и толщину около 13-1/2 дюймов. На некоторых из этих известняковых блоков была найдена надпись, в которой упоминалось имя Навуходоносора и говорилось, что он вымостил Вавилонскую улицу для шествия великого владыки Мардука плитами из "горного камня". Плиты из брекчий, ни одна из которых не была восстановлена полностью, по-видимому, имели более скромные размеры - всего около 26 квадратных дюймов и 8 дюймов в толщину. Нет никаких сомнений в том, что это те самые булыжники, которыми Навуходоносор вымостил "улицу процессий Мардука", местонахождение которой теперь точно установлено. Брекчия использовалась в строительных целях еще до правления Навуходоносора: таким образом, мы знаем, что Набополассар, основатель неовавилонской династии, использовал ее для мощения улицы процессий, в то время как на кургане Амран был найден блок брекчий с надписью Сеннахериба.

Открытие улицы процессий Мардука имело величайшее значение в отношении топографии древнего Вавилона, в то время как подтверждение теории Делича и других, до сих пор основанной в основном на выводах, сделанных из текстов Навуходоносора, — в отождествлении храма Мардука, Э—сагила, со старовавилонским зданием, скрытым в кургане Амран, во время раскопок в мае 1900 года, имело еще большее значение.

Далее Кольдевею посчастливилось обнаружить храм, возведенный в честь богини Нин-мах (Великой Леди), которая, во всяком случае, в более поздние времена отождествлялась с Иштар.²⁷ Важность находки заключалась в завершенности здания, а не в величине его размеров, поскольку оно довольно маленькое. Во время раскопок этого храма был найден хорошо сохранившийся ассирийский цилиндр, на котором Ашур-бани-пал записывает, что он недавно построил храм Нин-маху в Вавилоне, в обмен на этот акт благочестия он явно ожидал богатой награды, поскольку он просит "возвышенного Нин-маху с состраданием взирать" на его благочестивые поступки, ежедневно провозглашать его процветание перед Белом и Белит, предписать "многодневную жизнь в качестве его судьбы" и твердо установить свое правительство.

Другой интересной находкой была терракотовая фигурка обнаженной богини, несомненно, реликвия культа Нинмах (см. рис. [86](#)).

Раскопки на холме Амран выявили наличие построек, существовавших до времен Навуходоносора. Верхние слои кургана относятся по большей части к парфянским и

селевкидским временам, но на глубине 68 футов под поверхностью кургана был обнаружен пол вавилонского здания, и глиняные стены этого здания, которые были толщиной более 9 футов, все еще находились на значительной высоте. Сам пол был сделан из обожженных кирпичей, покрытых асфальтом, по-видимому, только кирпичи в самом верхнем слое несли на себе отпечаток печати Навуходоносора, вследствие чего представляется вероятным, что фундамент здания был заложен еще до правления этого царя. Под самым нижним настилом был обнаружен прочный кирпичный фундамент толщиной около 6-1 / 2 футов. На самом верхнем этаже были обнаружены различные интересные предметы, в том числе тонкая золотая пластинка, серебряный набалдашник, золотая серьга и фрагменты выгравированных раковин. Но настоящая важность раскопок в кургане Амран сосредоточена вокруг открытия знаменитого храма Мардука — Э-сагила, что означает “дом неба и земли”. Храм был основан царем Забумом во времена Первой вавилонской династии (ок. 2000 до н.э.), то есть период, в течение которого город Вавилон стал самым могущественным городом-государством в Южной Месопотамии. Но верховенство Вавилона означало верховенство вавилонского бога, и о престиже, которого Мардук достиг в то время, свидетельствует его отождествление с Белом, древним богом Ниппура. Но спустя несколько сотен лет, когда сила и влияние Вавилона уменьшились, а господство в Месопотамской долине перешло к более воинственным ассирийцам на севере, Э-сагила и ее бог пострадали вместе с народом Вавилона: храм был разграблен, а бога Мардука унес Тукульти-Ниниб, царь Ассирии (около 1275 г. до н.э.). Примерно шесть столетий спустя ассирийцы все еще были всемогущи, хотя всегда были заняты подавлением восстаний среди местных жителей. недовольные вавилонские князья, пока, наконец, Сеннахериб не решил стереть Вавилон с лица земли. Э-сагила участвовала во всеобщей катастрофе, и от древнего города или храма ее почитаемого веками бога мало что осталось, хотя, к счастью, различные документы, сосуды и другие реликвии, относящиеся ко времени до того, как Сеннахериб избежал ярости этого царя, и были недавно обнаружены немецкими раскопщиками. Однако Асархаддон, преемник Сеннахериба и один из самых гуманных ассирийских монархов, — что, возможно, не говорит о многом — сделал своим особым делом восстановление города Вавилон и храма ее бога, но он не дожил до реализации своего проекта, и завершение работ, таким образом, было оставлено на плечи сонаследников Асархаддона, Ашур-бани-пала и Шамаш-шум-укина. Храм был покрыт крышей из кедра и кипариса и был богат золотом, серебром и драгоценными камнями. Когда все было закончено, возвращение Мардука домой было отпраздновано с большой помпой и великолепием, Шамаш, бог солнца, Эа, почтенный отец Мардука, Небо, его прославленный сын, и даже Нергал, бог мертвых, пришли поприветствовать возвращение изгнанного божества. Но какой бы великолепной ни была реконструкция древнего храма Мардука Ашшур-бани-палом, могущественнейшим царем Ассирии, она была превзойдена реконструкцией коренных царей Вавилона — Набopolассара (625-604) и его сына Навуходоносора. Ашшур-бани-пал, по-видимому, не восстанавливал башню-храм, которую Сеннахериб, конечно же, разрушил, но Набopolассар снова воздвиг величественную башню—сцену - Э-темен-ан-ки (“дом оснований неба и земли”), а его сын Навуходоносор продолжил похвальную работу. Он построил стены палаты Экуа из чистого золота, в то время как крышу он сделал из кедрового дерева, которое покрыл золотом и драгоценными камнями, святилища Нево и Зарпанит были отделаны таким же роскошным образом, в то время как все жертвенные сосуды, по-видимому, были сделаны из чистого золота. Нериглиссар (559-556 до н.э.), преемник Навуходоносора, построил еще четыре ворот в этот храм, и когда город был окончательно взят Киrom, следует напомнить, что этот царь поклонился Мардуку, по чьему приказу он якобы взял город — “Он (Мардук) искал праведного принца, человека по своему сердцу, которого он мог бы взять за руку; и он нарек ему имя Кир”.

В ходе раскопок в Вавилоне были обнаружены различные захоронения, но в основном более позднего времени. В 1910 году был обнаружен очень интересный саркофаг,²⁸ на “головном” конце терракотовой крышки которого была рельефно изображена бородатая голова мужчины с длинными волосами и египетским типом лица. В то же время были найдены два других саркофага, и все эти захоронения находились внутри разрушенных домов.

Из многих других важных результатов, сопутствующих трудам Кольдевея и его собратьев, особого упоминания заслуживают открытие древнего канала Арахту, прослеживание его причальных стен, раскопки великой стены между северным и южным замками и расчистка западной стены южной цитадели, а за подробностями читатель должен обратиться к *Руководству Немецкого Восточного общества*.

Но Вавилон был не единственным местом в Нижней Месопотамии, привлечшим внимание немцев во время этой экспедиции. 14 июня 1902 года Кольдевей, Делич и Баумгартен с группой рабочих спустились на лодке по Евфрату и в конце концов прибыли к разрушенным курганам Фара 18-го числа. Раскопки были начаты в северной части руин, и очень скоро стало очевидно, что все это место относится к очень древней эпохе, даже самые верхние слои курганов не содержат ничего, что можно было бы отнести к позднему периоду. Различные орудия труда из кости и камня, в том числе несколько каменных топориков, а также пилы и ножи, сделанные из кремня или обсидиана, свидетельствовали о древности этого поселения, и поскольку на глубине более 6-7 футов ничего обнаружено не было, Фара с самого начала обещала стать одним из важнейших мест для изучения ранней шумерской цивилизации. В разрушенных курганах других давно забытых городов действительно были обнаружены реликвии прошлого, столь же древние, как и те, что были раскопаны в Фаре, но почти в каждом случае в верхних слоях таких курганов были обнаружены остатки более поздней даты и более недавнего заселения; Однако Фара уникальна в этом отношении, поскольку по каким-то неизвестным причинам она, по-видимому, была заселена только в самый ранний период истории Вавилонии, в течение которого она, несомненно, “пережила свой день”, но с тех пор “перестала существовать”, пока немецкие экскаваторы наконец не спасли ее от постоянного забвения. Среди более мелких предметов, обнаруженных на этом месте, было несколько цилиндров-печатей, большинство из которых были сделаны из алебаstra, хотя иногда и из раковин, но очень редко из твердых камней, которые так часто использовались в более поздние времена. Иногда их находили среди общих обломков, иногда в гробницах; по большей части на них изображены батальные сцены, причем сражающимися были либо люди, либо звери, либо мифические чудовища, в зависимости от обстоятельств. Найденные более простые образцы керамики напоминают те, что были обнаружены Кольдевеем в Сургуле, в то время как другие были более искусно украшены. Было обнаружено несколько табличек, в основном круглой формы, и все они были исписаны архаичными письменами. Жители Фары помещали тела своих умерших либо в глиняные саркофаги, либо в тростниковые циновки. Глиняные саркофаги имеют овальную форму и около шести футов в длину; стенки перпендикулярны, и они закрыты глиняной крышкой. Труп обычно находили лежащим на боку с вытянутыми ногами в виде эмбриона, как это было в додинастическом Египте, а одна из рук подносила ко рту чашу, сделанную из камня, ракушки, меди или глины, что является случайным доказательством веры вавилонян в реальность жизни после смерти даже в этот отдаленный период. В гробницах представителей высших слоев общества хранятся также орудия труда, оружие и украшения умерших. Оружие включает копья, кинжалы и топорики, сделанные из “бронзы” (?), украшения в виде цепочек, бусины которых у более состоятельных людей сделаны из лазурита и агата, в то время как более бедным приходилось довольствоваться обычным стеклом. Были также обнаружены браслеты и кольца из серебра и бронзы, а также

“бронзовые” посохи с ляписными наконечниками на обоих концах. Среди инструментов можно перечислить рыболовные крючки и топорики, сделанные из “бронзы”, в то время как шкатулки для раскрашивания, сделанные из алебаstra или ракушек, обычно хоронили вместе с трупом и, следовательно, предположительно рассматривались как туалетные принадлежности в загробной жизни, как и в жизни нынешней. Цвета в большинстве случаев были найдены хорошо сохранившимися, основными из которых были черный, желтый, красный и светло-зеленый. Было обнаружено множество каменных сосудов различных размеров и форм, большинство из которых были сделаны из алебаstra, на самом деле алебастр довольно широко использовался на этом месте, в отличие от использования вавилонянами более поздних времен, которые редко использовали более мягкие камни, которые их ассирийские соседи использовали так часто и для самых разных целей. Археологи сообщают, что они не смогли определить, были ли саркофаги или погребальные маты более старыми, поскольку оба, по-видимому, использовались синхронно; предположение о том, что саркофаги использовались высшими классами, а погребальные маты - более бедными, само по себе было бы достаточно разумным, если бы не тот неудобный факт, что погребальные маты так же богато снабжены одеждой, украшениями и инвентарем умерших, как и сами саркофаги. Было найдено очень мало скульптур, большинство из них были выполнены из алебаstra и демонстрировали значительное мастерство в своем общем исполнении. Начало 1903 года ознаменовалось открытием здания из хорошо обожженного кирпича, в разрушенных обломках которого было обнаружено большое количество хорошо сохранившихся табличек.

Тем временем в то же время велись раскопки в кургане Абу Хатаб, и Кольдевей получил сообщение об обнаружении кирпичей с надписями на этом месте. Работы здесь были начаты 24 декабря 1902 года и привели к обнаружению ряда небольших зданий, стены которых отличались своей непрочностью. На некоторых кирпичах были обнаружены надписи Бур-Сина, царя Ура (ок. 2350 г. до н.э.). Но Абу Хатаб не представлял особого интереса для исследователей ранних доисторических останков. Гробницы здесь состояли по большей части из двух больших горшков, “сдвинутых краями в горизонтальное положение”, форма саркофага, найденная также в ранних слоях в Вавилоне и Мюэйере (Ур). Труп лежал либо на спине, либо на боку, но в обоих случаях он был сжат, что, очевидно, было вызвано ограничениями саркофага, как это имело место в ранних погребениях в горшках древнего Египта. У головы трупа обычно находили глиняный или медный сосуд, несомненно, предназначенный для выполнения цели, аналогичной предназначению чаш для питья, найденных в могилах в Фаре.

Примерно в это же время Андраз, помощник Кольдевея, завершил раскопки храма Неба в Бирс-Нимруде (Борсиппа), откуда Небо ежегодно посещал Мардука в первый день Нового года.

Зиккурат и дворец АШУР-НАШИР-ПАЛ: АШУР
(С разрешения Немецкого восточного общества)

Однако Колдевей и Андре не ограничи́ли свое внимание разрушенными курганами Вавилонии, а в 1903 году приступили к раскопкам в Халат-Шерхате, месте Ашшура, древней столицы Ассирии, и имени бога, от которого Ассирия получила свое название. Еще в 1852 году сэр Генри Лейард проводил раскопки на этом месте, главным ощутимым результатом которых стало открытие глиняных цилиндров Тиглат-Пилесера I, хотя фрагменты барельефов и другие надписи также были обнаружены здесь как Лейардом, так и Рассамом. Салманасар I (ок. 1300 г. до н.э.) перенес резиденцию своего правительства из Ашшура в Калах, но его преемник Тукульти-Ниниб (ок. 1275 г. до н.э.) перенес столицу империи в Ашшур. Курганы, отмечающие место расположения этого древнего города, в значительной степени являются естественным образованием (ср. VIII), тем самым отличаясь от большинства разрушенных курганов в Месопотамии, которые обязаны своим существованием искусственному образованию. С сентября 1903 по апрель 1904 года работы носили предварительный характер и состояли из пробных траншей, но в апреле 1904 года немцы приступили к раскопкам большого кургана из сырцового кирпича, зиккурата, восточного плато и большого двора храма Ашура, часть крепостной стены также привлекала внимание, в то время как основные работы были сосредоточены вокруг дворцовых построек Салманасара I (около 1300 лет до н.э.). Великий храм Ашура, построенный или отреставрированный Ушпией, одним из первых правителей города который предшествует Иришуму, расположен в северо-восточном углу и примыкает ко дворцу Салманасара I. Зиккурат, или сценическая башня, расположен с запада на юго-запад, а дворец Ашур-нашир-пал примыкает к храму Ану и Адада, который, по-видимому, является наиболее хорошо сохранившимся зданием в Ашуре. Были обнаружены различные другие постройки, из которых особо можно упомянуть храм Нево и дворец Тукульти-Ниниба I (ок. 1275 г. до н.э.). Были обнаружены многочисленные могилы различного типа, те, у которых кирпичные стены, несомненно, ассирийского происхождения. Было найдено много ценных исторических надписей, а еще одним интересным результатом стало обнаружение настенного украшения, состоящего из серии розеток. Так называемая “Мушлала” Адад-нирари I (около 1325 до н.э.), согласно которой она составляла часть храма Ашшура, была

обнаружена идентичной той, что была восстановлена Сеннахерибом из “горного камня”, а затем отремонтирована Асархаддоном (681-668 до н.э.) из камня “пилу”. Фундамент здания, расположенного на южной стороне восточного плато, оказался очень глубоким, а план самого здания, как говорят, очень напоминает раннеавилонский тип. Храм Ашшура, великого владыки Ассирии, упоминается Иришумом, царем Ассирии (ок. 2000 до н. э.), Шамши-Адада, который называет себя строителем храма Ашшура, Адад-нирари и Салманасара I. Во время правления Салманасара I он был уничтожен пожаром, и этот царь взялся за его восстановление. Надпись Тиглат-Пиласара II сообщает нам, что он украсил храм эмалированными кирпичами. Некоторые из этих надписей были найдены “на месте”, что позволяет точно установить местонахождение знаменитого святилища Ашура. Храм располагался на крайнем севере города, три его стороны выходили на открытую местность, а над четвертой возвышался зиккурат. Остатки работы Салманасара были обнаружены в фундаменте и тротуаре, построенных этим царем, и некоторые из эмалированных кирпичей, украшавших здания Саргона, также были найдены, в то время как тротуар большого двора, а также куски эмалированного кирпича и глиняные конусы Тиглатпаласара II были обнаружены. Сам храм изначально находился высоко над уровнем улицы. Далее был найден второй зиккурат меньшего размера, который оказался частью храма Ану и Адада, и в этом сооружении прослеживается работа трех различных периодов.²⁹ Из обнаруженных здесь интересных реликвий мы можем особо упомянуть деревянную молнию с тремя зубцами, обшитую золотом.

Были обнаружены остатки различных дворцов, в том числе Адад-нирари и Салманасара I, а также королевская резиденция Тукульти-Ниниб. Было найдено много табличек, и также был обнаружен горшок, содержащий 113 необожженных глиняных табличек: таблички написаны шрифтом, характерным для времен Тиглат-Пиласара I, и в основном касаются квитанций на покупку скота. Было обнаружено много керамики, а также множество предметов, включая несколько римских императорских монет второго века. Северная часть города была облюбована ассирийскими царями и, соответственно, содержит остатки нескольких храмов и дворцов, но руины частных домов, возможно, представляют даже больший интерес, чем дворцы царей и обители богов. Они небольшие по размеру, но, очевидно, были тщательно осушены. Внутри домов было обнаружено несколько могил, по-видимому, относящихся к тому же периоду, что и сами дома. Во многих случаях археологи заявляют, что они обнаружили в могилах явные следы кремации. В Ашуре были найдены семь совершенно разных типов захоронений — склепы, глиняные саркофаги, подносы из обожженной глины, надетые на труп, кувшины, кирпичные могилы, глиняные черепки и земляные захоронения. Хранилища³⁰ имеют различные формы и размеры, выполнены из обожженного кирпича и, как правило, состоят из довольно просторной камеры и входной шахты. Тела — их всегда было больше одного в каждом склепе — лежали на полу в согнутом положении, окруженные всевозможными сосудами для питья, и во всех случаях имелась небольшая ниша для лампы. Глиняные саркофаги отличаются еще большим разнообразием, включая кувшины, в которые запрессовывали тела, и кадки, как высокие, так и короткие, в которые помещали труп в сидячем положении, хотя оба этих класса включают в себя множество различных типов.

Другой тип погребения в сосудах, известный как “капсула”, состоял из двух сосудов, надеваемых на ноги и голову соответственно и прижимаемых друг к другу до соприкосновения, образуя таким образом “капсулу”. Кирпичные могилы были практически кирпичными саркофагами, могилы строились в виде гробов, но найдено было лишь несколько таких. Могилы с черепками получили такое название из-за использования черепков для прикрытия трупов. По-видимому, эти различные методы захоронения

сосуществовали в одно и то же время, и, соответственно, их нельзя классифицировать по периодам, как это в некоторой степени имело место в раннем Египте.

Что касается городских укреплений, то надписи различных царей, которые строили, ремонтировали или перестраивали их, дают нам много информации, но сами раскопки до настоящего времени сообщили нам не так много, как мы могли бы пожелать. Реставрационные работы Салманасара II на южной стене были идентифицированы по глиняным конусам этого царя, найденным в верхней части стены, в то время как в некоторых своих надписях Салманасар называет себя строителем самого "Дуру". Причальная стена, построенная Адад-нирари I, отреставрированная Адад-нирари II, а позже Адад-нирари III, была раскопана на протяжении почти 490 ярдов своей длины; она сложена из блоков известняка и облицована кирпичом со стороны реки, причем целостность всему придается за счет обильного использования асфальта и глиняного раствора. Также была найдена часть городского рва, построенного Тукульти-Нинибом I, раскопки также показали восстановление городской стены, за которое, вероятно, отвечал Ашшур-нашир-пал.

В 1908 году были проведены раскопки храма, возведенного в честь бога Небо в Ашшуре Син-шар-ишкуну, последним царем Ассирии (около 615 г. до н.э.).³¹ Было установлено, что общий план этого позднеассирийского храма соответствует плану храма Ану-Адад, а также храма, построенного Саргоном в Хорсабаде.³² Из руин Ашура были извлечены многочисленные стелы и другие каменные памятники; они включают базальтовую стелу из Тукульти-Ниниба,³³ стелу из Тиглат-Пилесера III и другую из Ашур-реш-иши II,³⁴ известняк стела Ашур-насир-паль, алебастровая стела с изображением царя, поклоняющегося богу и богине, которая чем-то напоминает баварский рельеф Сеннахериба,³⁵ и фрагменты скульптуры из диорита³⁶ с маленькими фигурками, напоминающими стиль искусства, характерный для периода Хаммурапи. Интерес к этим памятникам в основном сосредоточен на надписях, которые проливают новый свет на количество и порядок правления ассирийских царей.

Тем временем американцы, начало раскопок которых в Вавилонии было столь многообещающим, снова вышли на поле боя. На Рождество 1903 года экспедиция, отправленная Фондом восточных исследований Чикагского университета под руководством профессора Р. Ф. Харпера (Э. Дж. Бэнкс в качестве полевого директора), начала раскопки в Бисмае, так называется группа курганов, расположенных между Тигром и Евфратом, к югу от Багдада. Курганы очень обширны, около мили в длину и полумили в ширину, но их высота очень мала по сравнению с другими курганами, такими как Эрех, Ниппур (ср. X) или Борсиппа. Храм был первым зданием в Бисмае, привлечшим к себе внимание, отчасти из-за того, что оно оказалось скрытым под одним из самых высоких бисмаянских курганов, а отчасти потому, что общая форма кургана наводила на мысль о возможном существовании башни-сцены под его разрушенными обломками. Траншеи, вырытые со всех сторон кургана по направлению к центру, вскоре обнажили нижний этаж одной из этих храмовых башен, второй этаж которой исчез, хотя было найдено несколько обожженных кирпичей, составлявших его внешнюю оболочку. Сохранившаяся нижняя ступень состояла из грубых кирпичей и глины, но была облицована обожженным кирпичом толщиной около четырех футов. На многих из этих облицовочных кирпичей было начертано имя Дунги, царя Ура (ок. 2400 г. до н.э.). Под кирпичами Дунги был найден еще один слой обожженных кирпичей, некоторые из которых носили имя Ур-Энгура, непосредственного предшественника Дунги на троне Ура. Из найденных небольших предметов тремя наиболее интересными были тонкая полоска золота, найденная примерно на два фута ниже обожженных кирпичей Дунги и носящая имя знаменитого Нарам-Сина, сына Шаргани-шарри из Агаде, а второй была маленькая статуэтка из белого мрамора, найденная на небольшом расстоянии от золотой

полоски и соответствующая стилю искусства, характерному для эпохи Нарем-Сина, в то время как третьей была еще одна мраморная статуэтка, относящаяся к раннему шумерскому периоду и очень похожая на те, что были раскопаны в Нарам-Сине. самые низкие слои в Телло (Лагаш). Эта статуя (см. рис. [32](#)), вероятно, уникальна как статуя в круге, относящаяся к столь раннему периоду, и особенно примечательна тем фактом, что руки в данном случае полностью отделены от тела и полностью вырезаны в круге.

Чуть ниже места, где было найдено золото Нарам-Сина, были найдены большие кирпичи площадью около 18 квадратных дюймов, относящиеся к эпохе Шаргани-шарри, в то время как многочисленные надписи этого же царя были обнаружены в некоторых других курганах Бисмаи. Под большими саргоновыми кирпичами находился слой тонких продолговатых кирпичей с отметинами в виде пальцев, в то время как еще ниже, примерно в пяти футах под поверхностью, были обнаружены маленькие плосковыпуклые кирпичи, покрытые битумом.

Вокруг башни храма было найдено огромное количество фрагментов ваз из мрамора, порфира, гранита, алебастра и оникса, а также бесчисленные предметы из слоновой кости, перламутра, металла и камня.

Что касается самого храма, то с юго-восточной стороны был обнаружен вход, основными сохранившимися элементами которого были мраморные ворота, опирающиеся на две плиты розового мрамора. В южном углу обнаружилась комната овальной формы, которая когда-то была покрыта куполообразной крышей. Но основание башни храма имело глубину даже ниже слоя, содержащего маленькие плосковыпуклые кирпичики, которые еще предстояло разгадать.

Примерно в шестнадцати-семнадцати футах под поверхностью находится большой металлический шип (см. рис. [40](#)), заканчивающийся головой льва, был обнаружен, в то время как еще гораздо ниже, примерно на тридцать девять-сорок футов ниже уровня кургана, было обнаружено несколько фрагментов черной керамики, изготовленной на колесах. Дата этой керамики, изготовленной на колесах, конечно, неизвестна, но, судя по глубине, на которой она была найдена, доктор Бэнкс, полевой руководитель экспедиции, предполагает дату в 10 000 г. до н.э. В том же 1903 году, когда проводились эти успешные раскопки в Бисмае, Ниневия, разрушенные курганы, некогда знаменитый город которых уже принес такой богатый урожай великим пионерам в области исследования Месопотамии, привлекли дополнительное внимание попечителей Британского музея, которые отправили экспедицию под руководством г-на Дж. Л. У. Кинг и Р. К. Томпсон с целью дальнейших раскопок кургана Куянджик. Главным результатом раскопок, проводившихся там в период с 1903 по 1905 год, стало открытие места расположения храма Набу, который, однако, был так безжалостно разрушен — предположительно эламитами, — что полного плана храма составить не удалось.

Тем временем раскопки в Телло (Лагаш), которые были внезапно прекращены из-за смерти блестящего французского экскаватора (М. де Сарзека) в мае 1901 года, были возобновлены в январе 1903 года под руководством капитана Гастона Кро. Главным новым открытием была массивная фортификационная стена, построенная Гудеа (около 2450 г. до н.э.). Ее толщина составляет около тридцати двух с половиной футов, а местами она все еще находится на высоте двадцати шести футов. Капитан Кро также раскопал большое прямоугольное здание и обнаружил различные представляющие интерес предметы, включая орудия труда из кремня и меди, а также клеймо Нарам-Сина на кирпиче, которое можно рассматривать как свидетельство того, что строительные работы велись в Лагаше семитским царем Агаде в период семитского господства.

ГЛАВА III—РАСШИФРОВКА КЛИНОПИСНЫХ НАДПИСЕЙ

Т Первым человеком, принесшим сообщения о клинописных надписях в Европу, был Пьетро делла Валле, итальянец, принадлежавший к римской семье благородного происхождения. В 1614-26 годах он совершил путешествие в Турцию, Египет, Палестину, Персию и Индию и опубликовал отчет о своих путешествиях в 1650 году, но первое сообщение об открытии им клинописных надписей в Персеполе содержалось в письме, написанном из Шираза и датированном 21 октября 1621 года. Иосафат Барбаро в конце пятнадцатого века уже обратил внимание на странные знаки, обнаруженные на памятниках Персеполя, но Пьетро делла Валле был первым, кто заподозрил, что надписи представляют собой нечто большее, чем просто декоративные насечки на скале. Но хотя Пьетро делла Валле сделал копии нескольких надписей на стенах разрушенных дворцов Персеполя еще в 1621 году, Шардену (1674) принадлежит честь создания первой копии полной клинописной надписи, так называемой “Надписи на окне”, самой короткой из трехязычных ахеменидских надписей, и его копию можно найти в отчете о его путешествиях (опубликован в 1711 году). Эта же надпись была скопирована в 1694 году Кампфером, который также скопировал вавилонский текст надписи “Н”, найденной в Персеполе, и который первым применил термин “клинопись”. В работе, которую он опубликовал в 1712 году, он обсуждает, является ли неизвестный шрифт алфавитным, слоговым или идеографическим, и принимает решение в пользу последнего. В 1701 году голландец Де Брюин начал свои путешествия: 1704 год он посвятил исследованию руин Персеполя, а десять лет спустя опубликовал две новые трехязычные надписи в дополнение к древнеперсидской и вавилонской, но копировать - это одно, а расшифровывать - совсем другое, и прошло почти столетие, прежде чем был достигнут какой-либо реальный прогресс в разгадке этих загадочных знаков и реконструкции языков, которые они воплощали. В 1762 году была опубликована надпись на вазе Ксеркса, найденной графом Кайлусом, и в том же году была опубликована четырехязычная надпись этого царя. В 1765 году датчанин Карстен Нибур скопировал несколько ахеменидских надписей в Персеполе и указал, что первая из трех колонок каждой из найденных трехязычных надписей содержала только сорок две разновидности клинописи, из чего он справедливо предположил, что система в первой колонке не была ни идеографической (каждый знак представляет слово), ни слоговой (каждый знак представляет слог), а алфавитной. С 1798 года Тихсен и Мюнтер, также датчане, продолжили работу, начатую Нибуrom, и опубликовали свои результаты в 1802 году. Мюнтер правильно предположил, что вездесущий диагональный клин служил для отделения слов друг от друга, и одно слово, встречающееся в начале каждой надписи, он справедливо счел словом, обозначающим “короля”. Тем временем Зенд³⁷ язык более поздней зороастрийской веры был открыт заново, и с его помощью де Саси смог расшифровать ³⁸ надписей. Теперь только более старые персидские надписи ахеменидских царей ожидали интерпретации. В 1802 г. Фридрих Гротефенд из Ганновера, школьный учитель по профессии, занялся этой областью и благодаря следующему процессу рассуждений стал первооткрывателем части персидского клинописного алфавита и первым расшифровщиком полной клинописной надписи. Древние писатели снабдили его чрезвычайно важной информацией о том, что дворцы Персеполя, среди руин которых было найдено так много этих клинописных надписей, были построены ахеменидскими царями. Более того, надписи Пехлеви, которые также были найдены на этом месте и были расшифрованы де Саси, заставили его ожидать, что клинописные надписи будут содержать нечто аналогичное. Гротефенд уже убедился, что надписи читаются слева направо, и, выбрав две короткие надписи, одну выгравированную на столбе ворот здания на второй дворцовой террасе, а другую выгравированную на стене здания на третьей дворцовой террасе в Персеполе, он

приступил к своим успешным исследованиям. Обе надписи содержали группу знаков, которые, как уже справедливо предположил Мюнтер, обозначали "царя", хотя то, что по-персидски означало "царь", оставалось пока неизвестным, с той лишь разницей, что в надписи I "царю" предшествовала группа знаков, которую удобно обозначить "X", в то время как в надписи II "царю" предшествует группа знаков, которая может быть названа "Y", и, более того, в надписи II "X" и следующее за ним слово, обозначающее "царь", стояли после "Y" + "king". С другой стороны, в I за "X" + "king" следовала другая группа знаков, которая может быть обозначена как "Z", однако без обычного сопровождающего "king".

Таким образом, I читается как "X" + король..... "Z"
 А II читается как "Y" + король..... "X" + король.

Исходя из этого, Гротефенд пришел к выводу, что группы знаков "X", "Y" и "Z" представляют имена собственные, и что поскольку "X" и "Y" сопровождаются словом "царь", это должны быть имена царей и, наконец, имена ахеменидских царей, поскольку древние авторы утверждали, что эти дворцы в Персеполе были построены ахеменидскими царями, и, более того, их положение предполагает, что эти имена собственные должны находиться в генеалогической связи друг с другом. В I "X" должен быть сыном "Z", а во II "Y" должен быть сыном "X"; "X" и "Y" сопровождаются знаком "король", "Z" нет, следовательно, "Z" отец "X" не является королем, и, следовательно, "X" предположительно является основателем династии. Но помимо этой гипотезы, некоторые из имен пяти царей, составлявших (к счастью) короткую ахеменидскую династию — Кир, Камбиз, Дарий, Ксеркс и Артаксеркс — были сразу исключены судом: таким образом, о Кире и Камбизе не могло быть и речи, поскольку "X" и "Y" не начинались с одной и той же клинописной буквы (следует помнить, что уже было справедливо предположено, что система была алфавитной), и, более того, отца и сына Кира звали Камбизами, и, соответственно, если "X" и "Y" начинались с одной и той же клинописной буквы). "если бы был Сайрус, то "Y" и "Z" должны были бы совпадать, а это не так. Кир и Артаксеркс также были дисквалифицированы, поскольку такого расхождения в длине слов не было, таким образом, оставалось рассматривать только Дария и Ксеркса, и поскольку отец "X", "Z", не называется царем, и также известно, что Гистасп, отец Дария, не именуется "царем" классическими авторами, "X" было справедливо принято за Дария. Выяснив древнейшие формы имен рассматриваемых ахеменидских царей у классических авторов, а также в еврейской и персидской литературе, он применил эти формы к группам клинописных знаков, которые, как ему показалось, они представляли, и он обнаружил, что соответствующие группы содержали такое же количество отдельных знаков, какое в рассматриваемых именах собственных содержали буквы, и для

"X" он соответственно прочитал—D A R — U SH = Дарий
 "Z" он прочитал—G O SHN T A S P = Гистасп
 — зендская форма имени.

Но "Y", которое, согласно его гипотезе, должно было означать Ксеркса, было не так-то просто объяснить. Он уже знал значения четырех или пяти из семи знаков, составляющих группу "Y", и эти известные значения встречались в том порядке, в каком он ожидал, но с

первым и третьим знаками в группе еще предстояло разобраться. Гротефенд заметил, что первый знак совпадает с первым знаком группы, правильно угаданной Мюнтером для обозначения “короля”: он установил, что греческая буква “х” была транслитерирована в зенде через “kh”, и справедливо предположил, что греческая буква “х”, начинающаяся с имени собственного Ксеркес, будет аналогично транслитерироваться через “kh” в древнеперсидском, другими словами, первый знак в группе следует читать как “Kh”. Результатом исследований Гротефенда стало открытие правильных значений для восьми букв персидского клинописного алфавита, буква “а” уже была правильно прочитана Тихсенем и Мюнтером. Правильность его метода расшифровки была подтверждена уже упоминавшейся четырехязычной надписью на вазе. Первая версия этой последней надписи написана египетскими иероглифами и была расшифрована Шампольоном как имя Ксеркса. Остальные три версии написаны клинописными знаками, первая из которых, древнеперсидская, содержала точно ту же группу знаков, что и та, которую Гротефенд прочитал как Ксеркса на надписи из Персеполя. Как говорит Сэйс³⁹ Уэлл, расшифровка клинописи и все далеко идущие последствия, вытекающие из нее, зависели от удачной догадки, но догадки, сделанной “в соответствии с научным методом”, и именно на открытии Гротефенда были основаны все последующие попытки расшифровать клинопись - персидскую, мидийскую или ассирийскую. Но, к сожалению, хотя Гротефенд таким образом дал ключ к разгадке и указал путь всем будущим ученым, его собственное незнание восточных языков помешало ему собрать полный урожай своего блестящего поступления, и работа, столь благородно начатая, была завершена лишь позднее.

Следующий большой шаг вперед был сделан французским ученым Эмилем Бюрнуфом в 1836 году; он обнаружил, что одна надпись содержала список сатрапий, а поскольку названия сатрапий были известны от греческих авторов, он смог, опираясь на уже достигнутое частичное знание алфавита, подогнать названия к клинописным знакам, и в результате он составил алфавит из тридцати букв, в основном правильный. Примерно в то же время Лассен присвоил правильные значения почти всем буквам алфавита и дополнительно продемонстрировал, что язык надписей был сродни языку зендов, а также санскриту, хотя и не был идентичен ни тем, ни другим.

Тем временем Роулинсон вступил в дело и, будучи прикрепленным к британской миссии в Персии, имел возможности, которых не было у других, его положение позволяло ему копировать и в последующем использовать выжимки⁴⁰ надписи на священной скале Бехистун, которая заполнена именами собственными. Французский путешественник Оттер, по-видимому, был первым европейцем, обратившим внимание на скалу с надписями в Бехистуне, примерно в 1734 году, и она также упоминается Оливером, но самое раннее упоминание о ней содержится в Истории Диодора Сицилийского, который процветал в первом веке н.э. Киннейр, который видел ее в 1810 году, утверждает, что ясно, что изображенные там фигуры того же возраста и характера, что и фигуры из Персеполя. В 1818 году Портер сделал набросок фигур, но не пытался скопировать надпись, несмотря на опыт, который он приобрел при копировании надписи в Персеполе. Скопировать ее было нелегкой задачей, так как Роулинсона пришлось спускаться в корзине сверху, поскольку имевшиеся у него с собой лестницы были недостаточно длинными, чтобы дотянуться до верхней части надписи снизу. Он отправил свой экземпляр⁴¹ Эдвину Норрису, секретарю Королевского азиатского общества, который тщательно переработал его, и в 1849 году был опубликован анализ и комментарий к тексту. Наряду с Роулинсоном и Норрисом следует упомянуть ирландского священника Хинкса, который благодаря своему непревзойденному гению в расшифровке надписей первым обнаружил, что алфавит не является истинным, но что к каждой из согласных присоединен гласный звук; а также Бира Хольцмана и

Вестергаарда, которые внесли свой вклад в работу по исследованию и сделали открытия как в грамматике, так и в лексиконе. Роулинсон действительно не может утверждать, что действительно обнаружил первый ключ, который привел к расшифровке клинописи, но его перевод Бехистунской надписи, несомненно, был самым ценным вкладом, когда-либо внесенным в разгадку древнеперсидского языка. Более того, поначалу его работа была совершенно независимой от работы Гротефенда, и без какой-либо помощи последнего он расшифровал имена Кира, Гистаспа и Дария на надписях из Эльвенда и Хамадана еще в 1835 году. Таким образом, усилия, длившиеся полвека, в конце концов привели к открытию нового алфавита и возрождению старого языка. Персидские тексты на надписях сопровождалась двумя другими текстами, которые, как предположил Гротефенд, должны были быть двумя другими основными языками, используемыми в Персидской империи. Третий текст, очень похожий на надписи на кирпичах и цилиндрических печатях, найденных в Вавилоне, естественно и правильно был принят за ассирийский.⁴² Расшифровка этой третьей расшифровки была сопряжена со всевозможными трудностями; существовало такое бесконечное разнообразие знаков простого и сложного порядка, и не было абсолютно ничего, что указывало бы, где начиналось или заканчивалось то или иное слово или предложение, и, кроме того, иероглифы на памятниках из Персеполя очень значительно отличались от тех, что были найдены на вавилонских памятниках, которые также очень сильно различались между собой. На цилиндрах с печатями они были особенно сложными, и было почти невозможно увидеть какое-либо сходство между буквами на последних и символами персеполитанских надписей.

Но свет должен был прийти из другой стороны: в 1842 году Ботта, французский консул в Мосуле, начал раскопки на месте Ниневии, но, не добившись успеха, перенес свои операции в Хорсабад, расположенный дальше на север, и там раскопал большой дворец, который впоследствии оказался дворцом Саргона. В 1845 году Лейярд приступил к работе и провел наиболее успешные раскопки в Нимруде (древнем Калахе), а затем в Куюнджике, одном из курганов, которые представляют собой территорию Ниневии.

Ботта опубликовал надписи, которые он нашел в 1846-50 годах, а также классифицировал знаки, которых насчитывалось 642, в то время как он далее продемонстрировал идентичность клинописной системы надписей Ниневии с системой третьей колонки на персеполитанских памятниках, но несравненному Хинксу предстояло обнаружить тот факт, что ассирийская клинописная система была слоговой, а не алфавитной, как персидская.

Имена собственные в персидских колоннах дали первый ключ к расшифровке ассирийских колонн. Полученные таким образом значения для некоторых ассирийских знаков позволили прочесть многие слова, их значения определялись путем сравнения с персидскими столбцами. Затем стало ясно, что ассирийский был семитским языком и, в частности, напоминал иврит; это было убедительно доказано Де Сольси в 1849 году. В 1850 году Роулинсон представил Королевскому азиатскому обществу перевод надписи на Черном обелиске Салманасара II, перевод, который в основном был правильным, а в следующем году он опубликовал текст и перевод ассирийской расшифровки Бехистунской надписи и объявил о двух фактах, один из которых уже известен, а именно, что ассирийские знаки могут использоваться идеографически, то есть для обозначения объекта или идеи, а также для обозначения просто слога, другой факт заключался в том, что символы были полифоническими, то есть могли представлять более одного слога. каждый слог: это было еще раз наглядно доказано грозным Хинксом. Оба факта одинаково доказывали, что ассирийская клинопись имела свое происхождение от графического письма, поскольку в

позднейшие времена, когда клинопись была как бы полностью стереотипной, знаки все еще использовались отдельно для обозначения объекта или идеи, а также полифонический характер отдельных знаков свидетельствовал об одном и том же происхождении, например, изображение руки означало не просто “руку”, но также “силу”, “мощь”, “хватку” и т.д., И, таким образом, хотя знак — по крайней мере, первоначально — имел только одну общую идею, связанную с ним, у него было бы довольно много фонетических значений: сначала эти фонетические значения были бы неразрывно связаны с корневой *идеей*, но со временем, когда знак стал курсивным и развился и больше не походил на исходное изображение, различные фонетические значения знака не обязательно имели бы какое-либо отношение к исходной корневой идее.

Например, символ с *значением* и *фонетическим* значением слова “*побеждать*” в более поздние времена стал обозначать слог “*побеждать*” совершенно отдельно от основного значения слова win, таким образом, знак мог использоваться для обозначения первого слога в слове *winter*.

В 1857 году Королевское азиатское общество предложило проверить достоверность переводов ассирийских надписей, предложенных учеными, следующим образом: около восьмисот строк клинописи, содержащихся на глиняных цилиндрах, найденных Лейардом в Халат-Шерхате, древнем Ашуре, должны были быть независимо переведены любыми учеными, которые были готовы принять это предложение; переводы должны были быть отправлены под печатью секретарю общества и должны были быть вскрыты вместе и рассмотрены комиссией в установленный день. Роулинсон, Фокс Тэлбот, Хинккс и Опперт вошли в списки, и 25 мая их соответствующие продукты были открыты и сравнены. Большое сходство, которое все они демонстрировали, служило убедительным доказательством правильности метода расшифровки и, наконец, продемонстрировало, что проводимые исследования вместе с результатами этих исследований не были простыми умозрительными догадками, а основывались на надежных научных принципах.

Нашей благодарности заслуживают многие другие ученые за тот вклад, который они внесли в расшифровку клинописных надписей, из которых, возможно, можно особо назвать Вестергаарде, Левенштерна, Де Сольси и Лонгперье, но для описания конкретных достижений каждого читатель должен обратиться к общим работам по этому вопросу.⁴³

ГЛАВА IV—КЛИНОПИСНЫЕ НАДПИСИ

Все алфавиты и все способы письма берут свое начало в рисунках или иероглифах, и клинопись не является исключением из этого универсального правила. Когда ранние изобразительные символы использовались для обозначения объектов и идей, отличных от конкретного объекта, представителем которого является символ, точность или неточность рисунка становилась делом второстепенной важности, и неизбежная тенденция набрасывать рисунок как можно быстрее заканчивалась, в конечном счете, эволюцией чисто скорописи. В Месопотамии этот процесс развития — или упадка — был ускорен природой материала, использовавшегося в более поздние времена для всех обычных письменных целей, то есть избыточной глины долины, поскольку на таком пластичном веществе, как глина, невозможно было нарисовать линии и изгибы, необходимые для создания рисунков. Форма, которую принимают знаки, образующие иероглифы, была вызвана той же причиной: точка, в которой перо впервые соприкасается с мягкой глиной, неизбежно оказывается толще, чем остальная часть штриха, который автоматически сужается, принимая форму клина. Но так сильно влияние привычки и так сильна тенденция к подражанию, что мы находим клинописные знаки, которые были обязаны своим клиновидным образованием целиком и исключительно использованию глины в качестве материала для письма, добросовестно и рабски скопированными на колоссальных каменных быках, стелах и настенных рельефах позднейших ассирийских царей.

Первые дешифровщики клинописи не имели конкретных знаний о ее пиктографическом происхождении, поскольку все обнаруженные в то время надписи содержали один и тот же стереотипный и скорописный шрифт, но с тех пор было обнаружено огромное количество архаичных надписей, которые убедительно доказывают, что клинопись как таковая не была изобретением ни семитов, ни шумеров, а была просто последней стадией процесса вырождения, которому были подвержены ранние рисунки досемитских шумеров. На следующих иллюстрациях (рис. 1 и 2) у нас есть ряд символов, взятых из реальных надписей и расположенных, так сказать, в порядке эволюции,⁴⁴ знак в левой колонке содержит самую архаичную форму знака, какую только удалось обнаружить, знаки в правой колонке показывают постепенный переход к скорописи клинописью, в то время как последний знак в колонке — обычная позднеассирийская идеография. Таким образом, в “А” мы имеем грубое изображение лежащего человека, и можно проследить ход его развития или разрушения по различным формам, которые он принял на памятниках и кирпичах, расположенных в порядке следования. Учитывая обычный клинописный знак, обозначающий “человека” сам по себе, было бы совершенно невозможно предположить, что он вообще возник на изображении человека. Ниже (“В”) мы видим древнешумерский иероглиф, обозначающий “царь”, представляющий собой лежащего человека, увенчанного либо короной, либо зонтиком как частью знаков отличия королевской власти. На букве “С” изображена голова человека в лежащем положении, губы представлены двумя наклонными линиями, в то время как ряд символов в центре иллюстрирует различные формы, которые знак принимал на кирпичах и памятниках, а расположение показывает процесс, в результате которого первоначальный иероглиф постепенно утратил все следы своего изобразительного происхождения и превратился в курсивный стереотипный знак, основное значение которого — “рот”. Ниже у нас есть еще одно грубое изображение головы мужчины, но на этот раз он носит бороду, что наводит на мысль о взрослом мужчине; следовательно, значение ассирийского иероглифа “сила”, “быть сильным” или “защита”. На рисунке “Е” изображено растение в горшке: этот знак, вместо того чтобы упрощаться по мере продвижения к клинописи, становится парадоксальным образом более сложным, пока, наконец, не исчезает

и не принимает свою обычную форму курсива, основным значением которой является "кипарис". Ниже ("F") видны два растения, которые также растут в горшке: прогресс снова очевиден, значения идеограммы - "растение" и "одежда"; это последнее значение, вероятно, придано знаку благодаря использованию льна в качестве материала для одежды. Буква "G", по-видимому, представляет собой дерево, растущее у воды; поздний клинописный знак имеет множество значений, но ни одно из них не предполагает какой-либо непосредственной связи с очевидным значением иероглифа, из которого он был развит. Буква "H" дает нам изображение тростинки, а поздний клинописный иероглиф является идеограммой "кану", что означает "тростинка".

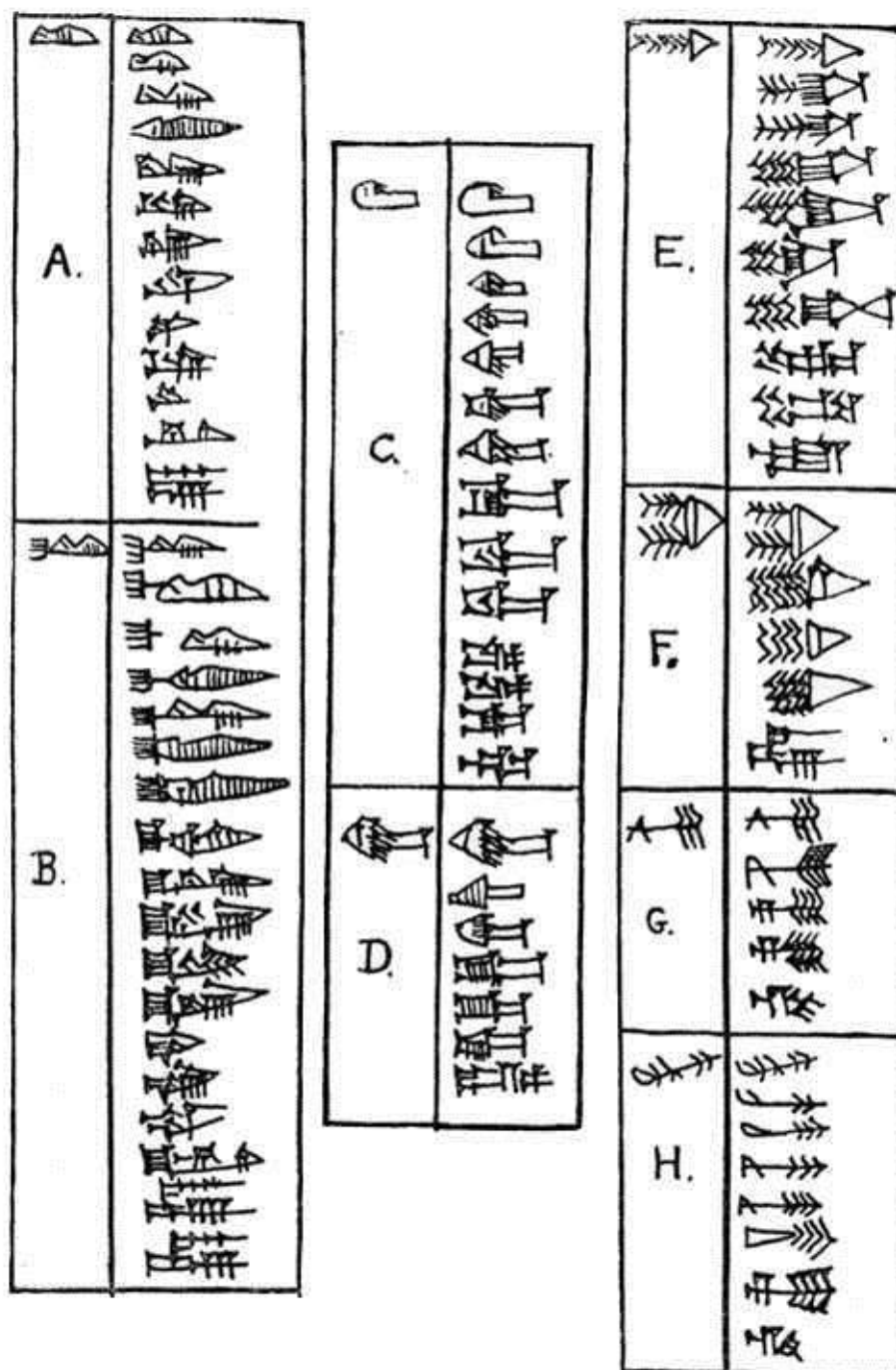

Рис. 1.— Из книги Харпера "Ветхозаветные и семитские исследования", том. II, стр. 241 и далее. —С разрешения.

На рис. 2, "Q", мы имеем изображение рыбы; производные от нее ассирийские идеограммы означают "рыбу", "очищать" (от приготовления рыбы к употреблению), бога Эа, поскольку его иногда изображают в виде рыбы, и, наконец, "принца" и "великого", поскольку оно ассоциируется с Эа. Ниже ("R") изображена другая рыба, снабженная чем-то похожим на спинной плавник, следовательно, ассирийский знак означает "широкий" или "чудовище".

Наша следующая иллюстрация ("I") связана с водой: здесь мы видим волнистые линии, обозначающие воду, которая аналогичным образом изображена как в египетских, так и в китайских иероглифах. Ниже ("J") изображены небольшие оросительные каналы, по которым орошаются сады: отсюда клинописная идеограмма получила значение "поле" и обозначает два разных ассирийских слова — "гину" и "иклу", оба из которых означают "поле". Несколько сомнительно, что должен обозначать иероглиф в букве "K": Хоммель рассматривал его как изображение кожаной бутылки, что вполне естественно наводило на мысль о значении "пустыня"; Бартон, с другой стороны, с возможно большей вероятностью рассматривает его как грубый контур долины Евфрата с ее двумя реками и ее "редкими участками орошаемой и очень плодородной земли", обозначенными поперечными линиями, и он справедливо говорит, что это объясняет значения "равнина" и "земли", а также расширение "пустыня", "возвышенность". страна" и, наконец, "назад". В "L" мы видим изображение дома, которое, однако, вряд ли соответствует нашему представлению о том, каким должен быть дом: клинописный знак, производный от него, является идеограммой для "биту" (еврейское "Бет", встречающееся в именах собственных Вифлеем, "дом хлеба", Вифшемеш, "дом солнца" и т.д.), обычного ассирийского слова, обозначающего "дом".

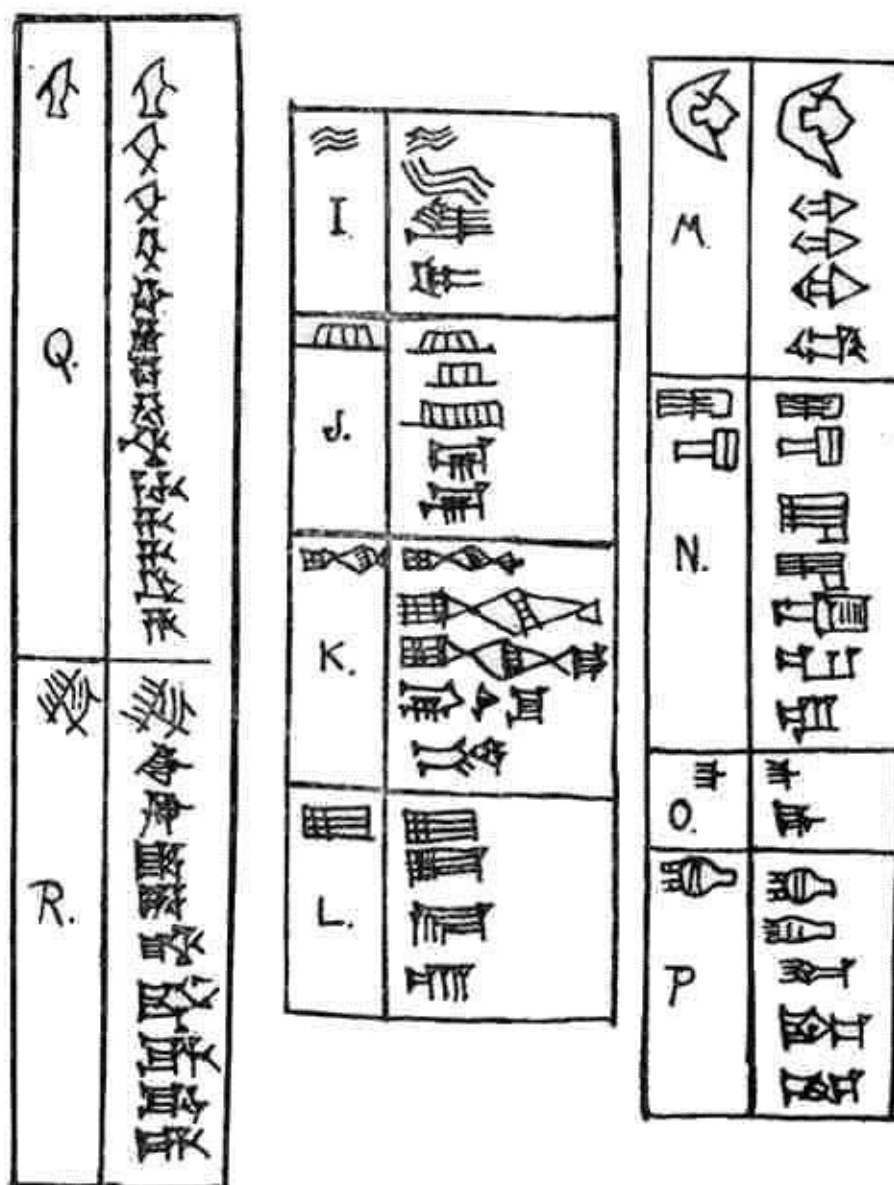

Рис. 2.— Из книги Харпера *"Ветхозаветные и семитские исследования"*, том. II, стр. 241 и далее. —С разрешения.

Следующая цифра ("М") показывает нам закрытый и дымящийся горшок; следовательно, значения более позднего клинописного знака - "извергаться", "ликовать", "радоваться". Буква "N" несколько сомнительна, но, вероятно, она обозначает "жреческое одеяние", поскольку клинописный знак, производный от нее, является ассирийской идеограммой, означающей "шангу" - "священник". Буква "O", по-видимому, представляет собой грубое изображение либо короны, либо церемониального зонтика как эмблемы величия, изображение ассирийского царя в сопровождении раба, в обязанности которого входит держать зонт над головой своего царственного господина, которое часто встречается на барельефах, украшавших стены дворцов, и является достаточно знакомым. Как бы то ни было, клинописный знак - это обычная идеограмма "рабу" (корень, встречающийся в Рабшаке, Рабсарисе и т.д.), что означает "великий"; мы уже видели этот знак в сочетании с изображением человека, оба вместе означают "царь". В букве "P" мы видим изображение чаши, в которую были вставлены две трutowые палочки с целью их воспламенения трением; отсюда происходит значение клинописного знака, развившегося из него, - "огонь".

Как уже указывалось, ассирийские и вавилонские писцы в основном использовали глину для письма; но камень также широко использовался с древнейших до позднейших времен. Каменные обелиски, колоссальные статуи быков и львов и, наконец, барельефы, украшавшие стены королевских дворцов, как правило, были покрыты надписями, клинья которых иногда достигали двух дюймов. При нанесении надписей на скульптуру вырезанные фигуры были полностью проигнорированы, надпись была высечена невзирая на каждую деталь резьбы. Камень, однако, иногда использовался исключительно как материальный носитель для увековечения юридического соглашения или увековечения работы какого-нибудь самодовольного вельможи, и таблички из известняка или алебаstra существуют в большом количестве, хорошими примерами чего являются таблички Рим-Сина и Син-Гамиля, правителей древнего города Ларса.

Пограничные камни или земельные знаки образуют еще один интересный класс каменных объектов с надписями. Тексты относятся к землевладению и передаче собственности, в то время как верхняя часть большинства этих памятников в форме валунов украшена рельефными мифологическими эмблемами. Они относятся почти исключительно к касситскому периоду. Иногда кажется, что план поля был высечен на камне, отмечавшем его границу. Хорошим примером такого пограничного камня является камень Навуходоносора I, который был обнаружен в Ниппуре и опубликован У. Дж. Хинке;⁴⁵ еще одной интересной особенностью этого камня является то, что на нем начертан гимн Эн-лилу, богу Ниппура.

Но ни вавилоняне, ни ассирийцы не ограничивались исключительно использованием глины и известкового камня в качестве материала для написания своих надписей. Иногда для этой цели использовались самые твердые вулканические породы, несомненно, учитывая их долговечность и способность противостоять разрушительным воздействиям времени и климата. Так, в ходе немецких раскопок в Вавилоне была обнаружена пластина из долерита размером около полутора квадратных футов с надписью Адад-нирари, сына Ашшур-дана. Точно так же Дунги и Бур-Син, цари Ура (около 2350 лет до н.э.), оставили нам надписи, высеченные на твердом диорите, причем сами надписи носят обетный характер, в то время как в Вавилоне была найдена дубинка из того же материала с надписью в десять строк. Различные статуи и стелы, сделанные из этих твердых вулканических камней и найденные как в Ассирии, так и в Вавилонии, хотя чаще всего на метрополии, практически всегда имеют надпись. Хорошим примером ассирийской надписи на базальте является надпись, найденная на базальтовой статуе Салманасара II (860-825 гг. до н.э.), которая была обнаружена в ходе недавних раскопок, проведенных Deutsche Orient-Gesellschaft в Ашуре. Опять же, на многочисленных каменных проемах ворот, обнаруженных в руинах ранних построек в Вавилонии, почти на всех начертаны имена и титулы человека, воздвигшего здание, и иногда первоначальная надпись была стерта или вовсе стерта, чтобы освободить место для надписи более позднего правителя, который, прекрасно зная о трудностях с добычей камня в низменной стране Вавилонии, не был настолько близорук, чтобы выбросить проемы ворот своего побежденного предшественника, а, напротив, использовал их для своего собственного нового здания. Так, например, затворная рама Лугаль-кигуб-нидуду, раннего царя Шумера, впоследствии была использована Шаргани-шарри, царем Аккада, при строительстве своего храма в Ниппуре.

Но иногда в качестве материала для гравировки надписей использовались сравнительно редкие камни, такие как лазурит: так, табличка, изготовленная из этого материала и посвященная Лугаль-тарси, ранним царем Киша, богу Ану и богине Нинни, хранится в Британском музее, а в ходе недавних раскопок в Вавилоне были обнаружены два бруска лазурита с рельефами, на обоих - клинописные надписи. На одном из них было изображено стоящее божество, увенчанное короной из перьев и держащее в каждой руке символ

молнии, в то время как его одеяние украшено тремя щитами, и дополнительно добавлена клинописная надпись из пяти строк; на другом изображен бог в аналогичной позе и одеянии, но с посохом и кольцом на груди и сжимающий в правой руке хвост двурогого дракона: пояс бога украшен фигурками, в то время как на одном из трех щитов, украшающих одеяние, изображены лошади, и есть изображение дракона. сопроводительная надпись из восьми строк.

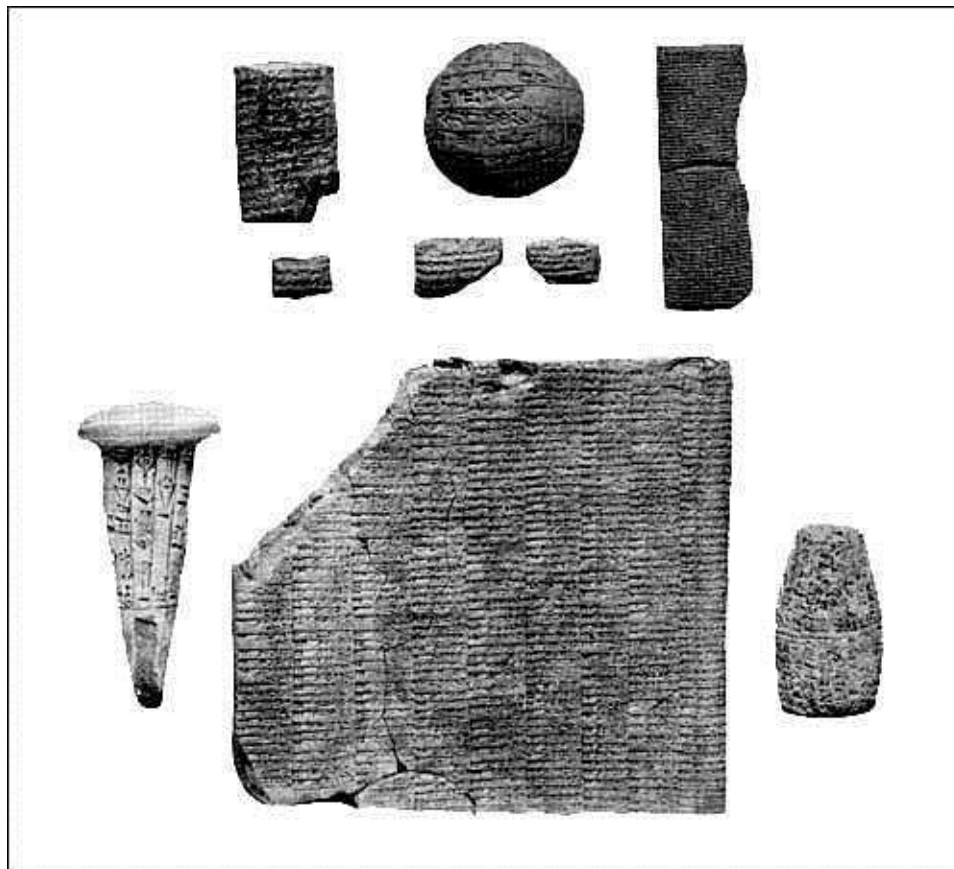
Металл аналогичным образом не был освобожден от использования на службе, в основном использовались бронза и медь. Таким образом, все женские статуэтки из Телло имеют надпись, эламскую или вавилонскую, в зависимости от обстоятельств, общий смысл которой заключается в том, что статуэтка предназначена для сохранения жизни дарителя: точно так же на колоссальном медном наконечнике копья, обнаруженном на том же месте, имеется королевская надпись, в то время как знаменитые бронзовые ножны для ворот из Балавата, относящиеся ко времени Салманасара II, являются, пожалуй, наиболее известным примером клинописных надписей, выгравированных на бронзе. Было найдено много бронзовых табличек ассирийского периода, а хорошо известный бронзовый порог Навуходоносора II представляет нам еще один превосходный пример надписи, выгравированной на металле. Более того, иногда наносились надписи на более драгоценных металлах, таких как серебро и золото. Надписи на золоте очень редки, но ни в коем случае не неизвестны. М. де Сарзек, например, нашел золотую пластину с клинописной надписью в Телло, а полоска золота с именем знаменитого Нарам-Сина из Агаде была обнаружена в ходе американских раскопок в Бисмайе.

Но глиняные таблички с надписями, бесчисленные по количеству и бесконечно разнообразные по размеру, форме и содержанию, намного перевешивают по важности все другие существующие виды клинописных надписей. Подробное рассмотрение последнего намного превысило бы необходимые рамки этого небольшого тома, но можно сказать несколько слов относительно основных классов обнаруженных табличек. Их размер и форма иногда указывают на период, к которому они принадлежат, иногда на предмет, с которым они связаны. Очень ранний тип представлен табличками, найденными ниже уровня здания Ур-Нины в Телло; рассматриваемые таблички, которые не были запечены в печи и имеют круглую форму, касаются продажи и купли земли. Похожие круглые таблички были найдены немецкими раскопщиками в Фаре, которые, однако, были запечены, а не высушены на солнце. Такие же округлые таблички из обожженной глины, очевидно, были в моде во времена Бурсина, поскольку было обнаружено несколько табличек, датированных его правлением и содержащих подробности, касающиеся определенной земельной собственности. Но самый распространенный тип глиняных табличек - это те, которые характеризуются прямоугольной формой, иногда квадратной, но чаще продолговатой, и сильно различаются по размеру. Таблички из коллекции Куюнджик, которая представляет собой самую большую и в некотором смысле единственную ассирийскую библиотеку, обнаруженную на сегодняшний день, варьируются от одного до пятнадцати дюймов в длину в готовом виде, многие из них сделаны из самой лучшей глины. Почерк иногда чрезвычайно мелкий, хотя и удивительно ясный и отточенный, и носит более или менее стереотипный характер. Астрология, астрономия, история, мифология, магия, медицина, математика, молитвы, гимны, списки богов, предзнаменования, лексикография и грамматика - все это хорошо представлено в этой знаменитой библиотеке. Многие тексты представляют собой копии древневавилонской литературы, сделанные переписчиками Ашшур-бани-пала и хранящиеся в царских архивах. Некоторые тексты двуязычны, верхняя строка содержит шумерскую идеографическую версию, а нижняя строка дает ассирийский

перевод, и эти двуязычные надписи вместе со слоговыми таблицами позволили ученым, во всяком случае, в какой-то степени, разгадать древнешумерский язык.

В 1873 году все ученые единодушны в том, что клинопись сценарий не был изобретен семитскими вавилоняне, а люди, которые говорили агглютинативный, в отличие от флективных языков, язык которых был поэтому, по крайней мере, в этом отношении сродни татарский языки. Однако в следующем году Джозеф Халеви, известный французский семитист, выдвинул теорию, которая полностью отрицала существование шумерского языка и объясняла идеографические тексты в уже упоминавшихся двуязычных надписях как тайнопись, понятную только жрецам; но на первый взгляд теории не хватало вероятности и даже правдоподобия. Халеви, это правда, выдвинул свою теорию в то время, когда изучение шумерского языка находилось в зачаточном состоянии, хотя вряд ли можно сказать, что оно вышло из детского возраста даже в наши дни, но, несмотря на это, было бы действительно странно, если бы жрецы приняли меры предосторожности и сохранили свои тайные знания на загадочном языке, а затем расстроили себя, подписавшись под ассирийским переводом. Более того, многие шумерские надписи касаются таких совершенно обычных вопросов, что чрезвычайно трудно понять, как могло возникнуть необходимость использовать загадочный язык, чтобы скрыть их. Более наглядное объяснение можно найти в теории, принятой большинством современных ученых, — что шумерский язык существовал бок о бок с семитским вавилонским и использовался во многом так же, как сегодня используется латынь.

Один класс табличек, который особенно легко отличить по форме и размеру, - это те, которые содержат юридические контракты на обмен землей, скотом и имуществом любого описания. Они небольшого размера, продолговатой формы, слегка вогнутые с обеих сторон, и в целом по внешнему виду напоминают небольшую узкую подушечку. Многие из этих табличек с контрактами были заключены в глиняные конверты для обеспечения их сохранности. Когда вавилоняне заключали контракт, договаривающиеся стороны обращались к юридическому или жреческому должностному лицу, и условия соглашения излагались на глиняной табличке, которая хранилась либо в храме, либо в архивной палате: кроме того, она была защищена глиняным конвертом, на котором условия, начертанные на табличке с контрактом, были скопированы в двух экземплярах; таким образом, были приняты все меры предосторожности для обеспечения сохранности оригинала документа. Иногда текст на конверте несколько отличается от текста, содержащегося в самом документе, и поэтому в таких случаях конверты представляют нечто большее, чем чисто архаический интерес, и представляют реальную лингвистическую ценность. С контракта были сделаны одна или две копии, которые хранились у одной или обеих договаривающихся сторон. Акт был подписан свидетелями, одним из которых был писец, который составил документ и скрепил его печатью. Печать обычно ставилась путем прокатывания маленькой цилиндрической печати по таблетке, пока она еще была влажной, хотя иногда оттиск печати наносился на трехсторонний глиняный конус, и этот конус прикреплялся к таблетке с помощью язычка, вставленного в вершину конуса, другой конец язычка соединялся с таблеткой куском влажной глины. Многие из этих табличек с контрактами относятся ко временам Хаммурапи, самого знаменитого царя Первой династии Вавилона (около 1900 до н.э.). На некоторых конвертах этих табличек есть оттиск цилиндрической печати, хороший пример которой можно найти на табличке с записью продажи участка земли Син-эрибаом и его братом Син-икишаму (брит. музейный № 92649). Глина, из которой изготавливаются таблички этого класса, обычно несколько темного цвета, и символы часто трудно прочесть.

Британский музей

Надписи на глине, иллюстрирующие размеры и формы табличек и т.д., использовавшихся
вавилонянами и ассирийцами

Более поздние, или неовавилонские, юридические и коммерческие документы демонстрируют большие различия в размере и форме, чем документы, относящиеся ко времени Первой династии Вавилона. Обычно они имеют продолговатую форму, но на табличках меньшего размера текст обычно написан таким образом, что каждая строка проходит по длине таблички, а не по ее ширине. Более крупные юридические документы этого периода иногда написаны на табличках совершенно исключительной толщины, их общий размер и форма мало чем отличаются от старинных латинских молитвенников.

Но контракты были не единственным видом надписей, защищенных глиняным конвертом или "футляром"; письма и депеши иногда разделяли одно и то же соображение. Подобно контрактам, письма были написаны на маленьких продолговатых табличках, которые можно было легко передать через вавилонскую и ассирийскую почту, то есть их доставлял посыльный, в обязанности которого входило доставить письмо по назначению. Как и следовало ожидать, на конверте в данном случае было указано имя человека, которому было адресовано письмо, а иногда и имя отправителя, точно так же, как в наши дни конверты с письмами иногда помечаются инициалами. Многие из этих писем носят царский характер и исходят от королей и принцев. До нас дошло довольно много писем и депеш от первых царей Вавилона своим чиновникам и губернаторам. Они затрагивают разные темы:

в одном из них Хаммурапи пишет Син-Идиннаму, приказывая ему отправить сорок семь пастухов в Вавилон, чтобы они могли дать отчет царю о стадах, находящихся под их опекой (брит. Mus. № 23122). В другом письме царь пишет тому же принцу с инструкциями арестовать трех чиновников и отправить их в Вавилон, в то время как в еще одном Хаммурапи пишет Син-Идиннаму с приказом восстановить некоего пекаря на его прежней должности. Сохранилась также часть официальной переписки Син-Идиннама. В одном сообщении он поручает сотруднику юридической службы вызвать определенного человека в суд (брит. Mus. № 12868). Обязанности Син-Идиннама, очевидно, были очень разнообразными и, должно быть, достаточно тяжелыми. В одном из этих посланий Хаммурапи приказывает Син-Идиннаму срубить несколько деревьев "Абба", необходимых металлургическим заводам (брит. закон № 26234). В другом он приказывает тому же персонажу позаботиться о наборе экипажей для транспортных барж (брит. Mus. № 27288). Другие содержат указания заняться ремонтом берегов Евфрата в различных местах. Но его обязанности не были исключительно гражданскими; в его ведение входили также судебные дела; так, король пишет ему по поводу спора между землевладельцем и его арендатором относительно уплаты арендной платы за землю, в то время как он постоянно получает приказы арестовывать провинившихся чиновников и других лиц, подвергшихся неправильному поведению. В одном письме (брит. Муз. № 12827) Хаммурапи предписывает Син-Идиннаму отложить дату определенного судебного разбирательства из-за присутствия истца, некоего Или-Иппалзама, в городе Ур на определенном празднике.

В другом месте (брит. Mus. № 12841) Хаммурапи сообщает тому же перегруженному работой чиновнику, что определенные лица аннулировали закладную, и приказывает немедленно прибыть в Вавилон Энуби-Мардуку, получившему свои земли в залог. Многие письма этих ранних вавилонских царей содержат царские пожелания относительно даты стрижки овец или сбора урожая кукурузы, а также инструкции относительно оросительных каналов.

В одном письме Самсу-илуна (брит. Mus. № 27269) инструктирует Син-Идиннама и судей Сиппара запретить определенным рыбакам ловить рыбу в запрещенных водах; в других случаях тем же судьям предписывается направить конкретное дело на рассмотрение в столицу (ср. Брит. Mus. № 27266). Другим собранием писем, написанных клинописью и на глиняных табличках, являются знаменитые письма Телль-эль-Амарны, обычно несколько большего размера и менее отчетливо продолговатые, чем обычные вавилонские послания. Большинство из них прямоугольные, хотя некоторые и овальные. Некоторые из них выпуклые с обеих сторон, некоторые плоские с обеих сторон, в то время как другие имеют плосковыпуклую или подушкообразную форму. Эти таблички были обнаружены в Телль-эль-Амарне в Египте; они представляют собой почти все, что осталось от официальной и дипломатической переписки, которая велась между фараонами Аменхотепом III и Аменхотепом IV Восемнадцатой династии (то есть они относятся к четырнадцатому или пятнадцатому веку до н.э.) и их различными должностными лицами и вассалами в Палестине. На некоторых табличках, найденных в Телль-эль-Амарне, начертаны письма от царя Вавилона, царя Митани, царя Алашии и других царских властителей, но поскольку они в основном представляют интерес для Палестинцев и египтян, подробное рассмотрение их было бы неуместно в этом томе.

Среди существующих более крупных прямоугольных глиняных табличек есть те, которые содержат слоги. Из-за ухудшения качества и упрощения, которому подверглись клинописные знаки с течением веков, ассирийские писцы сочли необходимым составить списки ранних вавилонских символов, добавив к ним то, что они считали более поздними ассирийскими эквивалентами. Большинство этих слоговых словарей состоит из трех столбцов; в среднем столбце приводится ассирийский знак, подлежащий объяснению, слева

- шумерское значение того же самого, а в правом столбце либо ассирийское название знака, либо ассирийское значение, а иногда и то и другое. Очевидно, что эти силлабарии имеют огромное значение для реконструкции древнешумерского языка.

Другие таблички ненормально большого размера посвящены астрологии, магии и медицине: две последние темы неразрывно связаны из-за того, что они шли рука об руку друг с другом; лекарство назначалось и применялось, но одного лекарства было отнюдь не достаточно для излечения пациента, на это могли повлиять только мощные чары мага.

Но самые большие глиняные таблички происходят из Вавилонии и содержат списки счетов, в основном касающихся зерна, крупного рогатого скота, ослов, ягнят, овец. Некоторые из этих табличек идеально квадратные и имеют длину до фута в каждую сторону, в то время как почти все они скорее квадратные, чем продолговатые: глина, из которой они сделаны, отличного качества, а вавилонские иероглифы, которыми они начертаны, необычайно четкие. Большинство из них можно отнести ко второй половине третьего тысячелетия до н.э., и многие из них конкретно датированы периодом правления Дунги, царя Ура, около 2400 г. до н.э. Но, как уже упоминалось, таблички не всегда были прямоугольными; иногда они принимали круглую форму. Таблички такого рода обычно написаны на шумерском языке и содержат списки земельных владений и полей с информацией об их размере, способности производить урожай и других деталях. Многие из этих круглых табличек датированы годом, получившим свое название в честь какого-нибудь примечательного события, как это было обычным способом датирования на заре вавилонской цивилизации. Таким образом, многие из этих списков датированы "годом, следующим за тем, в котором земля Хухнури была опустошена", и были составлены в правление Бур-Сина и других царей Ура, то есть во второй половине третьего тысячелетия до н.э.

Глина, из которой сделаны эти таблички, тончайшая, а надписи чрезвычайно четкие; они варьируются примерно от двух до шести дюймов в диаметре и имеют овальную форму с одной стороны и более или менее плоскую с другой.

Другие большие прямоугольные таблички исписаны списками основных событий в правление разных царей и, очевидно, имеют огромное значение для реконструкции истории Вавилонии и Ассирии. Одна из табличек, относящихся к этому классу (брит. Музей № 92702), дает нам список главных событий, в честь которых были названы различные годы правления Суму-абу, Суму-ла-илу, Забума, Апил-Сина, Син-мубаллита, Хаммурапи и Самсу-илуны, царей первой династии Вавилона (примерно конец третьего и начало второго тысячелетия до н.э.). Другой из того же класса (брит. Музей № 92502) дает нам список основных событий, произошедших в Вавилонии и Ассирии, начиная с третьего года правления Набонассара, царя Вавилона, 744 г. до н.э., и первого года правления Шамаш-шум-укина, современника Ашур-бани-пала (668 г. до н.э.). Одним из наиболее интересных событий, о которых здесь говорится, является убийство Сеннахериба его сыном в 20-й день месяца Тебет, и в первый год правления Шамаш-шум-Укина, современника Ашур-бани-пала. 23-й год его правления. Среди других исторических документов первостепенной важности табличка, широко известная как "Синхронная история", должна быть помещена в первый ряд. Этот документ представляет собой соглашение, составленное примерно во времена Ашшур-бани-пала, и его целью было урегулирование пограничных споров между Вавилонией и Ассирией, в то время как его историческая ценность заключается в основном в кратких уведомлениях о различных конфликтах и союзах между двумя странами примерно за 1600-800 гг. до н.э. Еще одна большая прямоугольная табличка (К. 3751), представляющая исключительный интерес как для историка, так и для изучающего Библию, - это документ, в котором Тиглатпаласар III, царь Ассирии в 745-727 гг. до н.э.,

рассказывает нам о своих строительных операциях и завоеваниях, и упоминает “Ахаза, царя Иудейского” как одного из своих князей-данников. Эта табличка, должно быть, была очень большой в готовом виде, поскольку то, что от нее осталось, имеет размеры девять дюймов на семь с половиной. Однако самая большая табличка в коллекции Куюнджика не носит исторического характера, но содержит список имен и титулов различных богов и в своем нынешнем фрагментарном состоянии достигает пятнадцати дюймов в длину.

Другие клинописные надписи были сделаны на кусках глины в форме конусов. Большинство этих терракотовых конусов датируются временем правления династии Ур, то есть второй половиной третьего тысячелетия до н.э. Два хороших примера такого рода клинописных надписей содержат имя Син-гашида, царя Эреха, и свидетельствуют о посвящении храма богу Лугальбанде и богине Нинсун, а также указывают цены на шерсть, зерно, масло и медь во времена правления Син-гашида (Брит. Mus. 91, 150). На другом обожженном глиняном конусе начертано имя Син-идиннама, короля Ларсы около 2300 г. до н.э., и также записано посвящение храма — в данном случае храма бога Солнца, поскольку Ларса является одним из главных центров поклонения богу Солнца. Но завоеватели-эламиты, которые во многом подражали своим покоренным врагам, вавилонянам, также переняли практику написания клинописных надписей на глиняных конусах; в качестве примера эламского конуса мы можем сравнить Brit. Mus. 91, 149, который носит название Кудур-Мабуг. Но привычка делать надписи на глиняных конусах не прекратилась в этот период, по крайней мере, не навсегда, поскольку существует похожий конус, носящий имя неовавилонского царя Набополассара (625-604 до н.э.), и, подобно более старым конусам, на которых записано посвящение храма, на этот раз храма Мардука в Вавилоне. (Брит. Муз. № 91,090.)

Но вавилонские и ассирийские надписи на глине не всегда имели форму прямоугольных или круглых табличек; часто они принимали форму больших шестиугольных, восьмиугольных или десятиугольных призм или, в случае Вавилонии, бочкообразных цилиндров. В Вавилонии и Ассирии было принято размещать эти большие глиняные памятники по четырем углам фундамента здания, хороший пример такой практики был найден в Муэиере (Ур): цилиндры из Ура были размещены Набонидом по четырем углам фундамента храма Сина, бога Луны, и они отражают перестройку храма Набонидом (555-538 до н.э.) на месте древнего храма, возведенного Ур-Энгуром и его сыном Дунги, около 2400 г. до н.э. Текст завершается молитвой богу, храм которого он восстанавливает, от имени своего старшего сына Бал-шар-усура, библейского Валтасара. Три восьмиугольные призмы из обожженной глины рассказывают нам о кампаниях и строительных операциях Тиглатпаласара I, царя Ассирии около 1100 г. до н.э. (брит. мус. 91033-91035). На другую призму нанесен отчет об экспедициях Саргона, царя Ассирии, 721-705 гг. до н.э. (Брит. музей № 22505), в то время как фрагменты восьмиугольной призмы того же царя, также сохранившиеся в Британском музее (К. 1668 и др.), Представляют особый интерес тем, что они содержат собственный отчет Саргона о его кампании против филистимского города Ашдод, который упоминается в книге Исаяи XX. I. Иуда упоминается как один из союзников Ашдода, но ассирийцам в конечном счете удалось покорить мятежный город. Преемник Саргона, Сеннахериб (705-681 до н.э.), аналогичным образом записал свои военные достижения на больших глиняных призмах, и самый интересный документ его правления сохранился на шести сторонах шестиугольной призмы, которая сейчас находится в Британском музее (91032). В нем рассказывается о поражении Меродаха-Баладана, царя Вавилона, и порабощении различных других народов, но особый интерес, связанный с этим цилиндром, заключается в намеках на палестинскую кампанию во 2 Царств XVIII. Сеннахериб утверждает, что он сурово наказал мятежный народ Экрона и вернул изгнанного Пади на его трон; затем он продолжил

атаковать Езекию в Иерусалиме, "его царственном городе"; он осадил Иерусалим и запер Езекию, как птицу в клетке, но, несмотря на эту демонстрацию, он явно не смог открыть клетку и схватить птицу. Однако Езекия, похоже, был должным образом впечатлен, и он поспешил откупиться от Сеннахериба подарками и данью — "тридцать талантов золота, восемьсот талантов серебра, драгоценные камни, краска для глаз ... кушетки и троны из слоновой кости, шкуры и бивни, ценные породы дерева и другие предметы" вместе с его дочерьми, его женщинами - фольклористами, музыкантами мужского и женского пола — по-видимому, входили в цену.

Другая интересная восьмиугольная призма того же короля была недавно приобретена Британским музеем (№ 103 000). Она содержит информацию о двух кампаниях, нигде не зафиксированных. Первая из них, имевшая место в 698 году до н.э., была предпринята для подавления восстания в Киликии; кампания была полностью успешной, и ассирийская власть была полностью восстановлена в этих регионах. Интересно отметить, что город Тарс был одним из тех, которые Сеннахериб разграбил по этому случаю. Вторая кампания состоялась три года спустя, в 695 году до н.э., и привела к осаде и взятию некоего города под названием Тил-Гаримум в земле Тубал, который лежал к северо-востоку от Киликии. Мы также располагаем отчетом о перестройке и укреплении Ниневии Сеннахерибом, который содержит ценную информацию о внутренней и внешней стене города, а также о расположении и названиях пятнадцати ворот. Датируется по одноименной⁴⁶ Илу-Иттии, ассирийского губернатора Дамаска. Этот цилиндр, по-видимому, был захоронен в качестве мемориала основания в конструкции одних из городских ворот, упомянутых в тексте.

Асархаддон, сын и преемник Сеннахериба, также оставил нам ряд шестиугольных призм, имеющих историческое значение. Одним из главных событий, описанных в цилиндрах Асархаддона, является осада и захват Сидона, а также покорение окружающей страны. Ашшур-бани-пал, знаменитый сын и преемник Асархаддона, оставил нам множество цилиндров и призм, но, безусловно, самой важной является та, на которой начертан отчет об основных событиях начала его правления (Брит. Музей, № 91 026). Здесь у нас есть отчет о его первой и второй египетских кампаниях, о поражении, которое он нанес Тирхаке, эфиопскому царю Египта, и разграблении Фив, столицы страны. Также рассказывается о взятии Тира и кампании против Те-Уммана, царя Элама, которого убил Ашур-бани-пал и чья отрубленная голова свисает с дерева на барельефе, на котором Ашур-бани-пал и его жена возлежат за мясом в своем саду. Существует также отчет об осаде и захвате Вавилона, царь которого Шамаш-шум-укин сбросил сюзеренитет Ассирии; зафиксировано завоевание Аравии, а также окончательный триумф ассирийского оружия над Эламом, и текст завершается описанием строительных операций Ашшур-бани-пала.

Мы уже упоминали о глиняном цилиндре, принадлежавшем неовавилонскому царю Набониду, в то время как другой цилиндр того же царя, который обсуждался в другом месте (ср. стр. 7), не менее примечателен, поскольку на его содержимом была основана полная система хронологии. Навуходоносор II, царь Вавилона в 604-561 гг. до н.э. и принадлежащий к той же династии, также оставил нам ряд цилиндров бочкообразной формы, надписи на которых в основном касаются описания его строительных достижений, в то время как на цилиндр Кира, персидского завоевателя Вавилонии (538 г. до н.э.), ссылка была сделана в другом месте (ср. стр. 74). Но практика написания клинописных надписей на цилиндрах из обожженной глины не прекратилась даже при персидских царях Вавилонии, поскольку у нас есть цилиндр (брит. Mus. 36277) с надписью архаичными вавилонскими буквами Антиоха Сотера, царя Вавилонии около 280 г. до н.э.; в нем рассказывается о восстановлении храмов

Э-Сагил и Э-зида в Вавилоне и Борсиппе в 270 г. г. до н.э., и завершается молитвой богу Небу от имени всех христиан. Антиох, его сын Селевк и его жена.

Но помимо прямоугольных, круглых, бочкообразных, цилиндрических и конусообразных глиняных надписей существуют и другие разновидности. Среди них заслуживает упоминания четырехгранный глиняный блок, образующий вытянутый куб, высота которого составляет 9-1/2 дюйма, а ширина каждой из его четырех сторон 3-3/4 дюйма (брит. Mus. № 92611); его дата около 2100 г. до н.э., и на нем нанесены списки названий рыб, птиц, растений, камней и предметов одежды.

Еще один уникальный объект - глиняная модель бычьего копыта (брит. музейный номер R. 620) с надписями прогнозов. Несколько похожий предмет обнаружен на глиняной модели овечьей печени, также хранящейся в Британском музее (№ 92 668); надпись, которая на нем нанесена, носит магический характер, и предмет, вероятно, использовался в целях гадания. Другие таблетки, хотя и не имеют формы овечьей печени, имеют вырезанные очертания различных частей печени. Гепатоскопия, или практика определения предзнаменований по форме, размеру или состоянию печени, была одной из самых популярных форм магии среди вавилонян и ассирийцев.

Планы городов, по-видимому, иногда рисовали на глиняных табличках, хорошим примером чего является табличка, обнаруженная в Ниппуре, на которой был вырезан план этого города, план, который, несмотря на свою древность, по-видимому, в немалой степени помогал в работе землекопов. Другим примером является фрагмент из Британского музея (№ 35385), на котором до сих пор можно увидеть план части города Вавилон. Иногда план был просто планом поместья (ср. Брит. Журнал № 31483), но, во всяком случае, в одном случае предметом был сам мир (Брит. Журнал № 92687), наиболее интересной особенностью которого с географической точки зрения является окружающий мир океан - вавилоняне верили, что земля окружена водой и, по-видимому, держится на воде: предполагалось, что сама земля по форме напоминает перевернутое блюдо, в то время как небеса имели ту же форму, с той лишь разницей, что они были явно более обширными, а небо - более глубоким. нижние края упирались в саму землю, в то время как край земли упирался в океан.

Иногда амулеты изготавливались из глины, хорошим примером чего является брит. Музей № 85-4-8, 1; он имеет форму цилиндрической печати и на нем начертано заклинание Шамаша-Киллани.

Другие глиняные предметы с надписями известны как астроябии или инструменты для проведения астрологических вычислений.

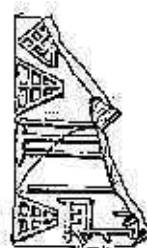
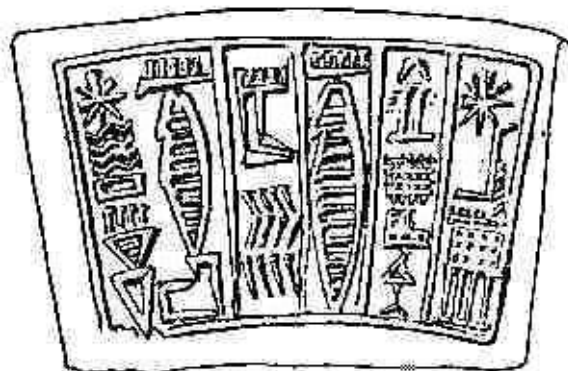

Рис. 3.

Рис. 4. (Брит. Mus., 103040.)

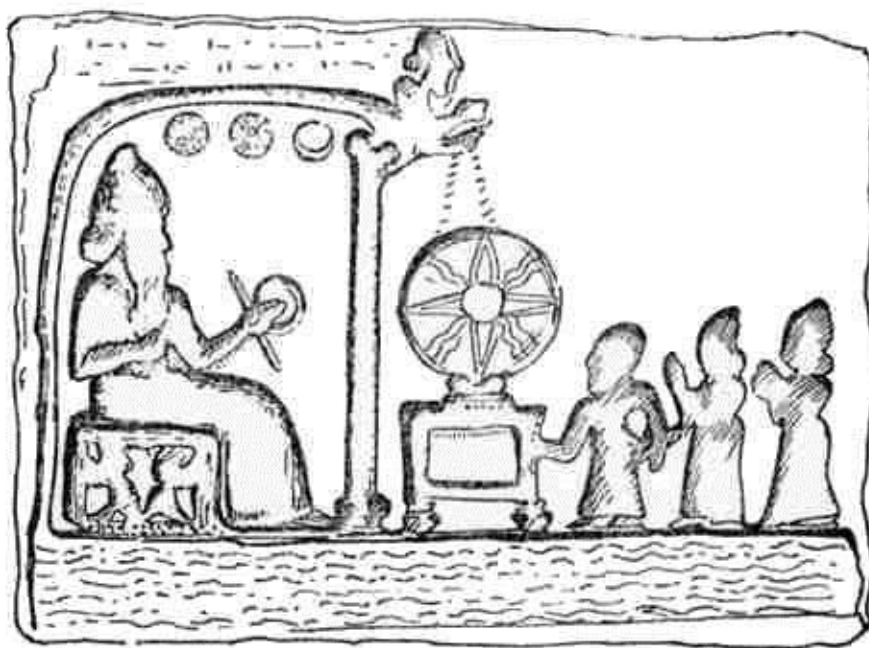

Рис. 5. (Брит. Mus., 91102.)

Этикетки снова были сделаны из глины: две маленькие глиняные этикетки (брит. муз. К. 1400, К. 1539) дают нам названия двух серий астрологических табличек и предзнаменований; в то время как другая (К. 3787) дает нам имя Хипы, рабыни; она датируется 11 годом Мардук-аплу-иддина, т.е. ок. 710 г. до н.э. Существуют различные глиняные предметы, которые должным образом не подпадают под категорию терракотовых фигурок или глиняных барельефов, и поэтому могут быть упомянуты здесь. Иногда с ранних надписей делались глиняные выжимки или оттиски; отличный пример таких выжимок был приобретен несколько лет назад Пенсильванским университетом (см. рис. 3);⁴⁷ это выжимка, сделанная неовавилонским писцом шестого века до н.э. надписи, принадлежащей Шаргани-шарри, царю Аккада. Символы, конечно, выполнены рельефно и читаются задом наперед. В другом месте упоминается клеймо на глиняных кирпичах, которым вавилонские цари имели обыкновение надписывать свои строительные кирпичи: интересный образец клейма на глиняных кирпичах виден на рис. 4. Это фрагмент печати, принадлежащей Нарам-Сину, сыну Шаргани-шарри. Символы здесь, конечно, выполнены рельефно и перевернуты, как в случае с печатью. Другой глиняный предмет, представляющий исключительный интерес, показан на рис. 5; это глиняное покрытие, изготовленное по приказу Набополассара, царя Вавилона в 625-604 гг. до н.э., для сохранения каменной таблички его предшественника Набу-аплу-иддины (ок. 870 г. до н.э.). Предположительно, во время своей работы по восстановлению храма бога Солнца в Сиппаре он наткнулся на эту древнюю табличку. На обратной стороне глиняной обложки имеется надпись Набополассара, в которой перечислены различные подношения, которые он принес в святилище бога Солнца. Сама крышка была найдена в шкатулке из обожженной глины, также хранящейся в Британском музее и, вероятно, относящейся к тому же царствованию. В дальнейшем скульптор использовал глину для предварительных набросков, а резчик по камню - для черновых набросков. Таким образом, скульптор, которому мы обязаны изображением Ашшур-бани-пала, царя Ассирии, поражающего копьем льва, набросал свой рисунок в глине, готовясь высечь его на каменных плитах, и его первоначальный набросок

сохранился до наших дней (ср. Brit. Mus. 93011), в то время как мы все еще можем видеть два черновых наброска эпитафий, начертанных на барельефах Ашшур-бани-пала (ср. Brit. Mus. Sm. 1350 и K. 4453 + K. 4515).

ГЛАВА V—АРХИТЕКТУРА

Архитектура страны в значительной степени определяется материалами, которыми природа наделила эту страну; на нее также влияет конфигурация самой страны, а также климат, воздействие которого строитель должен либо регулировать, либо противодействовать. Физические характеристики Месопотамской долины, а также преобладающие там климатические условия уже рассматривались, но, возможно, будет уместно посвятить несколько страниц обзору материалов, которые использовались при строительных работах, прежде чем мы перейдем к обсуждению руин самих зданий.

Уже говорилось, что в низменной и болотистой местности Вавилонии практически вообще не встречается камня, следовательно, он никогда не занимал важного места в вавилонской архитектуре; любой необходимый камень приходилось добывать далеко в горах и перевозить с большим трудом, вследствие чего его использовали только в исключительных целях и в тех случаях, когда стремление к постоянной прочности делало это необходимым. Соответственно, в качестве камня обычно использовался диорит, базальт или какой-либо другой твердый камень вулканического происхождения, разительно контрастирующий с более мягким камнем, который так свободно использовали ассирийцы. Ассирии, с другой стороны, повезло в этом отношении больше, и она поставляла очень приличный запас известняка и алебастра, которые широко использовались ее скульпторами и строителями, хотя глина, которую так легко добыть по всей долине, была единственным незаменимым элементом при возведении храмов, дворцов или жилых домов в обеих странах. Запасы древесины опять же были крайне скудными не только в Вавилонии, но и в Ассирии, и любая древесина, используемая для колонн, перемычек или порогов, обычно привозилась из Ливана, Амануса или какого-либо другого отдаленного места.

Таким образом, мы видим, что искусство кирпичного строительства было практически навязано жителям Месопотамии самой необходимостью этого дела.

Глина, использованная для этой цели, ни в коем случае не была однородной ни по цвету, ни по качеству. Иногда он светло-желтого цвета, иногда почти черного, в то время как глина, из которой изготавливаются другие кирпичи, имеет красноватый оттенок. Те, что сделаны из светло-желтой глины, являются лучшими с точки зрения долговечности. Кирпичи также различаются как по размеру, так и по форме в зависимости от периода, к которому они относятся, так что часто можно предварительно установить дату здания или остатков здания, изучив стиль используемого кирпича. Тип кирпича, характерный для ранних периодов шумерской истории, известен как плосковыпуклый⁴⁸; таким образом, обожженные в печи кирпичи, из которых было сложено хранилище Ур-Нины, первого царя Лагаша, продолговатые и плосковыпуклые, при этом на каждом из них также имеется отпечаток большого пальца на выпуклой стороне. В

Но кирпич еще более ранней формы⁴⁹ был найден в здании под складом Ур-Нины: кирпичи, из которых было сложено это здание, действительно были плосковыпуклыми, как ур-Нины, но они были меньше, на них не было следов большого пальца и, к сожалению, на них не было надписей.

В Мюэйере (Ур) Тейлор наткнулся на мостовую, сложенную из плосковыпуклых кирпичей, древность которых подтверждалась как внешним видом этого типа кирпича, так и глубиной залегания под поверхностью, на которой была найдена платформа. Этот экскаватор

обнаружил похожие кирпичи в Абу Шахрейне (Эриду), что является еще одним подтверждением традиционной древности некогда знаменитого города Эа. Раскопки на других ранних стоянках также дали те же результаты; в Фаре (Шуруппак), традиционной сцене Всемирного потопа, а также в Екхе, Бисмае и в предсаргоновых слоях в Ниппуре, были найдены кирпичи того же стиля.

Но с экспансией семитов, кульминацией которой стало создание империи Шаргани-шарри и его сына Нарам-Сина, сравнительно маленький, продолговатый и плосковыпуклый кирпич вышел из употребления и уступил место большому квадратному кирпичу. Непосредственно под сложенной из грубого кирпича платформой Ур-Энгура (ок. 2400 до н.э.) в Ниппуре была обнаружена часть более ранних работ Нарам-Сина и Шаргани-шарри, использовавшиеся кирпичи были уже не плосковыпуклыми и продолговатыми, а плоскими и квадратными, размером 20 x 20 x 3-1 / 2 дюйма; они сделаны из глины, смешанной с соломой, и в то же время хорошо высушены и очень твердые; этот тип кирпича использовался во всех зданиях этих двух царей.

Следующий период в истории вавилонского кирпичного производства относится ко временам второй династии Лагаша и первой династии Ура (т.е. *Около* 2450 г. до н.э.). Тип кирпича, характерный для этой эпохи, напоминает кирпич предыдущей по форме, но не по размеру. Кирпичи Ур-Энгура, царя Ура, и Гудеа, самого известного правителя второй династии Лагаш (*около* 2450 г. до н.э.), имеют квадратную форму, как у их семитских предшественников, Шаргани-шарри и Нарам-Сина, но намного меньшую, размером чуть более 12 x 12 дюймов, и этот маленький квадратный кирпич оставался в употреблении, со случайными небольшими изменениями, до конца истории Месопотамии. Переход от большого кирпича, использовавшегося царями Агаде, к рассматриваемому маленькому кирпичу, несомненно, осуществлялся лишь постепенно, поскольку кирпичи Ур-бау, правителя Лагаша незадолго до Гудеа, крупнее кирпичей последнего царя, но со времен Гудеа и Ур-Энгура форма и размер кирпичей стали более или менее стереотипными. Кирпичи самого Ур-Энгура несколько отличаются от кирпичей Гудеа, таким образом, твердая масса, лежащая в основе храма-башни в Ниппуре, который был построен Ур-Энгуром, состоит из кирпичей размером всего 9 x 6 x 3 дюйма, рукава дамбы, с другой стороны, сложены из более крупных кирпичей размером 14 x 14 x 6 дюймов. Обожженный в печи кирпич всегда использовался для важных частей здания в Вавилонии, грубые высушенные на солнце кирпичи, которые, как правило, составляли основу террасных платформ, облицовывались стеной из обожженного кирпича или иногда, в случае Ассирии, несущей стеной из камня. Причина, конечно, заключалась в неспособности высушенных на солнце кирпичей противостоять воздействию влаги и соответствующей склонности к разрушению. Кирпичи, как правило, клали на землю, как только они становились достаточно сухими и твердыми, и укладывали, пока они были еще мягкими.

Вообще говоря, на кирпичах написано имя царя, по приказу которого было построено это сооружение, таким образом, на большинстве кирпичей Навуходоносора, царя Вавилона (604-561 гг. до н.э.), начертаны надписи: "Навуходоносор, царь Вавилона, реставратор пирамиды и башни, старший сын Набополассара, царя Вавилона, я." Интересно отметить, что, хотя на плитках на западной стороне дворца Навуходоносора в Вавилоне стоит обычная печать этого царя, на тех, что расположены на восточной стороне, выбиты лев и надпись на арамейском языке. Кольдевей действительно говорит, что нет никаких сомнений в том, что эта часть здания также была возведена Навуходоносором, поскольку там были найдены настенные плитки с обычной дворцовой надписью царя. Проф. Однако, исходя из форм арамейских символов, можно было бы отнести эти кирпичи с арамейскими надписями к середине седьмого века, то есть примерно к 650 г. до н.э. Ни на одном из кирпичей,

найденных в кургане Каср, нет печати каких-либо ассирийских царей, последние, по-видимому, оставили свои следы только на кирпичях пола Э-сагилы, храма Мардука. Иероглифы обычно наносились штампом, хотя как на ассирийских, так и на вавилонских кирпичях надпись иногда выгравировывалась вручную. Используемые штампы были сделаны из терракоты; хорошо сохранившимся образцом терракотового кирпичного штампа является штамп Нарам-Сина, упомянутый выше (см. рис. [4](#)), в то время как терракотовый кирпичный штамп Шаргани-шарри, отца Нарам-Сина, был обнаружен в Ниппуре, и одним из незначительных результатов экспедиции в Бисмайю, руководимой Харпером, стало обнаружение ряда глиняных кирпичных штампов. Многие ассирийские и вавилонские кирпичи покрыты глазурью или эмалью и раскрашены самым изысканным образом и с самыми яркими рисунками, но их изучение, естественно, найдет свое место в главе, посвященной “Живописи”.

Иногда архитекторы Вавилонии умудрялись приспособить глину, используемую в их строительных работах, к декоративным приспособлениям. Так было в Варке (Эрех), где Лофтус обнаружил стену длиной около тридцати футов, полностью состоящую из глиняных конусов, закрепленных в цементе из глины и соломы и уложенных горизонтально основаниями наружу. Некоторые из этих конусов были окрашены в красный или черный цвет и располагались в виде различных геометрических рисунков. Иногда на них были надписи, иногда нет. Но глиняные конусы, по-видимому, были не единственным видом конусов, используемых для архитектурного оформления, поскольку в ходе своих раскопок в Абу Шахрейне Тейлор^{[50](#)} обнаружил конусы из известняка и мрамора, некоторые из которых имели “ободок по краю, заполненный медью”; длина этих конусов варьируется от четырех до десяти дюймов, а диаметр - от одного до трех дюймов.

СТУПКА

Слои и ряды глиняных кирпичей, из которых по большей части были сложены здания в Месопотамии, были скреплены друг с другом глиной в древнейшие времена; этот глиняный ил обычно отличается от кирпичей, которые он объединяет, различием в цвете. Глиняный раствор был найден на некоторых из самых ранних стоянок и в некоторых из самых древних зданий, в то время как в Ассирии он, по-видимому, был обычной формой цемента, используемой во все времена. В городе Вавилон, как ни странно, глиняный раствор, по-видимому, использовался вместо извести или асфальта в поздних постройках времен Сасанидов. Этот глиняный раствор состоял из глины, смешанной с водой и, возможно, небольшим количеством соломы, как это было в случае с конической стеной в Варке,^{[51](#)} иногда между кирпичами укладывали тростник, замешанный в глину, как это было и в Варке, и в Хаммаме, но в чрезвычайно отдаленный период вавилонский архитектор начал использовать для этой цели богатые запасы битума, безвозмездно добываемого почвой его родины.

Самыми известными битуминозными источниками в Месопотамии были источники в Хите на Евфрате. Их слава достигла Египта еще во времена восемнадцатой династии, поскольку Тутмос III привозил оттуда в Египет битум. Геродот тысячелетием позже — около 450 г. до н.э. — упоминает Нит как знаменитый своим битумом, и последующие авторы аналогично упоминают тамошние источники. Хороший пример раннего использования битума в Вавилонии был найден в Абу Шахрейне, на месте древнего Эриду, где Тейлором было раскопано очень раннее здание, древность которого была доказана плосковыпуклыми кирпичами, использованными при его строительстве до саргонического периода, и все эти

кирпичи были выложены битумом; то же самое было обнаружено в здании, состоящем из кирпичей с пометками пальцами в Уре (Муйейер), все из которых были залиты битумом.

Платформа, на которой был возведен склад Ур-Нины в Телло, состояла из трех слоев плосковыпуклых кирпичей с отпечатками пальцев, залитых битумом, в то время как в здании под зданием Ур-Нины также свободно использовался битум.⁵²

Аналогичным образом, в Ниппуре кирпичи с нанесенными пальцами отметинами, из которых были построены городские ворота, были выложены битумом, хотя кирпичи, из которых была построена ранняя арка, найденная на этом месте, были залиты глиной, что, вероятно, указывает на то, что в то время, когда строилась арка, битум не использовался; вокруг основания зиккурата Ур-Энгура, с другой стороны, было покрытие из битума, в то время как грубый кирпичный алтарь, найденный Хейнсом в самом нижнем слое в Ниппуре, имел битумообразный обод; но в более поздние времена он был дополнен более прочным известковым раствором, который использовался в качестве связующего. хотя это было так лишь частично, поскольку даже во времена Навуходоносора (604-561 гг. до н.э.) все еще признавалась его практическая полезность в качестве средства защиты от разрушительных сил дождя, поскольку подпорные стены из обожженного кирпича его дворца в Вавилоне фактически были выложены битумом. Аналогичным образом кирпичи, из которых была сложена старая крепостная стена, становятся клейкими с помощью щедрого количества асфальта, настолько клейкого на самом деле, что их часто бывает очень трудно отделить. К счастью, сторона с выбитой надписью обращена лицевой стороной вниз и поэтому не находится в непосредственном контакте с асфальтом, от которого она отделена уже упоминавшимся слоем тростника и глины.

Однако в более поздних постройках в Вавилоне также использовался известковый раствор, переходный период был отмечен использованием того и другого в одном и том же здании, и фактически Колдевей обнаружил, что в случае с одной из стен здания Навуходоносора одна половина стены была зацементирована с помощью асфальта, в то время как в другой половине использовался только известковый раствор. Но в новом замке, который Навуходоносор построил для себя на Касре, использовались самые лучшие материалы, кирпичи были бледно-желтого цвета и чрезвычайно твердые, что контрастировало с кирпичами, использовавшимися в его более ранних постройках, которые были красновато-коричневого цвета и менее прочные, в то время как в этом новом сооружении использовался только чистый белый известковый раствор. Известковый раствор, а также глиноцемент и битум использовались в Ниппуре, а также в Бирс-Нимруде (Борсиппа), и используемый раствор обладает такими адгезионными свойствами, что кирпичи можно отделить, только разбив их, в то время как в Муэйере (Ур) использовался раствор, состоящий из смеси извести и золы.

С другой стороны, в Ассирии строительный раствор, по-видимому, использовался более экономно; когда в качестве строительного материала использовался камень, вообще говоря, не использовался никакой цемент, камни тщательно обрабатывались так, чтобы не оставалось щелей, как, например, было обнаружено в случае с каменной подпорной стеной вокруг зиккурата в Нимруде; когда использовались обычные необработанные кирпичи, их укладывали в состоянии достаточной влажности, чтобы придать им адгезию; в то время как когда в качестве материала использовался обожженный кирпич, в качестве строительного раствора использовалась смесь глины и воды. Битум, однако, отнюдь не был неизвестен в Ассирии, но использовался в основном под тротуары или известняковые полы канализационных коллекторов, чтобы предотвратить утечку или инфильтрацию.

КАМЕНЬ

Использование камня в Вавилонии в качестве строительного аксессуара, хотя и редко в качестве основного материала, восходит к древнейшим шумерским временам. Очень ранним примером использования камня в определенных архитектурных целях в Вавилонии является мостовая, на которой было возведено здание в Лагаше, обнаруженное под сооружением Ур-Нина. Тротуар⁵³ состоит из плит известняка длиной три или четыре фута, шириной от полутора до двух футов и толщиной около шести дюймов. Опять же, были обнаружены дверные проемы некоторых из первых правителей Лагаша, среди которых можно упомянуть дверные проемы знаменитых Эаннатума и Энтемены, все они были сделаны из мрамора или какого-либо другого твердого камня, в то время как в Эриду, одном из древнейших очагов цивилизации в долине Евфрата, камень, по-видимому, использовался довольно широко. Искусственная платформа с террасами, на которой были построены храм и город Эриду, была укреплена стеной из песчаника, а лестница, ведущая на первую ступень зиккурата, была сделана из полированных мраморных плит, которые сейчас небрежно лежат на насыпи; были обнаружены кусочки агата и алебаstra, и там также использовался гранит. Каменные гнезда для ворот были аналогично найдены в Ниппуре и в руинах других ранних городов Вавилонии, в то время как и семит Нарам-Син, и шумерский Гудеа немного позже привозили тяжелые блоки диорита из Магана, или Синая, хотя, по-видимому, скорее для скульптурных, чем для архитектурных целей.

В неовавилонскую эпоху камень использовался в большей степени: тротуар для процессий бога Мардука в Вавилоне, недавно обнаруженный немцами, был сложен из известняковых плит с надписью Навуходоносора, в то время как Геродот сообщает нам, что мост, который тогда соединял два берега Евфрата, был сделан из “очень больших камней”,⁵⁴ и, согласно классическим авторам Страбону и Диодору, знаменитые висячие сады Вавилона были разрушены. Вавилон, который Колдвей расположил к востоку от дворца, поддерживался каменными архитравами. Но камень, используемый в Вавилонии только для исключительных целей, использовался снова и снова, руины рассматривались как каменоломни, и, следовательно, камень по большей части полностью исчез.

С другой стороны, в Ассирии камень был легко добыт и, следовательно, легко использовался, хотя и не в той степени, в какой можно было бы ожидать, причина заключалась в том, что ассириец был не изобретателем, а подражателем своего предшественника, вавилонянина, который практически не подавал ему примера в обработке камня. Соответственно, даже в Ассирии камень по большей части использовался только для тротуаров, цоколей и облицовки стен: однако иногда он также использовался для подпорных стен, окружавших искусственную насыпь. Каменные блоки, использовавшиеся для этой последней цели, иногда достигали колоссальных размеров, достигая даже 6 × 6 × 9 футов и веса несколько тонн. Основными видами камня, использовавшимися ассирийскими архитекторами, были известняк различной степени твердости и алебастр, который часто встречается в самой Ассирии немного ниже поверхности почвы. Алебастр - это сульфат мела, он серого цвета, мягкий и хорошо полируется, но он хрупкий и со временем портится. В Нимруде (Калах) некоторые дренажные каналы были покрыты большими плитами известняка, а зиккурат Нимруд, от которого сохранился только один этаж, был облицован массивной каменной облицовкой, в то время как иногда, по-видимому, использовались каменные колонны, и одна часть колонны, состоящая из резного известняка, высотой около сорока дюймов и включающая в себя как капитель, так и верхнюю часть шахты в одном куске, действительно была обнаружена. Лейярд также обнаружил четыре основания колонн из известняка на северной

стороне дворца Сеннахериба в Ниневии (см. рис. [14](#)). Иногда дверные перемычки были сделаны из камня; одна такая каменная перемычка была найдена Джорджем Смитом у входа в зал во дворце Сеннахериба, в то время как подоконник или порог обычно, или, во всяком случае, очень часто, состояли из алебастра или известняка. Точно так же полы в более важных помещениях были сложены из известняковых плит.

Несмотря на это, более твердые камни иногда использовались в Ассирии точно так же, как известняк иногда использовался в Вавилонии, но, как правило, в обоих случаях для скульптурных, а не строительных целей. Хорошо известный черный обелиск Салманасара II (860-825 гг. до н.э.), о котором уже упоминалось, должен был служить хорошим примером использования вулканических камней в северной стране, но материалом, из которого он сделан, вероятно, является алебастр. Базальтовая статуя этого же царя, однако, была обнаружена во время немецких раскопок в Ашшуре несколько лет назад, в то время как капитель колонны, найденной на том же месте и относящейся, возможно, ко времени Тиглатпаласара I, дает нам иллюстрацию использования ассирийцами твердых камней в чисто архитектурных целях. Неизвестно, откуда они добывали эти более твердые камни, но базальт и другие магматические породы, возможно, добывались в долинах ручьев, которые изливали свои воды в Тигр и Евфрат, а в долине Хабур Лейард сообщает нам, что он обнаружил множество потухших вулканов.

Дерево

Ассирия обеспечивала большой запас древесины, чем Вавилония, поскольку последняя страна была так же бедна деревом, как и камнем. Единственными деревьями, из которых можно было получить балки достаточной длины, чтобы их можно было использовать, были тополь и пальма. Поскольку древесина более скоропортящаяся, чем глина или камень, мы, естественно, не ожидаем найти такое же количество материальных свидетельств ее использования; однако достаточно сохранилось разрушительного воздействия времени, чтобы с уверенностью утверждать о ее использовании в Месопотамии в качестве строительного материала с древнейших до позднейших времен. Так, например, в Ниппуре Питерс нашел обугленные балки из пальмового дерева, которые, очевидно, когда-то служили перекрытием коридора, в котором он был обнаружен; кусочки тамариска подобным образом были найдены на кирпичном пороге дверного проема, который, вероятно, представлял собой все, что осталось от дверей и косяков. Подобным же образом в Лагаше, недалеко от хранилища Ур-Нины, были найдены обугленные остатки колонн из кедрового дерева, которые, несомненно, когда-то поддерживали портик, сделанный из того же материала, в то время как сам Ур-Нина сообщает, что он доставал древесину с гор, как и его потомки более поздних времен. Подобным образом крыша храма, возведенного Энаннатумом I, преемником Ур-Нины, была сделана из кедрового дерева. Точно так же в Мухейере (Ур) было обнаружено большое количество обугленного дерева,⁵⁵ в то время как в Абу Шахрейне (Эриду) створчатая стена зиккурата усеяна квадратными отверстиями — площадью три квадратных дюйма, которые заполнены деревом.⁵⁶ После установления вавилонского суверенитета над землей Амурру (то есть Сирией и Палестиной) Шарганишарри и Нарамсином, цари Вавилонии регулярно получали кедровую древесину из Ливана, как это делали ранние цари Египта. В комнате в Ниппуре, которая, по-видимому, использовалась для хранения необожженных табличек во времена Гимил-Сина (ок. 2350 гг. до н.э.), для этой цели, по-видимому, использовались деревянные полки, в то время как крыша знаменитого замка в Вавилоне, перестроенного Навуходоносором, была сделана из кедрового дерева, как и двери, а порталый вход в одно из зданий в Вавилоне, раскопанное Колдеем, был перекрыт деревянным потолком.

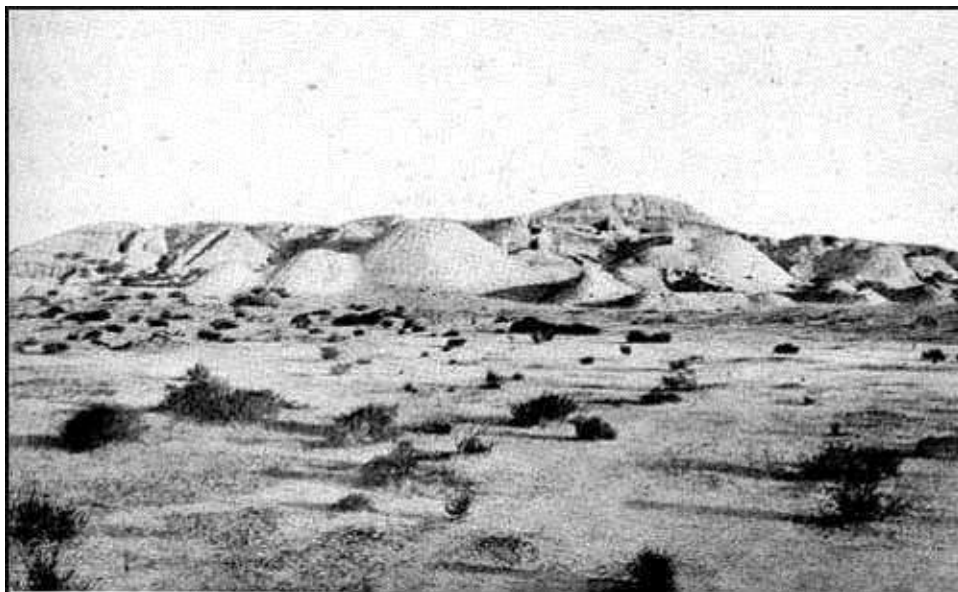
Сами по себе настенные рельефы могли бы служить достаточным доказательством использования дерева в Ассирии, поскольку части некоторых из обнаруженных там сооружений могли быть сделаны только из дерева. Салманасар II (860-825 гг. до н.э.), вспоминая о своей реконструкции храма Ану и Адада в Ашшуре, говорит, что он перекрыл его кедровыми балками, а те из больших помещений дворцов, которые не были сводчатыми, должно быть, были перекрыты деревом, поскольку нет свидетельств существования каменных плит достаточного размера для достижения этой цели, а о больших плоских кирпичных крышах не могло быть и речи. Подобным образом Тиглатпаласар III утверждает, что он построил дворец из кедрового дерева⁵⁷ в то время как Асархаддон говорит, что двери одного из дворцов, которые он возвел для себя, были сделаны из кипарисового дерева и покрыты серебром и медью,⁵⁸ в другом отрывке он утверждает, что при строительстве в Вавилоне он использовал дубы, теребинты и пальмы. В Хорсабаде Плейс также обнаружил фрагменты кедровых балок, которые явно использовались в архитектурных целях и, вероятно, составляли часть перемычек дверных проемов, в которых они были найдены; точно так же Лейард в ходе своих раскопок обнаружил обугленные остатки дерева вместе с кедровой балкой, все из которых сейчас находятся в Британском музее. Скудость остатков древесины, используемой таким образом, в достаточной степени объясняется разрушаемостью этого материала.

Металлические

Вряд ли можно сказать, что металл вообще использовался в чисто архитектурных целях, и когда он использовался, кажется, что его скорее добавляли для украшения наиболее заметных частей здания, чем использовали как неотъемлемую часть конструкции. Однако есть одно или два исключения из этого обобщения. В более роскошных зданиях подоконники иногда изготавливались из металла, и бронзовый подоконник размером 60 × 20 × 3-1 / 2 дюйма с надписью о Навуходоносоре действительно был обнаружен и сейчас находится в Британском музее, в то время как другой объект исключительно уникального характера, состоящий из бронзовой затворной рамы, оправленной в свинец, аналогичным образом попал в это знаменитое учреждение. Более того, Геродот сообщает нам в своем рассказе о Вавилоне, что в стенах было сто ворот, “все из бронзы; их косяки и перемычки были из того же материала”. На некоторых барельефах также изображены сооружения, части которых, по-видимому, были сделаны из металла: например, королевский павильон, вырезанный на табличке из Абу Хаббы (Сиппар) (ср. XIV), снабжен изогнутой задней стеной, которая в то же время загнута прямо, образуя крышу; эта стена и крыша действительно могли быть построены из дерева, но металл, очевидно, легче приспособился бы к такой форме. О других второстепенных строительных материалах, таких как инструменты и гвозди, которые играли вспомогательную роль в месопотамской архитектуре, мы знаем сравнительно мало, хотя некоторое количество гвоздей было найдено в разных местах.

ХРАМЫ

Было бы совершенно невозможно дать отчет обо всех храмах и дворцах Месопотамии, раскопанных за последние шестьдесят лет, поэтому мы должны ограничиться кратким описанием нескольких наиболее изученных зданий, которые с некоторой натяжкой можно рассматривать как типичные. Храмы не так хорошо выдержали разрушительное воздействие времени и климата, как дворцы, причину чего следует искать в том факте, что, вообще говоря, целью строителя храма было, насколько это возможно, возвести сооружение, вершина которого должна была метафорически “достигать небес”, тогда как кульминационное великолепие дворцов заключалось не в высоте, на которую они были возведены, а в площади земли, которую они покрывали.

РАЗРУШЕННЫЕ КУРГАНЫ НИППУРА

ДВОР ЛЮДЕЙ С СЕВЕРО-ВОСТОКА: НИППУР

(Оба взяты из книги К. С. Фишера "Раскопки в Ниппуре", с разрешения автора)

Что касается общего плана шумерских храмов, то мы все еще находимся в состоянии неведения, поскольку на самых ранних участках вавилонской оккупации было обнаружено несколько важных зданий. Наиболее хорошо сохранившимся и тщательно исследованным храмом в Южной Вавилонии является храм Эн-лил в Ниппуре. Вавилонский план этого некогда знаменитого святилища, нарисованный на глиняной табличке и, вероятно, относящийся к первой половине второго тысячелетия до н.э. был обнаружен Хейнсом в ходе

его раскопок и оказал немалую помощь в определении общего характера этого вавилонского храма в его более позднем реконструированном состоянии, хотя на самом деле он может быть копией более раннего плана,⁵⁹ поскольку он так хорошо согласуется с общими выводами, которые следует сделать относительно конфигурации этого храма. Храм во времена Шаргани-шарри и Нарам-Сина, оба из которых, и особенно последний, много сделали для восстановления этого древнего храма.

Наиболее заметной особенностью, связанной с храмом в Ниппуре, как показали раскопки, является зиккурат, или сценическая башня, возведенная Ур-Энгуром, царем Ура (ок. 2400 г. до н.э.). Разрушенные курганы Нуффар, или Ниффер (ср. [X](#)), расположены на восточной стороне канала Шатт-ан-Нил, который когда-то служил линией сообщения между Персидским заливом и городом Вавилон. Курганы, о которых идет речь, главный из которых отмечает место расположения зиккурата Ур-Энгур, были раскопаны Питерсом, Харпером, Хейнсом и Хилпрехтом под эгидой Пенсильванского университета в период с 1889 по 1900 год. Башня возвышается на искусственной платформе размером примерно 192 × 127 футов и в соответствии с обычным вавилонским принципом ориентации имеет четыре угла, обращенных по сторонам света компаса. Зиккурат, по-видимому, имел только три ступени в отличие от семиступенчатой башни, характерной для вавилонских и ассирийских храмов более поздних времен, хотя храм Гудеа в Э-па, возведенный в честь его бога Нин-гирсу, был семиступенчатым, что, вероятно, означает, что это была семиступенчатая башня. Зиккурат в Мюэиере⁶⁰ (Ur), раскопанный Тейлором, также, по-видимому, был трехэтажным, или, возможно, только двухэтажным. Нижний этаж, защищенный стеной из обожженного кирпича толщиной в четыре фута, был дополнительно укреплен контрфорсами, хотя следует упомянуть, что так называемые “контрфорсы” сценических башен Вавилонии и Ассирии в большинстве случаев являются водопроводами для осушения верхних платформ. Второй этаж, основание которого соединено с нижним этажом лестницей шириной в три ярда, сложен из кирпичей, совершенно отличных от кирпичей нижнего этажа, причем кирпичи нижнего этажа 11-1/4 × 11-1/4 × 2-1/4 дюймов и с небольшим штампом площадью 3-1 / 4 дюйма, в то время как у второго размер штампа составляет 13 × 13 × 3 дюйма, а сам штамп имеет размер 8 × 4 дюйма. Кирпичи первого этажа были выложены битумом, в то время как кирпичи второго — за исключением кирпичей с северной стороны — уложены в строительный раствор, состоящий из извести и золы. Подъем на вершину второго этажа осуществлялся по наклонной дорожке, из чего следует, что два этажа были построены не одновременно. Зиккурат в Абу Шахрейне,⁶¹ также раскопанный Тейлором, имеет высоту около семидесяти футов и, как и зиккурат в Мюэиере, окружен стеной из обожженного кирпича. Здесь также на вершину первого этажа можно подняться по лестнице шириной пятнадцать футов, а на вершину второго этажа можно подняться по наклонной дороге, как в Мюэиере.

Подход к зиккурату Эн-лил в Ниппуре находится с юго-восточной стороны и отмечен двумя стенами из обожженного кирпича высотой около десяти или более футов и длиной более пятидесяти двух футов, расстояние около двадцати трех футов, отделяющее две стены друг от друга, в то время как сама дамба, ведущая к зиккурату, была сложена из необработанных кирпичей. Вся ограда храма была окружена массивной стеной, и до сих пор сохранилось около тридцати рядов кирпичей, из которых она состояла. Под платформой из грубого кирпича, на которой была возведена башня, была обнаружена другая мостовая гораздо более тонкой конструкции, сделанная из больших хорошо обожженных кирпичей, почти все из которых были испещрены печатями Шар-Гани-шарри или Нарам-Сина. Непосредственно к юго-востоку от зиккурата была обнаружена большая комната около тридцати шести футов в длину, более одиннадцати футов в ширину и около восьми футов в высоту, пол

которой покоился на платформе Нарам-Син. Кирпичи с надписями доказывали, что эта комната, как и сам зиккурат, была построена Ур-Энгуrom. Непосредственно под ним была обнаружена вторая камера того же типа, в которой был найден кирпичный штамп Шаргани-шарри: по стенам этой камеры проходила узкая полка, на которой, как говорят, были найдены какие-то таблички. Хейнс вел раскопки вплоть до целины и утверждает, что обнаружил по меньшей мере два храма под мостовой Нарам-Сина; говорят, что в самом нижнем слое был найден алтарь из необработанного кирпича размером 13 × 8 футов, на котором было большое количество белого пепла. Вокруг “алтаря” была низкая стена, окружающая священную ограду, с внешней стороны которой были обнаружены две глиняные вазы высотой около двадцати пяти дюймов, украшенные веревочным узором. К юго-востоку от “алтаря” находится платформа из необработанного кирпича площадью почти двадцать три квадратных фута и толщиной более девяти с половиной футов. Хейнс сообщает нам, что у основания этого сооружения он обнаружил несколько вентиляционных отверстий для воды, в то время как под этой твердой массой он обнаружил дренаж, проходящий под платформой, в крыше которой была обнаружена настоящая замковая арка. Эта арка была найдена примерно в двадцати трех футах под мостовой Ур-Энгура и более чем в четырнадцати с половиной футах под платформой Нарам-Сина. К сожалению, самые нижние слои кургана были так сильно потревожены, а здания так безжалостно разграблены, что невозможно догматизировать даты всего, что обнаружили раскопки.

Что касается самого зиккурата, то самая нижняя из трех его ступеней, по-видимому, имела высоту около двадцати с половиной футов: наклон сторон вверх составляет примерно одну из четырех, а вторая терраса отступает примерно на тринадцать с половиной футов от поверхности нижней. Нижняя терраса защищена обожженным кирпичом с юго-восточной стороны, в то время как со всех остальных сторон фундамент выполнен из обожженного кирпича высотой в четыре ряда и шириной в восемь рядов, увенчанный необработанными кирпичами, покрытыми штукатуркой, состоящей из глины и рубленой соломы, что помогло сохранить грубую кирпичную кладку. В центре каждой из этих трех сторон находился водовод, по которому осушались верхние части зиккурата (ср. [XI](#)); водовод был сделан из обожженного кирпича и имел десять с половиной футов в глубину и три с половиной фута в размахе. Вокруг основания зиккурата было нанесено битумное покрытие с уклоном наружу и желобами для отвода воды и, таким образом, предотвращения растворения необработанных кирпичей.

Из этого краткого описания архитектурных остатков, обнаруженных в Ниппуре, сразу становится ясно, что, хотя представленная информация имеет первостепенную важность и первостепенную ценность, мы все еще в недоумении относительно общего вида раннего вавилонского храма, за исключением, конечно, храмовой башни позднего Ур-Энгура. Реставрация храма в том виде, в каком он, вероятно, выглядел во времена Ур-Энгура, была произведена Хилпрехтом и Фишером и воспроизведена с их любезного разрешения на рис. [6](#).

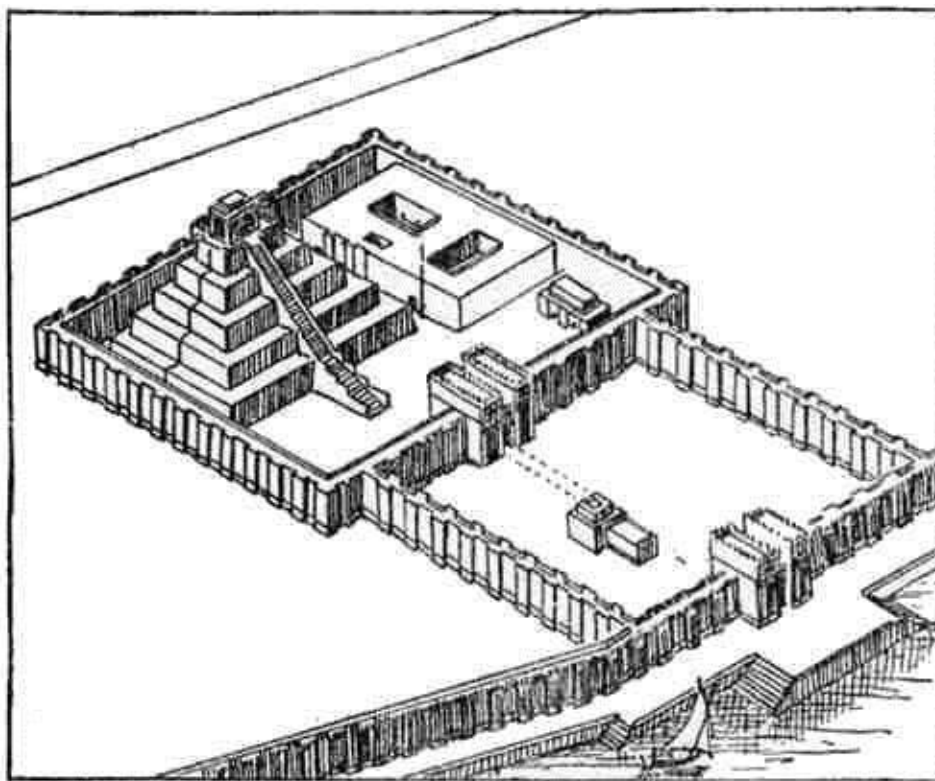
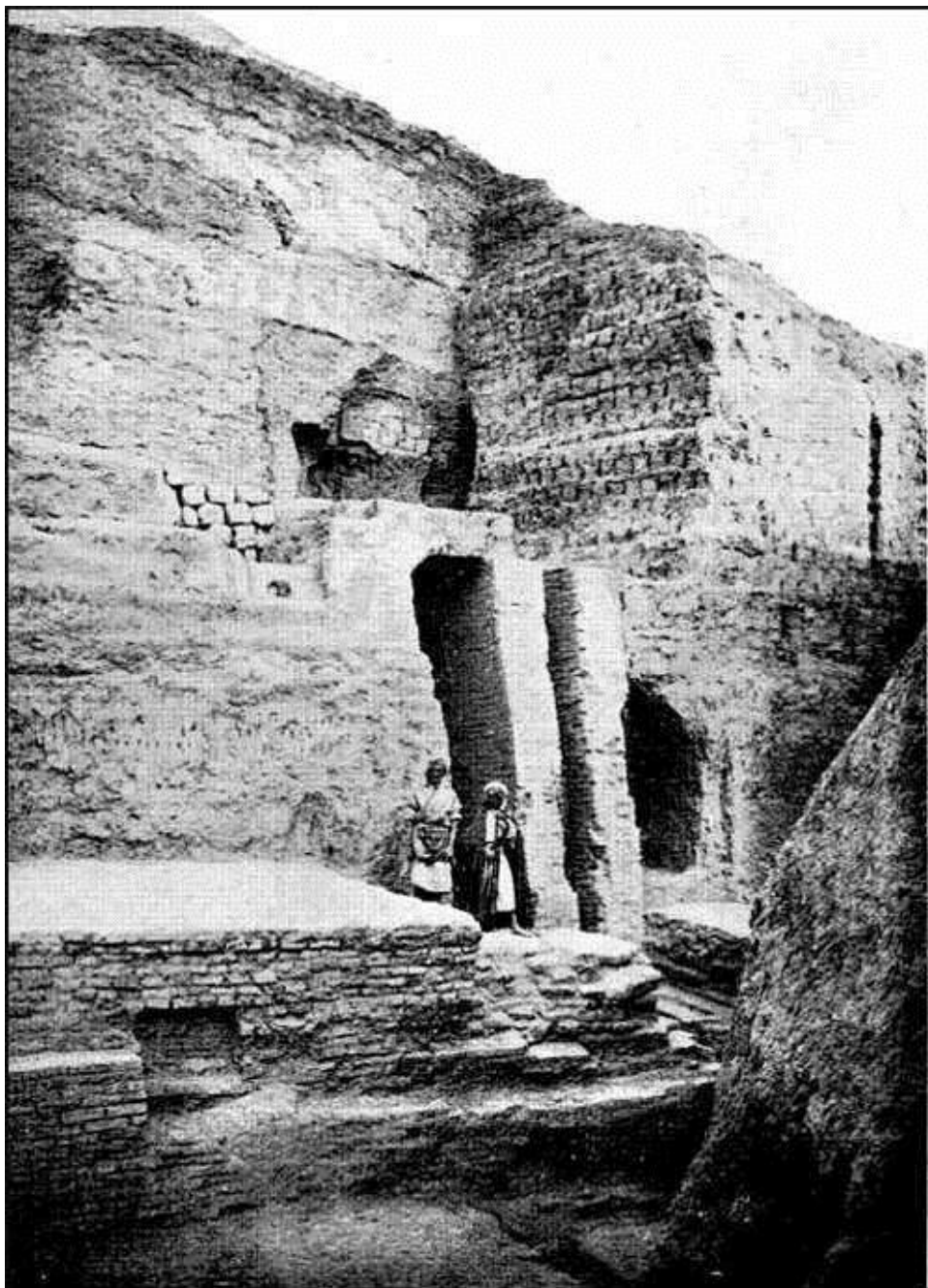

Рис. 6.-Реставрация храма в Ниппуре. (По Хильпрехту и Фишеру.)

О храме, воздвигнутом Гудеа в честь и славу своего бога Нин-гирсу, мы знаем сравнительно немного, кроме того, что он нам рассказывает, но, судя по его рассказу, он был явно очень сложным, поскольку в нем были помещения для жрецов, сокровищницы, зернохранилища и загоны для различных жертвоприношений. В более поздние времена в Вавилонии, по-видимому, были в моде два основных типа храмов: один имел ступенчатую башню в качестве характерной черты, другой отличался ее отсутствием. Хорошим примером последнего типа является храм Нин-мах в Вавилоне, раскопанный Немецким Восточно-Европейским обществом. Богиня Нин-мах почиталась еще во времена первой династии Лагаша, поскольку во времена Энтемены в ее честь уже возводились храмы. Ее храм в Вавилоне был построен в основном из высушенного на солнце кирпича, четыре угла которого, как обычно, были ориентированы по четырем сторонам света: он состоял из внутреннего двора, а также ряда комнат, некоторые из которых были покрашены, и следы белой отделки все еще были видны. Очевидно, вестибюль вел во внутренний двор или холл, вокруг которого были расположены различные комнаты и холлы, и в которые они также выходили. Внутренний двор резко контрастирует с ассирийским храмом в Нимруде, в котором нет такого внутреннего зала. Рядом с руинами этого храма находились знаменитые ворота Иштар, стороны которых были образованы массивными стенами, которые, как было обнаружено, сохранились до сих пор на высоте тридцати девяти футов. Эти стены были украшены рельефами на эмалированных кирпичах, изображающими животных как нормального, так и ненормального характера. По-видимому, существовало по меньшей мере одиннадцать рядов этих рельефов, изображающих быков или драконов, расположенных один над другим.

Водовод Ур-Энгур: Ниппур

(Из книги К. С. Фишера "Раскопки в Ниппуре", с разрешения автора)

Но из всех вавилонских храмов Э-темен-ан-ки, построенный Навуходоносором, царем Вавилона, на месте древнего святилища, безусловно, самый известный. Этот храм назван Геродотом (I, 181) храмом Бела, и это, несомненно, было очень величественное сооружение как по размерам, так и по великолепию. Геродот в своем описании утверждает, что он был сформирован из цельного блока каменной кладки, на который был наложен другой блок меньшего размера, и так далее, пока, наконец, всего не осталось восемь блоков, однако первый, или самый нижний, был просто основанием всего зиккурата и вообще не должен рассматриваться как "сцена"; соответственно, это была совершенная семиступенчатая башня, самый верхний блок которой поддерживал святилище. Вершина была достигнута с помощью подъема, идущего вокруг сооружения. По словам покойного Джорджа Смита, чьи оценки были основаны на вавилонском описании, содержащемся в табличке, которая когда-то находилась в его распоряжении, высота составляла 300 футов, стороны ее квадратного

основания были тех же размеров; площадь второго этажа составляла 260 квадратных футов, а его высота составляла 60 футов. Третий, четвертый и пятый этажи были высотой по 20 футов каждый и имели площадь 200, 170 и 140 квадратных футов соответственно. Разница в высоте различных ступеней резко контрастирует с регулярностью, демонстрируемой зиккуратом в Хорсабаде, остатки четырех ступеней которого все еще можно увидеть. Что касается шестой ступени, то вавилонская табличка, по-видимому, ничего не говорит, в то время как верхний этаж, поддерживающий святилище бога, имел размеры 80 × 70 футов и высоту 50 футов. Семь ступеней, без сомнения, когда-то сияли семью планетарными цветами, как это было в случае с семиступенчатой башней в Хорсабаде, на оставшихся нижних ступенях которой все еще присутствовали цвета, причем порядок расположения цветов был таким: белый для нижней ступени, черный для следующей, в то время как последующие этажи были выкрашены в синий, желтый, серебряный и золотой цвета. Зиккурат был окружен оградой площадью около 400 квадратных ярдов, вход и выход в которую осуществлялся с помощью бронзовых ворот. В двухкрылом здании на западе, предположительно святилище бога, находились золотое ложе и трон со ступенями, также из золота, в то время как в храме также находилось изображение самого бога, сделанное из чистого золота. Вавилонский рассказ сообщает нам, что храм состоял из двух продолговатых дворов, расположенных один внутри другого, здание в целом состояло из ряда святилищ, хотя, конечно, самым заметным и, следовательно, возможно, самым важным элементом в его композиции был зиккурат.

Но строительные операции Навуходоносора не ограничивались возведением храма в честь Бела: он перестроил или отреставрировал великие стены города Вавилон, Имгур-Бел и Нимитти-Бел, он построил храмы бога Солнца Шамаша в Сиппаре и Ларсе, оба этих города были древними центрами культа этого бога, в то время как в Вавилоне он воздвиг храм богине Нин-мах. В Борсиппе (Бирс-Нимруд) он уделял много внимания и заботы древнему святилищу Нево, и некоторые ученые отождествляют его работу на этом месте с великолепным храмом, описанным выше, о котором так подробно упоминает Геродот, хотя, как указывают Хоммель и Пинчес, удаленность Борсиппы от Вавилона скорее противоречит отождествлению. С другой стороны, в Борсиппе есть остатки того, что когда-то вполне могло быть великолепным храмом, о котором идет речь, в то время как в самом городе Вавилон таких остатков не видно; и что касается возражения, выдвинутого против отождествления этих остатков со знаменитым храмом Бела на том основании, что Борсиппа находилась слишком далеко, следует помнить, что мы действительно не знаем, как далеко простирался город, действительно ли он даже не включал Борсиппу в свои границы, поскольку, согласно Геродоту, окружность города составляла около пятидесяти километров. -шесть миль. Рассказ самого Навуходоносора о его архитектурных достижениях начертан на ряде глиняных цилиндров бочкообразной формы и на хорошо известной надписи Ост-Индского дома.

Ассирийские храмы, по-видимому, по большей части соответствовали тому же общему типу, что и в Вавилонии. Одним из самых ранних исследованных и в настоящее время, возможно, самым известным является то, что было раскопано Лейардом в Нимруде (Калах).⁶² Он состоял из внешнего двора, из которого верующий входил в вестибюль размером 46 на 19 футов,⁶³ за которым находились боковая камера и зал длиной 47 футов и шириной 31 фут, заканчивающийся нишей, вымощенной огромной алебастровой плитой длиной 21 фут, шириной 16 футов 7 дюймов и толщиной 1 фут 1 дюйм, в которой, вероятно, было установлено изображение бога; внутри было найдено множество каменных плит религиозного характера, а на каменной мостовой была начертана история правления Ашшур-нашир-пала. Главный вход был украшен и защищен крылатыми львами с

человеческими головами высотой 16-1/2 фута и длиной 15 футов, чья роль стража у порталов королевского дворца, таким образом, заменена на еще более высокое положение доверия, в то время как вход в боковую комнату был покрыт рельефами, изображающими бога в процессе изгнания злобного демона. Боковой вход находился в тридцати футах справа от главного входа, и помещение, в которое он вел, было соединено двумя коридорами с вестибюлем и главным залом. Именно справа от этого меньшего входа был обнаружен знаменитый арочный монолит Ашур-нашир-пал (см. табл. III). Недалеко от только что описанного здания, на самом краю искусственной платформы, был обнаружен еще один храм. Вход охраняли два колоссальных льва (ср. XXVI) высотой 8 футов и длиной 13 футов, а ворота шириной около 8 футов были вымощены одной плитой с надписью. Перед львами находились два алтаря, похожие на алтарь на Хорсабадском рельефе, воспроизведенном на рис. 14. С. Ворота вели в комнату длиной 57 футов и шириной 25 футов, заканчивающуюся нишей, вымощенной огромной алебастровой плитой с надписями с обеих сторон и размером 19-1/2 футов на 12 футов. Именно в этом храме была обнаружена статуя Ашшур-нашир-пала (ср. XXIV).

Сходство ступенчатых башен Месопотамии с египетскими пирамидами, естественно, привело к вопросу о том, похожи ли они на них также и в том, для чего они использовались. Соответственно, Лейярд попытался ответить на вопрос, на который уже были даны категорические ответы Ктесием и Овидием, сделав выемки в зиккурате в Нимруде с целью установить, содержали ли они пустоты, в которых когда-то могли покоиться тела царей или героев, действительно ли зиккураты были прежде всего гробницами, подобными пирамидам Мишраима. Возможность такого развития событий была доказана обнаружением хранилища на уровне самой платформы размером 100 футов в длину, 6 футов в ширину и 12 футов в высоту, хотя, если это действительно было место последнего упокоения усопшего короля, оно было полностью разграблено. От зиккурата, о котором идет речь, сохранился только один этаж, защищенный массивной каменной облицовкой и высотой около двадцати футов; камни, по-видимому, были сложены без какого-либо раствора, как это часто бывало в ассирийской кладке.

Другим прекрасным примером ассирийского храма является храм Ану-Адад в Ашуре, недавно раскопанный Немецким восточным обществом. Кодекс Хаммурапи показывает, что этот город существовал, во всяком случае, уже в его время, а немецкие раскопки доказали, что он не утратил своего значения, когда резиденция правительства была перенесена оттуда в Калах (Нимруд) около 1300 г. до н.э., но, напротив, продолжал оставаться царским городом и сохранял свое значение до седьмого века до н.э., а возможно, и позже.

Храм Ану-Адада был основан Ашшур-реш-иши (ок. 1140 г. до н.э.). Он состоял из прямоугольной террасы, доступ к которой открывался через дверной проем, обрамленный башнями: под террасой находилось несколько комнат. Две башни-храма были отделены друг от друга длинным проходом, по каждой стороне которого находились четыре небольшие комнаты, окружающие большую камеру посередине, которая вполне могла быть святилищем. Одна из этих больших комнат была посвящена Ану, а другая - Ададу. Согласно Андраз, две храмовые башни представляли собой четырехъярусные зиккураты, и, без сомнения, на самом верхнем этаже находилось святилище, как в храме Бела в Вавилоне. Многие кирпичи, из которых были сложены башни, были исписаны, как это было почти всегда. Тиглат-Пиласер I (1100 г. до н.э.), сын и преемник Ашшур-реш-иши, имел возможность отремонтировать или перестроить этот храм, и он записывает, что поднял его башни до небес и укрепил зубчатые стены обожженным кирпичом.⁶⁴ На его аккаунт гласит следующее:—

“В начале моего правления Ану и Адад, великие боги, мои повелители, которые любят мое священническое достоинство, потребовали от меня восстановления этого их священного жилища. Я лепил кирпичи и расчищал землю, пока не добрался до искусственной плоской террасы, на которой был построен старый храм. Я заложил его фундамент на твердой скале и обложил все это место кирпичом наподобие камина, обложил его слоем в пятьдесят кирпичей в глубину и построил на этом фундамент Храма Ану и Адада из больших квадратных камней. Я построил его от фундамента до крыши больше и величественнее, чем прежде, и возвел также две большие храмовые башни, соответствующие украшениям их великих божеств. Великолепный храм, сверкающее и величественное жилище, обитель их радостей, дом для их наслаждения, сияющий так же ярко, как звезды на небесной тверди, и богато украшенный орнаментами благодаря мастерству моих художников, я спланировал, изобрел и продумал, построил и завершил. Я сделал его интерьер сверкающим, как небесный купол; украсил его стены, подобные великолепию восходящих звезд, и придал ему великолепие ослепительного блеска. Я возвел башни его храма до небес и завершил его крышу обожженным кирпичом; расположил в нем верхнюю террасу, содержащую покои их великих божеств; и ввел в его интерьер Ану и Адада, великих богов, и заставил их обитать в этом их высоком доме, радуя таким образом сердца их великих божеств. Я также расчистил место под сокровищницей Адада, моего господина, которую построил тот же Шамши-Адад, жрец Ашура, сын Ишме-Дагана, также жреца Ашура, и которая пришла в упадок и развалины, и перестроил ее от фундамента до крыши из обожженного кирпича, сделав ее красивее и намного прочнее, чем раньше. Я зарезал там чистых животных в жертву Ададу, моему господину”.

Этот же царь, с предвидением, характерным для ассирийских монархов, молится о том, чтобы в случае, если здание придет в упадок, будущий царь смог их восстановить, и он также просит, чтобы такой царь мог помазать маслом свои собственные таблички с надписями и цилиндры-фундаменты. Его молитва была оправдана последующими событиями, поскольку во времена Салманасара II (860-825 гг. до н.э.) храм уже пострадал от воздействия времени и климата, и этот царь, следовательно, полностью перестроил его. Реконструкция Салманасара была не столь масштабной, как реконструкция Ашшур-реш-иши, первоначального основателя храма. Он возвел две храмовые башни (см. рис. [7](#)), параллельный сооружениям его предшественника, отличающийся, однако, от сооружений Ашшур-реш-иши, согласно Андраз, тем, что они обшиты панелями, а не простыми, как в случае с зиккуратом (так называемой “обсерваторией”) в Хорсабаде и зиккуратом Белуса в Вавилоне. Но Салманасар был не последним царем, которому была предоставлена привилегия отремонтировать этот древний храм: Саргон 722-705 гг. (до н.э.), преемник Салманасара IV и непосредственный предшественник Сеннахериба, также нашел возможность посвятить себя этому благочестивому делу, и во дворе Салманасара II почти все тротуарные плитки носят имя Саргона, что является постоянным свидетельством его чувства религиозного долга в этом вопросе. Уникальной особенностью этого храма является его двойное владение.

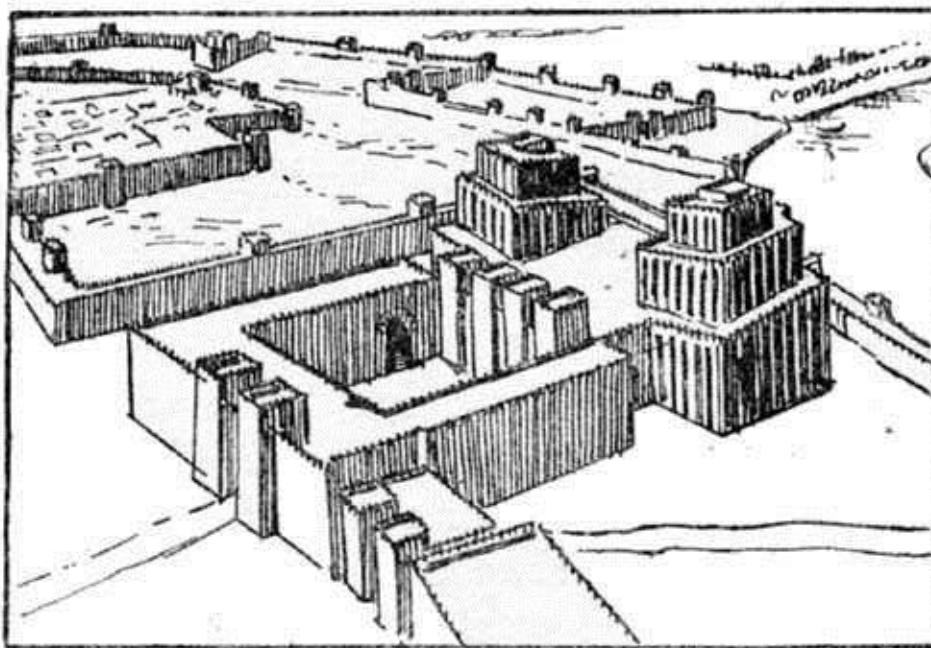

FIG. 7. (After Andrae, *Der Anu-Adad Tempel*, Tafel IX.)

Еще один храм, недавно раскопанный в Ашуре Кольдеевым и Андреем, был построен Син-шар-ишкуну в честь бога Небо. Син-шар-ишкун был последним царем Ассирии и правил около 615 года до н. э. Этот храм, состоявший из значительного числа комнат различной формы и размера, был разделен на две основные части, каждая из которых состояла из группы помещений, выходящих в главный двор, причем два двора были соединены между собой. Доступ в храм снаружи осуществлялся через дверь и вестибюль, ведущие в северный двор, хотя, возможно, южный двор (), с которым последний когда-то был соединен, имел аналогичный вход.

Южный двор имеет длину более девяноста футов и ширину около тридцати семи футов и окружен комнатами с южной, восточной и северной сторон, а с северной стороны он соединен с северным двором. Но именно на западной стороне этого южного двора расположены основные комнаты храма. Благодаря отличному состоянию сохранности кирпичного фундамента стен, археологи смогли определить план двух параллельных рядов комнат, в каждую из которых из двора можно было попасть через входные ворота с башней; как северный, так и южный ряд комнат содержали в первую очередь широкую комнату, соединенную с длинной комнатой, в дальнем конце которой находилась ниша для статуи бога. Ниша в конце длинного помещения в северной серии сохранилась настолько хорошо, что общий план ее реконструкции вполне достоверен. К вымощенному известняком постаменту в нише вела небольшая двойная лестница из четырех низких ступеней, также вымощенных известняком. Все эти комнаты, включая южный и западный коридоры и южный двор, были вымощены кирпичной кладкой, на некоторых кирпичах была надпись о строительстве Син-шар-иш-куна, а на кирпичах в южной и северной широких комнатах была надпись «храм Небо», что доказывает, что вся эта часть здания принадлежала храму этого бога и что его храм имел двойной характер.

Син-шар-иш-кун, очевидно, не гнушался использовать строительные материалы своих предшественников, поскольку на одном из дверных косяков высечено имя Ашур-насир-пала, а среди других найденных предметов с надписями были фрагменты полых терракотовых цилиндров и призм, а также глиняные конусы с надписью Син-шар-иш-куна. План южной части этого храма Небо во всех существенных деталях соответствует плану обычного ассирийского храма, отличительными чертами которого, помимо зиккурата, были широкая комната, зал с нишей для статуи бога, группа окружающих комнат и коридор.

Самым известным храмом в Ашуре был храм самого бога Ашура, но, к сожалению, он плохо сохранился и, следовательно, имеет меньшее археологическое значение, чем храм Ану-Адада или храм Небо. Одной из интересных особенностей древнего храма Ашура является то, что комнаты, по-видимому, были широкими, а не длинными. В самой старой части здания был обнаружен алебастровый блок⁶⁵ с надписью из двадцати четырех строк, написанной архаичными символами. Символы в некоторой степени напоминают те, что были найдены в надписях Иришума, и похожи на символы, использовавшиеся в ранних вавилонских надписях, при этом, как и в них, они читаются по длине, а не по ширине, но строки идут слева направо, а не справа налево, и в этом они напоминают несколько надписей, найденных в Телло.⁶⁶ Этот алебастровый блок, возможно, является самой древней ассирийской надписью, обнаруженной на сегодняшний день. Во дворе этого же храма были найдены фрагменты скульптуры из диорита с небольшими фигурками, похожими на фигурки периода Хаммурапи.

Наилучшим образом сохранившаяся зиккурат в Месопотамии — это та, которая была обнаружена в Хорсабаде; четыре яруса этой башни сохранились до наших дней, и цвета, которыми они были окрашены, все еще видны. Она находится в непосредственной близости, но не в непосредственной связи с группой зданий, которые ранее считались гаремом дворца, но недавно Колдевей⁶⁷ показал, что на самом деле это группа храмов (ср. рис. [24 В](#)). Аргументом, на котором основывалась теория гарема, был тот факт, что этот блок зданий отделен от дворца, но этот аргумент можно было бы с еще большей силой использовать в поддержку теории храма, в то время как его близость к зиккурату и общее соответствие формы и очертаний нескольких зданий, которые он включает, нормальному ассирийскому храму, как показали раскопки, делает утверждение Колдевея практически несомненным. Кроме того, хотя зиккурат, как и в случае с Борсиппой, не связан с теоретическим «храмовым комплексом», кажется, нет никаких сомнений в том, что они принадлежат друг другу, поскольку в окрестностях нет места для собственно храма, а прилегающие части дворца, безусловно, использовались для светских, а не религиозных целей. Блок, по-видимому, содержал три храма, вход в каждый из которых осуществлялся через центральный двор; храмы состояли из широкой комнаты или вестибюля, длинной комнаты или зала, в конце которого находилась еще одна комната — предположительно святилище, где хранилась статуя бога. Вход в святилище из зала осуществлялся через широкий проем и по лестнице.

В дополнение к этим выдающимся частям здания были различные подчиненные комнаты, которые в одном храме фланкировали правую сторону, в другом — левую, а в третьем — обе стороны главного зала; эти комнаты были соединены в одном случае с широкой комнатой, залом и святилищем, во втором — с залом и святилищем, а в третьем — только с залом. Иногда они имели окружающие коридоры; таким образом, можно видеть, что, хотя они значительно различаются между собой, они представляют один и тот же общий тип, полностью отличный от того, которому соответствуют ассирийские дворцы и дома, общая форма которых была скорее широкой, чем длинной.

Но, несмотря на общее сходство ассирийских храмов, более ранние постройки отличаются от более поздних по крайней мере в одном важном аспекте: в первых святилище представляет собой просто глубокую нишу в задней стене главного длинного помещения или зала, в то время как в более поздних храмах Саргона ниша была преобразована в специальную святилище.

Уже было показано, что зиккураты в Месопотамии ни в коем случае не соответствовали одному и тому же плану; варьировалось не только количество их ступеней, но иногда и их форма. Как правило, они были квадратными или, во всяком случае, прямоугольными, но зиккурат, раскопанный в Эль-Хиббе немецким восточным обществом, оказался исключением из этого общего правила. Данная башня имеет круглую форму и состоит из двух ярусов; она построена не на искусственном холме, а на естественном грунте и до сих пор сохранилась в высоту двадцать четыре фута. Диаметр первого яруса⁶⁸ составляет более четырехсот футов, а верхнего яруса — чуть более трехсот футов. Последний защищен стеной из обожженного кирпича, уложенного на битуме, а верхние поверхности обоих ярусов были покрыты тем же материалом, чтобы защитить их от разрушающего воздействия дождя. Строение дренировалось с помощью каналов из обожженного кирпича, которые служили также для укрепления нижнего яруса и фактически выполняли функцию подпорки. На поверхности верхнего яруса было найдено несколько глиняных конусов или гвоздей, похожих на те, что были найдены у подножия зиккурата в Ниппуре, но, по-видимому, ни на одном из них не было надписей.

ДВОРЦЫ

Другие здания в Вавилонии, имевшие более светский характер, сохранились в более удовлетворительном состоянии, чем те, которые были специально посвящены богам, но сами королевские дворцы в большинстве своем подверглись такой реконструкции, что очень трудно определить точную форму, которую имело первоначальное здание. Ур-Нина оставил нам остатки сложного здания, которое он построил в своем королевском городе Лагаш, но оно, по-видимому, было скорее складом, чем неотъемлемой частью дворца; Ур-Бау и Гудеа несколько веков спустя также оставили несомненные следы своей строительной деятельности в этом знаменитом городе прошлого. В ходе раскопок большого дворца в одном из разрушенных холмов Телло было найдено много кирпичей с надписью имени Гудеа, и это открытие, естественно, привело к поспешному выводу, что это сложное здание, так прекрасно сохранившееся, на самом деле было королевской резиденцией этого давно умершего правителя, но более тщательное исследование выявило наличие других кирпичей с именем Хададнадинахе, написанным как греческими, так и арамейскими буквами, что окончательно доказало, что данное здание относится к парфянскому периоду и не может быть датировано ранее второй половины II века до н. э. Кирпичи, принадлежавшие раннему зданию Гудеа, были повторно использованы в качестве материала для более поздней постройки, что было обычной практикой в Месопотамии. Однако части раннего здания Гудеа были фактически включены в парфянский дворец, наиболее хорошо сохранившимися из которых являются ворота (см. табл. V) и часть башни, а под одним из углов дворца была обнаружена часть стены, возведенной Ур-бау, одним из непосредственных предшественников Гудеа.

Еще одним знаменитым дворцом был дворец Навуходоносора в Вавилоне, известный как Эль-Каср (см. стр. 69). Этот дворец был раскопан Кольдевеем и Андреем. Наружная стена была построена из кирпичей с оттиском имени Навуходоносора и имела толщину около 23,5 футов, внутренняя стена, также построенная из кирпича, имела толщину более 44 футов, а пространство между двумя стенами, почти 70 футов, было заполнено песком и другими

материалами, таким образом, общая толщина составляла почти 136,5 футов. Обжиганные кирпичи, из которых были сложены подпорные стены, были уложены в асфальте « » и соединены настолько плотно, что их невозможно разделить на слои. Курган Каср, представляющий собой новый пригород самого города Вавилона, не раскрыл ничего более древнего, чем VII век. Ашшурбанипал (668-626 гг. до н.э.) построил здесь храм, который был должным образом раскопан, но дворец Навуходоносора является главным зданием, обнаруженным на этом знаменитом месте. До времени Навуходоносора здесь, по-видимому, был дворец, который был реконструирован Набополассаром (625-604 гг. до н.э.), основателем нововавилонской династии, но впоследствии он сильно пострадал от наводнения Евфрата и был соответственно отремонтирован и расширен Навуходоносором, который перестроил его из обожженного кирпича; его работа была настолько прочной, что нижние части дворца сохранились до наших дней.

Внутреннее пространство дворца состояло из большого количества комнат, расположенных вокруг внутренних дворов. Большой зал, расположенный к югу от главного двора, имел нишу в южной стене и был дополнительно снабжен тремя дверями в северной стене, где также были обнаружены следы того, что когда-то, возможно, было колоннадой. Крыша дворца была сделана из кедрового дерева, как и двери, которые были покрыты бронзой, как и знаменитые ворота в Балавате (см. рис. [43](#)). Пороги были сделаны из того же металла, что и ступени в храме Э-зида в Борсиппе, одна из которых сохранилась до наших дней и носит имя этого царя, а золото, серебро и драгоценные камни различных видов были использованы с щедрой расточительностью в украшении королевской резиденции.

На северной стороне стены Навуходоносор построил еще одно здание, которое, по-видимому, было крепостью и соединялось с дворцом. Согласно надписи на Индийском доме и утверждению вавилонского историка Бероса (около 300 г. до н. э.), чья история « » к сожалению утрачена, но извлечения из которой дошли до нас благодаря Иосифу Флавию, это здание было построено за невероятно короткий срок — пятнадцать дней.

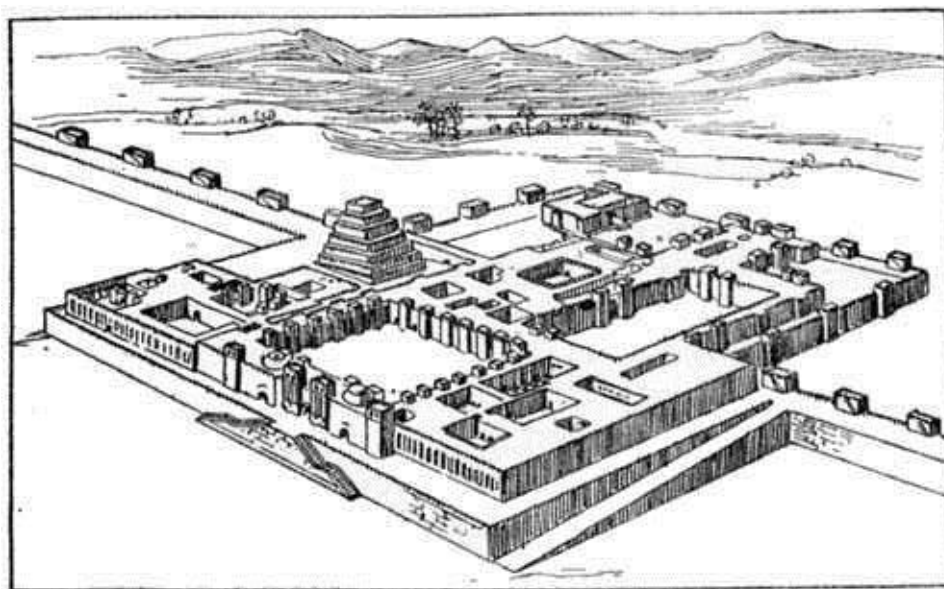

Рис. 8. — Реконструкция «дворца Саргона» в Хорсабаде. (По Плейсу.)

Однако ассирийские дворцы сохранились в лучшем состоянии, чем вавилонские, и дают больше материала для изучения месопотамской архитектуры. В первую очередь следует упомянуть дворец, построенный Саргоном (722-705 гг. до н.э.) в Хорсабаде (см. рис. [8](#)).

Дворец был построен на искусственном холме, как и большинство важных зданий в Вавилонии и Ассирии. Эти холмы имели более практическое назначение в Южной Месопотамии, так как благодаря им здания были подняты выше уровня воды, поднимающейся во время паводков на Евфрате. Насыпи, иногда образованные из грубых кирпичей, иногда из песка, гравия и других материалов, укреплялись и защищались облицовочной стеной из обожженного кирпича или камня. Облицовочные стены в Хорсабаде, которые были образованы из каменных блоков весом иногда до двадцати трех тонн и размером 6 × 6 × 9 футов, постепенно становились тоньше кверху. Внутренняя поверхность этой каменной стены, непосредственно соприкасавшаяся с массой необработанного кирпича, оставалась шероховатой, что добавляло общей целостности конструкции. Общая высота стены в Хорсабаде составляла около 60 футов, фундамент имел размеры 9 футов, а подпорная стена — 46 футов, парапет высотой 5 футов составлял в сумме 60 футов. Когда крыша была плоской, она, по-видимому, обычно увенчивалась парапетом, верхняя часть которого была зубчатой. Почти все здания, изображенные на ассирийских барельефах, имеют эту зубчатую форму, которая, по-видимому, была характерной чертой месопотамской архитектуры и действительно стала настолько популярной в более поздние времена, что даже вершины алтарей и стел иногда были зубчатыми (ср. рис. [14](#), С). Однако здания с зубчатыми вершинами не встречаются в Вавилонии до времени Гудеа и династии Ура (около 2450 г. до н. э.). Фундаментный холм, на котором была построена кирпичная городская стена Дур-Шаррукина (Хорсабад), был аналогичным образом облицован камнем, сам холм состоял из камней и щебня, но внутри дворца камень использовался только для облицовки стен, для полов в более важных комнатах, а также для шахт, капителей и оснований колонн и других архитектурных аксессуаров, при этом основная часть здания была построена полностью из кирпича. Наружные стены зданий в Дур-Шаррукине, как правило, укреплялись «контрфорсами», изготовленными из более прочного и долговечного материала, чем сами стены, в то время как, по-видимому, единственным фундаментом были искусственные насыпи, на которых были построены здания. К сожалению, о внутреннем устройстве зданий известно очень мало, и мы даже не можем с уверенностью сказать, как были покрыты крыши различных комнат.

Комнаты во дворце Саргона почти все имеют прямоугольную форму, иногда квадратную, но в целом очень длинную по сравнению с их шириной. Стены комнат были необычайно толстыми и варьировались от двенадцати до двадцати восьми футов (). Крыши этих длинных комнат, должно быть, были либо сводчатыми, либо построенными из деревянных балок, хотя первые были бы более пригодными для климата, характеризующегося с одной стороны крайней жарой, а с другой — крайним холодом, поскольку толстые своды одинаково защищали бы от палящих лучей летнего солнца и пронизывающего холода суровой зимы, в то время как обнаружение огромного количества разбитых кирпичей, обломков и щебня, а также соответствующее отсутствие каких-либо следов дерева в раскопанных комнатах подтверждает теорию о том, что крыши были сделаны из глины, а не из дерева; и, наконец, единственное дерево, которое можно было легко добыть, по-видимому, было бы совершенно недостаточно для того, чтобы выдержать нагрузку наложенной плоской глиняной крыши. Кроме того, Виктор Плейс обнаружил остатки обрушенных сводов, а широкое использование арок как в городских стенах Хорсабада, так и в дренажной системе дворца служит дополнительным аргументом и еще больше повышает вероятность этой теории. Исчезновение любых следов дерева в самих комнатах можно было бы объяснить хрупкостью и недолговечностью этого материала, но возле дверных проемов, которые, очевидно, не могли быть сделаны из глины или камня, были найдены фрагменты дерева, а также дверные панели, и, без сомнения, если бы потолки комнат также были сделаны из дерева, то были бы найдены аналогичные доказательства этого факта. Плейс

далее упоминает об обнаружении в некоторых камерах валиков из известняка: эти валики, возможно, использовались для разглаживания и уплотнения крыш из утрамбованной глины после ливня, тем самым предотвращая разрушение и общее обрушение этой неотъемлемой части конструкции. Однако эти глиняные крыши, какими бы неудовлетворительными они ни были в прошлом с архитектурной точки зрения, оказались неоценимыми для современных археологов, поскольку благодаря мягкости материала, из которого они были изготовлены (), скульптуры и статуи, которые они должны были сохранять в течение столь долгого времени, остались в идеальном состоянии.

Как уже упоминалось, перегородки комнат демонстрируют ту же необычайную прочность, что и наружные стены дворца и города, самая тонкая из которых имеет толщину около десяти футов. Массивность этих перегородок подтверждает теорию о том, что крыши были не из деревянных балок, а из глиняных сводов, и является дополнительным доказательством, с одной стороны, отсутствия каких-либо следов дерева в самих комнатах, а с другой — обнаружения фрагментов дерева в дверных проемах; поскольку единственным доступным объяснением и общей *причиной существования* таких толстых внутренних стен является то, что сводчатые крыши из мягкой глины могли поддерживаться только стенами, обладающими более чем обычной прочностью. Несомненно, сводчатая крыша также была определяющим фактором в формировании формы и общего контура комнат, и именно нехватке дерева, пригодного для строительства, и, как следствие, использованию глины для кровли, а также для других частей конструкции, мы должны приписать узость большинства камер, которые, по правде говоря, больше похожи на галереи, чем на залы или комнаты.

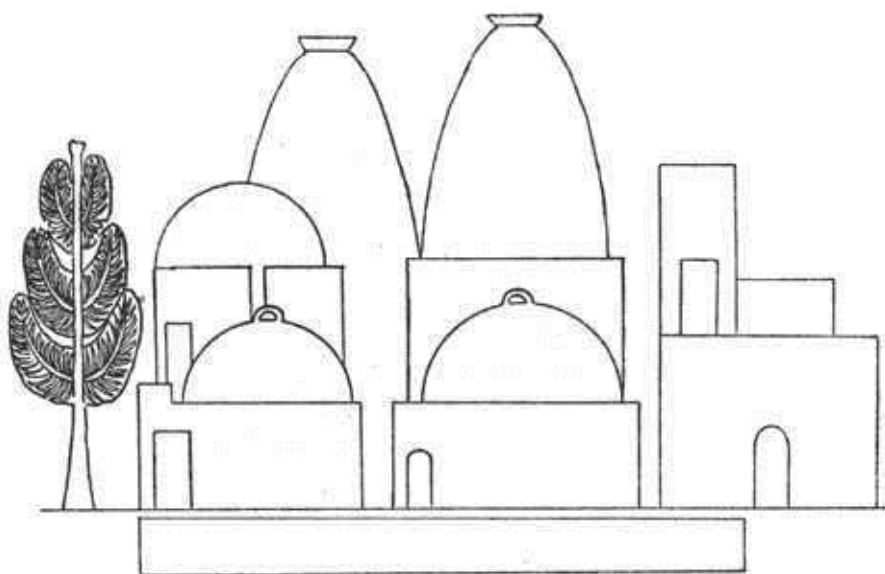

Рис. 9. — Из ассирийского барельефа. (По Layard, Ser. 2, Pl. 17.)

Однако не следует полагать, что все комнаты во дворце Саргона или во дворцах других ассирийских царей были одинаковыми по форме, как проходы, или что все они были покрыты бочкообразными сводами. В дворце, о котором мы говорим, были обнаружены квадратные комнаты, некоторые из которых имели немалые размеры и достигали сорока восьми футов в длину и ширину; очевидно, что они не могли быть покрыты бочкообразными сводами, а трудность в приобретении древесины достаточной длины была бы более ощутима в случае большой квадратной комнаты, чем в случае удлиненной галереи. Таким образом, проблема сводится к вопросу о том, какие другие способы покрытия крыш использовались ассирийцами, помимо крыш типа « », сделанных из

деревянных балок, которые, по-видимому, использовались только в исключительных случаях, и бочкообразных сводов, которые были бы неприемлемы в этих больших квадратных залах. Здесь нам на помощь приходят барельефы, украшающие стены королевских дворцов. На одном из этих барельефов из Куюнджика (см. рис. 9) изображен ряд зданий, увенчанных куполами различной формы и размера, что окончательно доказывает, что ассирийцы времен Сеннахериба развивали искусство строительства купольных крыш, или, возможно, мы должны сказать, заимствовали это искусство из своей родины, поскольку принцип купольной крыши, по-видимому, был известен в Вавилонии в досаргонскую эпоху, поскольку американские раскопки в Бисмае обнаружили овальное помещение шумерского периода, снабженное купольной крышей, большая часть которой сохранилась до наших дней, и, без сомнения, квадратные комнаты во дворце Саргона в Хорсабаде, а также во дворцах других ассирийских царей были покрыты такими же крышами. Здания справа (см. рис. 9) имеют плоские крыши, а слева — либо полусферические купола, либо конические купола; большинство дверей имеют прямоугольную форму, однако две из них имеют арочную форму, как знаменитые ворота в Хорсабаде. Эти закругленные крыши можно увидеть по всему Востоку даже в наши дни, настолько сильное влияние оказывают обычаи и привычки, когда оба являются результатом естественной среды климата и обязаны своим происхождением великой матери изобретательности.

ЧАСТНЫЕ ДОМА

О планировке частных домов в Вавилонии мы знаем сравнительно мало. Тейлор раскопал небольшой дом неизвестной даты в Мукейере, а также был составлен план некоторых комнат в Абу-Шахрейне. Дом в Мукейере был построен на искусственном холме из сырого кирпича (), на который была уложена мостовая из обожженного кирпича, а сам дом был построен из того же материала. Стены были очень неровными, но общий план здания, по-видимому, был крестообразным. Внешний слой кирпичей, по-видимому, был уложен на битуме, а для остальной части использовался глиняный раствор, в то время как пол, который был сделан из обожженного кирпича, как и стены, был уложен на битуме. Что касается дверных проемов, то два из них представляли собой арочные своды с полукруглыми арками, сложенными из клиновидных кирпичей, внутри которых были найдены обугленные остатки деревянных стропил или балок. Снаружи дом был украшен перпендикулярными канавками, или «ступенчатыми углублениями»⁶⁹, а многие кирпичи были покрыты эмалью или гипсом и имели надписи.

Внешнее украшение здания в Варке (Эрехе), раскопанного Лофтусом, состояло, с другой стороны, из ряда цветных глиняных конусов⁷⁰, вмонтированных в грязь или штукатурку и расположенных в различных узорах, с круглыми основаниями наружу. Узоры были в основном треугольными, полосатыми, ромбовидными или зигзагообразными, а стена, частью которой они были, имела длину тридцать футов. Плоская часть этой стены выступала на один фут девять дюймов за полукруглые полуколонны, которые располагались через определенные промежутки, как на фасаде Усаса.

Комнаты, раскопанные в Абу-Шахрейне, были построены из необработанного кирпича, стены были покрыты штукатуркой с внутренней стороны и окрашены. В одной из этих комнат стены были украшены белыми, черными и красными полосами шириной около трех дюймов, а в другой была грубая красная картина, изображающая человека, держащего птицу на запястье, и меньшую фигуру, стоящую рядом.

Здания, обнаруженные в ходе немецких раскопок в Фаре, по-видимому, отличаются в основном тонкостью стен и сложной системой водоотвода. Общий план этих кирпичных зданий состоял из центрального двора, окруженного комнатами очень небольших размеров. Частные дома, как и дворцы, часто занимались несколько раз: так, в Ниппуре некоторые из домов, раскопанных Хейнсом, были заняты по крайней мере три раза, а в одном из них были видны три совершенно разных дверных проема, самый нижний и, следовательно, самый ранний из которых был перекрыт сегментной аркой. Но в Сургуле и Фаре были найдены и другие здания совершенно иной формы и характера; эти здания не прямоугольные, а круглые, их диаметр составляет от шести с половиной до шестнадцати футов. Эти ротонды, которые особенно многочисленны в Фаре, были увенчаны арочными сводами, и в одной из них были найдены четыре черепа. Трудно сказать, для чего использовались эти круглые сооружения. Мы знаем кое-что об обычных домах более поздних времен из сочинений классических авторов: например, Геродот сообщает нам, что дома были, как правило, высокими, имели три или даже четыре этажа (Геродот I, 180), а Страбон рассказывает, что крыши домов были сводчатыми. Последний автор сообщает нам, что колонны дома — когда таковые существовали — состояли из стволов пальм (), вокруг которых были обернуты пучки камыша, а все это покрывалось каким-то видом штукатурки и затем окрашивалось (Страбон XVI, I, 85).

О частных домах в Ассирии мы знаем не намного больше, чем о домах в Вавилонии. Однако немецкие раскопки в Калат-Шеркате (Ашур) пролили некоторый свет на этот вопрос. Фундаментные стены домов, обнаруженные на этом месте, показали, что они в целом соответствовали плану старого вавилонского дома, как показано в Фаре. Сами фундаменты представляют некоторую новизну для исследователей месопотамской архитектуры: упомянутые фундаментные стены были заглублены через накопившиеся обломки, покрывавшие плато, до скального дна; эти стены были покрыты слоем камней, на который были наложены собственно стены здания. Один из этих домов имел размеры примерно 86 × 61 фут и был прямоугольной формы. Как и в Фаре (), комнаты окружают центральный двор. На южной стороне здания два узких коридора проходят с востока на запад и прослеживаются в фундаменте, доступ к двору осуществляется только через внешний коридор и два поворота.

В обломках под этим домом были найдены различные могилы капсульного типа.⁷¹

Рис. 10. (По Хильпрехту.)

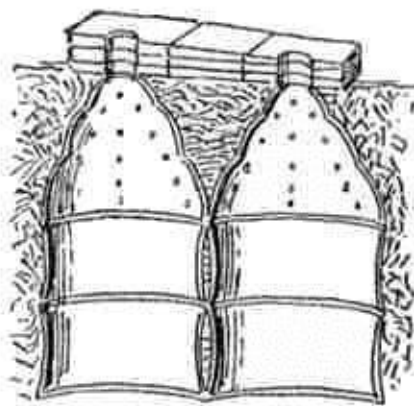

Рис. 11. (По Тейлору.)

Дренажные системы древних вавилонян были сделаны либо из кирпичей, либо из обожженных глиняных колец. Хороший пример более крупного типа дренажных систем или водопроводов, которые обычно использовались для осушения верхних ярусов зиккуратов, мы видим на илл. [XI](#). Подобные дренажные системы были обнаружены Лофтусом в Эрехе, хотя он принял их за опорные контрфорсы,⁷² с которыми они имеют поразительное сходство. Во дворе храма в Ниппуре были обнаружены многочисленные дренажные трубы второго типа. Они были построены из терракотовых колец, установленных одно на другое, и иногда снабжены колоколообразной верхней частью, а иногда увенчаны терракотовым полом,⁷³ как на рис. [10](#). Средний диаметр колец, составляющих этот дренаж, составлял два фута и три четверти, а его глубина достигала шести с половиной футов. В Бисмае был обнаружен дренаж, состоящий из круглых плиток диаметром около восьми дюймов, а в Мукейере (Ур) Тейлор обнаружил аналогичные дренажи, состоящие из терракотовых колец, установленных одно на другое. Часто эти шахты были двойными, как показано на иллюстрации (рис. [11](#)). Кольца, составляющие этот дренаж, имели диаметр два фута и ширину около полутора футов, и в некоторых случаях они были скреплены между собой тонким слоем битума. «На протяжении примерно одного фута вокруг этих дренажных труб и по всей их длине лежали куски разбитой керамики, чтобы более эффективно осушать курган» [†] Над отверстием верхнего кольца, которое имеет форму, отличную от других, находились слои перфорированных кирпичей, ведущие к вершине холма. Иногда эти дренажные системы состоят из сорока таких колец. Многочисленные дренажные системы, сделанные из кирпичей и черепицы, были обнаружены в Бисмае, а дренажная система в Фаре и других ранних вавилонских поселениях, по-видимому, была очень обширной.

Основные дренажные каналы в Вавилонии и Ассирии часто имели форму сводчатых акведуков. Что касается дренажа внутренних помещений, то дворец Саргона в Хорсабаде является нашим лучшим источником информации. Почти все комнаты дренировались через отверстие, вырезанное в камне в центре пола, к которому кирпичный пол постепенно наклонялся; вода проходила через отверстие в круглый кирпичный канал, который

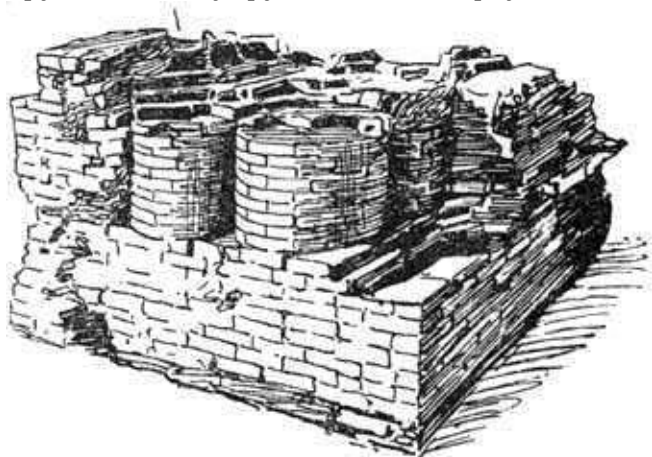
спускался в горизонтальный дренаж, соединенный с главным сводчатым дренажом, о котором будет сказано позже (ср. стр. [174](#)).

Окна, которые, по нашему мнению, являются одной из самых важных частей здания, по-видимому, не принимались во внимание вавилонянами и ассирийцами. В случае одноэтажных зданий единственными окнами, по-видимому, были мансардные окна. В любом случае, Плейс обнаружил в нескольких комнатах в Хорсабаде терракотовые цилиндры, которые, по его мнению, должны были составлять часть крыши, через которую в комнату поступал воздух и небольшое количество света. Здания, изображенные на барельефах, действительно имеют небольшие отверстия, но они скорее похожи на амбразуры, чем на окна в полном смысле этого слова. Но в любом случае, даже если бы в стенах были прорезаны окна, их чрезвычайная толщина не пропускала бы почти никакого света.

Колонна

Колонна, по-видимому, никогда не занимала видное место в истории месопотамской архитектуры, что опять же было связано с нехваткой камня и дерева; однако имеется достаточно доказательств того, что она, безусловно, была известна, хотя и использовалась не очень часто. В современной архитектуре колонна является основной опорой арок, но в вавилонской и ассирийской архитектуре арки и подвесные своды () обычно поддерживаются толстыми стенами; об этом свидетельствуют как остатки древних зданий, так и изображения таких зданий на барельефах.

Вероятно, лучшими примерами ранних вавилонских колонн являются те, которые были обнаружены Де Сарзекком в Телло в 1881 году, хотя, строго говоря, это не колонны, а опоры, образованные соединением четырех круглых колонн (см. рис. [12](#)). Опоры состоят из круглых, полукруглых или треугольных кирпичей, на которых имеется надпись: «

» (рис. 12). (См. *Déc. en Chald.*, Pl 53, 2.) Из этой надписи мы узнаем, что новое сооружение, частью которого они, по-видимому, были, было в основном построено из кедрового дерева, что подтверждается обнаружением фрагментов этого дерева среди руин.

Свидетельство очень раннего использования колонн на том же месте было обнаружено при находке серии из восьми кирпичных оснований, расположенных примерно в тринадцати футах от древнего здания Ур-Нина, где до сих пор видны обугленные остатки кедровых столбов, которые когда-то возвышались над этими основаниями. Вероятно, самым известным примером использования колонн в Вавилонии, обнаруженным в ходе раскопок, является Колонный двор в Ниппуре (см. табл. [X](#)). Этот двор имеет площадь более сорока

восьми футов в квадрате; его пол состоит из толстой мостовой из необожженных кирпичей и имеет глубину более шести футов; по словам Петерса, по трем сторонам этого квадрата пролегла своего рода окантовка, образованная двойным рядом обожженных кирпичей, из которых возвышались четыре кирпичные колонны круглой формы, но опиравшиеся на квадратные кирпичные столбы, которые углублялись примерно на три фута ниже поверхности; четвертая сторона, без сомнения, была аналогичным образом занята колоннами, но почти все следы даже их фундаментов были смыты из-за уклона холма. На других сторонах платформы колонны сохранились до высоты около трех футов; они, по-видимому, сужались кверху, а диаметр у основания составлял чуть более трех футов. Они были построены из кирпичей, специально изготовленных для этой цели: эти кирпичи по форме представляют собой сегменты кругов, вершины которых усечены, а пустота, оставшаяся в центре круга, состоящего из этих деформированных сегментов, была заполнена фрагментами кирпичей. Сегментные кирпичи хорошо пропечены, хотя и несколько хрупкие, и были уложены на растворе. По словам Петерса, эти колонны были тщательно обработаны острым инструментом, чтобы удалить любые неровности, которые могли возникнуть из-за деформации какого-либо из составляющих кирпичей. Кроме того, колонны не расположены с математической точностью, а лишь примерно на равном расстоянии друг от друга. Угловые колонны отличаются от остальных тем, что они наполовину круглые, а наполовину квадратные. Петерс датирует эту колоннаду вторым тысячелетием и относит ее к касситскому периоду. Хилпрехт, однако, считает, что она является продуктом парфянской эпохи, и датирует ее примерно 300 годом до нашей эры.

Но в Ниппуре были найдены и другие колонны, некоторые прямоугольной и продолговатой формы, другие овальной, однако оба вида были сделаны из кирпича, как и колонны во дворе. В одной комнате здания, расположенного рядом с двором, были найдены две колонны, встроенные в стену, и еще две круглые колонны на квадратных основаниях, последние состояли из четырех рядов кирпичей и опирались на фундамент из глиняных кирпичей. Окружность этих круглых колонн превышает двенадцать футов. На юго-востоке двора были обнаружены остатки еще одной пары круглых колонн гигантских размеров; основание одной из них было найдено в первоначальном положении (), а остатки стволов лежали разбросаны в беспорядке. Диаметр этих колонн у основания, должно быть, составлял от шести до семи футов, то есть более чем в два раза превышал размер колонн во дворе.

Однако Телло и Ниппур — не единственные места, где были найдены свидетельства использования колонн в древней Вавилонии. Лофтус во время раскопок на кургане Вусвас в Варке (Эрехе) обнаружил остатки семи полуколонн, повторяющихся семь раз,⁷⁵ и использовавшихся для украшения фасада; эти полуколонны были сделаны из полукруглых кирпичей. Нет никаких следов капителей, оснований, карнизов или каких-либо других элементов, которые обычно присутствуют в колоннах, поэтому они занимают раннее место в развитии колонной архитектуры, и Лофтус относит здание, в котором они были обнаружены, ко второму тысячелетию до нашей эры, — не позднее 1500 года до нашей эры. Раскопки в Абу Адхаме, кургане, расположенном недалеко от Телло, обнаружили здание с кирпичными колоннами, точно такими же, как те, что были найдены Петерсом в Ниппуре, а в Абу Шахрейне (Эриду) Тейлор обнаружил остатки колонны⁷⁶ состоящих, в отличие от упомянутых выше, из «плит из песчаника размером 20 дюймов в квадрате и толщиной 4 дюйма, которые были расположены в форме круга и соединены между собой известью, составляя основной материал; между каждым слоем находились цилиндрические куски мрамора, а все сооружение было покрыто толстым слоем извести; последующие слои, смешанные с мелкими камнями и галькой, укладывались до тех пор, пока сооружение не

достигало желаемого размера и толщины. Ее основание имело форму чаши и опиралось на слой высушенных на солнце кирпичей, под которым снова находился мелкий песок». Без сомнения, колонна использовалась в Вавилонии чаще, чем можно было бы предположить, исходя из редких случаев, когда раскопки действительно давали материальные свидетельства ее использования, а тот факт, что Навуходоносор изобразил колонны с большими витыми капителями на цветных плитках в Касре, показывает, что они, должно быть, были относительно распространенным архитектурным элементом в его время, несмотря на то, что, как указывает Кольдевей, их изображение на цветных плитках, вероятно, было художественной заменой реальных объектов, для которых, по-видимому, не было ни места, ни применения, поскольку везде, где их можно было бы ожидать, обнаруживаются простые двери; два колонных ствола, состоящих из стволов пальм, утопленных в землю и окруженных у основания круглой кирпичной стеной, укрепленной асфальтом и известью, были, однако, действительно найдены в одном из дворов, но Кольдевей относит восстановленное здание, частью которого они являются, к персидскому периоду. В кургане [Амран](#) в Вавилоне Кольдевей обнаружил обрубленные остатки двадцати двух кирпичных колонн, которые, очевидно, были частью колонного здания, но дата постройки этого здания, по-видимому, остается неопределенной.

Однако здесь нам на помощь приходят барельефы; на илл. [XIV](#) мы видим репродукцию знаменитой таблички бога Солнца, изготовленной Набу-аплу-иддиной, царем Вавилонии в первой половине IX века до н. э., на которой изображен храм, крыша которого поддерживается колонной в форме ствола пальмы, которая, вероятно, была покрыта металлическими пластинами, поскольку простое дерево без украшений вряд ли подошло бы для святилища Шамаша, а кроме того, капитель и основание, которые очень похожи друг на друга, могли иметь такую форму только в металле, единственном материале, который легко поддается таким мотивам. Точно так же изогнутая задняя стена и крыша, вероятно, были сделаны из металла, поскольку дерево, которое можно было добыть в Вавилонии, не могло быть так легко согнуто. Но, несмотря на это, колонна, по-видимому, всегда занимала второстепенное место в вавилонской архитектуре.

Похоже, что так же было и в Ассирии: там тоже раскопки мало помогли в поиске реальных колонн, использовавшихся ассирийскими монархами, и для нашего знания об общей форме и внешнем виде ассирийских колонн мы в основном полагаемся на информацию, полученную из барельефов на стенах. Еще одним плодотворным источником информации могла бы стать серия изделий из слоновой кости, найденных в северо-западном дворце Нимруд (Калах), но поскольку они являются работой египетских или финикийских художников, изображенные на них колонны вряд ли можно считать иллюстрациями ассирийских колонн.

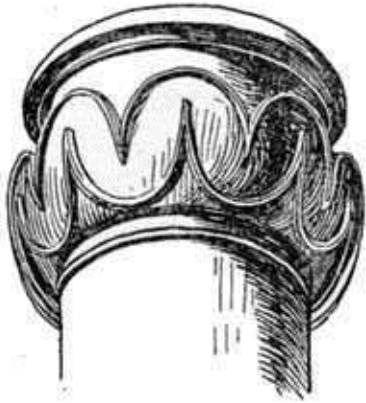

Рис. 13, а. — Капитель большой колонны.
(Местонахождение: *Ниневия*, табл. 35.)

Рис. 13, б. — Капитель небольшой колонны.
(Британский музей.)

Из сохранившихся колонн наиболее хорошо сохранившейся, вероятно, является та, что была обнаружена Виктором Плейсом в Хорсабаде; она состоит из капители и части ствола (см. рис. [13, а](#)), оба элемента изготовлены из одного куска; она сделана из известняка, а сохранившийся фрагмент имеет высоту около сорока дюймов. Украшение капителя представляет собой разновидность волюты, мотив, который, вероятно, возник как более или менее точная имитация рогов козла и является характерной чертой вавилонского и ассирийского декора.

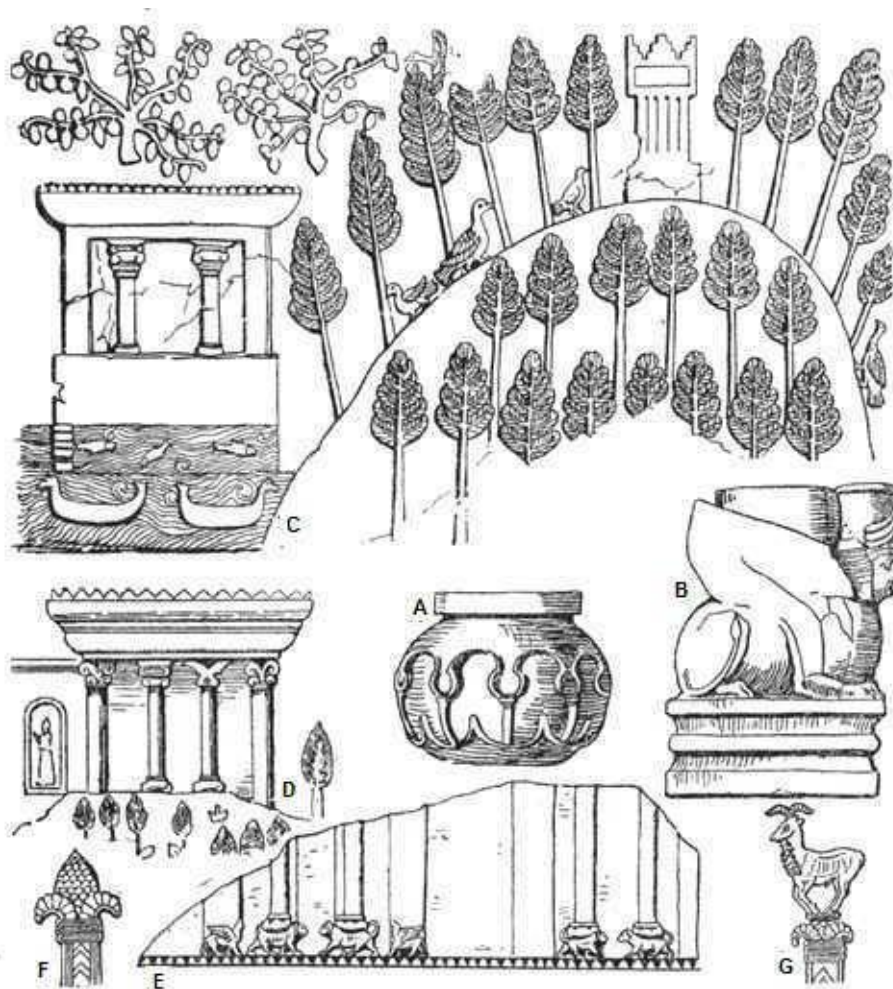

Рис. 14.—А, см. Layard *Discoveries*, стр. 590.

В, см. Layard, *Mon*, Ser. I, Pl. 95.

С, см. Botta, *Ruines de Ninive*, II, стр. 114.

Д, Е, Барельефы из Куянджика.

Иногда колонны, изображенные на барельефах, действительно увенчаны козлами (ср. рис. [14](#), G), но чаще всего рогообразные волюты (ср. рис. [14](#), F) являются единственными художественными элементами, заимствованными ассирийцами из мира животных при создании капителей своих колонн. Разнообразие того же дизайна можно увидеть на четырех круглых известняковых пьедесталах, обнаруженных Лэярдом в Ниневии²⁸ (см. рис. [14](#), A), которые, несомненно, когда-то поддерживали деревянные колонны; диаметр этих оснований варьировался от одиннадцати с половиной дюймов в самой узкой части до двух футов семи дюймов в самой широкой.

Иногда основания колонн составляли спины львов (см. рис. [14](#), E), сфинксов или других сложных чудовищ, и два таких основания в форме крылатых сфинксов были найдены Лэярдом в юго-западном дворце в Нимруде, но они были в таком состоянии разрушения, что вскоре после раскопок рассыпались, хотя Лэярд успел сделать эскиз одного из них (см. рис. [14](#), B).

Интересным примером капители колонны является небольшая каменная капитель, хранящаяся в Британском музее (см. рис. [13, b](#)). Вероятно, она составляла верхнюю часть одной из миниатюрных колонн, украшавших балюстраду, и, без сомнения, в полном виде была более или менее точной миниатюрной копией полноразмерной капители, обнаруженной Плейсом (рис. [13, a](#)).

До недавнего времени, в связи с тем, что колонны, изображенные на ассирийских барельефах, а также скудные остатки реальных колонн, которые были обнаружены, не давали никаких примеров стволов, отличных от круглых,⁷⁹ возможно, квадратных (ср. рис. 14, [C](#)), считалось, что колонны с многоугольными стволами были неизвестны, но немецкие раскопки в Ашуре обнаружили капитель колонны из черного базальта,⁸⁰ вместе с частью ствола, которая имеет шестнадцать граней и, вероятно, относится примерно к времени Тиглат-Пилезера I (1100 г. до н.э.).

Когда-то на этой колонне была надпись, но, к сожалению, она стерлась. Остатки другой многоугольной базальтовой колонны⁸¹ были обнаружены на том же месте. Она имеет восемь граней и несет надпись Шамши-Адада, сына Тиглат-Пилезера I.

Два интересных основания колонн из известняка были также обнаружены в Ашуре,⁸² под кирпичным полом позднеассирийского жилого дома. Одно из них состоит из цоколя, тора и тонкой верхней пластины, все изготовленных из одного куска, а в другом случае сохранилась часть ствола с тором.

Судя по барельефам, угловые колонны здания были, как правило, более массивными, чем промежуточные (ср. рис. [14, C, D](#)), что не только добавляло устойчивости самому зданию, но и придавало ему элегантность. Однако как в Вавилонии, так и в Ассирии колонны чаще использовались в качестве украшения фасадов зданий, чем в качестве фактической опоры для самой конструкции. Поскольку у нас так мало достоверных свидетельств использования каменных колонн в Месопотамии, кажется вероятным, что, как правило, колонны изготавливались из дерева или кирпича, исчезновение почти всех следов которых можно объяснить естественной разрушимостью таких материалов, хотя исчезновение каменных колонн, которые, очевидно, использовались, по крайней мере, иногда, можно легко объяснить предположением, что они впоследствии использовались в качестве роликов или для каких-либо других целей.

АРКА

Правдиво сказано, что арка была впервые изобретена людьми, строительные материалы которых были небольшого размера, и как бы ни было спорно это обобщение, оно, безусловно, верно в случае вавилонской архитектуры, а также, в несколько меньшей степени, в случае более поздней ассирийской архитектуры. Страбон сообщает нам, что «все дома в Вавилонии были сводчатыми» — διὰ τὴν ἀξυλίαν — «из-за нехватки дерева» XVI, 1, 5 — но независимо от того, насколько достоверно или недостоверно его утверждение, нехватка дерева и камня на аллювиальной равнине Нижней Месопотамии по необходимости заставляла вавилонских архитекторов применять все свое изобретательство, когда они сталкивались с проблемой покрытия крыш построенных ими зданий и различных комнат, которые они должны были содержать. Но его гений, похоже, оказался на высоте положения и разработал принцип арки как лучшего и, по сути, единственного средства преодоления иначе непреодолимой трудности, поскольку строительство плоских крыш зависело от наличия каменных плит или деревянных балок, одинаково больших по размеру и прочных, но ни камня, ни дерева нужного вида не было в Вавилонии, и архитектор явно не мог

доставить дерево или камень из дальних гор для покрытия крыши обычного дома. Таким образом, его изобретательность была стимулирована срочностью дела, и результат, полученный благодаря сочетанию этих факторов (), можно увидеть в раннем появлении арки, действительно примитивной с точки зрения ее конструкции, но тем не менее основанной на тех же принципах, на которых построены все арки.

Предполагается, что ранние арки в гробничных проходах в Египте возникли в результате удаления нижней части контрфорсов, возведенных для предотвращения обрушения боковых стен проходов: такие контрфорсы, конечно, выполняли свою функцию, предотвращая обрушение боковых стен, но они мешали достижению своей цели, полностью блокируя проход и делая его совершенно бесполезным. Соответственно, нижняя часть подпорной стены была удалена, а верхняя часть осталась на месте, фактически образуя примитивную арку, и вполне возможно, что вавилонская арка обязана своим происхождением подобным случайным обстоятельствам. Однако, вероятно, более вероятно, что происхождение арочной конструкции, если не открытие принципа арки, следует искать в особой форме, которую принимали местные тростниковые хижины, которые, несомненно, были очень похожи на те, которые обычно используются в долине Евфрата сегодня. Эту точку зрения отстаивает Хейзи, и ее склонен поддерживать Хильпрехт.

Рис. 15. — Ранний Т-образный свод в Ниппуре.
(См. Hilprecht, *Explorations*, стр. 399.)

Рис. 16. Арка в Телло.
(См. *Déc. en Chald.*, Pl. 57 (bis), 1.)

Большинство древних зданий Вавилонии подверглись разрушительному воздействию времени и климата, в результате чего нам осталось очень мало материалов для изучения вавилонской архитектуры; крыши зданий и комнат в них давно исчезли, и поэтому мы можем только строить теории об общем способе устройства крыш, но, к счастью, сохранились построенные под зданиями дренажные системы и акведуки, которые рассказывают нам о прошлом, и именно этим сравнительно незначительным остаткам мы обязаны нашими знаниями о раннем существовании арок в Вавилонии.

Одной из самых древних арок, обнаруженных на сегодняшний день, является арка, найденная в ходе раскопок, проводимых Петерсом, Харпером, Хейнсом и Хильпрехтом в

древнем городе Ниппур (см. рис. [15](#)). Она была найдена на большой глубине под поверхностью холма, более чем в двадцати двух с половиной футах ниже мостовой Ур-Энгур (около 2400 г. до н.э.) и в четырнадцати футах ниже мостовой Нарам-Сина (около 2700 г. до н.э.); это настоящий каменный сводчатый арочный пролет, сделанный из хорошо обожженных плоско-выпуклых кирпичей, высотой чуть более двух футов и пролетом около одного фута восьми дюймов, а его длина составляет около трех футов, но, вероятно, первоначально туннель был полностью сводчатым. Нерегулярность его конструкции несколько уменьшает его значение, которое он имел бы в противном случае, но он представляет огромный интерес, поскольку свидетельствует о том, что принцип арки был известен в этот очень отдаленный период, каким бы примитивным ни было воплощение этого принципа. Плоско-выпуклые кирпичи, составляющие эту арку, имеют размеры 12 × 6 × 2-1/2 дюйма и несут отпечатки пальцев на выпуклой стороне, что является характерной чертой досаргонских кирпичей в Ниппуре, Телло и других местах, а глина, из которой изготовлены кирпичи, имеет светло-желтый цвет. Сам туннель, по-видимому, был «защитной конструкцией для дренажа»,⁸³, а не самим дренажом, поскольку под мостовой были обнаружены две терракотовые трубы, существование которых можно объяснить только этой гипотезой. В верхней части арки были найдены остатки еще одной терракотовой трубы, назначение которой, вероятно, заключалось в отводе просачивающейся дождевой воды, чтобы она не проникала и не разрушала сводчатую конструкцию ниже. Т-образная центральная часть, которая была аналогичным образом сделана из плоско-выпуклых кирпичей, несомненно, служила для предотвращения обрушения боковых частей арки. Хейнс также сообщает нам, что в одном из частных домов в Ниппуре, который был заселен по крайней мере три раза, самый ранний из трех дверных проемов, которые можно проследить в руинах, состоял из сегментной арки.

Еще одна очень ранняя арка была обнаружена М. Де Сарзеком в Телло, недалеко от здания Ур-Нина (см. рис. [16](#)), имевшая почти такую же форму, как арка в Ниппуре, изображенная на рис. [15](#), и, несомненно, использовавшаяся для аналогичных целей, в то время как сводчатые проходы, в которых арка была полукруглой, были обнаружены Тейлором⁸⁴ в ходе раскопок в Мукейере (Ур) еще в 1855 году.

Вновь немецкие раскопки в Фаре (Шуруппак) в 1902 и 1903 годах выявили ряд круглых комнат, каждая из которых была перекрыта аркой, образованной перекрывающимися кирпичами, уложенными горизонтально, несколько по образцу более поздней консольной арки в Ниппуре, показанной на рис. [17](#), которой Хильпрехт присваивает предварительную дату 2500 г. до н.э. Мы знаем, что купол был изобретен в Вавилонии в очень ранний период благодаря открытию доктора Бэнкса в Бисмае овальной комнаты вблизи храма, нижние части купольной крыши которой были найдены на месте. Ее древность подтверждается датой самого храма, который, по-видимому, принадлежал к досаргонскому периоду, так как зиккурат был облицован плоско-выпуклыми кирпичами, характерными для того периода, а недалеко от него находилась гончарная печь, построенная из кирпичей того же типа.

В более поздние времена арка, несомненно, использовалась в Вавилонии чаще. Хороший пример позднеавассинской арки был обнаружен немецкими археологами в Касре в Вавилоне; эта арка (см. рис. [18](#)), имеющая римский характер, образует крышу высоких ворот, вырезанных в крепостной стене. Кольдевей⁴ считает, что стена, в которой находится эта арочная брама, значительно старше периода Навуходоносора.

Но Ассирия, более или менее верная подражательница Вавилонии во всех больших и малых делах, также известна тем, что использовала арку в качестве архитектурного элемента, хотя, как и в Вавилонии, большинство ассирийских арок, обнаруженных в ходе раскопок, связаны

с дренажной системой, которой были оснащены все основные здания. Лучшие примеры ассирийских арок обычных размеров были найдены в Хорсабаде, ворота которого были покрыты полукруглыми сводами (). Один из этих ворот был снесен Плейсом для тщательного изучения его конструкции. Высота от тротуара до вершины арки () составила двадцать четыре с половиной фута, а ширина — чуть более четырнадцати футов. Арка была построена из необработанных кирпичей, все из которых были одинакового размера и формы, и скреплены между собой мягкой глиной. Само свод давно разрушилось, но материалы, из которых оно было построено, были обнаружены в руинах. О ярко расписанных фризах, украшавших эти круглые проемы (см. табл. [XXX](#)), будет сказано в главе, посвященной живописи.

Рис. 17. — Консольная арка в Ниппуре.
(См. Hilprecht, *Explorations*, стр. 420.)

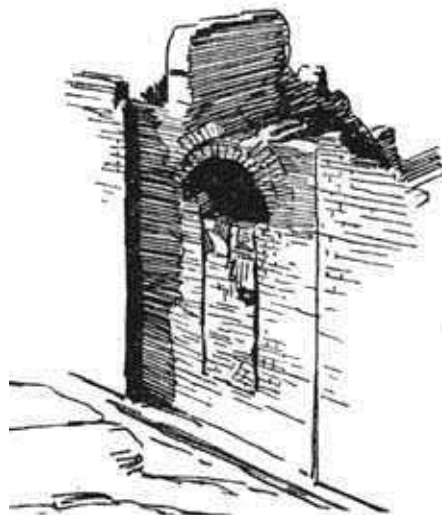

Рис. 18. — Арка в Вавилоне.
(См. *Mitteil.*, 8, *Abb.* 1.)

Но с точки зрения изучения того, что можно назвать принципом арки, большое значение имеют подземные каналы, которые составляли часть дренажной системы, использовавшейся ассирийцами. Эти акведуки встречаются во всех дворцах, как в Нимруде, так и в Кундджике, но в Хорсабаде были найдены наиболее хорошо сохранившиеся образцы, которые и послужили наиболее ценным материалом для тщательного изучения этого архитектурного устройства. В Хорсабаде () Плейс обнаружил несколько арочных дренажных каналов различной формы, некоторые из них были круглыми, другие эллиптическими, а третьи заостренными, но, по-видимому, во всех случаях камни или кирпичи были уложены под углом, так что каждый ряд опирался на предыдущий, и таким образом давление на центр арки сводилось к минимуму. В случае остроконечных арочных акведуков, обнаруженных Плейсом, эти арки не являются настоящими замковыми арками, более того, у них нет никаких замковых камней, как видно на рис. [19](#), [20](#); этот арочный водосток имеет высоту четыре фута восемь дюймов от земли до центра свода, его ширина составляет около трех футов девяти дюймов (), а его первоначальная длина, к сожалению, неизвестна, хотя Плейсу удалось проследить его на протяжении примерно двухсот двадцати футов. Пол был сделан из больших плит известняка, уложенных в асфальте, а концы каменных плит выступали за пределы стен свода с обеих сторон. Закругленный тип арки показан на рис. [21](#); она имеет полукруглую форму и состоит из трех сводных камней с каждой стороны, которые вместе с замковым камнем составляют в общей сложности семь, но из-за некоторой ошибки в расчетах замковый камень оказался слишком маленьким, в

результате чего между ним и верхним сводным камнем справа образовался зазор, который был заполнен каменным клином, который можно увидеть на рисунке. Его ширина и высота варьируются в разных точках, в некоторых местах он, как говорят, достаточно широк, чтобы в нем могли идти рядом два человека.⁸⁶ Пол состоял из плит из известняка, которые были уложены в асфальте, как и пол остроконечной арки, описанной выше. Эллиптическая арка, также найденная в Хорсабаде, изображена на рис. 22: она состоит из восьми сводных камней и замкового камня, промежутки по обе стороны от которого заполнены двумя каменными клиньями. Неспособность сделать замковые камни достаточно большими и, как следствие, необходимость в этих дополнительных клиньях может быть связана с тем, что архитекторы не учли усадку кирпичей.

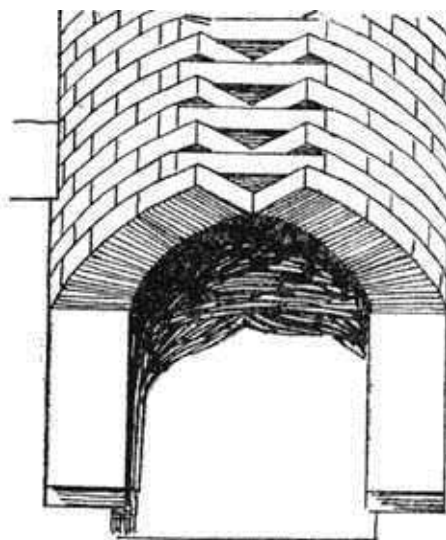
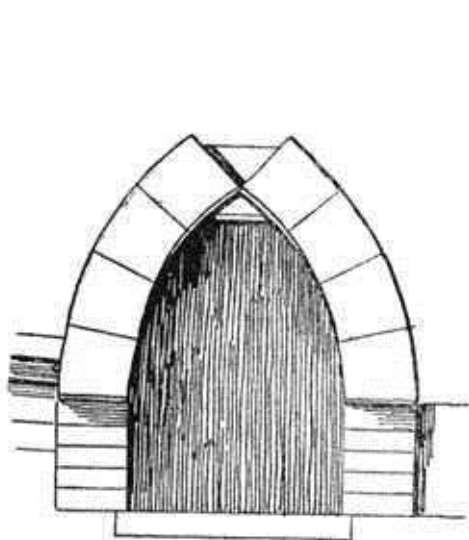

Рис. 19. (Место, *Ниневия*, табл. 38.) Рис. 20. (Местонахождение: *Ниневия*, табл. 38.)

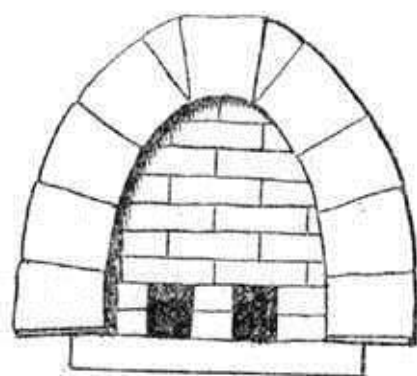
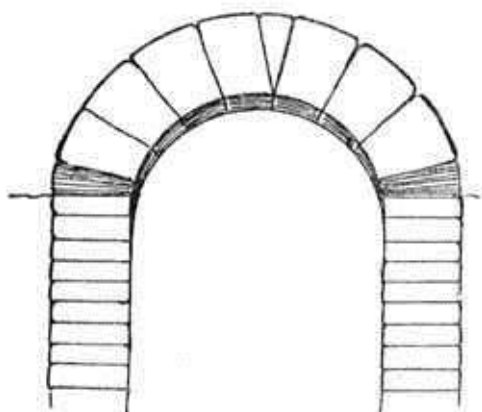

Рис. 21. (Место, *Ниневия*, табл. 39.)

Рис. 22. (Место, *Ниневия*, табл. 39.)

Что касается арочных конструкций в Нимруде (Калах), Лейард сообщает, что он обнаружил сводчатую комнату и более одной арки. Он рассказывает, что «арка была построена по хорошо известному принципу сводчатых крыш, кирпичи были уложены боком, один к другому, и, вероятно, поддерживались каркасом до тех пор, пока свод не был завершен». Знание принципа куполообразных крыш в Ассирии, а также в метрополии, подтверждается

как открытием комнат, размеры которых делали невозможным любой другой способ устройства крыши, так и изображениями на ассирийских барельефах, как мы уже видели.⁸⁷

Рис. 23. (По Андреа.)

Рис. 24. (По Тейлору.)

Принцип арочного свода также воплощен в некоторых вавилонских и ассирийских гробницах, и поскольку в данном томе нет другой возможности обсудить места захоронения вавилонян и ассирийцев, можно дать здесь краткое и общее описание одной или двух из наиболее хорошо сохранившихся гробниц. В Мукейере (Ур) Тейлор обнаружил ряд арочных склепов (см. рис. [24](#)), которые в большинстве случаев имели высоту около 5 футов и ширину 3 фута 7 дюймов, а их длина составляла около 7 футов внизу и 5 футов вверху. Арка образована последовательными слоями перекрывающихся кирпичей. Интересно сравнить погребальные склепы, обнаруженные Андре в Калат-Шеркате (Ашур), один из наиболее хорошо сохранившихся из которых показан на рис. [23](#).⁸⁸ Этот склеп был обнаружен примерно на 16 футов ниже уровня пола парфянской двери в соседнем районе и более чем на 13 футов ниже более позднего ассирийского мощения. На момент постройки склеп, по-видимому, находился на глубине около 9 футов под поверхностью почвы. Перпендикулярные стены, образующие боковые части нижней части гробницы, установлены на кирпичной мостовой, кирпичи имеют размеры около 10,5 дюймов в квадрате и толщину почти 2,5 дюйма. Высота этих перпендикулярных стен составляет примерно 30,5 дюймов, а количество слоев кирпичей в каждой из них — 13. Само сводчатое перекрытие, которое, конечно, начинается там, где заканчиваются перпендикулярные стены, имеет более или менее овальную форму, пролет 5 футов 2 дюйма и высоту 2 фута 11 дюймов, таким образом, общая высота гробницы от пола до вершины арки составляет почти 5,5 фута. Арка, на строительство которой, очевидно, было затрачено много усилий, была сформирована из сорока шести рядов кирпичей, имеющих форму клиньев, каждый из которых напоминал усеченный сегмент круга. Промежутки между рядами были заполнены камнями, обломками глины и глиняным раствором. Снаружи склеп был покрыт глиной, но внутри остался гладким. Стены на обоих концах наклонены внутрь, при этом они построены отдельно от арки и также несколько выше. Доступ к гробнице снаружи осуществляется через наклонный и несколько извилистый входной колодец, построенный рядом с западной стеной, в котором имеется небольшое арочное отверстие. Порог этого отверстия, заполненный рыхло уложенными кирпичами, находится на высоте 23,5 дюйма над полом

гробницы. В восточной стене была обнаружена обычная ниша, пол которой находился на высоте около 35 дюймов над полом погребальной камеры. Эта ниша имела высоту около 19 дюймов и ширину 13 дюймов, а ее глубина превышала глубину стены, поэтому для ее закрытия необходимо было построить еще одну стену снаружи. В нише другой двойной могилы, найденной Андре на том же месте (), была обнаружена глиняная лампа, но в данном случае этого не произошло; возможно, когда-то в нише этой гробницы была лампа, но она исчезла из-за разрушения, которому подвергаются все предметы из необожженной глины в результате длительного проникновения влаги. Входной колодец имел квадратную форму со стороной 39 дюймов, а его дно находилось на одном уровне с порогом небольшого отверстия в западной стене; на высоте 4 футов 2 дюймов над этим полом находился второй этаж, сделанный из гипсовых блоков, которые поддерживались стенами колодца. Промежутки между этими блоками были заполнены камнями и кусками глины, а верхняя часть шахты (т. е. часть над этими блоками), стены которой были в два раза тоньше стен ниже, была аналогичным образом заполнена до уровня поверхности. Верхняя часть шахты была повреждена в результате постройки более позднего здания. В склепе Андре обнаружил три скелета, один из которых, по-видимому, принадлежал мужчине, а два других — женщинам. Руки этих скелетов были расположены под прямым углом к телам, а ноги были согнуты и раздвинуты, при этом мужчина лежал на правом боку, а две женщины — на левом. В гробнице были найдены следы разложившегося беловатого материала, который, по мнению Андре, является остатками погребальных одежд. Вместе с телами были захоронены костяные иглы и керамика. Наиболее интересными предметами из керамики были три бутылки с широким горлышком, две из которых были украшены темными горизонтальными линиями, а горлышко третьей было украшено белой росписью на темном фоне, что было хорошо известно в ранние ассирийские времена. Что содержали эти сосуды, мы не знаем; кости баранов были найдены у двери, а также в других местах, и, без сомнения, эти сосуды когда-то содержали мясные и питьевые подношения для умерших. Были найдены свидетельства как минимум трех различных периодов заселения в слоях над могилой, два из которых принадлежали ассирийской эпохе, а один — парфянскому периоду.

Однако сводчатые гробницы в Ашуре не все относятся к одному и тому же периоду; некоторые из них можно отнести к раннему ассирийскому периоду, а другие были построены позднее. Один из этих более поздних кирпичных склепов был раскопан и тщательно исследован Андре в весной 1909 года (1). По-видимому, строительство этого склепа было связано со сносом более раннего ассирийского здания. Кирпичи, из которых был построен склеп, в некоторых случаях имели надпись Тукульти-Ниниба I, но, несмотря на это, сама могила была построена позднее. Доступ к склепу осуществлялся через входной колодец, нижний конец которого был соединен проходом с дверью погребальной камеры. В нескольких дюймах над руинами входного колодца были обнаружены остатки парфянского здания. Проход был полностью разрушен, однако форма смещенных кирпичей позволила сделать вывод, что он был перекрыт бочкообразным сводом. Арочная дверь в погребальную комнату, высота которой составляет почти 4 фута, а пролет — около 22,5 дюйма, состоит из очень маленьких кирпичей размером 6,5 × 2,1 дюйма. Она встроена в одну из небольших стен погребальной комнаты, а порог, как и другие ее части, сделан из кирпичей.

Кирпичи, составляющие бочкообразный свод потолка погребальной комнаты, имеют размеры 11-3/4 дюйма в квадрате и толщину 2-3/8 дюйма. На другом конце погребальной камеры находится небольшая арочная дверь, ведущая в другую комнату, также с бочкообразным сводом. Эта последняя комната, длиной почти 5 футов и шириной 35-1/2 дюйма, построена с меньшей тщательностью и регулярностью, чем главная погребальная камера. Боковые стены пристроенной комнаты имеют толщину 5-1/8 дюйма, но толщина

задней стены составляет всего 2 дюйма. Порог входной двери в главную погребальную камеру на 20-3/4 дюйма ниже пола входного колодца и почти на 19 дюймов выше пола погребальной камеры. Внутри широко использовались асфальт и штукатурка.

К северо-востоку от входной двери находилась ниша для лампы, расположенная на высоте 3 фута 11-1/4 дюйма над полом, размером 12-1/2 × 13-3/4 дюйма и глубиной 12-1/2 дюйма. В этой нише были обнаружены три терракотовых горшка, и Андре () считает, что эти горшки, вероятно, использовались в качестве ламп (). Погребальная камера содержала два саркофага в форме ванны, один из которых имел размеры 6 футов 7-1/2 дюйма в длину, 28 дюймов в ширину и 18-1/8 дюйма в высоту, а другой — чуть более 6 футов 6 дюймов в длину, 31 дюйм в ширину и 17 дюймов в глубину. Крышки обоих саркофагов были слегка выгнуты и плотно зацементированы. На верхнем конце одной из крышек были начертаны грубые очертания двух цветов.

На кирпичном полу пристройки лежал разложенный скелет мужчины, а в одном из саркофагов были найдены четыре черепа и три скелета. Два скелета принадлежали мужчинам, но третий, наиболее хорошо сохранившийся, принадлежал женщине, а скелет, к которому принадлежал четвертый череп, не был найден. Погребальные предметы были обычного типа и состояли в основном из терракотовой посуды и ваз, медных браслетов и стеклянных бус.

Рис. 24 А. — Зиккурат на ассирийском барельефе.

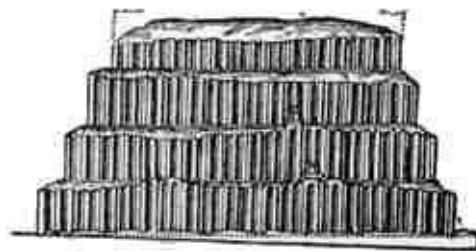

Рис. 24 В. — Фактические остатки зиккурата в Хорсабаде. (По Place.)

ГЛАВА VI — СКУЛЬПТУРА

А глава о скульптуре естественным образом делится на две части: одна посвящена произведениям, выполненным в объемной технике, а другая — произведениям, выполненным в технике рельефа или инкрустации на плоской поверхности. Именно в последней области преуспевали как вавилоняне, так и ассирийцы, и их шедевры относятся к барельефам. Поэтому вполне уместно, что рассмотрение их барельефов предшествует рассмотрению их произведений, выполненных в объемной технике.

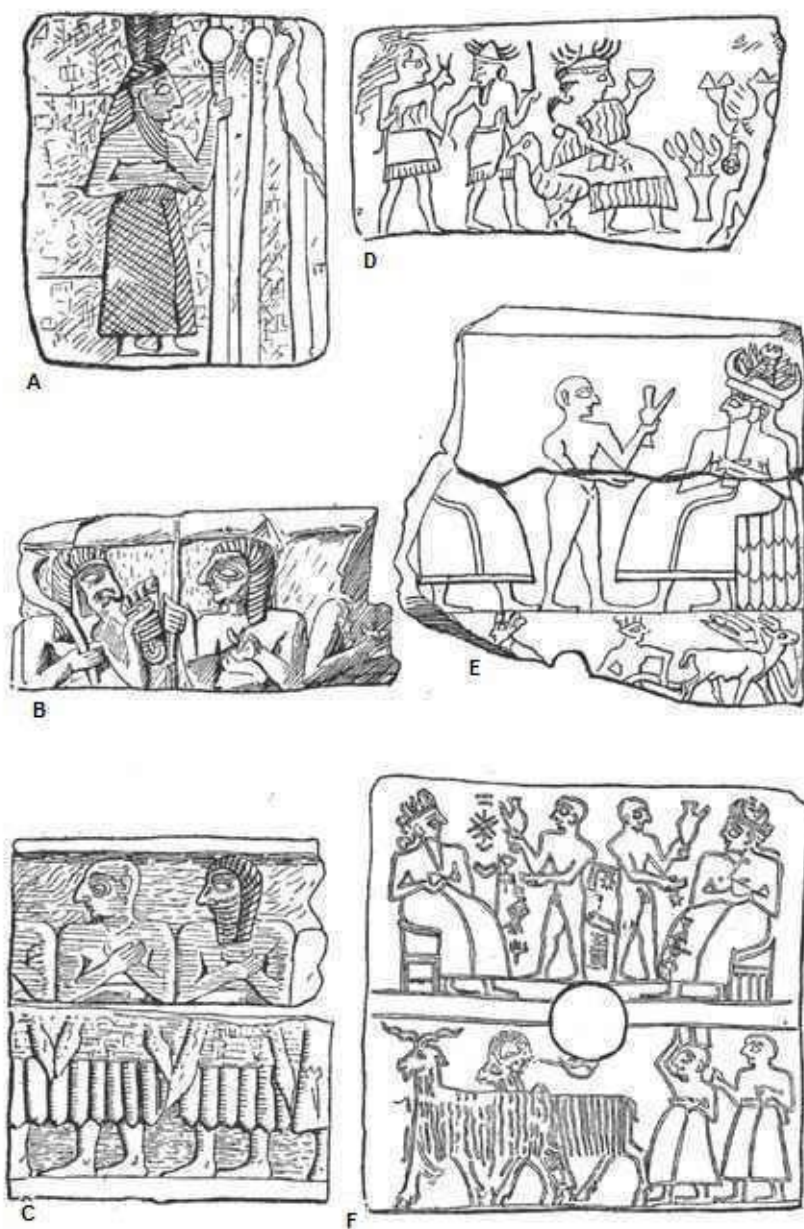

Рис. 25.

^A Музей Лувр. (См. Кат., стр. 77, № 1; *Déc. en Chald.*, Pl. 1 (bis).)

В, С. Музей Лувр. (См. Кат., стр. 87, 89, № 5; *Déc. en Chald.*, Pl. 1 (bis, tert).)

D, (Из Hilprecht, *Explorations*, стр. 475.)

E, F. (Из *Old Bab. Inscr.*, II, Pl. XVI.)

БАС-РЕЛИЕФЫ

Барельеф был любимым и, без сомнения, наиболее удачным выражением художественного гения как вавилонян, так и ассирийцев с самых ранних до самых поздних времен. Их первые попытки в этом направлении были действительно грубыми, но это недостаток, присущий началу любого искусства. Один из древнейших барельефов, найденных при раскопках в Вавилоне, воспроизведен на рис. [25](#), А. Здесь мы видим изображение человека, по-видимому, занятого каким-то актом поклонения или выполнением какой-то неизвестной церемонии. Его большие миндалевидные глаза изображены в анфас, орлиный нос выделяется довольно агрессивно, длинные волосы свисают по спине, а голову окружает повязка, из которой торчат два длинных пера; такие перья иногда украшают головы азиатских принцев, изображенных на ранних египетских памятниках. Его обнаженный торс в некоторой степени сглаживается наличием довольно длинной бороды, а его одежда состоит из характерного для шумеров квадратного плаща, уложенного в виде юбки. Левой рукой он держится за один из трех священных шестов, перед которыми он стоит: шесты увенчаны ручкой, по форме более или менее идентичной ранним вавилонским булавам. Надпись, написанная очень архаичными линейными символами, которые еще частично сохранили следы своего изобразительного происхождения, содержит список подношений, а также упоминание о боге Нин-гирсу и его храме Э-нинну. Эта древнейшая скульптура была найдена Де Сарзекком на месте самых ранних построек в Телло. Она сделана из белого известняка и имеет высоту около семи дюймов.

Два фрагмента другого очень архаичного барельефа, найденного в том же районе, показаны на рис. [25](#), В, С. На всех лицах, изображенных на этих двух фрагментах, мы наблюдаем тот же выдающийся нос и те же большие ромбовидные глаза, о которых уже упоминалось, но в остальном они отличаются от типа, изображенного на рис. [25](#), А. Самый яркий и, вероятно, самый значимый персонаж в данной группе занимает левую часть рис. [25](#), В. О его важности свидетельствуют чрезмерная длина его волос и крючковатый скипетр, который он несет на плече, вероятно, в знак своих королевских атрибутов. В левой руке он держит то, что похоже на диадему, которую он подарит верному воину, стоящему перед ним с копьем в руке. На другом фрагменте (рис. [25](#), С) представлены два других типа: один характеризуется роскошными волосами и густой бородой, другой отличается полным отсутствием волос на голове и лице. В обоих случаях они одеты одинаково: их единственная одежда состоит из короткой юбки, нижняя часть которой изображена в наиболее архаичном стиле в виде ряда языкообразных полос, а верхняя часть — с архаичными линейными символами, а руки сложены на груди в позе покорного, если не раболепного повиновения. Причина и смысл отсутствия волос на голове и лице одной из этих фигур, конечно, неизвестны, но М. Хезей с некоторой правдоподобностью предполагает, что эта фигура изображена таким образом в силу своего священнического характера. Оба этих фрагмента когда-то были частью круглого гнезда, которое, вероятно, служило опорой для вотивного посоха или оружия; они сделаны из твердого известняка и были найдены среди обломков здания, относящегося к времени до Ур-Нины.

На рис. [25](#), F, мы видим репродукцию ранней известковой вотивной таблички из Ниппура,⁹⁰ в верхней части которой обнаженный и гладко выбритый поклонник приносит возлияние

сидящему бородатому богу, причем все это изображено в двух экземплярах. Ниже изображены козел и овца, за которыми следуют два мужчины, один из которых несет сосуд на голове, а другой держит палку в правой руке, при этом оба одеты в обычные шумерские юбки. Другая интересная votive tablet (ср. рис. 25, E) из Ниппура показывает нам похожую сцену — обнаженный поклонник, стоящий перед сидящим богом, приносит в жертву возлияние, бог изображен в зеркальном отражении слева, но уникальный интерес к этому фрагменту представляет сцена пахоты, изображенная ниже; мы видим человека, пахущего с помощью рогатого животного, вероятно, газели или антилопы, что, по-видимому, указывает на то, что этот архаичный фрагмент датируется периодом, когда ни бык, ни осел не использовались в качестве рабочих животных, в то время как третий барельеф из Ниппура (барельеф (см. рис. 25, D), также религиозный по характеру и происходящий из того же места, изображает сидящую богиню в сопровождении птицы, а перед ней стоит горящий алтарь и зажженный подсвечник. В правой руке она держит остроконечный кубок, а позади нее мы видим длиннородного священника, ведущего к богине гладко выбритого поклонника, который несет козла на правой руке.

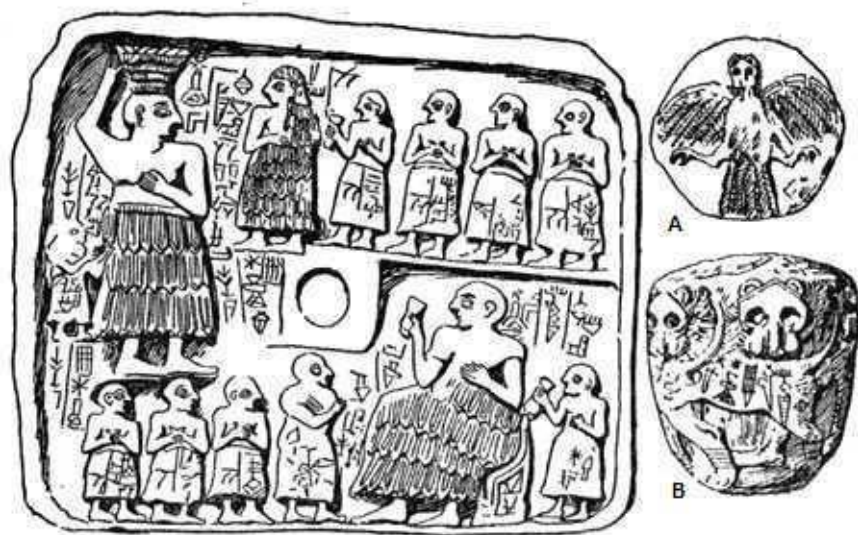
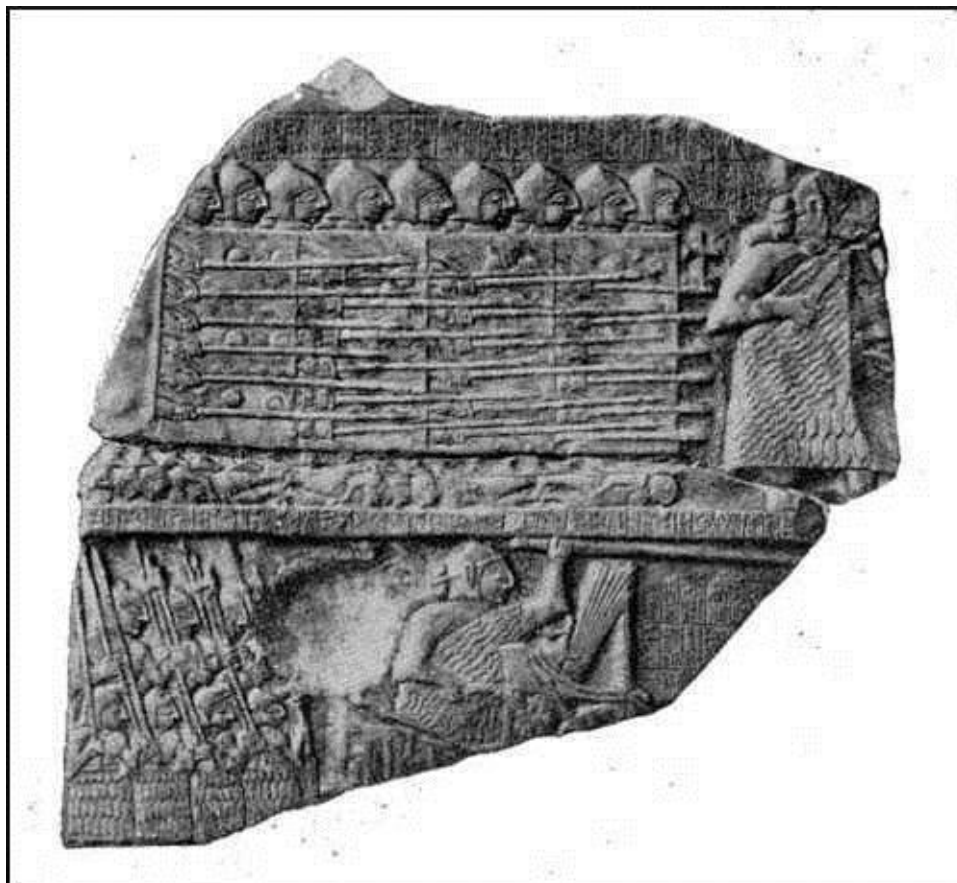

Рис. 26. — Музей Лувр. (Кат. стр. 81, 96; *Déc. en Chald.*, Pl. 1 tert, 2 bis.)

Необычайная популярность того, что можно назвать барельефным стилем скульптуры, среди шумеров ярко иллюстрируется его использованием в украшении наконечников булав и других предметов; на рис. 26, B мы видим большой наконечник булавы, изготовленный из твердого белого известняка, высотой семь с половиной дюймов и диаметром чуть более шести дюймов. Узор украшения представляет собой шествие шести львов, идущих в одном направлении и впивающихся зубами в спину льва, идущего впереди. Тела львов изображены сбоку, но головы с огромными глазами видны в анфас. Несмотря на свою грубость, эти львы уже удивительно реалистичны; верхняя часть головки булавы (A) не оставлена без украшений, а была удачно использована скульптором, который вырезал на ее гладкой поверхности геральдического льва с головой орла из Лагаша. На ней есть надпись Месилима, царя Киша, который, как известно из другой надписи, процветал и правил страной за некоторое время до основания первой династии Лагаша Ур-Нинной, в окрестностях здания которой эта головка булавы и была найдена, хотя и на немного более низком уровне.

Музей Лувр: *Déc. en Chald.*, Pl. 3, ii.

ЧАСТЬ СТЕЛЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СТЕРВЯТНИКА ЭАННАТУМА, ПАТЕСИ ЛАГАША

Теперь мы подошли к эпохе Ур-Нины, наиболее интересным памятником которой, по крайней мере с изобразительной точки зрения, является скульптура, воспроизведенная на рис. 26. Этот рельеф, разделенный на два регистра, знакомит нас с Ур-Ниной, его семьей и придворными. Сам царь имеет колоссальные размеры, что, несомненно, указывает на его огромную власть; в верхнем регистре он изображен стоящим, с левой рукой на обнаженном торсе, как и в нижнем регистре, а правой рукой он удерживает корзину, которая, как указал М. Хезей, вероятно, содержит глину и фундаментный кирпич для храма Нин-гирсу, а не подношения богу. Эта точка зрения дополнительно подтверждается надписью, написанной рядом с фигурой носильщика корзины, в первой строке которой упоминается храм Нин-гирсу. Таким образом, Ур-Нина представлен как слуга своего бога, и о чести, связанной с подчиненной задачей, которой он занимается, можно судить по тому факту, что только он один, по-видимому, считается достойным, а его сыновья и последователи просто стоят рядом, сложив руки в знак почтения. Ниже король изображен в более удобной и домашней позе, хотя и здесь он, по-видимому, выполняет свои религиозные обязанности; он поднимает чашу, чтобы либо выпить в честь богов, либо принести возлияние, но в любом случае эта задача, должно быть, была менее тяжелой и, возможно, более приятной, чем та, которой он занимается в верхнем регистре. За одним исключением, все головы и лица лишены волос, и все одеты в шумерские короткие шерстяные юбки, хотя юбка царя более

оборчатая, чем у его придворных, как и подобает королевской особе. Тип одежды, встречающийся здесь, а также на стеле с изображением стервятника и на многих ранних шумерских скульптурах, назывался «каунакес». Фигура, стоящая непосредственно перед стоящим королем в верхнем регистре, отличается от других не только тем, что она выше и носит юбку, похожую на одежду короля, но и тем, что у нее длинные волосы. Мнения расходятся по поводу того, следует ли видеть в этой фигуре дочь царя или, напротив, портрет старшего сына царя, как полагают Хеузи и Радау, которые в поддержку своей точки зрения справедливо указывают на маловероятность того, что в тот период столь важную роль могла играть женщина; платье отличается от платья Ур-Нины тем, что оно свисает с левого плеча, и в этом отношении напоминает мантию Заннатума на стеле с изображением стервятника (ср. табл. [XII](#)). Круглое или квадратное отверстие в центре многих из этих ранних пластин, без сомнения, предназначалось для установки в него какой-либо вотивной палки или оружия, и пластины с такими отверстиями, соответственно, должны были располагаться в горизонтальном, а не в вертикальном положении. Преемником Ур-Нины был Акургал, который, в свою очередь, уступил место Заннатуму, чью знаменитую стелу Победы мы сейчас рассмотрим.

К сожалению, этот памятник не был найден в целостности и полноте, но шесть фрагментов, некоторые небольшие, другие сравнительно большие, но все очень интересные, были обнаружены в Телло М. де Сарзек. Сцены и события, изображенные на сохранившихся фрагментах этой знаменитой стелы, поучительны как с религиозной, так и с исторической точки зрения. На пластинке [XII](#) мы видим репродукцию, пожалуй, самого интересного из этих фрагментов. Сцена здесь разделена на два регистра, в обоих из которых войска Заннатума изображены в боевом действии. Царь лично возглавляет авангард, идя пешком; над его головой высечен титул «Завоеватель для бога Нин-гирсу». Его одежда состоит из юбки «каунакес», о которой уже упоминалось, а поверх нее — плащ, накинутый на левое плечо и проходящий под правой рукой. Его голову защищает шлем, заостренный на вершине, как у его воинов, но отличающийся от их тем, что снабжен наушниками; его длинные волосы в основном свисают по спине, но часть их собрана и завязана повязкой на затылке. В правой руке он держит что-то, похожее на бумеранг.

Его войска выстроены в клиновидную формацию, и если это изображение является намеренным, то оно является удивительным свидетельством мастерства в военной тактике, которого шумеры достигли в это чрезвычайно раннее время, но, с другой стороны, это может быть просто результатом незнания перспективы со стороны художника. Их наступательное оружие состоит из копий длиной около шести или восьми футов, а для защиты они держат большие прямоугольные щиты, которые покрывают все их тела от шеи до лодыжек. Если бы были какие-либо сомнения относительно судьбы этой армии Заннатума, они бы сразу развеялись при взгляде на ноги сражающихся солдат, которые безжалостно топчут лежащие тела своих побежденных врагов.

Ниже мы видим еще одну сцену сражения: король снова ведет свои войска в бой, но здесь он сидит в своей колеснице, его одежда идентична той, которую он носит в верхней половине этого рельефа, а в правой руке он держит бумеранг, похожий на тот, которым он вооружен вверху, но в левой руке он держит длинный посох, конец которого, к сожалению, не виден из-за плохого состояния этой части скульптуры, но, без сомнения, острие этого грозного оружия когда-то находилось в непосредственном контакте с бритой головой побежденного врага, а перед ним лежит колчан, наполненный стрелами.

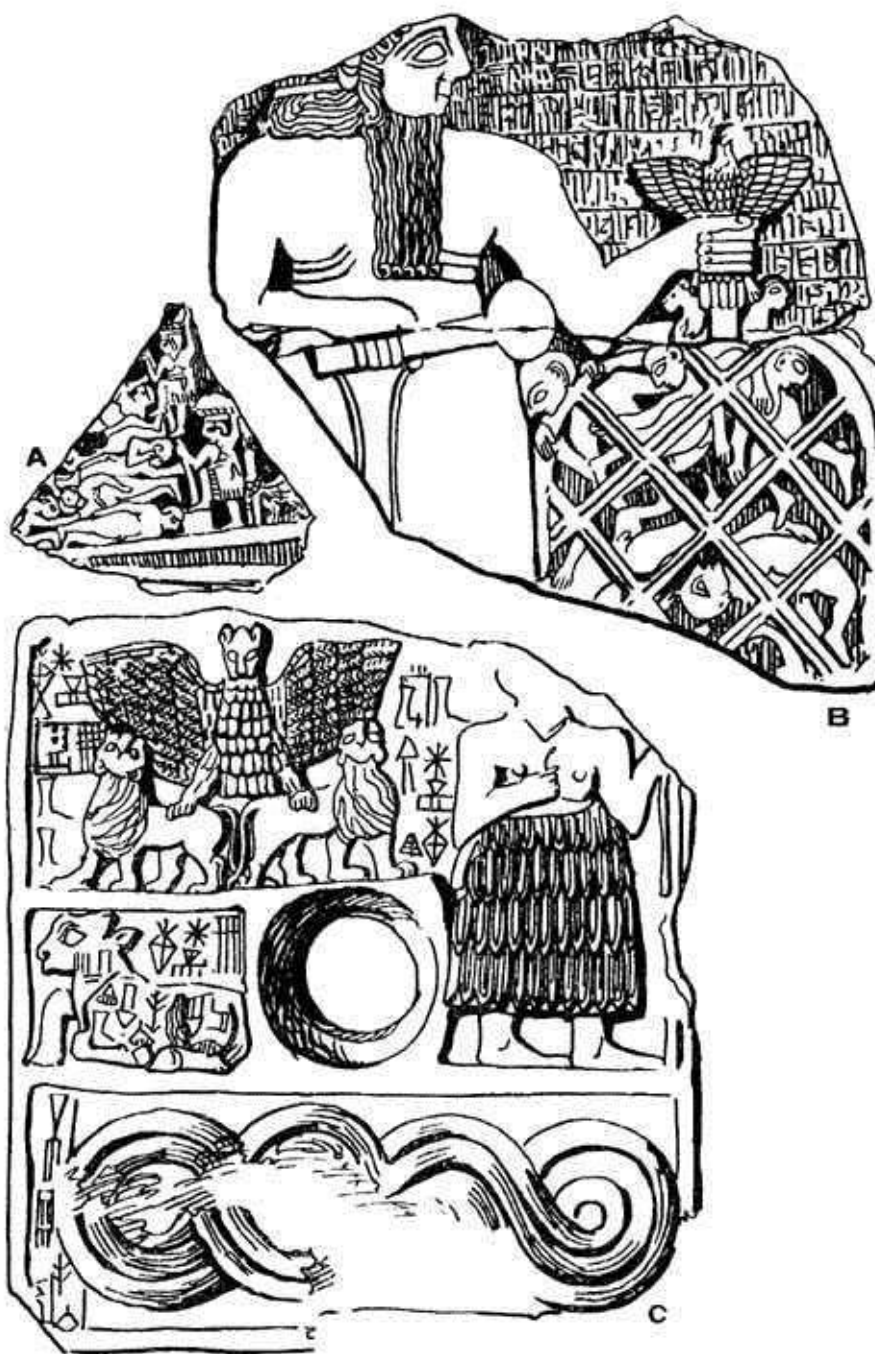

Рис. 27. — Музей Лувр.

А, В. (См. Кат., стр. 105, 107.)
 С. (См. Кат., стр. 123; *Déc. en Chald.*, Табл. 5, bis.)

В данном случае его последователи вооружены длинными копьями и боевыми топорами, но не защищены щитами, хотя их головы покрыты такими же коническими шлемами, и они одеты в знакомые юбки «каунакес». Возможно, в этих войсках мы видим отряд личной охраны короля. Что сразу бросается в глаза в этой скульптуре (), так это необычайное несоответствие между грубостью искусства, с одной стороны, и сложным снаряжением и расположением армии Эаннатума, с другой, из чего ясно, что энергия шумеров в это время тратилась на поле боя, а не на мирные искусства ().

Другой фрагмент этой замечательной скульптуры воспроизведен на рис. [27](#), А. Здесь мы видим настоящую кучу трупов, сложенных друг на друга. Они полностью обнажены, а их головы выбриты, что явно контрастирует с войсками Эннатума. Тела вытянуты и расположены так, что голова каждого лежит рядом с ногами соседа; две фигуры, одетые в короткие юбки с архаичными бахромами, поднимаются по этой куче с помощью веревки; свободная рука каждого из них удерживает на голове корзину, в которой, возможно, находятся подношения для павших, но, скорее всего, земля, которой будут засыпаны их тела. Существует спорный вопрос о том, представляют ли эти наложенные друг на друга тела павших воинов армии Эннатума или поверженных врагов Лагаша; но тот факт, что тела обнажены, а также тот факт, что ни на одной из вавилонских или ассирийских сцен сражений нет ни одного примера изображения убитого воина армии победителя, и, наконец, маловероятность того, что художник так явно подчеркнул потери Эннатума, особенно на стеле победы, все это говорит в пользу второго мнения. В этом случае мы имеем яркое свидетельство милосердия, проявленного шумерами в самые ранние времена, когда врагу, по-видимому, иногда предоставлялась привилегия похоронить своих мертвых.

На рисунке [27](#) В мы видим еще один фрагмент этого уникального образца шумерского искусства. Представитель Лагаша здесь изображен в колоссальном масштабе; его голова покрыта густыми волосами, а с лица свисает длинная борода с прожилками (), похожая на ту, что носит Гильгамеш на цилиндрических печатях. Возможно, как предполагает Хеузи, эта фигура является изображением героя вавилонского фольклора, но, вероятно, это изображение самого бога Нин-гирсу. В любом случае, это вряд ли может быть Эннатум, поскольку последний на этой же стеле изображен гладко выбритым. Эта колоссальная фигура держит в левой руке гербовый щит Лагаша, а в правой — булаву с круглым наконечником, похожую на ту, что видна на других ранних барельефах. Перед ним лежат несколько пленников, заключенных в сеть или клетку (ср. Nab. I. 15); один из этих несчастных жертв просунул голову сквозь ячейки своей тюрьмы, чтобы уклониться от следующего удара, но эта похвальная попытка, по-видимому, не увенчалась успехом, поскольку головка булавы находится в непосредственном контакте с головой этого человека. Все изображенные здесь фигуры, будь то солдаты армии Эннатума или врага, имеют одинаковые лица, наиболее характерными чертами которых являются большие миндалевидные глаза и орлиный нос. Стела известна как «Стела стервятников» и получила свое название от другого фрагмента, на котором изображены несколько стервятников, уносящих головы и резко отсеченные конечности убитых. На смену Эннатуму, чьи победы здесь изображены, пришел Эннатум, а после него на трон взошел Энтемена, племянник Эннатума. К сожалению, художественные реликвии его времени немногочисленны, но те, что сохранились, представляют особый интерес. В следующей главе (см. рис. [45](#)) мы уделим некоторое внимание изучению серебряной вазы этого древнего правителя, но здесь (см. рис. [27](#), С) мы имеем образец скульптуры его правления.

Этот небольшой скульптурный блок, изготовленный из смеси глины и битума и внешне напоминающий черный камень, был найден в окрестностях здания из кирпичей с именем Энтемена. В верхней части мы видим геральдический символ города Лагаша — орла с львиной головой, сжимающего двух львов, обращенных в противоположные стороны, что, несомненно, указывает на власть Лагаша над народами Шумера и Аккада. Мы уже видели его на стеле с изображением стервятника, и он также встречается на еще более ранних памятниках Ур-Нины, но сравнение королевского герба, представленного здесь, с гербом на стеле с изображением стервятника (ср. рис. [27](#), В) показывает заметный прогресс с художественной точки зрения. Орел по-прежнему достаточно стереотипен, и чрезмерная детализация, с которой художник подошел к своему предмету, привела к нежелательному

эффекту, сделав его еще более формальным, чем он был бы в противном случае, но львы гораздо более оживлены и энергичны в своей концепции, чем в более ранних скульптурах. Вместо того, чтобы идти бесстрастным, безжизненным образом, они буквально корчатся под хваткой своего победоносного врага, чьи крылья они пытаются грызть зубами. Внизу мы видим изображение приседающего тельца или телки, одна из передних ног которой поднята, как будто она собирается прыгнуть. Как говорит Хезей, поза этого животного удивительно естественна и, должно быть, была изучена с натуры; она сразу же напоминает процессию животных, выгравированную на серебряной вазе Энтемены (см. рис. [45](#)). Без сомнения, изображенное здесь животное является жертвой. Справа от центрального отверстия, которое так часто встречается в этих ранних скульптурах, стоит поклоняющийся гигантских размеров, держащий посох в левой руке. Он гладко выбрит и обнажен до пояса, с которого свисает обычная юбка каунакес. Нижняя часть этого небольшого блока украшена узором в виде спирали, который часто встречается на цилиндрических печатях. Однако размер его воспроизведения здесь совершенно несоразмерен остальной части скульптуры, и поэтому в данном случае он может представлять моток шерсти как еще одну форму подношения. Упоминание священника Дуду, чье имя также встречается на серебряной вазе Энтемены из Ур-Нана (), снимает любую неопределенность относительно периода, к которому мы должны отнести этот небольшой блок, хотя суждение, основанное на изучении стиля искусства, представленного здесь, независимо от этого отнесло бы его к той же категории, что и серебряная ваза Энтемены. Линейные символы, которыми написана надпись, более развиты, чем те, что встречаются на памятниках Ур-Нины и Эаннатума, и многие из них уже имеют клиновидную форму, характерную для письменности, называемой «клинописью».

ПЛАСТИНА XIII

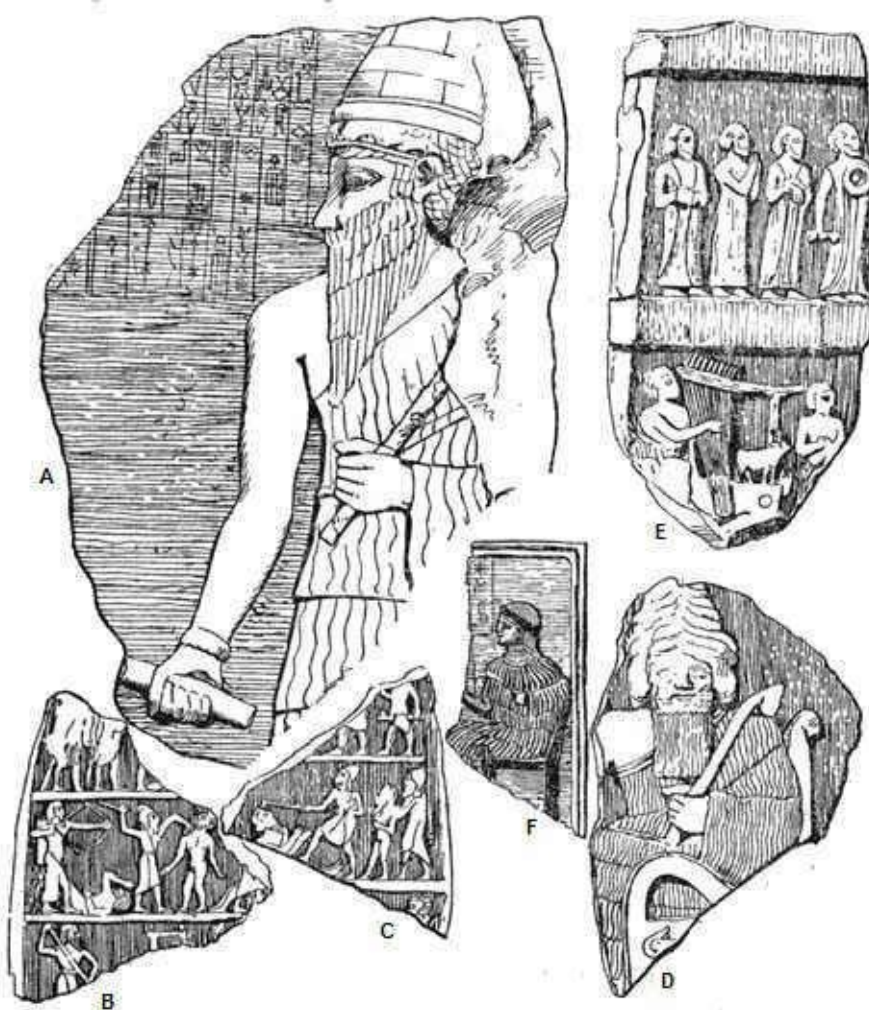
Фото. Манселл

Музей Лувр

СТЕЛА ПОБЕДЫ НАРАМ-СИНА

Возможно, сказано достаточно, чтобы составить общее представление о художественных достоинствах и недостатках древних шумерских барельефов первой династии Лагаша. Следующая вавилонская школа искусства, которая особо привлекает внимание и вызывает восхищение, возникла в эпоху царей Аккада или Агаде. С некоторых точек зрения, искусство Месопотамии достигло своего расцвета в этот период; ни до, ни после этого не было

достигнуто такого же успеха в воспроизведении человеческих фигур (), и скульптуры, относящиеся к этому периоду, в некотором смысле являются уникальными в истории восточного искусства. Самый известный из этих памятников вавилонского гения воспроизведен на илл. [XIII](#). Эта стела, найденная в Сузах в ходе эпохальных раскопок М. Г. де Моргана на этом месте, была создана в память о какой-то знаменательной победе Нарам-Сина из Агаде. Царь изображен в момент восхождения на высокую гору; за ним идут его верные воины, вооруженные копьями или пиками и, по-видимому, несущие знамена. Сам царь вооружен луком и стрелами, а также боевым топором, а его голову защищает рогатый шлем; перед ним приседает один из врагов, в шею которого глубоко вонзилась стрела, а другой держит сломанный конец копья. Фигура царя полна жизненной силы и оживления и создает очень яркий контраст с безжизненным конвенционализмом, характерным для более древних вавилонских и поздних ассирийских изображений людей . Вся сцена наполнена действием, и эффект не портится из-за чрезмерной диспропорции между фигурой царя и фигурами его последователей. Над головой царя находятся остатки надписи Нарам-Сина, но на конусе, который должен изображать гору, на которую взбирается царь, находится надпись, занимающая семь строк и содержащая имя Шутрук-Наххунте, царя Элама, что, по-видимому, указывает на то, что стела была захвачена эламитами и унесена в Сузы в качестве трофея. Интересный базальтовый барельеф этого же царя был обнаружен недалеко от Диарбекра (см. рис. [28](#) «А»). Нарам-Син стоит справа от надписи, одетый в своего рода плед и коническую шляпу. У него длинная заостренная борода, на запястьях браслеты, а в каждой руке он держит короткий посох.

Остатки (см. рис. [28](#) «В», «С») другой очень интересной стелы, относящейся примерно к той же эпохе или немного более ранней и имеющей военный характер, были обнаружены Де Сарзеком в Телло. В верхней части фрагмента «В» изображены три воина, идущие в колонне, двое из которых являются лучниками и несут колчаны, украшенные большими листьями, а от третьего осталась только нога. Во втором регистре изображен лучник, натягивающий лук; его поза неподвижна и устойчива, лук натянут до предела, а колчан висит на плече; перед ним лежит поверженный враг, полностью обнаженный, в отличие от своего победителя, одетого в длинную тунику, с поднятой в мольбе правой рукой. Далее мы видим другого воина, одетого в короткую юбку с бахромой и конический шлем: левой рукой он хватается за бороду врага, который также обнажен, как и его поверженный брат в том же регистре, а правой рукой он поднимает узловатую дубину, чтобы ударить по лицу своего побежденного пленника. Ниже изображена фигура другого воина, вооруженного длинным копьем. В «С» мы видим еще один фрагмент этой интересной скульптуры, в верхнем регистре которой изображены два воина, идущие в строю; тот, что сзади, несет боевой топор на хвосте. В нижнем регистре воин, одетый в короткую юбку и шлем, сражается с поверженным врагом; одной ногой он крепко давит на живот несчастного, а правой рукой наносит ему удары узловатым дубиной. За этими двумя фигурами изображена еще одна подобная сцена; здесь всемогущий воин вооружен длинным копьем, которое он несет в левой руке; правой рукой он ведет пленника, гораздо меньшего роста, чем он сам, руки которого связаны за спиной; пленник обнажен, как и большинство побежденных врагов Шумера и Аккада, изображенных скульптором. От третьего яруса остались только голова и верхняя часть лука лучника.

Помимо духа, который одухотворяет эти маленькие фигурки, главный интерес в связи с ними представляет общая схема художественного изображения, принятая здесь. Победоносная армия больше не изображается *массово*, как на стеле «Гриф» Эннатума, но идея, передаваемая и событие, которое увековечивается, в обоих случаях точно такие же. Всеобъемлющей идеей является идея победы, только изображение фаланги вооруженных войск, топчущих под ногами обнаженные тела своих врагов, уступило место серии избранных эпизодов индивидуальных боев, изображенных в гомеровском стиле. Эта скульптура явно принадлежит к той же школе, что и стела Победы Нарам-Сина, однако, вероятно, она несколько более древняя, так как клинописные знаки, найденные на втором фрагменте, имеют более архаичный характер, чем те, которые использовались на памятниках Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина. То немногое, что осталось от надписи, представляет значительный интерес, поскольку в ней упоминается город Агаде, центр семитской империи, основанной двумя последними упомянутыми царями.

Теперь мы должны перейти от эпохи семитских царей Агаде или Аккада к более позднему периоду шумерской цивилизации, эпохе, в которой жили и правили Ур-Энгур и Дунги, цари Ура, а также Ур-Бау и Гудеа, правители Лагаша. Мы не можем точно определить дату правления этих правителей, но, вероятно, они процветали где-то в середине третьего тысячелетия до нашей эры. Один из самых интересных барельефов, относящихся к этому времени, воспроизведен на рис. [28](#). «D». Здесь мы видим изображение бога, сидящего на троне, в стиле « ». Он носит длинную квадратную бороду, а на голове у него рогатый колпак, символизирующий божественность; его мантия покрывает почти все тело, за исключением правой руки. Голова, которая по своим очертаниям и общему виду напоминает головы крылатых львов и быков с человеческими головами, изображенных на ассирийских

барельефах примерно на пятнадцать или шестнадцать веков позже (см. табл. [XXV](#)), как и они, изображена в анфас, а сидящее тело высечено в профиль; в левой руке бог держит скипетр, конец которого выполнен в виде листа. На рис. [28](#), «Е», мы видим репродукцию, вероятно, самого большого из сохранившихся фрагментов раннего вавилонского барельефа. Он был найден при раскопках в Телло и имеет длину около четырех футов. Верхняя часть рельефа занята процессией из четырех фигур, по-видимому, занятых служением богам, а внизу видна сидящая фигура, играющая на сложном инструменте с одиннадцатью струнами, нижняя часть рамы которого украшена рогатой головой и фигурой быка. Этот рельеф, по-видимому, был частью каменного гнезда.

Как и следовало ожидать, материалом, использовавшимся для большинства вавилонских, а также более поздних ассирийских барельефов, был вид известняка и алебаstra, поскольку этот камень легко поддается обработке зубилом, но иногда для этих целей использовались и более твердые камни.⁹² Таким образом, на рис. [28](#), F, мы видим эскиз того, что осталось от черного стеатитового барельефа, относящегося к этому периоду. Фрагментарная надпись дает нам имя богини Нингал, которая здесь изображена необычайно привлекательно и с необычайной детализацией. Изысканное платье покрывает все ее тело, а ожерелье украшает ее шею; волосы свисают на плечи, а верхнюю часть головы опоясывает лента. Общая техника этой маленькой скульптуры удивляет своей верностью природе; поза богини, ее тело, повернутое наполовину, и левая рука, небрежно лежащая на спинке стула, выглядят очень реалистично, а само лицо не лишено собственной красоты. Сложность изображения человеческого глаза в профиль, столь болезненно проявляющаяся на Стелле с изображением стервятника и других более ранних шумерских памятниках, где глаз изображен в анфас, а остальная часть головы — в профиль, здесь преодолена, и перед нами предстает совершенно естественно задуманное и выполненное лицо и голова.

Через несколько веков после времени Гудеа город Вавилон стал центром главной власти в Южной Месопотамии. К сожалению, раскопки не дали нам богатых результатов для изучения художественного развития скульптуры в этот период, но имеющиеся материалы показывают, что в промежутке между поздней династией Лагаша эпохой, в которой жил Гудеа, и установлением первой семитской династии города Вавилона, было гораздо меньше, чем в период, разделяющий первую династию Лагаша и эпоху Саргона и Нарам-Сина, семитских царей Агаде.

Фото. Манселл

Музей Лувр

СТЕЛА С ВЫГРАВИРОВАННЫМ
КОДЕКС ЗАКОНОВ

Фото, Манселл

Британский музей

ПЛИТА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГА СОЛНЦА

На илл. [XIV](#) мы видим репродукцию скульптурной стелы из черного базальта, на которой высечен всемирно известный свод законов Хаммурапи, самого прославленного царя первой династии Вавилона. Царь изображен стоящим в почтительной позе перед богом Солнца Шамашем, от которого он получает законы, высеченные ниже. Царь одет в длинную мантию, достигающую его лодыжек, но оставляющую его правую руку, поднятую в знак поклонения, свободной от складок мантии. Сидящее божество также имеет длинную бороду, но его высокая рогатая шапка сразу же отличает его от его поклоняющегося слуги, а из его плеч вырываются языки пламени, несомненно, символизирующие лучи солнца. В правой руке он держит кольцо и посох, символизирующие власть и могущество. Он аналогичным образом изображен на табличке Набу-аплу-иддина (ср. табл. [XIV](#)), а также на двух современных стелах в Лувре, на одной из которых он изображен стоя. Под его ногами изображены миниатюрные горы. Законы, изложенные на этой стеле, которая сейчас является одним из сокровищ Лувра, насчитывают около двухсот восьмидесяти и касаются всех видов вопросов.

Она была установлена в Э-сагиле, храме главного бога Мардука в Вавилоне, чтобы каждая пострадавшая сторона в суде могла прийти и проконсультироваться с ней. Как и многие другие памятники вавилонской древности, эта стела была захвачена эламитами и перевезена в Сузы, где она и оставалась до тех пор, пока французские раскопки на этом месте не вывели ее снова на свет.

Как мы уже видели⁹³, династия, к которой принадлежал Хаммурапи, была уничтожена несколько позже в результате вторжения хеттов, могущественного горного народа, проживавшего в Каппадокии. Примерно через столетие, то есть около 1800 года до н. э., другой горный народ, известный как касситы, спустился со своих крепостей на территории Элама к востоку от Тигра на незащищенную вавилонскую равнину, где они установили и сохраняли свое господство в течение долгого времени. К сожалению, художественные памятники касситского периода немногочисленны и в большинстве своем не имеют большого значения. Между тем, однако, ассирийцы на севере провозгласили свою независимость и в конечном итоге (т. е. около 1275 г. до н. э.) сумели подчинить Вавилонию и установить свое господство над всей Месопотамией. Несмотря на это, у нас практически нет образцов скульптурного искусства за долгий период между падением Первой династии Вавилона и IX веком до н. э., и только со времен Ашур-насир-пала, царя Ассирии, и Набу-апплиддина, царя Вавилона, мы снова можем подробно изучать работы скульпторов в долине Тигра и Евфрата. Первому царю мы обязаны большой серией барельефов, снятых со стен его дворца в Нимруде (Калах), а второму — одним из самых интересных и поучительных вавилонских барельефов, сохранившихся до наших дней (ср. табл. XIV).

Один из самых ранних образцов ассирийского барельефа, обнаруженных на сегодняшний день, был найден Тейлором в деревне Корхар, расположенной примерно в пятидесяти милях к северу от Диарбекра. Данный барельеф был высечен на естественной скале, которая была специально отшлифована по приказу Тиглат-Пилесера I (около 1100 г. до н. э.).⁹⁴ Царь изображен в стоячем положении, с вытянутой правой рукой и указательным пальцем, а в левой руке он держит булаву; фигура царя и его общий вид уже довольно стереотипны и не отличаются большей оригинальностью или энергичностью, чем изображения более поздних ассирийских царей. Этот же монарх оставил нам верхнюю часть обелиска, воздвигнутого в честь его охотничьих подвигов, на одной стороне которого есть небольшой рельеф, на котором Тиглат-Пилесер принимает подчинение различных вассальных вождей, а над их головами изображены эмблемы некоторых божеств, наиболее интересной из которых является крылатый диск с человеческой головой Ашура, покровителя Ассирии. Но эти рельефы, какими бы интересными они ни были, дают нам мало материала, на основе которого можно было бы оценить скульптурные способности ассирийцев того периода; главный вывод, который мы можем из них сделать, заключается в том, что ассирийское искусство, по-видимому, не претерпело заметного развития или упадка в течение двухсот и более лет, прошедших между временем Тиглат-Пилесера и Ашур-насир-пала. Последний царь сменил своего отца Тукульти-Ниниба II на троне Ассирии (885 г. до н. э.). Тукульти-Ниниб в значительной степени восстановил упавшую мощь северной страны, тем самым подготовив почву для успехов будущих правителей, но Ашур-насир-пал расширил власть Ассирии во всех направлениях (), а также укрепил ее господство над районами, завоеванными его отцом. Поэтому вполне естественно, что он захотел увековечить и запечатлеть свои триумфы в виде изображений на стенах своего дворца в Нимруде, и именно с его правления, насколько это можно судить по имеющимся у нас материалам, начинается история ассирийских барельефов.

Ассирия в некотором смысле была естественной родиной барельефа, поскольку в ней было много алебаstra и известняка, мягкость которых облегчала работу художника и сводила его

трудности к минимуму: Вавилония, с другой стороны, практически не давала камня, и весь используемый камень приходилось добывать вдали и транспортировать с большими затратами и трудом, и этот факт делает ранние усилия вавилонян в этом направлении еще более достойными похвалы, а мастерство, к которому привели эти усилия, как видно, например, на стеле Победы Нарам-Сина, еще более удивительным. Но, несмотря на это, барельеф был более развит в северной части страны, где он играл важнейшую роль в художественной жизни народа. Общая цель этих барельефов заключалась в том, чтобы увековечить победы царя над его врагами и его завоевания в охоте, а не в том, чтобы произвести чисто эстетический эффект. Другими словами, они являются скорее изобразительными записями, чем художественными произведениями, и этот факт подтверждается клинописными текстами, которые обычно на них нанесены. В то же время, однако, они дают материал для изучения ассирийской скульптуры. Искусство скульптуры в Ассирии страдало всеми недостатками, которые постигают любое искусство, как только оно становится профессиональным; ему не хватает спонтанности, которая является самой сутью искусства, оно создается на заказ и поэтому неизбежно не знает свободы, а является скучным рабом конвенционализма. Но, несмотря на все это, барельефы Ашур-насир-пала и его преемников, несмотря на то, что они скованы всеобщими врагами человеческого искусства — профессионализмом и конвенционализмом, — все же хранят, или, если хотите, заключают в себе художественный гений народа, и хотя бы по этой причине заслуживают пристального внимания.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ XV

БАРЕЛЬЕФ АШУР-НАСИР-ПАЛА

Рельефы, которые покрывали стены дворца Ашур-насир-пала в Нимруде (Калах), состоят либо из отдельных фигур гигантских размеров, либо из серии небольших сцен, разделенных на два фриза клинописными надписями. На илл. [XV](#) мы видим Ашур-насир-пала, за которым следует крылатое мифологическое существо; оба участвуют в религиозной церемонии: царь с луком и стрелами в руках, а его спутник с конусом в правой руке. Полубожественный характер крылатого существа подтверждается его головным убором, состоящим из рогатой шапки, но лица обеих фигур более или менее идентичны, что является прискорбной особенностью всех ассирийских изображений человеческих или получеловеческих существ. Основными особенностями этого типа лица являются большие глаза, изогнутый нос и обильные волосы на голове и лице. Обе фигуры одеты в длинные одежды и мантии с глубокими бахромами, которые доходят до ног. Обувь состоит из сандалий, застегивающихся ремешками, проходящими через подъем стопы и вокруг большого пальца. Мускулистые руки обоих украшены браслетами, узор которых повторяет повсеместно распространенную розетку, столь характерную для ассирийского искусства. Головной убор царя состоит из шлема, с которого свисают два хвоста, и по своему внешнему виду напоминает епископскую митру. И царь, и божественный слуга носят что-то похожее на два кинжала, засунутых за пояс. Мускулистость, заметная в руках, еще более агрессивна в левой ноге мифологического существа, которая, в отличие от ноги царя, остается обнаженной. Эта гротескно реализованная концепция силы является лишь декадентским потомком естественной энергии, выраженной в статуях Гудеа (). Здесь можно упомянуть одну характерную особенность ассирийской скульптуры: можно заметить, что длинная клинописная надпись высечена поперек рельефа, безжалостно проходя по крыльям, одеждам, телам и рукам, и нет препятствий, которые она не смогла бы преодолеть, даже несмотря на глубокую бахрому на мантиях.

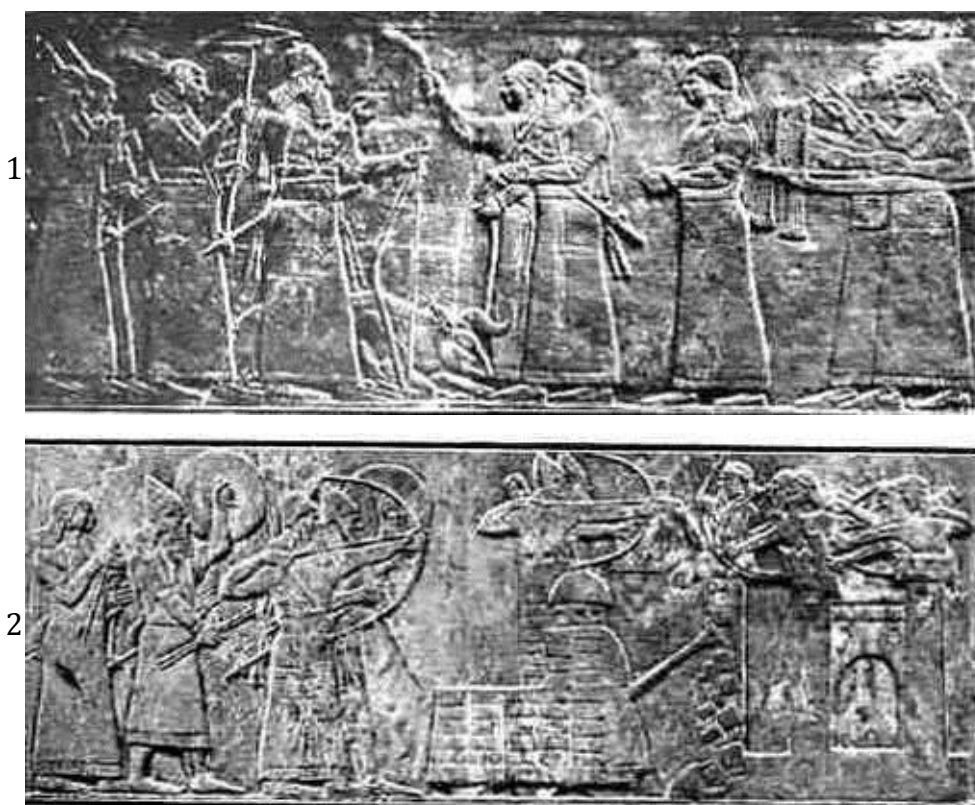
Темы меньших по размеру рельефов Ашур-насир-пала многочисленны и разнообразны, хотя все они вращаются вокруг одной из двух тем: поле боя или охота. На одном из них Ашур-насир-пал сошел со своей колесницы и принимает подчинение врага; на другом мы видим нескольких беглецов, плывущих к крепости на надутых шкурах. Здесь мы видим вассальных вождей, приносящих дары, чтобы положить их к ногам своего властного господина, а дальше мы видим лучников Ашур-насир-пала, сидящих в своих колесницах и стреляющих стрелами по врагу. На одном рельефе сам царь изображен стоящим в своей колеснице с полностью натянутым луком; на другом Ашур-насир-пал изображен в момент переправы через реку; однако царь не сошел с колесницы, а переправляется вместе с ней на веслах.

Один из самых ярких из этих небольших барельефов воспроизведен на илл. [XVI\(2\)](#). Ашур-насир-пал и его армия штурмуют осажденный город; стены города имеют зубчатый вид, как это было принято в Месопотамии. Непосредственно перед стенами расположена подвижная башня, опирающаяся на шесть небольших колес и содержащая таран, эффективность которого можно судить по кирпичам, падающим с разрушенных стен. На вершине башни стоит лучник с натянутым луком, которого защищает другой воин, несущий щит. За подвижной башней изображен царь, натягивающий лук; его головной убор отличается от головных уборов воинов, которые носят конические шлемы. На илл. [XVI\(3\)](#) мы видим воинов Ашур-насир-пала, возвращающихся с поля битвы с победой. Справа на картине изображены две колесницы с тремя лошадьми, на обеих находятся знаменосцы; над ними мы видим стервятника, уносящего свою добычу, которая в данном случае представляет собой человеческую голову, а впереди — пехотинцы, которые, похоже, злорадствуют над

окровавленными головами своих поверженных противников, а чтобы добавить жуткости сцене, два музыканта играют на струнных инструментах.

Однако Ашур-насир-пал был так же горд своими победами на охоте, как и своими завоеваниями на поле боя, о чем свидетельствуют многочисленные сцены охоты, которые он велел высечь рельефом на стенах своего дворца. На илл. [XVI\(4\)](#) мы видим Ашур-насир-пала, стоящего в своей колеснице, в момент, когда он убивает льва с помощью лука и стрелы. Лев изображен с большой смелостью, и мастерство художника в изображении жизни животных — или смерти, как в данном случае — по сравнению со стереотипной безжизненностью царя, достаточно поразительно. Но ассирийское искусство не достигает здесь своего апогея, как мы увидим, когда рассмотрим львов на барельефах Ашур-бани-пала; последние демонстрируют определенную деликатность в исполнении и интуицию во всех тех бесконечных тонкостях и разнообразных нюансах, которые являются отличительной чертой жизни, животной или человеческой, в зависимости от случая, и которые, по-видимому, не ощущаются или, во всяком случае, не удачно реализованы в более ранних работах. Здесь изображение льва сильное и реалистичное, но зритель не может избавиться от осознания того, что это живописное изображение; он не может отбросить мысли о скульпторе и совершенстве его искусства или погрузиться, пусть даже на мгновение, в самую реальность. Но в рельефах Ашшурбанипала можно на мгновение забыть о художнике и его работе и увидеть самого льва; можно уловить слабый звук его последнего вздоха, когда он лежит неподвижно, с телом, пронзенным стрелами, и именно в стирании художника и используемого им материала искусство достигает вершины своей силы.

ПЛАСТИНА XVI

3

4

Фотографии. Мэнселл

Британский музей

БАРЕЛЬЕФЫ АШУР-НАСИР-ПАЛА

1. ЛИБАЦИЯ НАД МЕРТВЫМ БЫКОМ

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ С БИТВЫ

2. ОСАДА ГОРОДА

4. ОХОТА НА ЛЬВА

Но любовь Ашур-насир-пала к спорту не отвлекала его от религиозных обязанностей, напротив, он, по-видимому, приписывал свои триумфы в охоте своему богу, поскольку по возвращении он приносит возлияние над телом льва или быка, которых провидение предало в его руки (ср. табл. [XVI](#)(1)). Чаша, которую он держит в руке, напоминает верхнюю часть бокала для шампанского, а левая рука опирается на лук в обычной характерной позе. Перед ним стоит офицер, очевидно высокого ранга, поскольку его одежда является точной копией одежды царя, но его голова обнажена, а руки сложены в знак почтения. Рядом с этим высокопоставленным чиновником стоит слуга или евнух с мухобойкой, а позади него — еще один слуга, и в конце — два музыканта, играющие на струнных инструментах. На другой стороне картины, сразу за королем, стоит слуга с церемониальным зонтиком, за ним — два слуги с луками на плечах.

Хотя современник Ашур-насир-пала, царь Вавилона Набу-аплу-иддина, оставил нам лишь несколько памятников своего правления, мы все же обязаны ему одним уникальным образцом месопотамской скульптуры (см. табл. [XIV](#)). Уже упоминалось об этой табличке в связи с тем, что она проливает свет на некоторые архитектурные проблемы, теперь же нам остается рассмотреть ее как произведение искусства и исторический памятник. Текст описывает восстановление храма Шамаша двумя царями по имени Симмаш-шипак и Эулмаш-шакин-шум, правление которых пришлось на XI век до н. э. Затем в тексте описывается состояние, в котором впоследствии оказался храм, его украшения и принадлежности; святилище бога было ограблено, его сокровища были похищены тем или иным способом; скульптуры, украшавшие стены, и изображение самого божества подверглись насилию со стороны безбожных людей. Набуаплу-иддина решил исправить все это; он восстановил былое величие храма, в частности, он украсил старинную статую бога золотом и лазуритом, восстановил храмовое поклонение во всей его прежней пышности и великолепии и отомстил врагам Шамаша и королю, совершившим это кощунственное преступление. Сам царь отпраздновал повторное освящение храма щедрыми подношениями и издал подробные правила относительно церемониальных одеяний жрецов и дней, в которые они должны были носить их в будущем. На сцене выше Шамаш изображен на троне в своем святилище в Сиппаре, держа в правой руке диск и жезл; по бокам трона высечены мифологические существа, роль которых, по-видимому, состоит в том, чтобы поддерживать трон, а над головой бога и перед ней расположены три астрологических символа. Крыша и опорная колонна самого храма были рассмотрены в другом месте (см. стр. [164](#)): два божественных существа стоят на вершине храма; они держат в руках две натянутые веревки, прикрепленные к большому диску, символизирующему солнце, расположенному на алтаре непосредственно перед храмом, с помощью которых диск удерживается в нужном положении. К алтарю и святилищу приближаются три поклонника, первый из которых — верховный жрец Шамаша, который вводит царя в присутствие божественного символа, как это часто изображается на вавилонских цилиндрических печатях, а последней идет богиня. Одним из интересных моментов этой маленькой скульптурной таблички является то, что, хотя она была изготовлена вавилонским царем IX века, стиль искусства, которому она соответствует, указывает на то, что это не оригинальное произведение Набу-аплу-иддина, а копия гораздо более древнего архетипа. Например, головной убор бога характеризуется четырьмя рядами рогов и практически идентичен тому, который встречался еще во времена Гудеа, позднего ассирийского божества. С другой стороны, головной убор обычно имеет только два или три рога с каждой стороны: Шамаш и здесь держит в руке диск и жезл точно так же, как он изображен на знаменитой стеле Хаммурапи (ср. табл. [XIV](#)); его длинная борода также изображена почти так же, как и там. Короче говоря, нет сомнений, что оригинал этого произведения IX века следует искать где-то в начале II тысячелетия до н. э. Еще одной особенно интересной особенностью открытия этой скульптуры было одновременное обнаружение двух глиняных покрытий для нее. Один из них был найден разбитым и, вероятно, был изготовлен самим Набу-аплу-иддиной, но на другом есть надпись Набополассара, царя Вавилона в 625-604 гг. до н.э. За два столетия, прошедшие между временем Набу-аплу-иддина и правлением Набополассара, часто реставрируемый храм снова пришел в упадок, и последнему из упомянутых царей выпала доля вновь восстановить этот уважаемый веками храм; он, как и его предшественник двести лет назад, приносил «богатые и редкие жертвы» бессмертному Шамашу. Цель этих глиняных покрытий, конечно же, заключалась в том, чтобы защитить скульптуру от повреждений (см. рис. [5](#)).

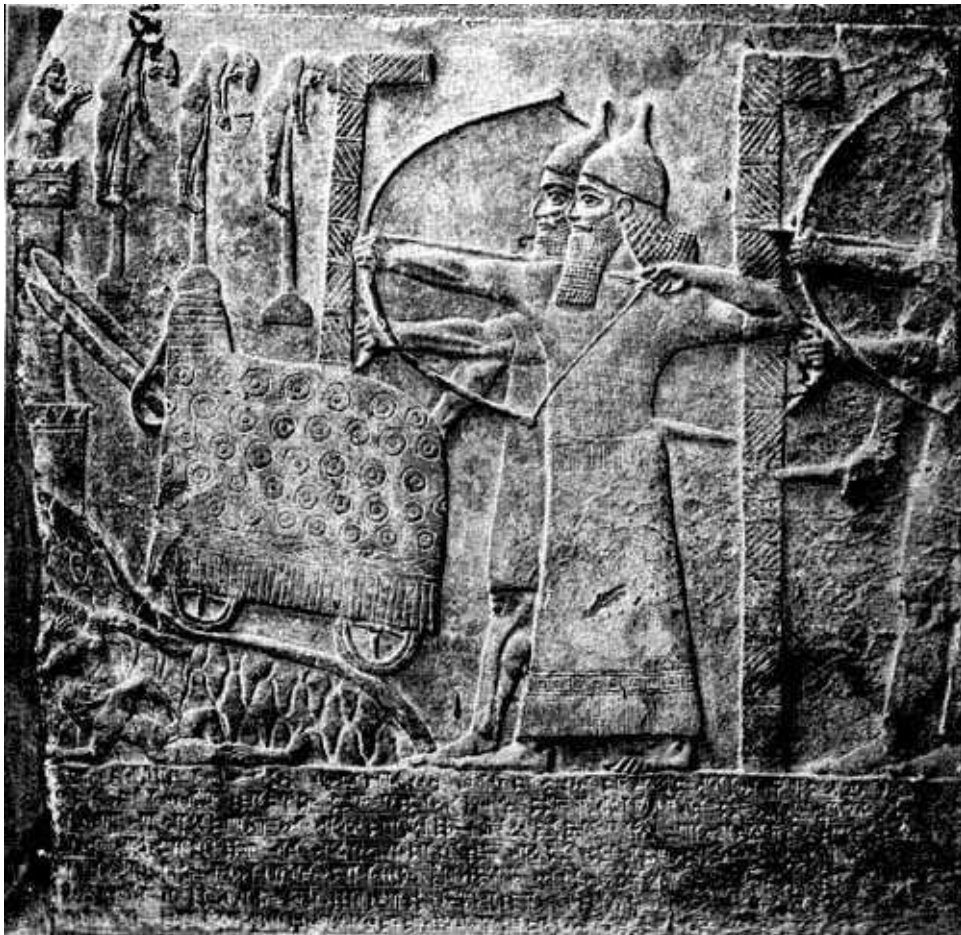

Фото. Манселл

Британский музей

ОСАДА ГОРОДА С ПОМОЩЬЮ ТАРАНА И ЛУЧНИКОВ
(Царствование Тиглат-Пилесера III)

Вернувшись к Ассирии, Ашур-насир-пал был сменен своим сыном Салманасаром II: к сожалению, у нас есть лишь несколько барельефов, относящихся к времени правления этого царя, самые известные из которых высечены на Черном обелиске; эти рельефы были проиллюстрированы и подробно описаны во многих работах, главным образом благодаря исторической значимости надписи на этом памятнике, поэтому вряд ли необходимо или желательно обсуждать их здесь. Непосредственные преемники Салманасара оставили нам мало памятников о себе, художественных или иных, и после их правления, по-видимому, наступил общий упадок, от которого Ассирия не оправилась до правления Тиглат-Пилесера III, или Пула, как он называется в 2 Царств xv. 19 и в других местах. Этот царь восстановил могущество империи и распространил свою власть во всех направлениях, и, к счастью для нашей темы, он увековечил свои подвиги в виде изображений на твердом камне, а также в письменном виде на глиняных цилиндрах и табличках, хотя, к сожалению, сохранилось лишь небольшое количество барельефов этого царя. Один из наиболее хорошо сохранившихся — тот, на котором Тиглат-Пилесер III изображен во время осады (ср. табл. [XVII](#)). Детали этой скульптуры ярко напоминают слова, которые, как сообщается, Исайя использовал в своих попытках поднять падающий дух Езекии, царя Иудеи, который был склонен сдаться и отдать свой город Сеннахириму: «Так говорит Господь об ассирийском царе: он не войдет в этот город, не выпустит туда стрелу, не подойдет к нему со щитами и не насыплет против него вала». Все упомянутые здесь средства нападения представлены на нашем барельефе. Воины натянули луки и, без сомнения, уже выпустили множество смертоносных стрел: их тела защищены большими плетеными щитами, покрывающими все

тело. В данном случае «насыпь» явно была «насыпана» против осажденного города, и назначение этой «насыпи» сразу же становится очевидным. Она представляла собой искусственный холм, на который поднималась передвижная башня с тараном. На вершине стены осажденного города виден человек с протянутыми руками, просящий пощады. Победа над врагом и падение их города изображены очень реалистично: под «насыпью» видны некоторые из побежденных, лежащие на земле обнаженными, а выше, на уровне вершины стены, ряд пленников, также обнаженных, насаженных на колья. Надпись относится к различным даньям, принесенным покоренными народами, но не представляет особого интереса.

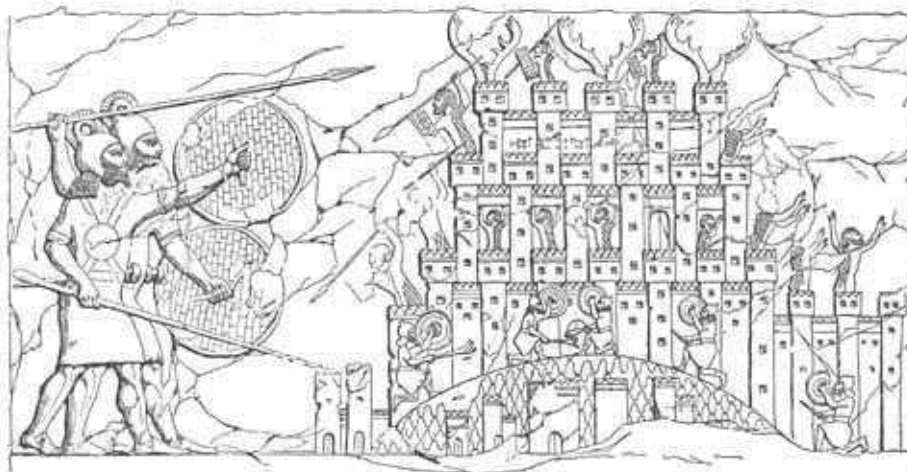

Рис. 29. — Барельеф из Хорсабада. (По Ботта.)

Преемником Тиглат-Пилесера III стал Салманасар IV, самым примечательным событием правления которого была осада Самарии; город продержался два года и пал в 722 г. до н. э., после того как Салманасар был свергнут узурпатором Саргоном. Саргон правил около восемнадцати лет и одержал много побед, самой значительной из которых была победа над объединенными египтянами и филистимлянами при Рафии, недалеко от египетской границы. Он оставил после себя много скульптурных памятников, в том числе гигантских крылатых быков и львов с человеческими головами, которые в некотором смысле являются самыми впечатляющими и характерными образцами восточного искусства. Эти крылатые чудовища не являются ни барельефами, ни идеальными круглыми скульптурами, а представляют собой смесь того и другого, поэтому они будут рассмотрены во второй половине этой главы.

Но дворец, построенный Саргоном в Хорсабаде, который был раскопан Боттой более полувека назад, дал богатый урожай барельефов, один из которых воспроизведен на рис. [29](#). Сцена знакома по ассирийской скульптуре: крепость атакуется, конечно же успешно, ассирийскими солдатами. Крепость, по-видимому, была построена на вершине возвышенности, несомненно, с целью сделать ее более неприступной. Она состоит из трех рядов башен, расположенных одна над другой, причем самый большой ряд находится внизу, а самый маленький — вверху, а общий контур напоминает зиккурат с его ступенчатыми ярусами. Одно крыло крепости защищено двумя башнями, с которыми оно соединено стеной, а другое крыло, по-видимому, простирается вниз по склону возвышенности. Доступ в крепость осуществляется через арочные проемы, что является одним из многих доказательств частого использования арок в ассирийской архитектуре. У подножия холма

расположено несколько небольших прямоугольных домов, дверные проемы которых имеют арку, как и у боковых башен, а сами двери или ворота в обоих случаях являются двустворчатыми. Окна или амбразуры, которых очень много, все квадратные, а зубцы, как обычно, имеют зубчатую форму. Три пары колоссальных рогов венчают крепость, которые, по мнению Ботта, могут быть настоящими рогами, причем непропорциональность их размера, конечно, не является аргументом против этой точки зрения, поскольку непропорциональность является характерной чертой раннего восточного искусства. В таком случае они могли бы быть только символическими и, предположительно, обозначать силу, но гораздо более вероятно, что рога представляют собой попытку скульптора изобразить языки пламени, которые, таким образом, видны, вздымающиеся из горящей крепости. Некоторые из осажденных просят пощады с протянутыми руками, в то время как другие явно намерены сражаться до последнего: они вооружены длинными копьями и прямоугольными щитами, а их спины покрыты шкурами животных. Враги буквально у ворот, и невозможно сказать, когда они прорвутся внутрь. Трое из них пытаются подкопать стену с помощью длинных вил, еще двое работают короткими мечами, а слева стоят два ассирийских копейщика сверхчеловеческого роста, чье символическое присутствие сразу же снимает даже малейшую тень сомнения в исходе конфликта. Атака является напряженной, поскольку простая прогулка не принесла бы славы ассирийскому оружию, но в то же время, несмотря на жестокость сражения, бушующего вокруг крепости, непреодолимая мощь ассирийского колосса мрачно подсказывается двумя гигантскими воинами. Художественное исполнение двух героев заслуживает особого внимания; агрессивная мускулатура, столь характерная для ассирийских изображений царей и воинов, действительно не совсем отсутствует в ногах, но руки полностью лишены этого почти всеобщего недостатка, а поза рук и ног исключительно естественна и необычайно реалистична. Они вооружены копьями того же типа, что и осажденная армия, но их щиты круглые, в отличие от продолговатых щитов врага (), и они опоясаны короткими мечами. Их одежда и шлемы относятся к часто встречающемуся типу, оба носят нарукавники, а один из них носит простой браслет на левом запястье.

В 705 году до н. э. преемником Саргона стал его знаменитый сын Сеннахирим, главным событием правления которого, вероятно, было разрушение Вавилона в 689 году до н. э. Но имя Сеннахирима известно скорее благодаря его тесным отношениям с царством Иудеи и неудачной осаде Иерусалима во время правления Езекии, чем благодаря его завоеваниям, какими бы значительными они ни были. Раскопки его дворца в Ниневии привели к обнаружению большого количества барельефов, многие из которых были повреждены и разрушены огнем, когда город был разграблен объединенными силами мидийцев и вавилонян около 609 года до н. э. В основном они иллюстрируют походы, предпринятые Сеннахиримом. Что сразу бросается в глаза в барельефах этого царя, так это их сложность, контрастирующая с простотой барельефов Ашур-насир-пала. Мы уже отмечали, что на барельефах последнего монарха иногда изображаются целые сцены, хотя чаще всего рельеф занимают две или три крупные и яркие фигуры, одна из которых обычно представляет царя, но ко времени Сеннахериба то, что до сих пор было исключением, теперь становится правилом, и барельефы этого царя практически все имеют сценический эффект и наиболее сложную композицию. Эта чрезмерная сложность обусловлена не столько разнообразием сюжетов, изображенных на каждом барельефе, сколько незнанием художником перспективы, поскольку для изображения даже ограниченного числа сюжетов или объектов в рамках одной картины необходимо, чтобы эти объекты были видны и изображены в перспективе, и если это требование не выполняется, то неизбежным результатом неудачной попытки художника становится еще большая путаница. Эта путаница, если можно так выразиться, достигает совершенства в рельефах, украшавших стены дворца

Сеннахериба, царя Ассирии. Часть одной из самых поучительных из этих скульптурных плит воспроизведена на рис. [30](#).

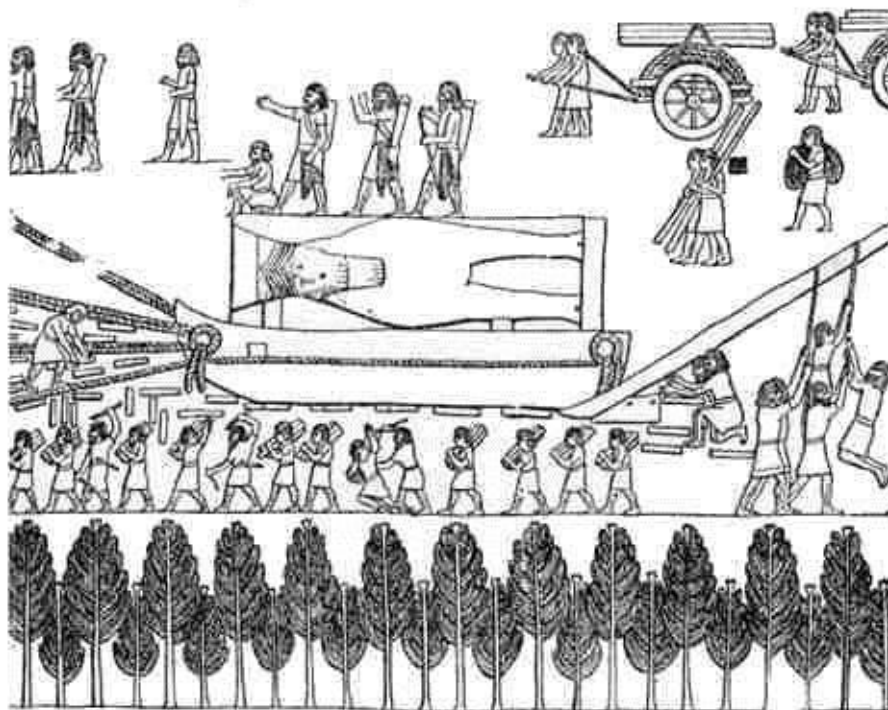

Рис. 30. — Барельеф Сеннахериба. (По Лейарду.)

Эта сцена представляет большой интерес не только для исследователей ассирийского искусства, но и потому, что она проливает свет на механические ресурсы, которыми пользовались ассирийцы того времени, ресурсы, существование которых предполагает наличие гигантских быков и львов с человеческими головами, но которые здесь конкретно иллюстрируются скульпторами Сеннахирима. Безопасная транспортировка гигантских массивов твердого камня была нелегкой задачей даже для археологов XIX века,⁹⁵ сколько же больше трудностей приходилось преодолевать людям, чьи механические знания были примерно на два с половиной тысячелетия моложе! В художественном исполнении этой скульптуры, конечно, есть очевидные недостатки. Скульптор, как обычно, не владеет перспективой, хотя это менее заметно, чем в других случаях; деревья на переднем и заднем плане расположены в несколько условных линиях, хотя намеренное или случайное уменьшение размера деревьев на заднем плане по сравнению с деревьями на переднем плане делает общую композицию сцены гораздо более правдоподобной, чем это было бы в противном случае. К сожалению, включить задний ряд деревьев было невозможно без ущерба для более важных частей скульптуры, поэтому они здесь опущены.

Все внимание сосредоточено на быке: и ассирийцы, и военнопленные имеют только одну задачу — транспортировать этого внушающего страх монстра. В правом углу мы видим две телеги, каждая из которых тянется двумя пленниками и содержит веревки и бревна. Телеги имеют два колеса, каждое из которых содержит восемь спиц, в отличие от четырех спиц ранних вавилонских колес. Бык был аккуратно уложен на бок на санях, которые спереди имеют форму лодки. Оба конца саней пробиты круглыми отверстиями для продевания веревок. Последние, плотно прикрепленные к саням и быку, собираются тянуть несколько пленников, которым под мягким стимулом кнута надсмотрщика удастся постепенно сдвинуть с места колоссального чудовища. Однако перед началом работы, по-видимому, было необходимо помочь саням с помощью огромного рычага, один конец которого помещен под корму, а к другому концу прикреплены три веревки, с помощью которых несколько рабочих из всех сил пытаются сдвинуть рычаг с его опорной точки (). Чтобы получить большее преимущество, один из рабочих вставляет клин между верхней

поверхностью опоры и нижней стороной рычага , а движение саней дополнительно облегчается с помощью роликов, которые рабочие усиленно устанавливают на место. На вершине лежащего быка стоит на коленях старший инженер, дающий сигнал к каждому последующему совместному усилию рабочим, тянущим веревки. По-видимому, присутствие трех солдат было необходимо для обеспечения выполнения указаний бригадира — это один из ранних примеров привлечения военных для поддержки гражданской власти. Внизу, на переднем плане, видно несколько пленников, несущих ролики, которые будут устанавливаться по мере продвижения быка. Их сопровождают надсмотрщики, которые, по-видимому, были полностью лишены какого-либо чувства милосердия.

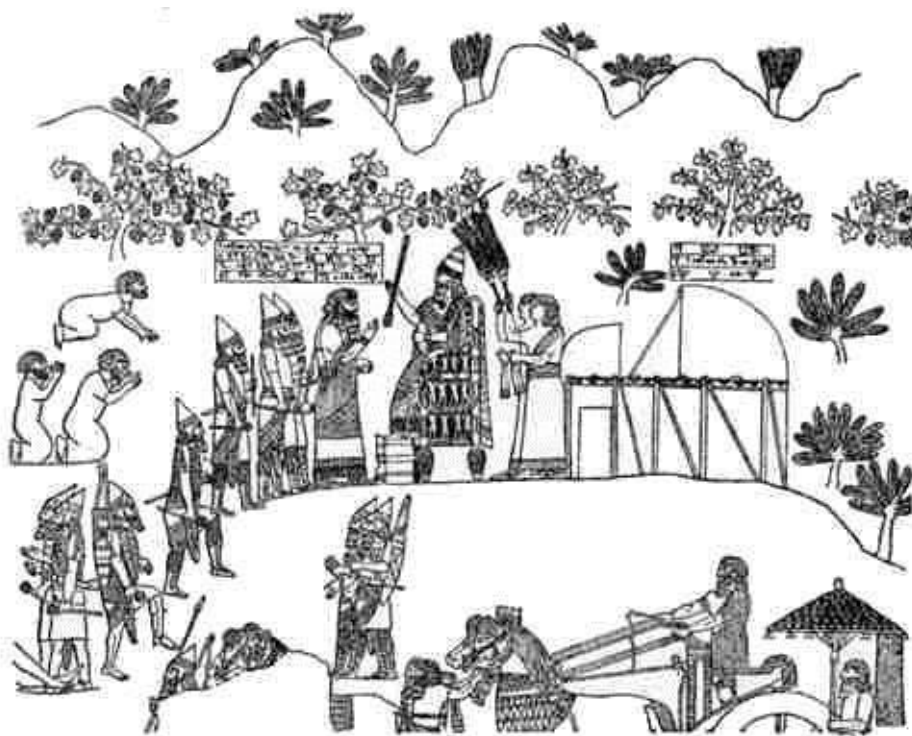

Рис. 31. — Сеннахериб в Лахише. (По Лэярду.)

Но самым известным, поскольку с некоторых точек зрения самым интересным, барельефом из дворца Сеннахериба в Куюнджике является тот, на котором Сеннахериб принимает подчинение побежденных жителей Лахиша (Телль-эль-Хеси) (см. рис. [31](#)). Царь сидит на великолепном троне, а его ноги покоятся на высоком подножке. Боковая часть трона разделена на три яруса, каждый из которых занимает ряд мужчин с поднятыми вверх руками, поддерживающими перекладину сверху: сами перекладины украшены различными геометрическими узорами, а трон стоит на четырех больших конусообразных ножках. Одежды царя столь же изысканны, как и его трон: и мантия, и туника богато вышиты и украшены кистями, а головной убор представляет собой своего рода митру, по-видимому, обычный головной убор ассирийских монархов. Позади него стоят два слуги, вероятно евнухи, каждый из которых держит в правой руке мухобойку, а в левой — повязку; их одежда состоит из длинной мантии, достигающей до щиколотки и завязанной вокруг талии поясом, а пестрый пояс, проходящий от левого плеча через грудь, снимает монотонность относительно небогатого костюма. У них длинные волосы, концы которых закручены, как и у других изображенных здесь фигур, но они безбородые и без головных уборов. За этими двумя слугами находится королевский павильон, крыша которого, по-видимому, поднята либо для вентиляции, либо для защиты от солнца. Царь с луком в левой руке и стрелой в правой () слушает своих главных офицеров, которые докладывают о событиях осады

Лахиша. Лицо, возглавляющее процессию, не носит оружия, но его голова обнажена, и он одет более роскошно, чем сопровождающие его офицеры, как и подобает визирю короля; воины вооружены булавами, короткими мечами, луками и стрелами или копьями, в зависимости от ситуации. На почтительном расстоянии от королевского трона три представителя покоренных жителей города кланяются королю, один из них буквально ползает на четвереньках. У пленников густые, хотя и не длинные волосы, а бороды также густые и короткие, в отличие от ассирийцев. Их одежда состоит из совершенно простой туники с короткими рукавами, достигающей от шеи до лодыжек, а ноги у них босые (). Одежда ассирийских воинов будет рассмотрена в следующей главе (гл. XIII). Действие этого несколько драматического зрелища происходит за пределами захваченного города, в благодарной тени виноградников и смоковниц, а покрытые деревьями горы образуют подходящий фон для картины. Смысл четырехстрочной клинописной надписи перед царем заключается в том, что Сеннахериб, царь воинств, царь Ассирии, сидел на своем государственном троне, а перед ним проносилась добыча города Лахиша. Но каким бы великолепным ни был трон, на котором сидит Сеннахирим, его королевский трон в Ниневии, по-видимому, был гораздо более роскошным; последний, по-видимому, был сделан из горного хрусталя, некоторые фрагменты которого сохранились до наших дней.

После нескольких междоусобных распрей преемником Сеннахериба стал его сын Эсархаддон; Эсархаддон продолжил традиции своих предшественников, воюя с Финикией и подчиняя Вавилонию, но отличительной чертой его правления была оккупация Нижнего Египта ассирийцами в 672 году до н. э. К сожалению, у нас сохранилось очень мало скульптурных памятников этого царя, хотя из этого не следует делать вывод, что он был менее горд своими подвигами, чем его отец, но его правление практически не представляет интереса для исследователей искусства и дает нам мало материала для изучения нашей нынешней темы. Однако это замечание далеко не относится к Ашурбанипалу, его прославленному сыну, чьи триумфы в области искусства были столь же велики, как и его победы на поле боя. Ашурбанипал вступил на престол в 668 году до н. э. и правил около сорока двух лет, в течение которых он поднял могущество Ассирии до невиданного ранее и не достигнутого впоследствии уровня. Более примечательные события правления Ашурбанипала, а также последствия его интереса к литературе были рассмотрены в других источниках; здесь достаточно сказать, что этот всплеск военной, интеллектуальной и художественной деятельности был лишь последним рывком империи, сила которой была исчерпана, а жизнеспособность ослаблена, и еще до смерти Ашурбанипала ее метеорическое величие начало угасать. Это было как бы последней болезнью пожилого человека, пережившего много бурь и чья способность к восстановлению до сих пор помогала ему в любой ситуации, но в конце концов наступает окончательный кризис, и все заканчивается. Однако эта золотая эра ассирийского искусства, столь краткая и недолгая, тем не менее была увековечена художниками того времени на каменных плитах, которые сейчас являются одним из самых ценных сокровищ Британского музея.

Уже упоминались подвиги Ашшурбанипала на охоте, и именно их он решил запечатлеть на стенах своего дворца, а не свои победы на поле битвы, и именно этому выбору мы обязаны теми шедеврами изображения животных, которые в противном случае, возможно, никогда бы не были воплощены в конкретные и постоянные результаты.

Большое количество этих барельефов посвящено охоте на львов; из илл. [XVIII](#) следует, что львы иногда позволяли себе быть прирученными; здесь мы видим льва и львицу, один стоит, другая лежит, небрежно растянувшись на земле, в чем-то вроде сада, культивированный характер которого проявляется в наличии виноградной лозы (). Лев стоит перед притаившейся львицей с вытянутой головой и передними лапами, что хорошо

иллюстрирует то достоинство и величие, которые всегда ассоциировались с королем животных. К сожалению, большая часть головы и вся задняя часть льва отсутствуют, но сохранилось достаточно остатков животного, чтобы мы могли представить себе остальное без особого риска заблудиться в своих догадках.

ПЛАСТИНА XVIII

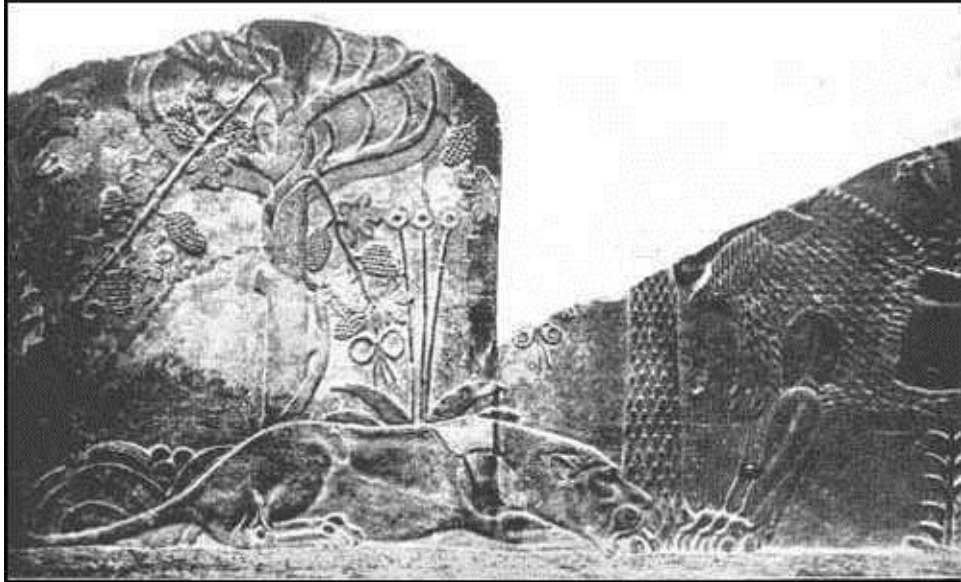

Фото. Мэнселл

Британский музей

СЦЕНЫ ОХОТЫ АШУРБАНИПАЛА: ЛЕВ И ЛЬВИЦА В ПАРКЕ ИЛИ САДУ

ИСТОЧНИК XIX

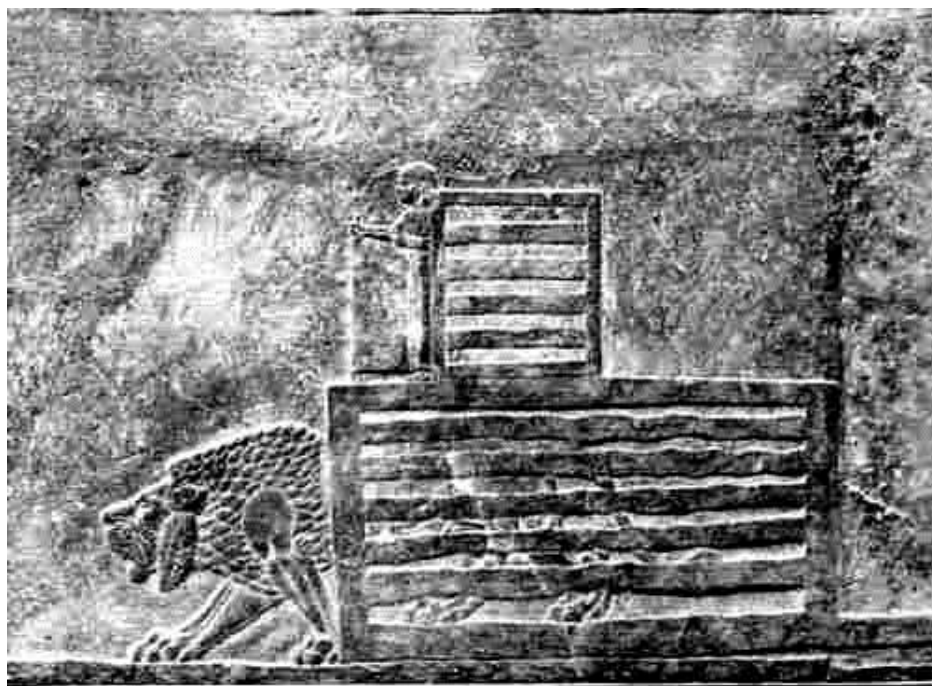

Фото. Мэнселл

Британский музей

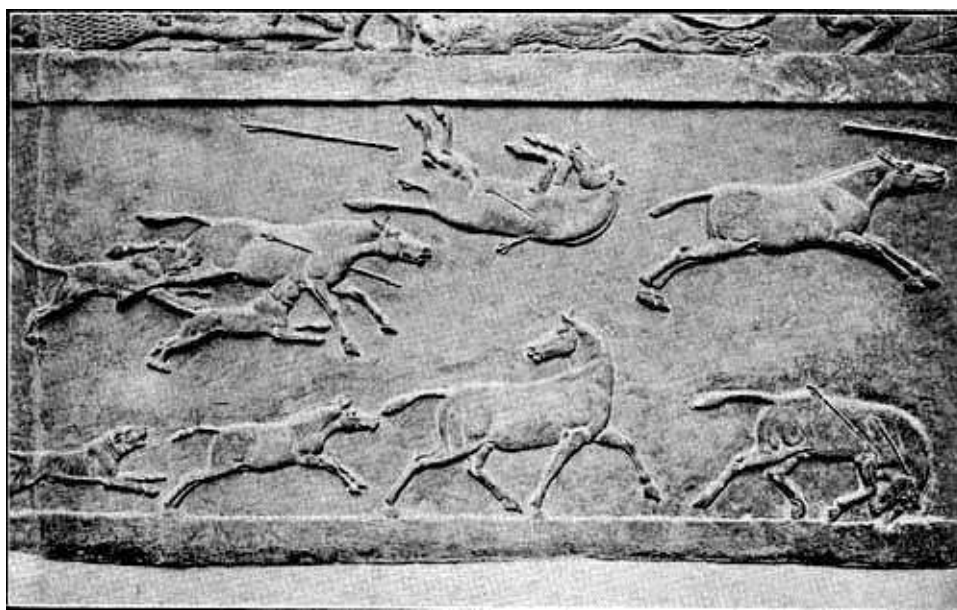
СЦЕНЫ ОХОТЫ АШУРБАНИПАЛА

Но животные, которые становились жертвами королевского развлечения, явно были дикими; иногда их можно было охотиться в естественной среде обитания, но во времена Ашшурбанипала, очевидно, было необходимо сначала поймать их и держать в клетках до тех пор, пока не наступит подходящее время для охоты (). На илл. XIX мы видим одного из таких пленников, выходящего из своей временной тюрьмы по просьбе слуги, который поднял плетеную дверцу клетки. Удовлетворение льва от освобождения проявляется в его быстроте, с которой он выскакивает наружу, не подозревая о ждущей его судьбе. Хотя конец, по-видимому, всегда был один и тот же, метод, с помощью которого он достигался, время от времени менялся. Так, в одном случае мы видим, как царь, сидя в безопасности на своей колеснице, вонзает свое длинное копье в спину льва; в другой раз он стоит на ногах и почти игриво пронзает льва кинжалом в шею, но более обычным способом — несомненно, потому что самым безопасным — убивать крупную дичь, и львов в частности, было, по-видимому, использование лука и стрел, которые можно было применять с безопасного расстояния. На пластинке XIX мы видим несколько львов, пронзенных таким образом; их различные положения, некоторые из которых выглядят величественно естественными, а другие — скорее выдуманскими, все красноречиво и трогательно говорят об общей трагедии, жертвами которой однажды должны стать все животные, будь то люди или звери, — трагедии смерти. Один лев пронзен четырьмя стрелами, две из которых глубоко вонзились в шею льва, третья — в центр головы, а последняя — в середину спины. Лев лежит на земле, его четыре лапы беспомощно волочатся позади и под его массивным телом, а его лицо выражает агонию смерти, в которой он лежит в судорогах. Вверху, слева, другое животное было выведено из строя, если не смертельно ранено, двумя стрелами, одна в шею, другая в спину, а чуть ниже, справа, львица, пораженная в легкие, беспомощно перевернулась на спину. Внизу этой уникальной сцены мы видим еще одного льва, пронзенного пятью стрелами, большинство из которых застряли в голове животного или вокруг нее; как и львица, он без сил перевернулся на спину (), его конечности искажены почти до неузнаваемости. Слева мы видим заднюю часть льва, который в припадке ярости поднимается на ноги, возбужденный ранением стрелой в спину. И, наконец, в левом нижнем углу виден еще один лев, умирающий от полученных ран. Но какая бы судьба ни постигла несчастного льва, похоже, что в конце ему были оказаны почести: его тело было доставлено домой тремя или четырьмя слугами и положено на землю, после чего сам царь возливает возлияние на безмолвное, неподвижное животное, величие которого в смерти превосходит только его энергию в жизни (ср. Pl. XX).

Подавляющее большинство посетителей Ассирийского зала в Британском музее, где выставлены эти шедевры живописного искусства, посвященные животным, никогда не видели охоты на львов в реальной жизни, но никто не может уйти, не получив неизгладимого впечатления от мрачности такой сцены, реальность которой здесь так графично изображена. Охота на львов, несомненно, была любимым развлечением ассирийских царей, но королевское покровительство пользовались и другие виды дичи, в частности олени, дикие ослы и быки. Ашур-насир-пал оставил нам скульптуру, на которой он изображен охотящимся на диких быков со своей колесницы, а на пластинке XX мы видим барельеф из дворца Ашур-бани-пала, на котором изображена охота на диких ослов в самом разгаре. В верхней части сцены дикий осел лежит беспомощно на спине, пронзенный тремя стрелами, а четвертая стрела летит, быстро приближаясь к своей цели. Справа мы видим другого осла, который в спешке убегает от двойного нападения собак и стрел. Слева две собаки, похожие на мастифов, заняты тем, что пытаются остановить стремительный бег дикого осла, который уже замедлился из-за стрелы, пронзившей его передние ноги. Внизу собака того же типа, о которой уже упоминалось, в безумной погоне за молодым жеребенком. Перед жеребенком идет взрослый осел, который оглядывается, возможно,

беспокоясь о своей безопасности, а может быть, о безопасности молодого жеребенка, идущего позади. Манера, с которой художник изобразил это последнее действие, удивляет своей верностью природе и художественными достоинствами. Чтобы читатель мог составить справедливую и правильную оценку гения ассирийцев в искусстве изображения животных, необходимо было бы привести репродукции всей серии охотничьих сцен Ашшурбанипала, но, надеюсь, того, что здесь показано, достаточно, чтобы продемонстрировать их необычайные способности в этом направлении.

ИСТОЧНИК XX

ОХОТНИЧЬИ СЦЕНЫ АШШУРБАНИПАЛА: ОХОТА НА ДИКИХ ОСЛОВ С СОБАКАМИ

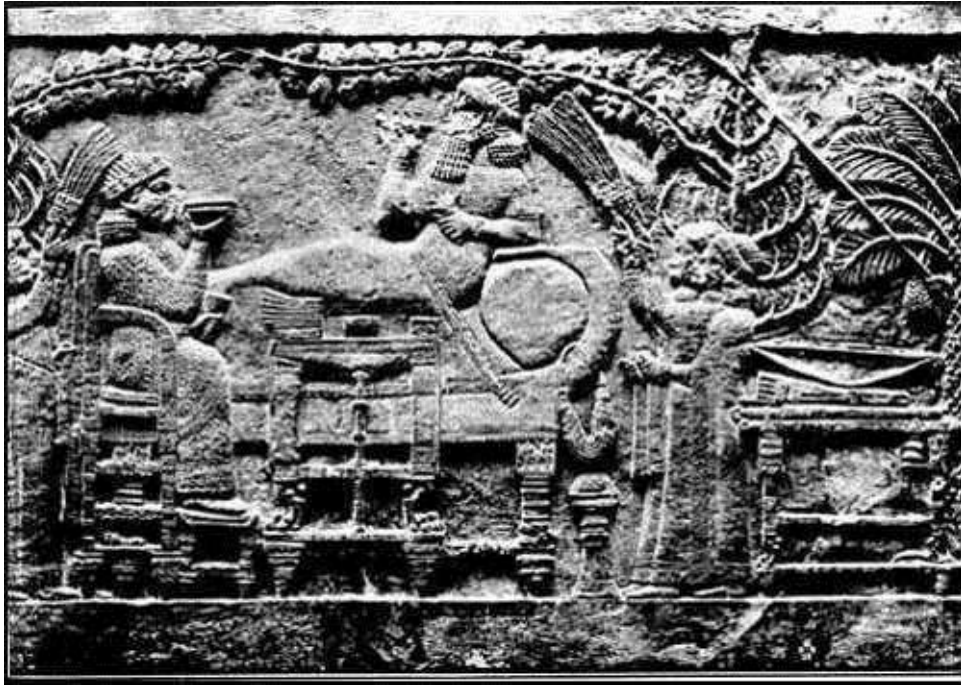
Фото. Манселл

Британский музей

АШШУРБАНИПАЛ, ВОЗЛИВАЮЩИЙ ЖЕРТВЕННУЮ ЖЕРТВУ НАД МЕРТВЫМИ ЛЬВАМИ

Однако мы обязаны Ашшурбанипалу не только шедеврами ассирийского искусства, изображающими животных, но и одной из немногих сцен, которые дают нам представление о частной и неофициальной жизни царя (см. табл. [XXI](#)). Царь возлежит на великолепно резном диване, а его царица сидит, выпрямившись, на стуле прямо напротив; стул так же изыскан, как и диван, как и табурет, на котором она держит ноги. Несмотря на тропический вид сада, в котором разложено угощение, царь укрыт ковром, а царица одета в богато тканые одежды, которые выглядят отнюдь не прохладными. Рядом с кушеткой и перед стулом королевы стоит стол, на котором лежат королевские деликатесы. Оба их величества собираются испить амброзийный нектар, которым, без сомнения, наполнены их низкие, но вместительные чаши, но сама сцена их банкета уже является аппетитной закуской: густые пальмы, богатые грозди винограда и парящие птицы — все это стимулирует королевские пищеварительные способности. За королем стоят два слуги с мухобойками и еще один богато резной стол, на котором лежат королевские оружия. Королева также защищена мухобойками, за носильщиками которых стоят другие слуги, груженные восточными роскошными товарами, а вдали музыканты играют свои сладострастные восточные мелодии. Инструменты струнные, как и большинство музыкальных инструментов, изображенных на вавилонских и ассирийских барельефах, хотя, по-видимому, были известны также бубны, двойные дудки, цимбалы, барабаны и трубы.⁹⁶ Однако, несмотря на все эти опьяняющие влияния, в программе оставался еще один пункт — пункт, который, без сомнения, имел самое стимулирующее воздействие на аппетит великого царя, а именно голова Те-уммана из Элама, висящая на дереве в поле зрения царя и, несомненно, являвшаяся самым приятным зрелищем для его величества.

С Ашшурбанипалом ассирийское искусство, как и литература, достигло своего апогея; с ним границы империи были расширены дальше, чем когда-либо прежде; но после его правления наступил не медленный упадок, а быстрый коллапс, который был трагическим по своему значению и значительным по своим последствиям. Однако ни в случае с империями, ни в случае с отдельными личностями не совсем неуместно, что когда достигнут апогей и реализованы наивысшие возможности, жизнь не должна продлеваться в регрессивных целях, и Ассирия в значительной степени была спасена от этой беды. Память о ее величии и широком влиянии никоим образом не была омрачена длительным периодом упадка, ее время истекло, и наступил ее конец, но причина этого заключалась скорее в непреодолимых обстоятельствах судьбы и внешней обстановке, чем в радикальной внутренней деморализации. У нас нет рельефов нововавилонского периода, достойных упоминания, за исключением цветных глиняных рельефов, которые мы рассмотрим в главе, посвященной живописи.

АШУР-БАНИ-ПАЛ, ОТДЫХАЮЩИЙ ЗА ТРАПЕЗОЙ

Фотографии. Мэнселл

Британский музей

МУЗЫКАНТЫ И СЛУГИ

СКУЛЬПТУРА В КРУГЛОМ ВИДЕ

К сожалению, для изучения ранней шумерской скульптуры в круге у нас не так много материалов. Как уже было сказано, как вавилоняне, так и ассирийцы преуспевали скорее в барельефе, чем в полноценной скульптуре в круге, и то, в чем они преуспевали, то и практиковали чаще всего; несмотря на это, оба народа осознавали превосходство

скульптуры в круглом виде, но сложности, связанные с созданием произведений такого рода, не позволяли заниматься этим, за исключением особых случаев, поэтому они так и не достигли высокого уровня мастерства в этой области искусства. Из раннего шумерского

периода у нас почти нет полных скульптур в круглом виде (Рис. 32. (A. J. S. L., XXI, стр. 59 и далее). Их скудность делает те, что сохранились, еще более ценными. Одной из самых интересных из них является статуя Эсара, царя Адаба (Бисмая), которая была обнаружена в ходе американских раскопок на этом месте,⁹⁷ и в настоящее время хранится в Императорском Османском музее в Константинополе (см. рис. [32](#)). Она изготовлена из мрамора и весит двести фунтов. Ее высота составляет чуть менее тридцати пяти дюймов, а окружность юбки — почти тридцать два дюйма. Юбка имеет густую складку и является копией одежды, в которую всегда одеты шумеры, изображенные на самых ранних памятниках. Тип лица также свидетельствует о его большой древности: лысая голова, орлиный нос, образующий прямую линию с лбом, треугольные глазницы, которые когда-то были инкрустированы слоновой костью, — все это характерные черты древнейших шумерских попыток изобразить человека. На правом плече царя находится надпись, выполненная очень архаичным и полупиктографическим шрифтом, из которой мы узнаем имя царя, а также название города, которым он правил. Она была обнаружена на большой глубине под поверхностью кургана, среди руин храма, построенного из небольших плоско-выпуклых кирпичей, характерных для зданий, предшествовавших Ур-Нине. Особенно интересной особенностью этого уникального памятника является то, что руки не прикреплены к телу, в то время как почти во всех месопотамских статуях они присоединены

к бокам.

Рис. 33. (*Déc. en Chald.*, Pl. I, *ter.* No. 3.) Руки сложены перед грудью, как и у многих шумерских статуй и рельефов всех периодов, а ноги вставлены в пьедестал, чтобы поддерживать короткое, коренастое и тяжелое тело, что, по-видимому, было особенностью шумерского телосложения.

К сожалению, у нас почти нет полных фигур ранних шумерских женщин, однако маленькая каменная статуэтка на рис. [33](#) дает нам некоторое представление о внешнем виде и одежде женщин в ранней Вавилонии. Ее черты лица соответствуют обычному шумерскому типу, а длинные волосы завязаны лентой, которая опоясывает голову и собирает струящиеся локоны сзади.

Но три архаичные каменные головы (см. табл. [XXII](#)), обнаруженные в Телло, позволяют нам составить более полное представление об художественных способностях скульпторов той эпохи в отношении изображения человеческого лица и головы. Голова справа очень похожа на центральную, и обе демонстрируют более продвинутый стиль искусства, чем голова слева, которая, однако, является самой интересной из трех. Она была обнаружена на другой стороне Шатт-эль-Хай, канала, соединяющего Тигр с Евфратом; в отличие от других, орлиный нос сохранился в идеальном состоянии (), глаза, как обычно, большие и миндалевидные, и, несомненно, когда-то были инкрустированы ракушкой и окрашены, а губы выдают сдержанную улыбку; тип лица точно такой же, как на стеле с изображением стервятника, хотя детали, конечно, более точные, как и следовало ожидать от скульптуры в полном объеме.

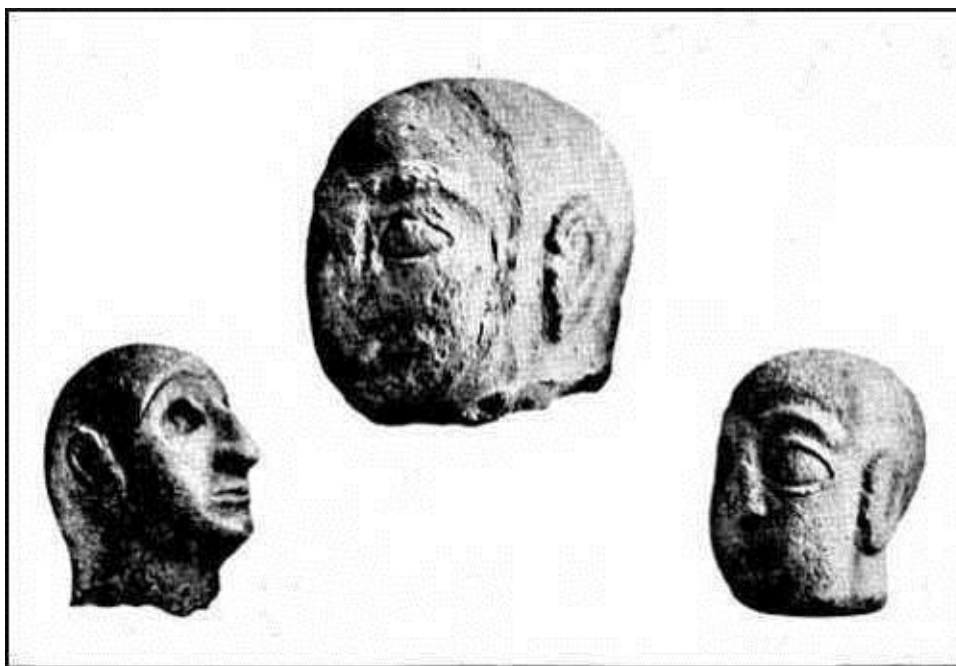

Фото. Манселл

Британский музей

ИЗВЕСТНЯКОВАЯ ФИГУРА РАННЕГО ШУМЕРА

ПЛАСТИНА XXIIb

Музей Лувр: Déc. en Chald., Pl. 6, 1-3

АРХАИЧНЫЕ ГОЛОВЫ ИЗ ИЗВЕСТНЯКА

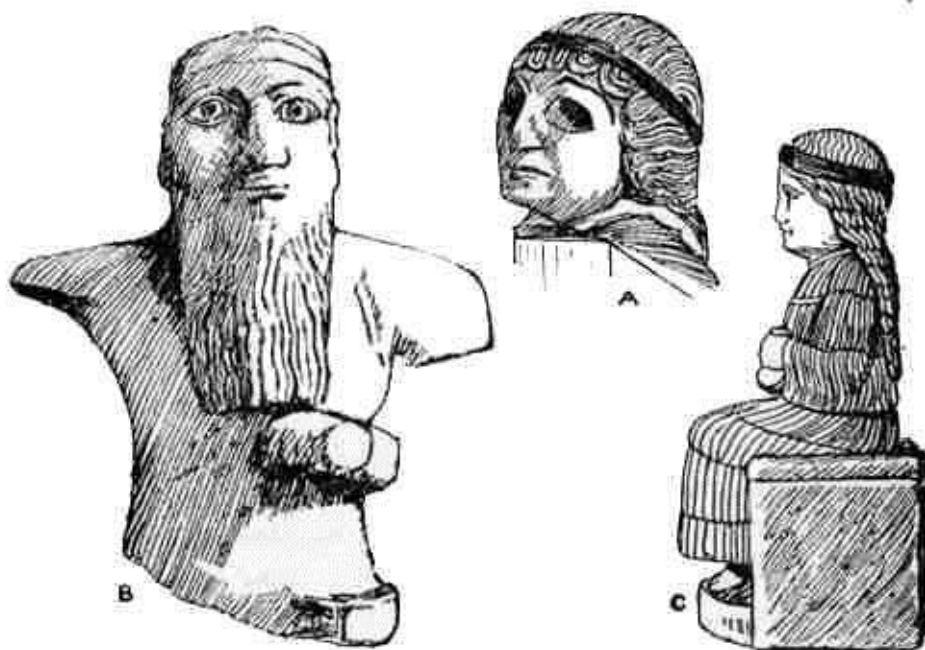

Рис. 34.— А. (Лувр, Кат., стр. 217; *Déc. en Chald.*, Pl. 6, Рис. 3.)

В. (*Comptes Rendus*, 1907, стр. 398; *Délég. en Perse Mém.*, X, Pl. 1.)

С. (Лувр, Cat., стр. 227; *Déc. en Chald.*, Pl. 8 (bis), 4.)

На рис. [34](#), А, мы видим алебастровую голову ранней шумерской женщины; лицо принадлежит к тому же типу, что и мужские головы на Pl. [XXII](#). Уши, столь заметные в случае гладко выбритых мужских голов, здесь полностью скрыты прядями волос, которые свисают густыми горизонтальными полосами над ее лбом, головой и шеей. Волосы удерживаются на месте с помощью закрепленной сзади повязки. Большие глазницы, вероятно, когда-то были инкрустированы, в случае женщины, как здесь, скорее всего, лазуритом. Брови выполнены в рельефе, а не вырезаны, как в других ранних шумерских скульптурах.

Другие ранние образцы вавилонской скульптуры можно найти в различных статуях Маништусу, обнаруженных в ходе раскопок, проводимых французской миссией в Сузах, одна из которых воспроизведена на рис. [34](#), В. Маништусу был семитским царем Киша и, вероятно, правил около 2700 г. до н.э.; поэтому показанная здесь статуя является одним из самых ранних известных на сегодняшний день примеров семитской скульптуры в круглом виде и, по мнению Де Моргана⁹⁸, является самым древним произведением искусства, обнаруженным на старых персидских раскопках. Даже в это раннее время мы видим следы семитского конвенционализма, столь распространенного в более позднюю ассирийскую эпоху. Квадратное лицо, большие глаза, прическа и длинная симметрично расположенная борода, которые мы здесь видим, являются характерными чертами ассирийских изображений царей и правителей. Зрачки глаз были черными и закреплены в глазницах с помощью битума, как это часто бывало в ранних скульптурах. Статуя выполнена из алебаstra, а надпись на обратной стороне написана архаичными линейными символами.

За этим периодом последовал период, в течение которого скульптурное искусство постепенно освоило имевшиеся в его распоряжении средства. Этот переходный период

хорошо иллюстрирует алебастровая статуэтка сидящей женщины из Амара-Насра (), воспроизведенная на рис. [34](#). С. Прогресс, который демонстрирует конфигурация ее лица по сравнению с архаичной головой на рис. [34](#). А, сразу бросается в глаза: стереотипные глаза стали менее выразительными и более естественными, губы — более женственными, а нос — менее заметным. Ее длинные волосы естественно и свободно ниспадают по спине, а голову окружает толстая повязка. Ее длинная одежда покрывает все тело от шеи до лодыжек, а в руках она держит круглую вазу, в которой, вероятно, находится возлияние для богов. Эта маленькая статуэтка имеет высоту чуть более семи дюймов.

Но только в середине третьего тысячелетия до нашей эры, то есть в эпоху Гудеа, патеси Лагаша, скульптура в круглом виде заняла видное место в художественной жизни народа, и только тогда скульптор, по-видимому, стал регулярно стремиться воспроизводить человеческие фигуры в почти натуральную величину, одновременно изготавливая их из самых твердых вулканических пород. На пластинке [XXIII](#). А, В представлены репродукции двух обезглавленных статуй, найденных Де Сарзекком в Телло. Восемь из этих статуй, некоторые из которых находятся в стоячем положении, а другие сидячем, несут надписи Гудеа, патеси Лагаша; на одной из двух оставшихся статуй высечено имя его предшественника, Ур-Бау. Большинство этих статуй меньше натуральной величины, но размеры по крайней мере одной из них значительно превышают размеры обычного человека. Представленная здесь статуя (табл. [XXIII](#). А) является самой художественно выверенной из всей серии; она обладает как изяществом, так и силой и практически не имеет следов конвенциональности, столь заметной в более поздних ассирийских скульптурах, причем ноги являются единственной неживой и действительно конвенциональной частью произведения. Руки сильные и мускулистые, но мышцы выполнены совершенно естественно и очень выгодно контрастируют с преувеличенными мышцами королевских статуй Ассирии. Руки сложены в знак покорности богине Нин-харсаг, которой, по-видимому, была посвящена эта статуя. Среди эпитетов, примененных к этой богине, есть «госпожа гор», «защитница города и мать его жителей» и, наконец, «мать богов». Эта статуя сделана из зеленого диорита и имеет высоту чуть более четырех футов.

На пластинке [XXIII](#). В мы видим еще одну статую Гудеа, на этот раз сидящую. Главная особенность этой статуи и ее сопутствующей статуи, обе из которых находятся в Лувре, заключается в плоской табличке, которую каждая из них держит на коленях. На одной из этих табличек выгравирован регулярный план зданий Гудеа, на котором изображены различные двери, зубчатые башни и т. д., а также плотницкий рулетка и стилус, которые аналогичным образом выгравированы на коленной табличке статуи, воспроизведенной здесь. Наиболее поразительной чертой самой скульптуры является смелость, с которой вырезаны обнаженные конечности, и нервная жизненная сила, которой они изобилуют. Это особенно заметно в обработке правой руки и плеча, которые остаются открытыми из-за расположения мантии. Картуш на плече содержит имя и титулы Гудеа. Длинная надпись ниже гласит, что эта статуя была посвящена богине Гатумдуг, которую называют «матерью Ширпурлы» (= Лагаш), а затем рассказывает о различных обрядах и церемониях, сопровождавших строительство храма этой богини. Эта статуя, как и стоящая на пластинке [XXIII](#). А, сделана из диорита. Было обнаружено несколько голов, принадлежащих этим статуям, одна из которых показана на илл. [XXIII](#). С. Голова, украшенная пестрым тюрбаном, снова примечательна своей силой и смелостью исполнения; глаза большие и широко раскрытые, что является заметной характеристикой всего месопотамского искусства, как раннего, так и позднего; брови тяжелые, подбородок твердый, а челюсти массивные, что придает лицу квадратную форму. Отсутствие надлежащих пропорций во всех этих ранних вавилонских скульптурах сразу бросается в глаза: все они имеют более или менее

приземистый вид, ширина всегда непропорционально велика по отношению к высоте, а голова слишком велика по отношению к телу, которое, в свою очередь, слишком тонкое сзади и спереди. Но если должным образом учесть все недостатки, присущие произведениям неопытного искусства (), то в самых грубых из этих ранних вавилонских скульптур можно заметить определенную верность природе и, следовательно, некоторую степень жизненности, что сразу же поднимает их на более высокий уровень, чем ассирийские статуи, которые они бессознательно породили. Акцентирование сильных линий и изгибов ранних скульптур в более поздних произведениях ассирийского периода привело лишь к преувеличению, и эффект неизбежно стал стереотипным и неестественным.

ПЛАСТИНА XXIII

А, В. Диоритовые статуи Гудеа, патеси Лагаша

С. Голова Гудеи из диорита

Д Верхняя часть диоритовой статуэтки женщины (период Гудеа)

Однако на пластинке [XXIII](#), Д мы видим верхнюю часть фигуры женщины из диорита, относящейся примерно к тому же периоду, что и Гудеа, которая в значительной степени утратила тяжелый и массивный вид, столь заметный в статуях патеси, и обладает как грацией, так и красотой. Платье будет рассмотрено в следующей главе, а здесь достаточно обратить внимание на необычайно естественный манер, с которым изображены складки одежды. В промежутке между эпохой, связанной с именем Гудеа, и эпохой, прославленной Ашур-насир-палом и ассирийскими царями, практика создания скульптур в полном объеме, по-видимому, в значительной степени вышла из употребления, если судить по крайней скудности сохранившихся материалов, и только со времен Ассирийской империи мы снова можем подробно изучать искусство скульптуры в Месопотамии.

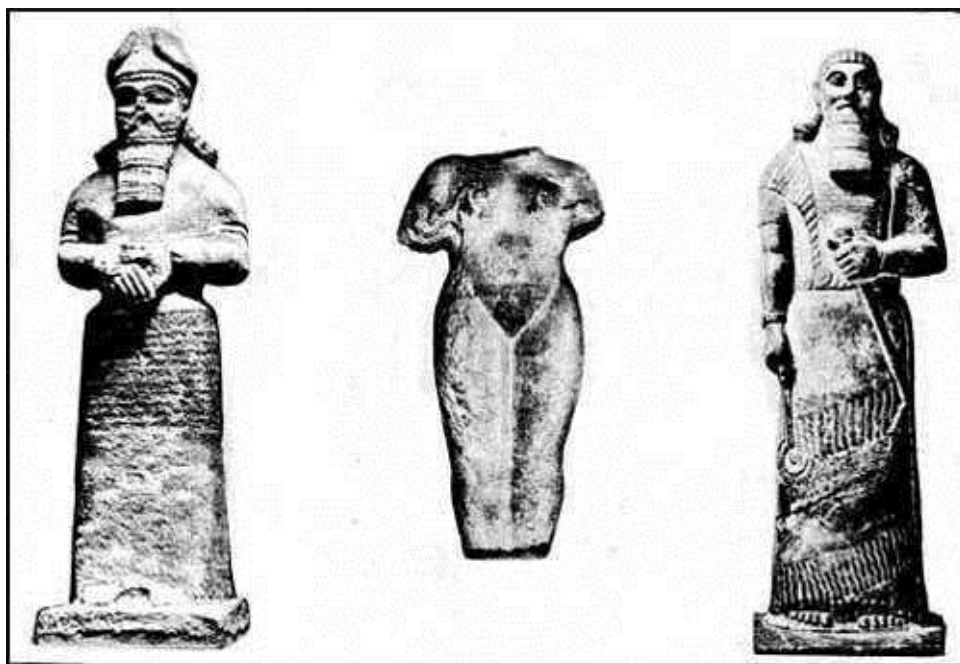
Один из самых ранних примеров ассирийской скульптуры в объемном исполнении воспроизведен на илл. [XXIV](#), В. Это торс женской фигуры, на спине которой находится надпись Ашур-бел-кала, царя Ассирии, чье правление можно отнести к первой половине XI века до н. э. Он был обнаружен в Куюнджике и в настоящее время находится в Британском музее. Размеры немного меньше натуральных, но, несмотря на то, что пропорции неверны, а тело между ногами и руками слишком короткое, эта скульптура, по сравнению с большинством попыток ассирийцев воспроизвести человеческие фигуры, сразу же поражает естественностью, с которой художник воплотил свое представление о женской красоте, и как таковая является совершенно уникальной в области ассирийской скульптуры.

Остатки другой очень ранней ассирийской скульптуры⁹⁹ были обнаружены в ходе немецких раскопок в Ашуре. К сожалению, голова, руки и ноги этой статуи отсутствуют, но небольшая часть головы, которая сохранилась, хотя и имеет обильные волосы, не показывает никаких следов сложных локонов более поздних дней, а борода представлена серией из двенадцати или более гофрированных прядей, что напоминает вавилонские статуи периода Хаммураби. Одежда состоит из облегающего платья из простого материала с тонкой текстурой и украшена бахромой.

Из ассирийских королевских статуй статуя Ашур-насир-пала (см. табл. [XXIV](#), С) является наиболее хорошо сохранившейся и наиболее удачной. Она изготовлена из твердого известняка и имеет высоту три фута четыре дюйма; она была найдена в разбитом состоянии вместе с известняковым пьедесталом, на котором когда-то стояла, и теперь стоит на том же оригинальном пьедестале в галерее Нимруд Британского музея. Общая высота статуи с пьедесталом составляет пять футов одиннадцать с половиной дюймов. К счастью, ни один из фрагментов фигуры не был утерян, и, следовательно, статую удалось восстановить настолько идеально, что она стала одной из лучших сохранившихся ассирийских статуй. Царь стоит там, воплощение бесстрастного достоинства и невозмутимого величия, и удивительно, насколько впечатляющим может быть иногда неподвижное. Возможно, было бы не совсем верно использовать такие слова, как «жизнь» или «одушевленность», пытаясь описать эту скульптуру, но она обладает чем-то даже более высоким, чем внешняя энергия и жизненная сила, она обладает силой, неопишуемым «запасом силы», который только усиливается отсутствием чего-либо похожего на агрессивную активность. Царь одет в

длинные и искусно сшитые одежды, которые доходят до его пальцев ног. Борода и волосы, обильные и густые, тщательно и аккуратно закручены. В правой руке король держит серповидный предмет, который, по-видимому, является скипетром, а в левой — булаву с кисточкой на нижнем конце. Левая рука скрыта складкой верхнего плаща, а правая обнажена, за исключением браслета на запястье. Тип лица имеет все признанные ассирийские черты: большие, широко раскрытые глаза, изогнутый нос и густые волосы, о которых мы только что упоминали. Пропорции довольно точные, хотя глубина или толщина тела от спины к груди, как обычно, недостаточно велика. На груди царя высечена надпись, текст которой, после указания имени и родословной Ашур-насир-пала, переходит к рассказу о триумфальных достижениях царя в расширении его владений на всю страну между рекой Тигр и Ливаном и заканчивается утверждением, что он подчинил себе все страны от восхода до заката солнца.

ПЛАСТИНА XXIV

СТАТУЯ НЕБО ТОРС ЖЕНЩИНЫ СТАТУЯ АШУР-НАСИР-ПАЛА

(Из Dieulafoy, «L'Art Antique de la Perse», т. 3. Пл. 12)

Рис. 35. — Салманасар II (Британский музей).

Сын и преемник Ашур-насир-пала, Салманасар II, оставил нам один из сравнительно немногих примеров ассирийской сидящей фигуры, высеченной в полном объеме (см. рис. [35](#)). Фигура без головы, представляющая самого Шалманасера II, выполнена из черного базальта и была обнаружена в Калат-Шеркате (Ашур). Надпись на троне, частично стертая, содержит имя и титулы царя, перечисляет его различные завоевания в Вавилонии, а также содержит упоминание о самой статуе. Интересно сравнить эту фигуру с сидящими и также обезглавленными фигурами Гудеа, созданными примерно на тысячелетие раньше (см. табл. [XXIII](#), В). Обе фигуры изготовлены из твердого вулканического камня, и одежда, в которую одеты эти восточные правители, доходит до лодыжек, хотя край юбки Салманасара украшен бахромой, а у Гудеа она совершенно простая. Обе фигуры сидят на простом троне, который очень часто встречается на цилиндрических печатях, но между двумя статуями есть некоторые поразительные различия. Шумерский Гудеа не имеет бороды, в то время как семитский царь Ассирии имеет длинную квадратную бороду, и руки Гудеа сложены в знак почтения на груди, в то время как руки Салманасара, по-видимому, легко лежат на коленях. Ноги, которые в обоих случаях опираются на плинтус, хорошо изображены на обеих фигурах, хотя преимущество явно на стороне более ранней вавилонской скульптуры.

Еще одним хорошим примером месопотамской скульптуры того времени являются две статуи бога Небо, обнаруженные Рассамом в руинах храма Адар в Нимруде, одна из которых воспроизведена на таблице [XXIV](#). А. Они были изготовлены неким правителем города Калах (Нимруд) и посвящены богу в надежде обеспечить долголетие Адад-нирари III, царю Ассирии в 812-783 гг. до н.э., царице Саммурамат и, между прочим, самому себе. Упоминание о Саммурамат интересно, поскольку она, как полагают, является прототипом Семирамиды, о которой писали позднее греческие и римские авторы. Бог одет в простое одеяние, затянутое на талии, руки остаются открытыми и свободными. У него есть усы и борода, последняя закручена и волнистая, как и длинные волосы на голове. Рогатый колпак богов служит ему естественным головным убором, а его запястья окружены браслетами с розетками, которые, по-видимому, нравились как царям, так и богам, а руки сложены на груди. Надпись, высеченная по всему периметру нижней части его одежды, в основном посвящена перечислению всех чудесных качеств и благородных поступков Небо и заканчивается призывом ко всем будущим поколениям доверять Небо, а не какому-либо другому богу.

Но ни вавилонские, ни ассирийские скульпторы не ограничивали свое внимание только людьми, как и художники, создававшие барельефы. Они также пытались воспроизводить животных, мифических или реальных, с разной степенью успеха. Животное, которое, по-видимому, более всего монополизировало их художественные способности в этом направлении, был лев. Мы уже видели важную роль, которую лев играл в геральдическом гербе Лагаша, в цветном украшении стен и в барельефах, украшавших интерьеры ассирийских дворцов, а также в украшении различных предметов, таких как головки булавок и каменные чаши, и поэтому мы не удивляемся, обнаруживая примеры льва, выполненного из твердого камня и обработанного в круглом виде. Ранние экземпляры в основном небольшие, и, как правило, сохранились только головы. Даты большинства этих голов неопределенны, так как, как правило, нет надписей, но, к счастью, есть некоторые исключения. Как и большинство ранних образцов шумерского искусства, почти все они происходят из Телло и были обнаружены М. Де Сарзекком. Один из наиболее хорошо сохранившихся экземпляров воспроизведен на рис. [36](#). А. Сохранилась только одна сторона головы льва, но этого достаточно, чтобы продемонстрировать успех, с которым шумерский скульптор подошел к своему предмету. Высокомерие и бесстрастное величие льва здесь воплощены более впечатляюще, чем в случае со львами многих европейских художников; несмотря на это, дух конвенционализма уже проник, как вор, хотя пока он дает о себе знать, так сказать, только на подоле одежды. Сама голова полностью не повреждена каким-либо разрушительным воздействием, но обработка гривы в некоторой степени стала жертвой силы привычки, которая, несмотря на распространенное выражение «вторая натура», на самом деле является настолько неестественной, насколько это только возможно в ее влиянии на искусство. Она сформирована в некоторой степени по образцу материала «каунакес», использовавшегося в изготовлении ранней шумерской одежды.

Рис. 36.—А (*Déc. en Chald.*, Plate 24, I); В, С (по Heuzey).

Остатки другого каменного льва с надписью Гудеа, из которой мы узнаем, что этот лев был частью украшения двери, через которую можно было попасть в святилище богини Гатумдуг, были найдены на том же месте. Этот лев¹⁰⁰ еще больше демонстрирует тонкое влияние условностей в манере изображения шерсти на нижней части живота — серии треугольников, которые часто встречаются на фигурах львов на цилиндрических печатях и представляют собой бахрому из длинных волос. Многие из львиных голов, обнаруженных в Телло, имели отверстия для вставки колышков и, вероятно, служили нижними опорами спинок тронов. Одна из этих львиных голов представляет особый интерес, так как на ней выгравировано имя Ур-Нина, основателя первой династии Лагаша,¹⁰¹ а на второй упоминается *Маган*, неопределенный район, откуда вавилоняне добывали камень. Еще одна ранняя скульптура животного, представляющая значительный интерес, была обнаружена капитаном Кросом в Телло в 1904 году (см. рис. 36. В). Она изображает лежащую собаку — по-видимому, породы мастиф, идентичную по виду тем, что изображены на барельефах Ашшурбанипала: длина собаки составляет всего около четырех дюймов, высота — чуть менее трех с половиной дюймов, а толщина — два дюйма, но интерес к ней заключается в том, что на ней есть надпись о некоем Суму-илу, царе Ура, который, вероятно, правил в конце третьего тысячелетия до нашей эры, но о котором мало что известно и чье имя даже не было известно до обнаружения этой маленькой черной каменной собаки. Материал, из которого изготовлена эта скульптура, — стеатит, а в спине собаки проделано отверстие, которое служило подставкой для цилиндрической стеатитовой вазы. Отверстие и ваза, по-видимому, более позднего происхождения, чем сама собака.¹⁰²

Еще одним очень интересным примером ранней вавилонской скульптуры в круглом виде является небольшой бык с человеческой головой¹⁰³ (ср. рис. 36, С), который в настоящее время хранится в Лувре. Он является, так сказать, архетипом или прототипом тех крылатых быков и львов с человеческими головами, которые размещались у входов во дворцы для

защиты от злых демонов. Поза быка совершенно естественна и напоминает полулежащих телят на серебряной вазе Энтемены (см. рис. [45](#)), но тело животного лишено интенсивного реализма более ранних изображений животных. Он носит длинную бороду с вертикальными полосками, по бокам которой расположены косы, а на голове у него шапка с четырьмя парами рогов.

В центре его спины есть отверстие, которое, несомненно, когда-то служило гнездом для какого-то votивных предмета или фигурки, как это часто бывало; но особый интерес этой маленькой скульптуры заключается в инкрустации ракушкой на спине. Сама фигура сделана из черного стеатита, инкрустация состоит из желтой ракушки, в результате чего мы получаем несколько гротескного быка. Иногда животных вырезали из дерева, хорошим примером чего является маленький деревянный лев в Лувре, но остатки вавилонской или ассирийской резьбы по дереву слишком скудны, чтобы мы могли предпринять исследование их работ в этом направлении.

ПЛАСТИНА XXV

Фотографии, Манселл

Британский музей

КРЫЛАТЫЙ ЛЕВ С ГОЛОВОЙ ЧЕЛОВЕКА КРЫЛАТЫЙ БЫК С ГОЛОВОЙ ЧЕЛОВЕКА

В более поздние времена скульптура в круглом виде, которая никогда не была популярна среди художников Месопотамии из-за очевидной сложности добычи необходимого материала, во-первых, и, во-вторых, из-за характера самой работы и препятствий, которые приходилось преодолевать при ее реализации, почти полностью вышла из моды. Тем не менее, осталось несколько примеров скульптурных изображений животных, которые следует рассмотреть, и среди них первыми и главными являются колоссальные крылатые быки и львы с человеческими головами, которые охраняли входы во дворцы Ашур-наси-р-пала и Саргона (см. табл. [XXV](#)). Правда, они не являются ни барельефами, ни круглыми скульптурами, а представляют собой сочетание того и другого, благодаря чему художник стремился создать совершенно естественный и полный эффект с любой точки зрения, и его усилия увенчались заслуженным успехом. Средством, которое он использовал для достижения этого удовлетворительного результата, было добавление пятой ноги каждому

из этих необычных чудовищ, хотя не все крылатые чудовища были снабжены такой ногой, главными исключениями были четырехногие быки во дворце Сеннахериба в Куюнджике (). Трудность, с которой столкнулся художник и которая была преодолена с помощью вышеупомянутого приёма, заключалась в неспособности четырёх ног естественных пропорций поддерживать каменное тело гигантских размеров, требуемых архитектурными требованиями, для которых эти существа были предназначены. Короче говоря, создание чистой круглой скульптуры льва или быка желаемого огромного размера было буквально невозможно, и поэтому пришлось прибегнуть к рельефу, причем вопрос заключался лишь в том, насколько низким или высоким должен быть рельеф, и чем выше он был, тем больше, конечно, приближался к круглому и реализовывал то, что, по-видимому, было истинным намерением художника. Создание удовлетворительного вида этих животных спереди не представляло никакой трудности, поскольку необходимо было только видеть две передние ноги, а недостаток в виде пространства между ногами, занятого массивной каменной массой, которая поддерживала животное и из которой оно было высечено в высоком рельефе, был сравнительно незначительным и пренебрежимым. Но удовлетворительное изображение животного сбоку было сопряжено с гораздо большими трудностями. Обычно две ближайшие ноги четвероногого животного, рассматриваемые сбоку, ни в коем случае не исключают из поля зрения две ноги на противоположной стороне. Художник явно осознавал трудность, с которой он столкнулся, и придумал изобретательный способ, по сути единственный в данных обстоятельствах, чтобы преодолеть эту неотъемлемую трудность. Он снабдил льва или быка, в зависимости от случая, пятой ногой, что дало удовлетворительный результат: при взгляде с любой точки зрения действие или бездействие животного воспринимается совершенно естественно. Спереди крылатое чудовище выглядит неподвижным, его две передние ноги твердо стоят на земле, а сбоку, напротив, животное идет совершенно нормально и естественно. Эти крылатые чудовища были размещены по обеим сторонам входа в королевский дворец и помогали поддерживать стены дворца. Но цель, которой они должны были служить, и обязанности, которые они должны были выполнять, не были чисто архитектурными или даже декоративными. Их предназначение, хотя и включало в себя все эти второстепенные функции, предполагало выполнение еще более высоких обязанностей, поскольку они были призваны отгонять атаки злобных духов из подземного мира. Эсархаддон, царь Ассирии в 681-668 гг. до н.э., конкретно указывает, для какой цели были созданы и изготовлены эти «шеди» или «ламасси» — ассирийские названия этих полумифических чудовищ, например, в одном отрывке — цитируя перевод, данный Перро и Чипие (с. 266)—Эсархаддон говорит, что «шеди и ламасси благоприятны, они являются стражами моей королевской прогулки и радостью моего сердца, пусть они всегда охраняют дворец и никогда не покидают его стены», а в другом отрывке он говорит: «Я велел сделать двери из кипариса, который имеет приятный запах, и украсил их золотом и серебром и установил в дверных проемах. Справа и слева от этих дверных проемов я велел установить *шеди* и *ламасси* из камня, они размещены там, чтобы отгонять злых». Передние части этих чудовищ всегда выступали за пределы общей линии стены (), человеческая голова и грудь в любом случае находились снаружи арки, которую поддерживали эти животные.

Фото. Мэнселл

Британский музей

КАМЕННЫЙ ЛЕВ АШУР-НАСИР-ПАЛА

Иногда крылатое чудовище с человеческой головой окружено мифическим существом с крыльями, держащим корзину в левой руке и конус в правой (см. Плита [XXV](#)), а иногда оно стоит в одиночестве, окруженное славой. Голова принадлежит к знакомому типу, которому так строго соответствует половина ассирийских изображений мужчин, характеризующихся бородой, а другой тип — безбородыми: все члены королевской семьи и знати, по-видимому, носили бороды и, по мнению ассирийских скульпторов, имели точно такие же черты лица, а многочисленные безбородые фигуры, изображенные на барельефах, представляли более скромные классы и, без сомнения, в некоторых случаях евнухов. Голова этого крылатого колосса увенчана высоким головным убором, богато украшенным розетками и снабженным двумя парами рогов, вечным знаком священности. Волосы и борода пышны и тщательно уложены, а хвост обработан с такой же тщательностью. Два огромных крыла покрывают спину, простирая свою защиту далеко за ее пределы. Рельеф, в котором тело и, в частности, ноги приподняты, очень высокий, и они выделяются почти в полном объеме. Многие из этих гигантских каменных животных были найдены в Нимруде, Хорсабаде, столице Саргона, и Ниневии.

Но хотя ассирийцы проявляют явное предпочтение мифическим чудовищам в своих крупных скульптурных произведениях в круглой или полукруглой форме, они продемонстрировали способность воображать и восхитительно воплощать животных обычного вида; одним из лучших примеров ассирийского резного животного является колоссальный лев Ашур-насир-пала (ср. табл. [XXVI](#)), который сейчас находится в Британском музее и когда-то был частью входа в здание. Этот лев имеет высоту около восьми футов и длину тринадцать футов, и несет надпись, как и многие крылатые быки и львы с человеческими головами. Лев также имеет пять ног, как и многие из последних. Голова вырезана с большой смелостью и энергией, хотя и немного условно. Челюсти вытянуты,

верхняя губа и ноздри приподняты, и даже человек без воображения может вообразить, что слышит глубокий рык, исходящий из этого свирепого, широко раскрытого рта. Его шея покрыта густой гривой и воротником из жестких волос. Чтобы получить лучший вид на скульптуру, то есть вид, при котором зритель сможет в полной мере, или даже с избытком, оценить мастерство художника, необходимо наблюдать сбоку. Вид спереди разочаровывает, так как лев слишком худой для своей длины и высоты и, следовательно, не только не обладает художественной ценностью, но и лишен того величественного достоинства, символом которого он всегда был. Но, несмотря на эти очевидные недостатки, произведение в целом вызывает восхищение и неизбежно привлекает внимание, поскольку обладает «единственной необходимой вещью» — жизнью. Сравнение головы льва с головой любого из крылатых чудовищ с человеческой головой сразу же демонстрирует то, о чем так часто упоминалось, — гениальность, которую ассирийцы во все времена и во все периоды проявляли в изображении животных, и контрастную трудоемкость, которой неизменно отличаются все их изображения человеческих лиц. Но есть по крайней мере одно общее замечание, которое можно справедливо сделать об ассирийской скульптуре, замечание, применимое как к скульптурам людей, так и к скульптурам животных, а именно, что независимо от того, является ли предмет естественным или мифическим, человеческим или животным, произведение художника никогда не лишается силы и никогда не теряет впечатляющего характера, качества, которое в наши дни обычно бросается в глаза своим отсутствием. Другие интересные скульптуры животных были найдены в Нижней Месопотамии, самая известная из которых — огромный черный базальтовый лев на холме Каср в Вавилоне (см. табл. [XXVII](#)). Он представляет собой льва, возвышающегося над лежащим на земле обнаженным человеком, вся скульптура выполнена из базальта. Остатки другого каменного льва больших размеров были обнаружены в ходе недавних немецких раскопок в Вавилоне; было найдено тридцать фрагментов долерита, из которого он был изготовлен, включая часть одного из когтей, длиной более трех дюймов, что доказывает, что лев должен был быть ненормальных размеров, в то время как его общая форма и внешний вид, по-видимому, указывают на его большой возраст.

ПЛАСТИНА XXVII

ЛЕВ КАСРА

(Из Dieulafoy, «L'Art Antique de la Perse», т. 3. Ил. 13)

Для нас действительно хорошо, что эстетический гений вавилонян и ассирийцев нашел свое выражение в прочном камне, а не в каком-либо другом, более скоропортящемся материале ; ведь сложности, связанные со скульптурой, действительно достаточно велики, и мы обязаны благодарностью за упорство и решимость этих древних народов, которые привели их к покорению и формированию для воплощения своих идей материала, от которого менее решительная и менее упорная нация, возможно, побоялась бы взяться.

ГЛАВА VII — МЕТАЛЛУРГИЯ

В искусстве обработки металлов вавилоняне продемонстрировали немалую степень мастерства: уже были приведены свидетельства того, как металл вносил свой вклад в совершенствование работы архитектора, а также его использования в качестве материала, на котором писец мог выгравировать свои сравнительно неразрушаемые памятники, но остается рассмотреть ту роль, которую он сыграл в истории искусства страны, а также в развитии ее цивилизации. Металлы, которые, по-видимому, наиболее широко использовались жителями Месопотамии, — это медь и бронза. Как и в любой другой стране, до того как металл стал известен и использоваться в долине Евфрата, камень применялся в качестве материала для изготовления ножей, топоров и всевозможных орудий труда. Различные кремни были найдены Тейлором в Абу-Шахрейне (Эриду).¹⁰⁴ В Фаре (Шуруппаке) немецкие археологи также обнаружили многочисленные кремневые ножи и пилы, а также несколько топоров и инструментов, изготовленных из того же материала, а на том же месте были найдены инструменты из кости. Но медный век начался в очень ранний период истории вавилонской цивилизации, до появления клинописи, и в то время, когда даже ранние пиктографические знаки еще не были ограничены стереотипным формализмом более поздних дней, медь уже была адаптирована к потребностям и требованиям человечества.¹⁰⁵

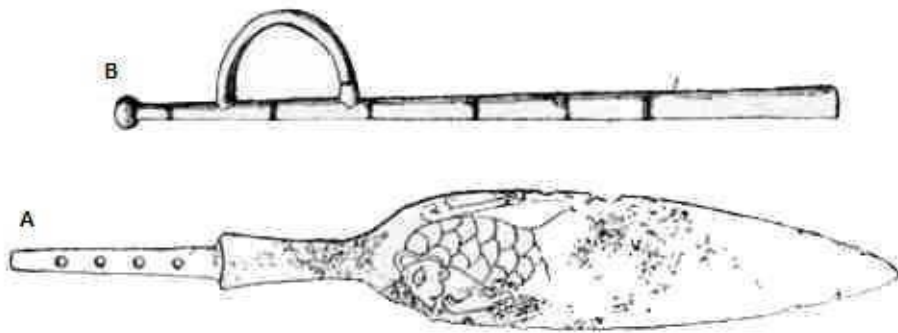

Рис. 37.—А (Кат., стр. 367; *Déc. en Chald.*, Pl. 5 tert. Musée du Louvre.)
В (Heuzey, *Une Villa Royale*, рис. 19.)

В Уре (Мукейер) Тейлор обнаружил большое медноголовное копье и два наконечника стрел, изготовленных из того же металла, а в ранних слоях в Телло М. Де Сарзек обнаружил медный клинок длиной около тридцати одного с половиной дюйма, принадлежавший вотивному копью; к сожалению, имя короля, посвятившего его, утрачено из-за окисления металла, но титул «король Киша» все еще четко разборчив, а Киш является одним из древнейших мест евфратской цивилизации (ср. рис. 37. А). В рукояти клинка проделаны четыре отверстия, а на одной из плоских поверхностей самого клинка выгравирована фигура льва, довольно грубоватая, но энергичная. Этот уникальный предмет был найден на большой глубине, всего в шести дюймах над слоем, в котором были погребены архитектурные остатки Ур-Нины. Недалеко от этого места Де Сарзек обнаружил огромную полую трубу из кованой меди (см. рис. 37. В) длиной более десяти футов и диаметром четыре дюйма; также было найдено несколько медных гвоздей, с помощью которых эта длинная труба была прикреплена к деревянному столбу. Сама труба сужается кверху, а ее верхняя часть увенчана полый шайбой из затвердевшего битума, чуть ниже которой находится большая полукруглая ручка, или то, что представляется ручкой, состоящая из полый трубки и также изготовленная из меди. Назначение этого странного предмета

неизвестно, но он точно воспроизведен на некоторых ранних цилиндрических печатях, а также на известной вазе Гудеи. Было высказано множество предположений относительно его назначения (); одна из теорий гласит, что это шест для колесницы (), другая — что это часть штанги, но первая теория исключается из-за положения, которое он занимает на печатях и на вышеупомянутой вазе. Вторая теория, однако, может быть близка к истине.

Среди самых ранних образцов вавилонской металлургии можно упомянуть ряд очень маленьких медных изображений животных в приседающей позе, и все они, по-видимому, принадлежат к домашним животным, хотя в некоторых случаях они настолько покрыты патиной, что трудно точно определить, каких животных они должны изображать. Вероятно, их следует рассматривать как жертвоприношения богам, фактически являющиеся экономичной заменой реальных жертв. Они были найдены Де Сарзеком в самых нижних и, следовательно, самых ранних слоях разрушенных курганов Телло. Другой класс металлических предметов, которым мы также должны присвоить дату, более раннюю, чем время Ур-Нины, основателя первой династии Лагаша, включает в себя ряд медных статуэток, все очень похожих по форме, контурам и стилю, хотя и не по размеру. Все они изображают бюст женщины с руками, скрещенными на груди, и волосами, свисающими по шее, как тяжелый парик, причем волнистость волос обозначена ярко выраженными горизонтальными линиями (см. рисунок [38](#), С). Стиль сразу же напоминает фигуры на грубых барельефах того же периода. Еще одной особенностью этих маленьких фигурок является то, что все они заканчиваются острым концом, с помощью которого их закрепляли в земле, чтобы удержать демонов из подземного мира.

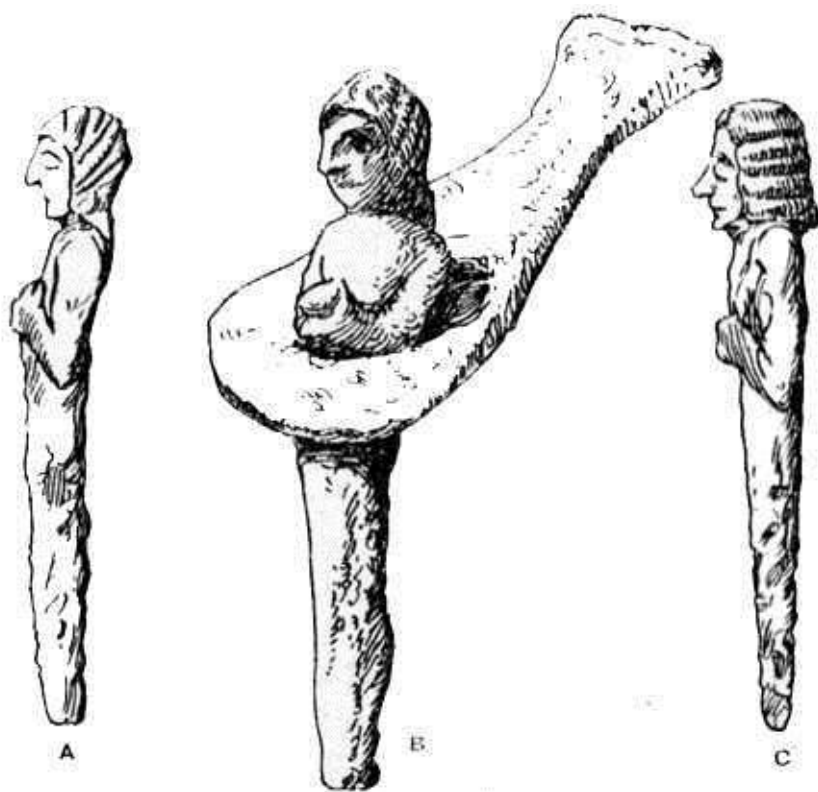

Рис. 38.—А, С (см. Кат., стр. 295). Музей Лувр.
В (см. *Déc. en Chald.*, Pl. 2 tert., No. 3).

Также Ур-Нина широко использовал медь в качестве материала для своих votивных статуэток. Ряд таких статуэток был найден в Телло Де Сарзек; все они имеют практически те же характеристики, что и более ранние фигурки, упомянутые выше, и изображают женщину, руки которой скрещены на груди, а волосы свисают по спине в виде четко очерченных перпендикулярных прядей (), в то время как тело заканчивается гвоздем, предназначенным для вбивания в землю (ср. рис. [38](#), А). Но главная особенность, отличающая статуэтки Ур-Нины от статуэток более раннего периода, заключается в дополнительной роли, которую они должны были выполнять: они были не только защитными амулетами, но и должны были нести на головах каменные таблички. Чтобы им было легче нести свою ношу, они были закреплены в виде плоского кольца, конец которого был сделан в виде птичьего хвоста, что облегчало голову в ее иначе тяжелой задаче (см. рис. [38](#), В). Пять из этих маленьких фигурок до сих пор несли на головах толстую табличку из сероватого камня, выпуклую на верхней стороне, похожую на кирпичи того же самого царя. Обычно их находили похороненными в углублениях шириной, длиной и высотой около двадцати восьми дюймов, обложенных кирпичами и битумом. Позже в династии практика снабжать эти статуэтки кольцами в виде птичьих хвостов, помогающими поддерживать каменную табличку с надписью, по-видимому, вышла из употребления; во всяком случае, статуэтки Энтемены, четвертого преемника Ур-Нины, не имеют таких колец; алебастровые таблички просто просверлены отверстиями, в которые прочно вставлялась голова статуэтки.

Другой класс медных статуэток, несколько более позднего периода, составляют так называемые «канефоры» или носильщики корзин. Самые старые из них также происходят из Телло: иногда это мужские, иногда женские фигуры, но все они несут корзины на головах. Одна из них показана на рис. [39](#), В. В этом случае одежда устроена таким образом, что видны ноги. Надпись сообщает нам, что эта статуэтка была посвящена Гудеей Нин-гирсу. О предполагаемом содержимом корзин невозможно говорить с уверенностью: возможно, они должны были содержать подношения, но Де Сарзек рассматривал эти фигуры как изображения самого патеси, несущего в священной корзине глину для строительства храма.

Указания, данные богом Нин-гирсу Гудеа во сне относительно строительства его храма, имеют прямое отношение к символическому действию, которое, безусловно, имеет близкое сходство с тем, чем, по-видимому, занимаются эти фигуры канефоров. Гудеа был преподнесен священный кирпич на подушке, который, после выполнения различных обрядов и церемоний, он поместил на свою голову и отнес в храм — внешний и видимый знак его послушания божественной воле и его решимости восстановить уважаемый веками храм своего бога. Но каким бы ни было правильное толкование этих фигур канефоров, они, безусловно, напоминают задачу, которой занимается Ур-Нина на знаменитом барельефе, где он изображен в окружении своей семьи и двора (см. рис. [26](#)).

Другая фигура того же типа, также воспроизведенная в монументальном труде Хезье и Де Сарсека « », имеет надпись о Дунги, царе Ура (около 2400 г. до н. э.), но нижние конечности вместо того, чтобы быть вылепленными, имеют форму конуса; другая статуэтка, изображенная на той же таблице «[106](#) », напротив, очень тщательно вылеплена и одета в короткую одежду до колен, но, к сожалению, не имеет надписи.

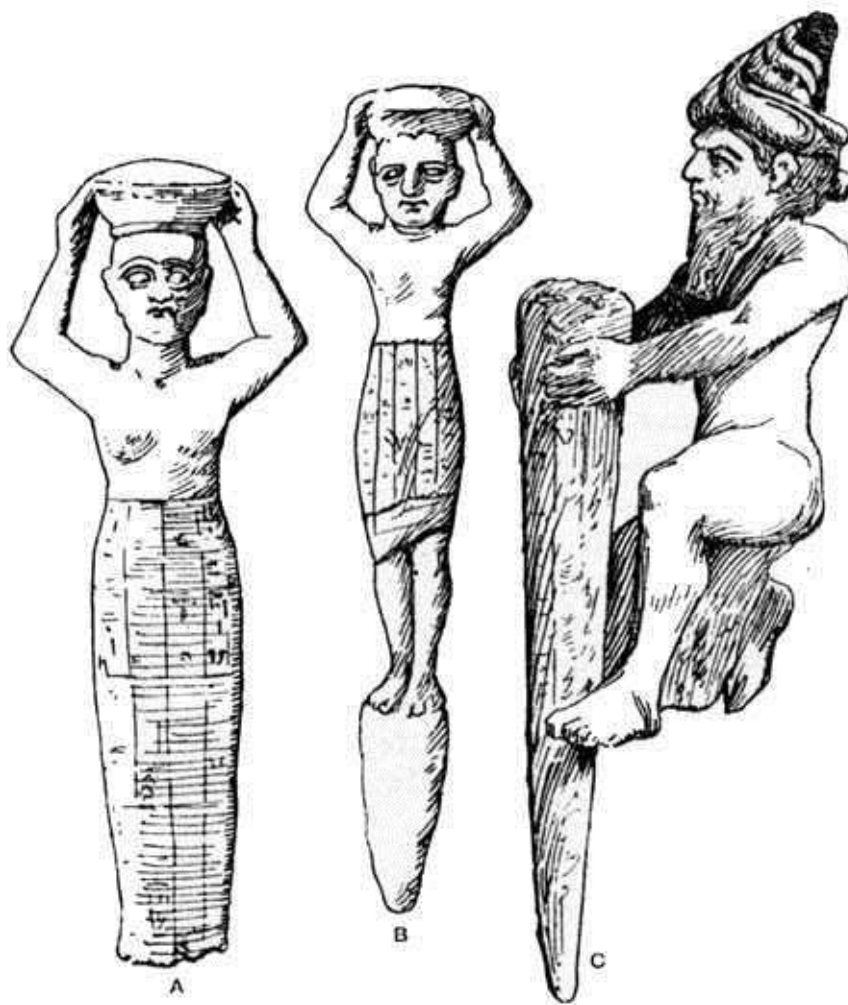

Рис. 39.—А, В, С (см. Кат., стр. 315, 307, 301; № 164, 158, 146).
Музей Лувр.

Спустя несколько веков эламские завоеватели Кудур-Мабуг и его сын Рим-Син, которые установили свое господство над всем Шумером, Аккадом и , сохраняли свою власть до тех пор, пока Хаммураби, тогдашний царь Вавилона, не победил Рим-Сина на тридцать первом году своего правления, и не велел высечь их имена на подобных статуэтках (ср. рис. [39](#), А).

Здесь воспроизведена фигура женщины; ее одежда, похожая на юбку, не позволяет увидеть ноги, сужается к низу и напоминает более ранние статуэтки с заостренными ногтями. Обнаженность груди и отсутствие волос на голове указывают на то, что эта женщина была рабыней, и ее призванием, вероятно, было помогать в строительстве храмов богов. По стилю эта фигура выполнена более смело, чем более ранняя статуэтка Гудеа, показанная на рис. [39](#), В. На ней есть надпись, в которой упоминаются Кудур-Мабуг и его сын Рим-Син.

Иногда встречаются мужские канефоры, хороший пример которых хранится в Британском музее; он, как и многие другие ранние произведения искусства, происходит из Телло. Еще один прекрасный экземпляр был подарен несколько лет назад Берлинскому музею; его высота составляет чуть более десяти дюймов, и на нем есть очень четкая шумерская надпись; в ней упоминаются имена Кудур-Мабуга и Рим-Сина, и статуэтка была посвящена «сохранению жизни», как это всегда было с такими вотивными фигурками.

Еще один интересный класс медных фигурок был обнаружен Де Сарзекком в Телло: он состоял из ряда небольших статуэток, большинство из которых были посвящены патеси Гудеа; каждая из них находится в положении на коленях и держит конус в руках, а головной убор состоит из рогатой шапки, характерной для всех месопотамских божеств, как ранних, так и поздних. Эти маленькие фигурки имеют высоту около восьми или девяти дюймов. На конусах выгравирована votивная надпись, и сами конусы, вероятно, следует рассматривать как религиозные символы. Конусы из глины или камня, относящиеся к этому периоду, достаточно распространены, однако их наличие в медных и в непосредственном контакте со статуей человека является очень редким. Простой длинный медный конус длиной 1 фут 1,5 дюйма с архаичной надписью в настоящее время хранится в Британском музее, однако это исключение, поскольку металлические конусы, которые редко встречаются в вавилонском искусстве, почти во всех случаях ассоциируются с человеческими или квазибожественными фигурами.

Одним из лучших и также самых ранних примеров таких медных конусообразных статуэток является статуэтка Ур-бау (около 2500 г. до н. э.), патеси Лагаша, которая в настоящее время хранится в Лувре и воспроизведена на рисунке 39, С. Эта фигурка была найдена в глиняной вазе, на дне которой были просверлены три отверстия, и сопровождалась тонкой белой мраморной табличкой, надпись на которой является своего рода резюме текста, найденного на статуе этого патеси. Бог стоит на одном колене, а его руки крепко удерживают удлинённый конус, который напоминает заостренные концы ранних фигур. Головной убор представляет собой рогатую шапку. Черты лица полны выразительности и силы, несмотря на их тяжеловесность, и статуэтка в целом демонстрирует большой прогресс по сравнению с художественными произведениями времен первой династии Лагаша, а также очень выгодно отличается от более поздних работ времен Гудеа.

Среди других интересных ранних медных предметов можно особо отметить две головы быков, которые, в отличие от всех упомянутых до сих пор фигур, отлиты не сплошным способом, а полым, а также любопытную вазу, все эти предметы были найдены вместе в Телло, в слое, расположенном непосредственно над слоем, относящимся к эпохе Ур-Нины.¹⁰⁷ Головы быков (см. рис. 40, А) практически идентичны по типу, хотя и не по размеру; рога у них длинные, а морда короткая, но, несмотря на свою грубость, эти головы полны жизненной силы и обладают своим особым шармом. У более крупной из двух, показанной на рис. 40, А, глаза инкрустированы перламутром, а зрачки сделаны из лазурита (); ее высота составляет около семи с половиной дюймов (включая рога), а высота меньшей головы — всего пять с половиной дюймов.

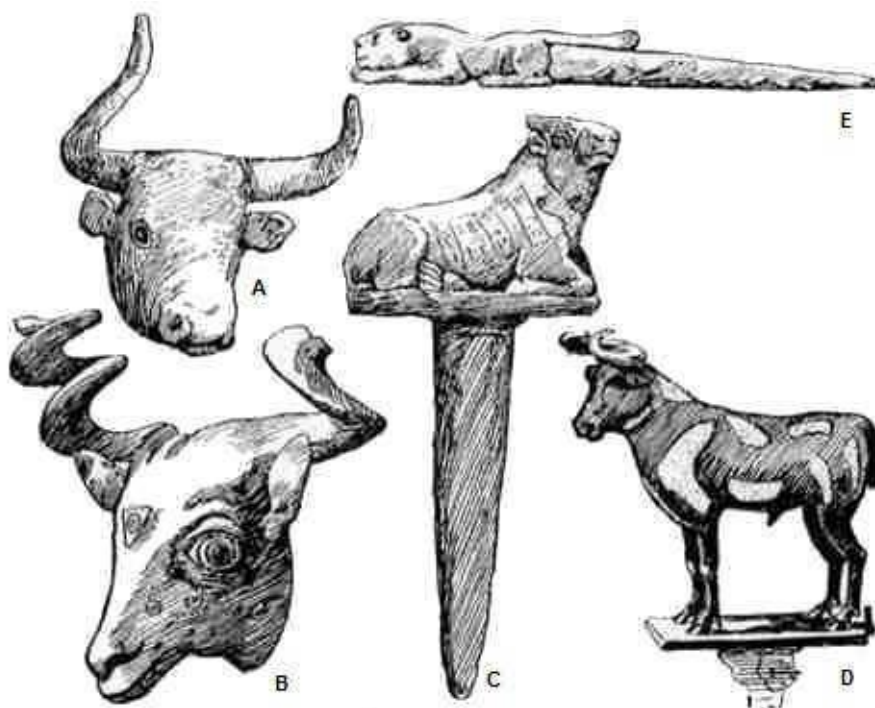

Рис. 40.—А, С, D (Музей Лувр) Кат., стр. 318, 310, 324.
 В (из Hilprecht, *Explorations*, стр. 540).
 Е (из Harper, A. J. S. L., XX, стр. 266).

В Фаре была обнаружена изящная голова козла Мархура (см. рис. [40](#), В); сама голова сделана из меди, но глаза были сделаны из ракушки, белки глаз были представлены белой ракушкой, а зрачки — темно-коричневой. Между глазами находится треугольный орнамент из перламутра, инкрустированный белыми и коричневыми ракушками. Шея газели полая, а голова была прикреплена к деревянному телу, покрытому медью.

Еще одно интересное изображение животного мира в металле было завещано нам Дунги, царем Ура, и представляет собой быка, лежащего на вершине длинного гвоздя (см. рис. [40](#), С). Бык напоминает жертвенное животное, изображенное на маленьком скульптурном блоке, воспроизведенном на рис. [27](#). Рога у него такие же короткие, как и там, но толстая шея и вздутое горло сразу же создают впечатление ревущего быка, поза удивительно естественна, а вся работа полна энергии и оживления. Ее высота составляет около двадцати шести дюймов.

На рис. [40](#), D¹⁰⁸ мы видим изображение другого маленького металлического быка, в данном случае из бронзы, что указывает на несколько более позднюю дату, и в стоячем положении. Место его находки неизвестно, но, как говорит М. Хезей, он не имеет никаких следов жесткого ассирийского конвенционализма, а напротив, обладает всеми характеристиками, присущими раннему вавилонскому искусству. Бык, высотой двенадцать дюймов и длиной тринадцать дюймов, стоит на узком пьедестале, в нижней части которого, по-видимому, был закреплен гвоздь, напоминающий статуэтки с гвоздями из Телло. Особый интерес этой маленькой фигурки заключается в том, что она инкрустирована серебром, цель чего явно заключалась в том, чтобы изобразить отметины определенной породы быков. Глаза когда-то были инкрустированы этим металлом, а тонкие пластинки серебра, которыми было инкрустировано тело животного, все еще находятся на месте. Таким образом, эта маленькая фигурка доказывает, что вавилоняне овладели искусством инкрустации не только предметов из камня, но и предметов из металла.

Среди других ранних вавилонских изображений животных из металла можно упомянуть «бронзовый предмет с головой льва» (см. рис. [40](#), Е), обнаруженный в Бисмае.¹⁰⁹ Сам шип, не считая льва, имеет длину девятнадцать дюймов. Поскольку он был найден на глубине более восьми футов под платформой из плоско-выпуклых кирпичей, его древность должна быть очень велика, и в свете последующих исследований можно предположить, что он бронзовый только по внешнему виду, как и многие другие изделия ранней шумерской металлургии, а любой сплав, который может быть в меди, на сегодняшний день является случайным, а не намеренным. Лев выполнен грубо, но неопытность художника () не помешала ему создать животное, естественное в своей позе и, следовательно, художественное по своему эффекту.

В Ниппуре, Фаре, Телль-Сифре и других вавилонских памятниках были обнаружены различные другие предметы и оружие из меди, в том числе молотки, ножи, кинжалы, топоры, кандалы, зеркала, рыболовные крючки, грузила для сетей, наконечники копий, вазы, блюда и котлы, причем оружие иногда имело заклепки для деревянных рукояток, которые давно погибли.¹¹⁰

Формы, в которых были отлиты все эти медные предметы, как полые, так и сплошные, вероятно, были сделаны из глины, хотя в более поздние времена для изготовления форм для литья металла часто использовался камень, и различные образцы таких форм, изготовленных из стеатита, в которых отливались серьги и другие ювелирные изделия, в настоящее время хранятся в Британском музее, в то время как в тот же поздний период, по-видимому, использовалась сама бронза, и бронзовые формы для наконечников стрел сохранились до наших дней. Однако нет никаких свидетельств использования каменных или металлических форм среди шумеров, и именно их использованию глиняных форм мы, без сомнения, должны приписать по крайней мере частично, необычайную живость, которую демонстрируют эти ранние вавилонские фигуры, поскольку, очевидно, изготовление головы быка или человека из глины было бы сравнительно легкой работой по сравнению с высечением ее из камня, и, следовательно, эта работа не требовала бы той тяжелой кропотливой работы, которая так часто является отличительной чертой ранних каменных скульптур. Медные остатки этой эпохи далеко не так многочисленны, как хотелось бы, но многие оружия, инструменты и другие предметы, которые, несомненно, были изготовлены из металла, а значит, вероятно, из меди в то время, изображены на некоторых из самых ранних вавилонских рельефах и печатях и дают нам некоторое представление о широком использовании металла вавилонянами в этот далекий период и о многочисленных целях, для которых они его использовали. Иногда кажется, что вместо того, чтобы изготавливать необходимые предметы с помощью форм, они полагались исключительно на молоток: доказательством этого стало обнаружение части рога быка Де Сарзеком в Телло. К сожалению, никаких других частей животного, к которому принадлежал этот рог, обнаружено не было, но рог был натуральной величины и хорошо сделан. Сердцевина состояла из дерева, на которое мелкими гвоздями были прикреплены медные пластины.

Точное время, когда месопотамцы освоили и начали практиковать искусство добавления определенного процента олова в медь, тем самым превращая ее в бронзу — металл, обладающий большей прочностью, чем медь, — неизвестно, но судя по данным, полученным в результате химического анализа, можно предположить, что искусственное соединение меди и олова было неизвестно до ассирийской эпохи, и что любой процент олова или сурьмы, обнаруженный в медных предметах более раннего периода, является естественным, а не искусственным сплавом. Однако стоит отметить, что, по-видимому, еще во времена Бур-Сина, царя Ура (около 2400 г. до н. э.), искусство смешивания металлов было известно. Во всяком случае, медная статуэтка ордена Канефорос, на которой есть надпись этого царя,

содержит сплав свинца, процентное содержание которого достигает восемнадцати процентов. Но с подъемом Ассирийской империи бронза постепенно вытеснила медь; медь, конечно, все еще использовалась, и, например, Эсархаддон сообщает нам, что он сделал двери одного из дворцов, которые он построил для себя, из кипарисового дерева, а затем покрыл их серебром и медью ; она также использовалась для второстепенных целей, например, для изготовления краски,¹¹¹ но перестала занимать важное место в жизни людей, хотя, конечно, как основной компонент искусственно составленной бронзы, она по-прежнему широко использовалась, хотя и менее заметным образом.

Хороший пример использования бронзы в ранний ассирийский период можно найти в кривой сабле (см. рис. 41, А) с надписью Адад-нирари I, царя Ассирии около 1325 г. до н.э. Общая длина меча составляет чуть более 21 дюйма, длина клинка — 16 дюймов, а рукояти — около 5 дюймов, а его ширина варьируется от чуть более 1 дюйма до чуть менее 2 дюймов. Меч, очевидно, был церемониальным и, возможно, когда-то находился в руке статуи бога; его рукоять, по-видимому, была украшена драгоценными камнями и инкрустирована слоновой костью (¹¹²) и напоминает рукоять, найденную Макалистером в Гезере в Южной Палестине. Интересно сравнить ятаган Адад-нирари с мечом, найденным Андре в Ашуре (см. рис. 41, В), от которого он полностью отличается по характеру и дизайну, поскольку последний является совершенно прямым. Еще одной интересной находкой Андре на том же месте является бронзовый топор (см. рис. 41, С), который выглядит довольно современно и напоминает ледоруб с короткой рукояткой.

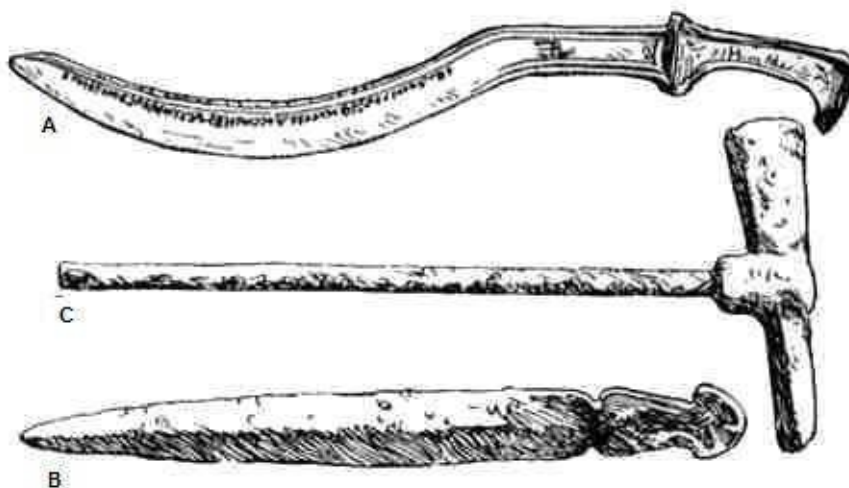

Рис. 41.—А (см. *T. S. B. A.*, т. IV, табл. 2, с. 347).
В (см. Андре, *Der Anu-Adad Tempel*, стр. 53).

Фото. Манселл

Британский музей

БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ НИМРУДА

Многие другие оружия, орудия труда, блюда, чаши и бронзовые кольца с изображением льва () были обнаружены в Ниневии, Нимруде и других местах. На таблице [XXVIII](#) мы видим бронзовую коровью копытце, которая, по-видимому, составляла ножку трона, а также две другие бронзовые детали трона. Ниже представлены два бронзовых гири в виде льва из Нимруда. На многих из этих гирь выгравированы клинописные надписи с именами царей, при которых они были изготовлены, например, Тиглат-Пилесер, Салманасар IV и Сеннахериб, а их вес указан на финикийском языке. Возможно, они были изготовлены финикийскими иммигрантами. Удельный вес, необходимый для каждого груза, обычно достигался путем отсечения кусков от основания, но в одном случае удельный вес нужно было увеличить, а не уменьшить, и это было сделано путем заполнения полого тела льва свинцом до тех пор, пока он не достиг необходимого веса. Непосредственно над головой большего из двух львов, представленных здесь, мы видим бронзовую голову вавилонского демона.

Ассирийская бронза обычно содержит одну часть олова на десять частей меди, но в случае бронзовых колоколов, найденных Лейардом в Нимруде (один из которых воспроизведен на таблице [XXVIII](#)), анализ показал, что процентное содержание олова составляло около четырнадцати. Это, несомненно, делалось для того, чтобы их звон был более резонансным. Размеры этих колоколов варьируются: самый большой имеет высоту около трех с четвертью дюймов и диаметр два с четвертью дюйма ([113](#)), а самый маленький — высоту один с три четверти дюйма и диаметр один с четвертью дюйма. Язычки этих колоколов сделаны из железа.

Но бронзовые блюда из Нимруда демонстрируют, пожалуй, высочайшее мастерство ассирийских граверов по металлу и предоставляют больше материала для изучения этой отрасли ассирийской металлургии, чем любой другой класс предметов. Общий стиль украшения, которому они соответствуют, определяется концентрическими кругами, разделяющими верхнюю поверхность блюда на несколько регистров, хотя иногда почти вся поверхность занята одной сценой. Изображенные фигуры часто демонстрируют очень сильное египетское влияние, а иногда и вовсе являются полностью египетскими по своему дизайну.

На таблице [XXIX](#) мы видим репродукцию одного из наиболее хорошо сохранившихся бронзовых блюд, найденных Лейардом в Нимруде. Грифоны, занимающие главное место в

схеме украшения, полностью египетские по концепции, при этом на головах у них надета знакомая двойная корона Верхнего и Нижнего Египта. Левая передняя копыто каждого грифона почти по-родительски опирается на голову ребенка, который также явно египетский. Перед, между и за грифонами можно увидеть сужающиеся колонны, которые часто встречаются в египетской архитектуре, а в центре пространства, отделяющего спину одного грифона от спины ближайшего животного в соседней группе, находится более массивная колонна, капитель которой имеет форму крылатого скарабея. Все животные выбиты в рельефе, но тонко выгравированные круги из цветочков, которые составляют единственное украшение центра, являются работой гравера.

ПЛАСТИНА XXIX

Фото. Манселл

Британский музей

БРОНЗОВАЯ ЧАША ИЗ НИМРУДА

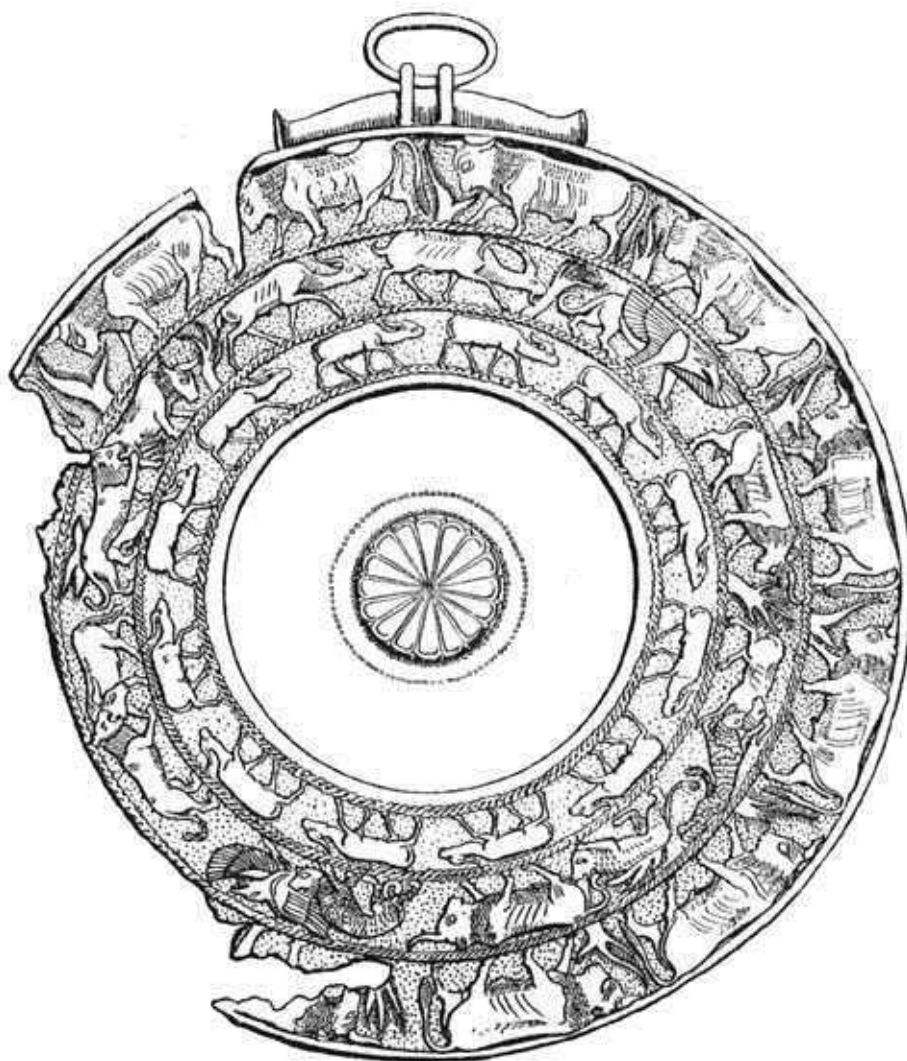

Рис. 42. (По Ляярду.)

На рис. [42](#), с другой стороны, мы видим блюдо, также изготовленное из бронзы и найденное на том же месте, что и описанное выше, но оно не имеет ни малейших следов египетского влияния. Мотив часто используется в Месопотамии; украшение круглых предметов последовательными цепочками животных, следующих друг за другом по кругу, не было изобретением ассирийцев, поскольку его можно проследить до самых ранних шумерских времен. Он встречается на знаменитой серебряной вазе Энтемены (см. рис. [45](#)), а также на каменной головке булавы Месилима (см. рис. [26](#)), которая украшена группой удивительно реалистичных львов, преследующих друг друга по кругу. В самом внутреннем круге колонна газелей, которые часто изображаются на цилиндрических печатях (см. рис. [51](#)), движется в строю; средний ряд образует цирк для различных животных, которые все движутся в том же направлении, что и газели. За быком, крылатым грифоном, козерогом и газелью следуют два быка, на которых нападают львы, а также грифон, бык и газель, на которых нападают леопарды. В самой внешней зоне изображена величественная процессия реалистично выполненных быков, идущих в противоположном направлении по сравнению с животными, шествующими в двух внутренних кругах, что сглаживает агрессивную монотонность украшений. Дополнительный интерес представляет сохранившаяся ручка, за которую блюдо держали или подвешивали. К сожалению, на этих блюдах нет клинописных надписей, хотя на некоторых из них на обратной стороне есть надписи, написанные финикийскими

буквами, что, вероятно, указывает на то, что они были изготовлены финикийскими художниками, если только они не были изготовлены в самой Финикии. Как уже было сказано, некоторые из рассматриваемых блюд явно принадлежат к ассирийскому искусству и концепции, в то время как другие, несомненно, являются египетскими, но, несмотря на это, есть доказательства того, что те, которые свидетельствуют о наибольшем египетском влиянии, не были созданы в Египте и, вероятно, не являются работой египетских художников. Например, одна из этих тарелок украшена кругом картушей с египетскими иероглифами, но иероглифы расположены совершенно беспорядочно, они ничего не означают, и уже один этот факт позволяет предположить, что художник, кем бы он ни был, был не египтянином, а плагиатором.

Разнообразные и отчетливые стили искусства, которым соответствуют украшения этих различных блюд, снова наглядно иллюстрируются в резных изделиях из слоновой кости, которые были обнаружены на том же месте и в том же дворце.

Как уже было сказано, гравировка была не единственным способом, которым ассирийцы использовали металл в художественных и изобразительных целях; они также научились превосходно работать с металлом в технике репуссе, при которой фигуры выбиваются в рельефе на обратной стороне, хотя иногда они дорабатываются резцом на лицевой стороне. Бронзовые дверные кольца, обнаруженные Рассамом в Балавате, являются самым большим и важным памятником этой отрасли ассирийской металлургии. Балават расположен примерно в пятнадцати милях к юго-востоку от Ниневии, и на этом месте Рассам обнаружил остатки четырех пар больших распашных дверей. У двух пар этих дверей сохранилась кедровая обшивка, но от двух других остались только бронзовые накладки, которые были прибиты к дверям в декоративных целях. Эти накладки были изготовлены и прикреплены к деревянным дверям Салманасаром II, царем Ассирии с 860 по 825 год до нашей эры. Самая большая из этих дверей была почти двадцать два фута в высоту, шесть футов в ширину и три дюйма в толщину. Каждая из этих дверей была прикреплена к закругленному столбу, диаметр которого составлял около восемнадцати дюймов, а основание было покрыто бронзой, чтобы облегчить его вращение в каменном гнезде ворот, которое было предназначено для удержания его и прикрепленной двери.

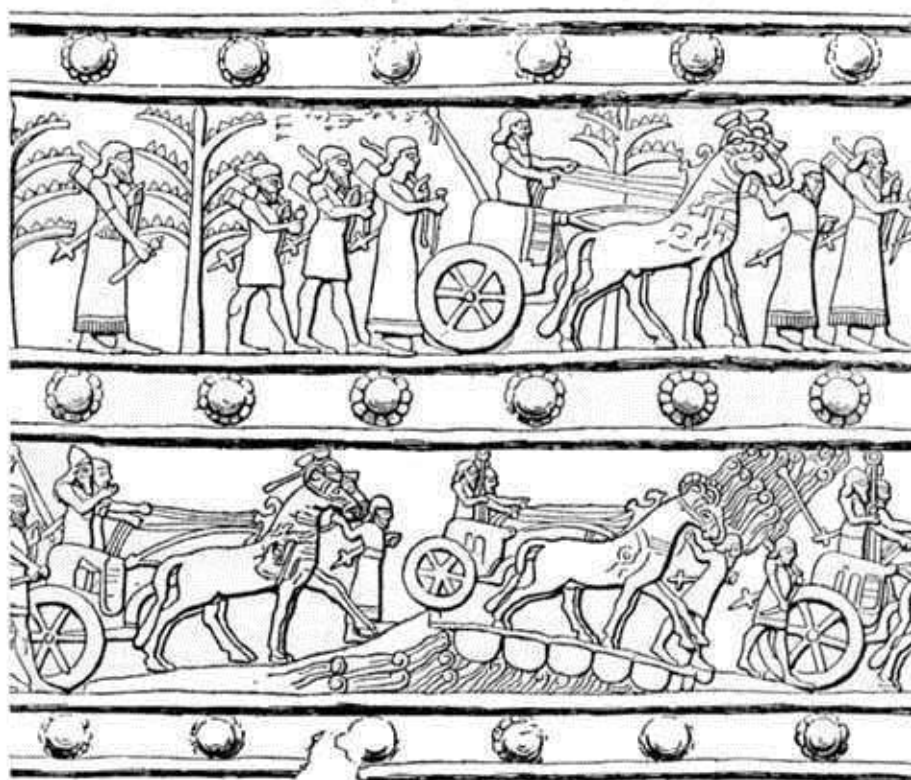

Рис. 43. Бронзовая дверная перекладина из Балавата. (Британский музей.)

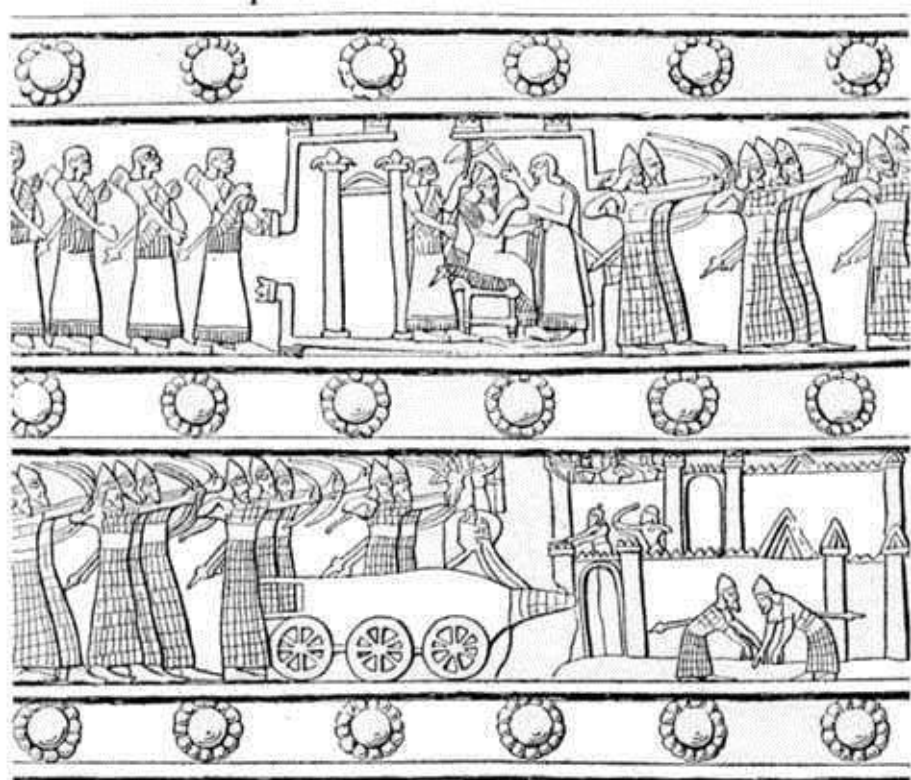

Рис. 44. Бронзовая накладка на ворота из Балавата. (Британский музей.)

На рис. [43](#) мы видим репродукцию части одной из этих планок. В верхней части изображена процессия пеших воинов, вооруженных булавами, мечами, луками и колчанами, а также колесничий, сопровождающие короля, идущего впереди; в нижней части видно несколько колесниц, пересекающих реку по мосту из лодок. Все изображение выбито в рельефе по методу « » на обратной стороне, за исключением тонких линий, изображающих убранство лошадей или украшения одежды. Странно, но вожжи лошадей колесниц на этих воротах иногда выбиты рельефом методом репуссе, а иногда, напротив, вырезаны. Вверху и внизу каждого регистра в качестве декоративного аксессуара добавлена строка повсеместных розеток, а гвозди, которые крепили металлические полосы к деревянной конструкции, пронзали розетки. На рис. [44](#) мы видим еще одну сцену, на которой изображен захват некоего города под названием Дабигу. Центр верхнего регистра занимает изображение ассирийского лагеря, в котором король сидит перед королевским павильоном в сопровождении двух евнухов, а за лагерем находится еще одна группа евнухов, а справа от регистра — отряд лучников. Ниже ярко изображен штурм города Дабигу () «с помощью штурмовых машин, пехоты, мин и проломов» ([114](#)). Сам город, по-видимому, имеет внешнюю и внутреннюю стены, обе из которых, как обычно, имеют зубчатый верх. Внешняя стена имеет арочные ворота слева, а внутри города есть различные конические объекты, напоминающие куполообразные и конические крыши, показанные на рис. 9. Три лучника защищают внутреннюю стену города, в то время как только один лучник и другой воин остаются на своих постах на внешней стене, нижняя часть которой, по-видимому, быстро поддается непреодолимой атаке тарана. Таран имеет шесть колес и, по-видимому, несет на себе своего рода платформу, на которой стоят несколько ассирийских солдат и с которой они выпускают свои меткие стрелы; позади них находится отряд лучников, активно участвующих в сражении, хотя и изображенных очень пассивно, как это всегда бывает в ассирийских изображениях людей.[115](#)

В ходе недавних раскопок, проведенных Немецким восточным обществом в Ашуре, были обнаружены бронзовые пластины для облицовки и украшения дверей, точно такие же, как те, что были найдены Рассамом в Балавате.

Но бронза нашла свое естественное применение в повседневной жизни и стала первоклассным материалом для изготовления ножей, инструментов, мечей и всевозможных орудий труда; многие из них были обнаружены Лейардом и другими археологами, а бесчисленные копья, мечи, щиты и стрелы, изображенные на ассирийских барельефах, несомненно, были изготовлены из этого металла. Она также использовалась для изготовления личных украшений, таких как кольца и браслеты. Бронза аналогичным образом использовалась в Вавилонии во время династии Неовавилонских царей () и применялась как в строительстве, так и для других целей; пороги иногда изготавливались из бронзы, и одна такая бронзовая ступень с надписью Навуходоносора II (см. выше, стр. [131](#)) хранится в Британском музее. Интересно отметить обнаружение французскими археологами в Сузах аналогичных бронзовых порога, особенно с учетом тесных отношений, которые существовали между двумя странами и народами на протяжении всей их истории, хотя, к сожалению, в Месопотамии в настоящее время не найдено ничего, что могло бы сравниться с бронзовой статуей в натуральную величину Напир-асу, жены Унташ-гала, царя Элама около 1600 г. до н. э. Небольшая бронзовая пластина с рельефным изображением четырехкрылого демона юго-западных ветров была обнаружена Лейардом и в настоящее время хранится в Британском музее (№ 86262), а статуэтка того же живописного существа, изготовленная из того же материала, теперь украшает галереи Лувра. Данный демон имеет весьма сложный характер, как и многие вавилонские и ассирийские гении. Его тело напоминает тело собаки, руки заканчиваются естественными или неестественными

львиными когтями, голова представляет собой карикатуру на человеческий скелет, увенчанный рогами козла, хвост — скорпиона, а спина защищена четырьмя огромными крыльями, которые в развернутом положении образуют мрачный и подходящий фон для всего образа. Но этот демон, каким бы отвратительным он ни был, был создан для явно благотворных целей и использовался в качестве талисмана. Возможно, с первого взгляда и не догадаешься, что этот увлекательный персонаж на самом деле является воплощением юго-западного ветра, но, к счастью, на его спине есть надпись, которая снимает все сомнения по этому поводу. Он был предназначен для подвешивания на дверь или окно дома, чтобы отпугивать злых духов или духов с сомнительными намерениями. Фигура неестественна в своей концепции, но она мрачно реалистична и полна жизни, если не похожа на живую, и в некоторых отношениях напоминает отвратительных плетеных и покрытых перьями богов войны гавайцев.

Золото не находили так часто, как хотелось бы, в ходе раскопок в Вавилоне и Ассирии; несомненно, отчасти это связано с грабежами охотников за добычей, но, тем не менее, это указывает на то, что оно использовалось только в исключительных целях, как и в наши дни. Оно регулярно использовалось в коммерческих сделках; хороший пример его использования в этом контексте дает табличка, относящаяся к касситскому периоду, текст которой можно найти в томе XIV (40) публикации Университета Пенсильвании.¹¹⁶ Женщина соглашается усыновить девочку, заботиться о ней при жизни, а после смерти приносить воспоминания воды для упокоения ее души, и в качестве вознаграждения она получает сумму в семь шекелей золота. Одним из самых ранних золотых изделий, обнаруженных в Вавилонии, является узкая полоска с надписью имени Нарам-Сина из Агаде, о которой мы уже упоминали (см. стр. [103](#)).

Но золото также использовалось в декоративных целях; например, в Абу-Шахрейне (Эриду) Тейлор обнаружил различные фрагменты золота на основании второго этажа зиккурата — по-видимому, остатки украшений святилища, которые, несомненно, венчали башню; на том же месте были найдены гвозди с золотыми головками и фрагменты сусального золота. В ходе недавних раскопок в Ашуре было обнаружено изображение молнии из золота длиной около полутора футов, которое, несомненно, когда-то находилось в руке статуи Адада, бога бури, в натуральную величину. Рукоятка была сделана из дерева, но покрыта тонкой оболочкой из чистого золота. Трехзубый конец, от которого остались только два зуба, был приварен к этой оболочке. Вес всего изделия составляет около 290 гранов, 250 из которых приходится на вес золота. В Вавилоне, самом известном из всех городов долины Евфрата, золото использовалось с большой щедростью. Еще в первой династии Вавилона оно использовалось в служении богам, и Суму-ла-илу, второй царь этой династии, построил трон из золота и серебра для великого господина Мардука,¹¹⁷ в то время как статуи самих богов часто изготавливались полностью или частично из чистого золота; так, например, Набу-аплу-иддина, царь Вавилона *около 870 г. до н.э., рассказывает, что он тщательно подготовил изображение Шамаша, бога Солнца, из чистого золота и лазурита*, в то время как знаменитая статуя Мардука Вавилонского, по-видимому, также была сделана из чистого золота 870 г. до н.э., рассказывает нам, что он тщательно подготовил изображение Шамаша, бога Солнца, из чистого золота и лазурита, а знаменитая статуя Мардука из Вавилона, по-видимому, также была сделана из чистого золота.

Храм Э-сагил, воздвигнутый в Вавилоне в честь этого же бога, был покрыт золотом, серебром и драгоценными камнями Ашур-бани-палом,¹¹⁸ царем Ассирии с 668 по 626 год до н.э. Еще позже Навуходоносор внес свой вклад в великое дело восстановления; он построил великолепную комнату под названием Экуа, стены которой были сделаны из чистого золота, а кедровую крышу он также покрыл тем же драгоценным металлом, при этом он

аналогичным образом украсил золотом кедровую крышу святилища Набу. Золото также использовалось для личных украшений; в кургане Амран в Вавилоне, который представляет собой место всемирно известного Э-сагила, на платформе из кирпичей с именем Навуходоносора, и, следовательно, возможно, относящейся к его времени, была найдена золотая серьга, а в том же районе была найдена золотая тарелка с надписью « », а в вавилонской и ассирийской литературе постоянно упоминаются золотые кольца.

В Вавилонии было найдено много золотых масок, сережек, ожерелий и других ювелирных изделий, но в большинстве случаев их датировка остается неопределенной, и единственное, что можно сказать с уверенностью, — это то, что они относительно позднего периода: вероятно, их можно отнести к сасанидскому периоду, и, следовательно, их рассмотрение выходит за рамки настоящего тома.

Серебро также использовалось в тех же целях, что и золото. Самый прекрасный и в то же время самый ранний образец вавилонского ювелирного искусства был завещан нам

Энтеменой (Рис. 45.—(См. Кат., стр. 372; *Déc. en Chald.*, Pl. 43.) (Музей Лувр.) Энтемена, одного из самых известных правителей первой династии Лагаша, и имеет форму великолепной серебряной вазы. Эта знаменитая ваза (ср. рис. [45](#)) имеет высоту около 28 дюймов и стоит на медном основании высотой 7 дюймов, а ее максимальный диаметр составляет 18 дюймов. Медное основание поддерживается четырьмя ножками, напоминающими лапы львов, а в центре вазы, чуть выше двух из этих ножек, выгравирован орел с львиной головой и распростертыми крыльями, чьи два когтя крепко сжимают спины двух львов, обращенных в противоположные стороны. Этот мотив часто встречается в произведениях искусства, относящихся к периоду первой династии Лагаша, и представляет собой геральдический герб этого древнего города. Над двумя другими ножками основания мотив немного изменен: два льва заменены в одном случае на двух оленей, а в другом — на двух коз. Каждый лев впивается зубами в пасть оленя или козы из соседней группы, образуя таким образом непрерывную цепь, прекрасно подходящую для украшения круглой вазы. Львиноголовые орлы и их покорные животные отделены от верхней и нижней частей вазы двойной линией в виде рыбьей кости; на верхней части вазы изображены семь телок, все обращенных в одну сторону и находящихся в полулежачем положении, с одной передней ногой, приподнятой в готовности встать; эти телки удивительно реалистичны и естественны, и мы уже видим в них предшественниц тех шедевров ассирийского искусства,

которые украшали стены дворца Ашшурбанипала. Эта сцена из сельской жизни была, очевидно, очень популярна в этот период, она встречается на маленьком скульптурном блоке, показанном на рис. [27](#), а также в других местах. Однако успех в воспроизведении животного мира в эту эпоху, по-видимому, в значительной степени зависел от того, что художник воздерживался от попыток изобразить животных в анфас; когда он стремился к последнему, результат был удивительно стереотипным и формальным, и сравнение между орлами с львиными головами и львами, с одной стороны, и этими энергичными телками, с другой, сразу же показывает контраст, а также причину этого контраста. Сам художник, очевидно, осознавал свою неудачу, поскольку он стремился, но, надо признать, без особого успеха, придать жизнь своим львам и орлам с львиными головами, проработав крылья одних и гриву других с помощью совершенно чрезмерного внимания к деталям. Надпись вокруг шеи сообщает нам, что эта ваза была посвящена Энтеменой, четвертым преемником Ур-Нины, богу Нин-гирсу в его храме Эннину, во время священства некоего Дуду, чье имя также встречается на маленьком скульптурном блоке (ср. рис. [27](#)), что доказывает современность, о которой мы могли бы сделать вывод независимо, исходя из стиля искусства, которому соответствуют украшения на обоих предметах.

Но серебро иногда играло второстепенную, хотя с художественной точки зрения важную роль в украшении металлических фигур: хорошим примером последнего является бронзовая фигура быка, о которой уже упоминалось (см. рис. [40](#), D).

Не совсем ясно, откуда они получали серебро; в письме Лу-энны к Энитарзи, правителю, который, по-видимому, процветал вскоре после первой династии Лагаша, серебро упоминается как часть добычи, взятой из Элама, а в более поздние времена оно было одним из основных предметов дани, взимаемой ассирийскими царями с их вассальных князей, и как таковое часто упоминается на Черном обелиске Салманасара II. Раскопки принесли очень мало находок из этого материала, что, вероятно, опять же объясняется грабительскими набегами охотников за добычей. Из более мелких предметов, относящихся к ассирийскому периоду, можно упомянуть серебряный колокольчик с бронзовым язычком, серебряное кольцо с гранатом и серебряный браслет, все из которых хранятся в Британском музее, но, к сожалению, даты их создания совершенно неопределенны. Однако о том, что он широко использовался, свидетельствует не только важное место, которое он занимает в дани, приносимой подчиненными племенами и народами, но и упоминания об этом металле в царских надписях. Так, Эсархаддон сообщает нам, что он покрыл двери одного из своих дворцов этим драгоценным металлом. Идолы также иногда изготавливались из серебра, а также из золота, и Тиглат-Пилесер I упоминает об обоих этих видах в одной из своих надписей.¹¹⁹

Мы уже имели возможность подробно рассмотреть два из так называемых «неблагородных металлов» в связи с той важной ролью, которую они играли в цивилизации вавилонян и ассирийцев, но у нас есть как материальные, так и лингвистические свидетельства того, что они знали и использовали и другие металлы, помимо золота, серебра, меди и бронзы. Было показано, что свинец иногда использовался в качестве сплава, но иногда и в чистом виде; очень интересный пример его использования в последнем случае можно найти в гнезде для ворот, которое сейчас хранится в Британском музее. Само гнездо сделано из бронзы, но установлено в твердом свинце. Дата создания этого уникального предмета неизвестна, но, вероятно, его можно отнести к ассирийской эпохе. В ходе раскопок пока было найдено лишь несколько свинцовых предметов, хотя свинец часто упоминается как часть дани подчиненных народов, и мы знаем, что он использовался в производстве красок, а также

помещался внутри полых гирь в форме львов, найденных в Нимруде, для придания им необходимой плотности. В Египте свинец, по-видимому, был известен и использовался в очень ранний период, судя по маленькой статуэтке в Британском музее, которая, по-видимому, датируется примерно временем Первой династии и, как говорят, сделана из цельного свинца.

Железо было впервые известно вавилонянам в виде метеоритов, поскольку его название AN-BAR означает «камень с небес». Упоминания о предметах, изготовленных из этого металла, очень часто встречаются в надписях ассирийских царей. Например, Тиглат-Пилесер I упоминает некое железное копье, а Салманасар II — острие железного кинжала, а последний царь и Ададнирари III упоминают железо как часть дани, которую они получали от своих вассальных царей. Столетие спустя Тиглат-Пилесер III записывает, что он надел железные цепи на некоего Закуриу и его последователей, а еще через сто лет Ашшурбанипал упоминает железный кинжал, покрытый золотом.¹²⁰

Плейс нашел в Хорсабаде несколько железных топориков, ножей и других орудий, а Лейард обнаружил в северо-западном дворце Нимруда браслет, замок, несколько наконечников копий, два серпа, кольца и скобы, топорики, наконечники стрел, кольца и часть шлема, все из железа. Немецкие археологи обнаружили в Вавилоне интересный образец восточного кузнечного искусства в виде железного прута, красиво украшенного серией полированных орнаментов, который, возможно, был частью королевского трона. Наконец, многие из упомянутых выше ассирийских бронзовых колоколов () имеют язычки, изготовленные из железа.

По-видимому, железо не было известно или, во всяком случае, не использовалось в Месопотамии так же рано, как в Египте. Свидетельством его использования в ранний династический период послужило открытие Масперо этого металла в пирамиде пятой династии в 1882 году, а Петри обнаружил кусок обработанного железа в отложениях шестой династии, а в 1837 году железо было обнаружено в Великой пирамиде в Гизе.

Достаточно будет сказать, что металл играл важную роль в истории как вавилонян, так и ассирийцев; он не только использовался в качестве средства обмена в торговле, но и приспособлялся к бесчисленным потребностям человечества; из этого гибкого и в то же время прочного материала легко изготавливались орудия труда, оружие, вазы, личные украшения, а художественный гений населения Месопотамии, который нашел свое наиболее совершенное выражение в скульптурных барельефах раннего и позднего периода, полностью зависел отковки металлических инструментов и орудий труда для этих целей.

ГЛАВА VIII — ЖИВОПИСЬ

«Р «ЖИВОПИСЬ» в современном понимании этого слова была искусством, которым жители Месопотамии никогда не занимались: как и все восточные народы, вавилоняне и ассирийцы любили яркие цвета и удовлетворяли свою любовь к ним различными способами, но, как правило, не пытались точно изображать объекты природы с помощью кисти и одних только цветов, а цвета, которые они использовали на своих скульптурных рельефах, штукатурке стен или эмалированных кирпичах, очень часто были совершенно невозможны с натуралистической точки зрения. Так, лев ярко-желтого оттенка (см. [фронтиспис](#)), самый распространенный из всех изображений в Вавилонии, не имеет никакого соответствия в реальной жизни; эффект приятный, он привлекает взгляд, пробуждает чувство восхищения у зрителя, но это связано с общей веселостью самих цветов, а не с их верностью природе.

Сам лев не выдерживает сравнения с вавилонским львом, изображенным на рис. [46](#). Действие в обоих случаях одинаково — оба льва идут уверенной и размеренной походкой, рыча по пути, но между художественными достоинствами каждого из них есть огромная разница. Ассирийский лев, конечно, не совсем безжизненный, но ему не хватает свободы и спонтанности, которые характеризуют высшие формы искусства; тело также несколько тяжелое и неуклюжее по сравнению с львом на воротах Иштар.

Цвета, преимущественно используемые в вавилонской и ассирийской живописи, — это синий, желтый и белый, в то время как зеленый, красный и черный встречаются сравнительно редко. Фоном картины обычно служит оттенок королевского синего цвета (), а фигуры, как правило, животные, изображены ярко-желтым цветом. В Вавилонии потребность в цветах для архитектурного декора была естественно более острой, чем в Ассирии, поскольку в последней стране, где алебастр и известняк были легко доступны, украшение интерьеров зданий было делом скульпторов, но в южной стране нехватка камня сразу исключала возможность покрытия стен даже дворцов скульптурными барельефами, столь дорогими сердцу, по-видимому, всех ассирийских монархов. Таким образом, в вавилонском декоре цвет в значительной степени заменил скульптуру, а резчик сменился кистью художника, хотя в Ассирии иногда для украшения стен королевского дворца прибегали как к искусству скульптора, так и к искусству художника, поскольку в некоторых залах королевской резиденции Саргона в Хорсабаде скульптурные рельефы в нижней части стен были расписаны;¹²¹ а Лейард, описав некоторые настенные рельефы, найденные в северо-западном дворце в Нимруде, говорит: «¹²² » («На всех этих фигурах можно было слабо различить краску, особенно на волосах, бороде, глазах и сандалиях»), что скорее свидетельствует о том, что более ранние ассирийские скульптуры были окрашены лишь частично. Некоторые скульптурные барельефы из дворца Ашур-насир-пала в Нимруде до сих пор сохранили следы цвета, на сандалиях многих фигур даже сейчас видны выцветшие красная и черная краска, которые когда-то покрывали подошвы и верхнюю часть сандалий соответственно, а в одном случае на луке Ашур-насир-пала до сих пор сохранились следы красной краски. В Хорсабаде, с другой стороны, цвет использовался более широко: одежды и головные уборы царя, а также упряжь лошадей, колесницы и деревья были полностью раскрашены. Лэйард говорит, что он не смог установить, были ли окрашены как фон, так и фигуры или только части фигур (), но Фландин, говоря о настенных рельефах в Хорсабаде, сообщает нам, что он мог проследить оттенок желтой охры на всех частях, не окрашенных иным образом, в то время как верхние части стен, на которых скульптор не проявил своего искусства, часто были украшены фресками.

Но стены, оштукатуренные штукатуркой, также привлекали внимание художника, как и те, что были облицованы каменными барельефами, и Лейард обнаружил остатки росписей на штукатурке в Нимруде, в частности, в верхних комнатах на западной стороне холма, которые были построены из необработанного кирпича, покрытого штукатуркой и тщательно расписанного.¹²³ Большинство этих росписей не претендуют на что-то большее, чем простой или сложный узор, в зависимости от случая. На одной фреске изображены два быка, стоящих лицом друг к другу; их тела белые, а фон, на котором быки тщательно выделены четким черным контуром, желтый, в то время как темно-синий цвет играет ведущую роль в чисто декоративных элементах в верхней части фрески. Другим свидетельством широкого использования краски для украшения внутренних стен стало обнаружение на полу комнаты в северо-западном дворце Нимруда «значительных остатков окрашенной штукатурки, все еще прилипшей к высушенным на солнце кирпичам, которые массово упали с верхней части стены». Цвета, особенно синий и красный, были такими же яркими и насыщенными после удаления земли, какими они были при первом использовании. При контакте с воздухом они быстро выцветали. Узоры были элегантными и сложными. Сохранить какую-либо часть этих орнаментов оказалось практически невозможно, поскольку при любой попытке поднять их земля рассыпалась на куски».¹²⁴

Внешние части зданий также иногда украшались цветами, ярким примером чего является зиккурат в Хорсабаде, три полных яруса которого вместе с частью четвертого были найдены в сохранившемся состоянии. Нижний ярус был окрашен в белый цвет, второй — в черный, третий — в красный, а четвертый — в белый; несомненно, остальные ярусы также были окрашены, а цвета символизировали семь планет, как в случае с традиционным храмом Белуса в Вавилоне.

Лучший пример искусства вавилонских художников можно увидеть в самом городе Вавилоне. Еще в шестидесятых годах французские археологи Френель и Опперт собрали большое количество одноцветных и разноцветных фрагментов рельефных кирпичей. Покрытие из краски, которое всегда наносилось на узкие стороны кирпичей, иногда достигало толщины от одного до двух миллиметров. К сожалению, эта ценная коллекция была утрачена, но утверждения исследователей подтверждаются описанием стены вавилонского дворца, содержащимся в трудах историка Диодора (около 44 г. до н. э.), где он упоминает «всевозможные формы животных на необработанных кирпичах с окраской, очень похожей на натуральную»; далее он говорит, что на башнях и стенах были «изображения всех видов животных, хорошо выполненные с точки зрения окраски и формы. Все это представляло собой охоту, где все было полно животных всех видов, размером более четырех ярдов. Здесь также была изображена Семирамида на лошади, бросающая копьё в пантеру, а недалеко от нее ее муж Нинус, пронзающий копьём льва».¹²⁵ Сам Навуходоносор далее упоминает изображения диких быков и гигантских змей, которые он велел изобразить на синих эмалированных кирпичах в качестве украшения ворот. Большинство глазурованных и окрашенных плиток, найденных в Вавилоне, напоминают цветные барельефы, фигуры животных выделяются рельефом на синем фоне, хотя иногда фон бывает зеленым. Искусство эмалиера достигает своего апогея в львином фризе, который украшал Процесссионную улицу Мардука в Вавилоне. Один из этих глиняных барельефных львов можно увидеть в , рис. ^{46.126} Фон темно-синий, монотонность которого разнообразит введение желтых полос и белых розеток, уже хорошо знакомых по эмалированным кирпичам Хорсабада. Сам лев, пропорции которого превосходны, выделяется белой алебастровой глиной, и вся работа более совершенна в техническом отношении, чем персидский львиный фриз в Лувре, которому он в некотором роде напоминает. Что умаляет художественную ценность последнего, так это диспропорция между телом и передней

частью и головой, которые оба слишком малы, но вавилонский лев почти полностью лишен этого недостатка. Открытие ворот Иштар в Вавилоне добавило еще один богатый источник материала для изучения вавилонской живописи: здесь тоже цветные изображения на эмалированных кирпичах были выполнены в рельефе. Стены ворот были найдены сохранившимися на высоте тридцати девяти футов, вся стена была покрыта изображениями животных, в основном быков и драконов, которых было не менее одиннадцати рядов.

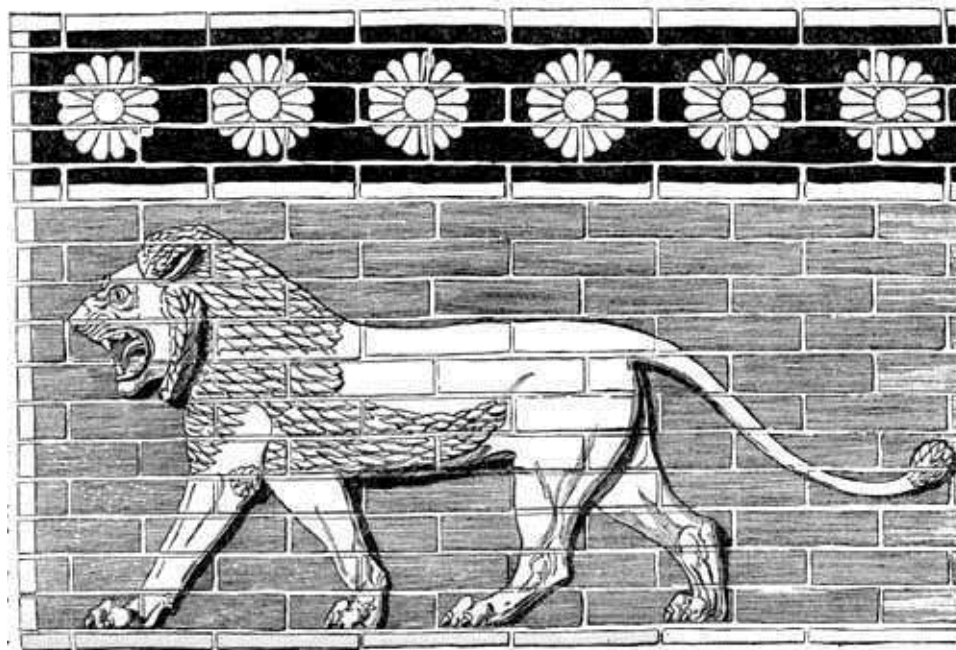

Рис. 46. — Эмалированный кирпичный рельеф из Вавилона. (По Андре.)

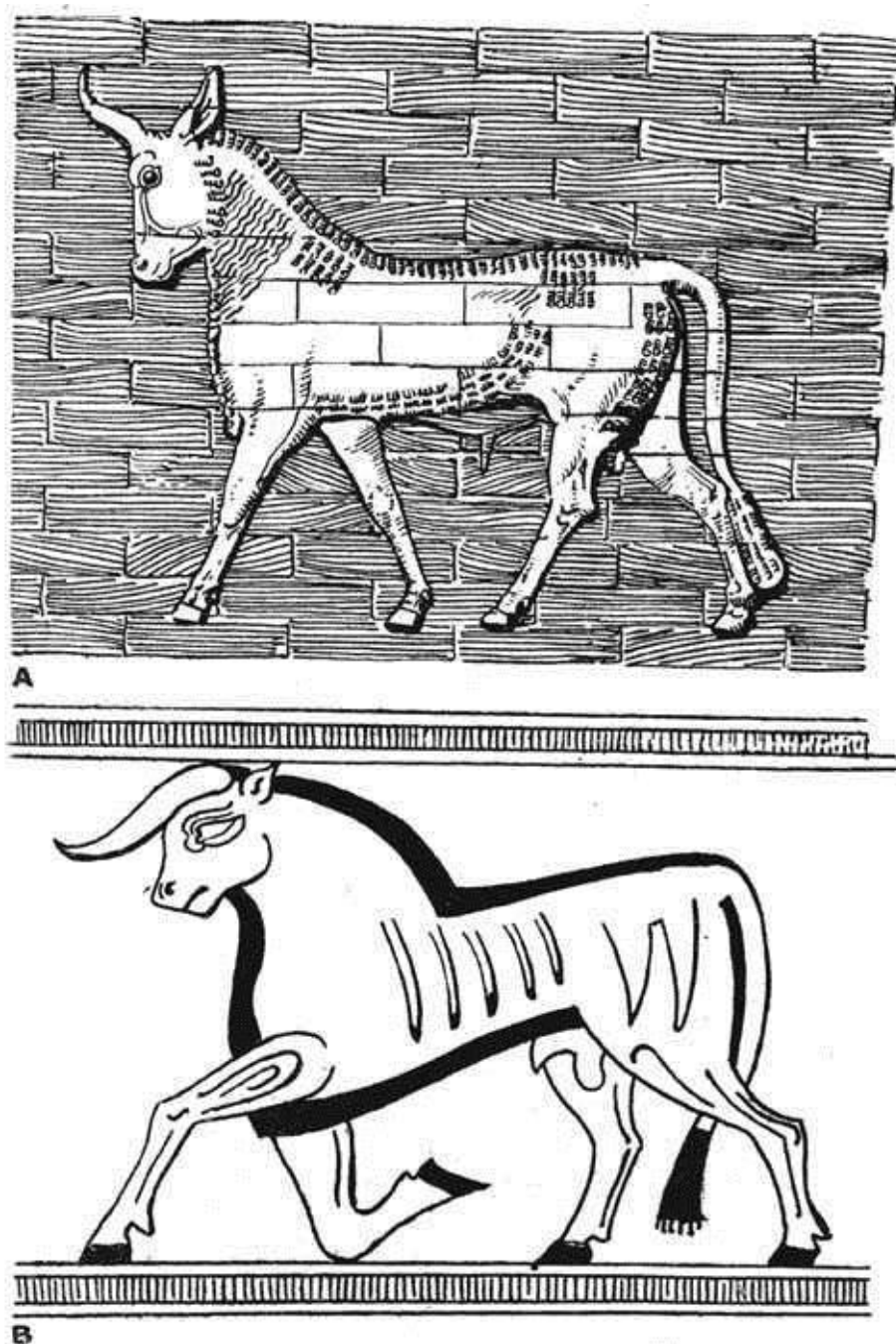

Рис. 47. — А (по Андре); В (по Лейарду).

На рис. [47](#), А, мы видим черно-белую репродукцию одного из глиняных рельефных быков, украшавших ворота Иштар в Вавилоне. Бык находится в движении и демонстрирует грацию и достоинство в своих движениях, а его художавое телосложение только усиливает ловкость, с которой он, кажется, движется вперед. Пропорции отлично подобраны и очень выгодно контрастируют с ассирийским быком из Нимруда (ср. рис. [47](#), В). Последний выглядит жестким и условным, в то время как поза — сама по себе достаточно естественная — здесь передана самым деревянным и безжизненным образом. Тело животного белого цвета, но художник попытался выделить свой объект на бледно-желтом фоне, обведя его искусственным черным контуром. Когда бык был окрашен в синий цвет и помещен на белый фон, этот прием, конечно, был ненужен (ср. Layard. Ser. I, Pl. 87). Синий бык, о котором здесь идет речь, принадлежит к тому же виду, что и белый бык, воспроизведенный на рис. [47](#), В, и находится в том же положении на коленях, но он снабжен крыльями орла. Следует

отметить, что в вавилонском быке, как и в обоих ассирийских быках, художник обошел трудность рисования двух рогов в перспективе, изобразив только один, а другой теоретически скрыт от взгляда рогом, расположенным ближе к зрителю.

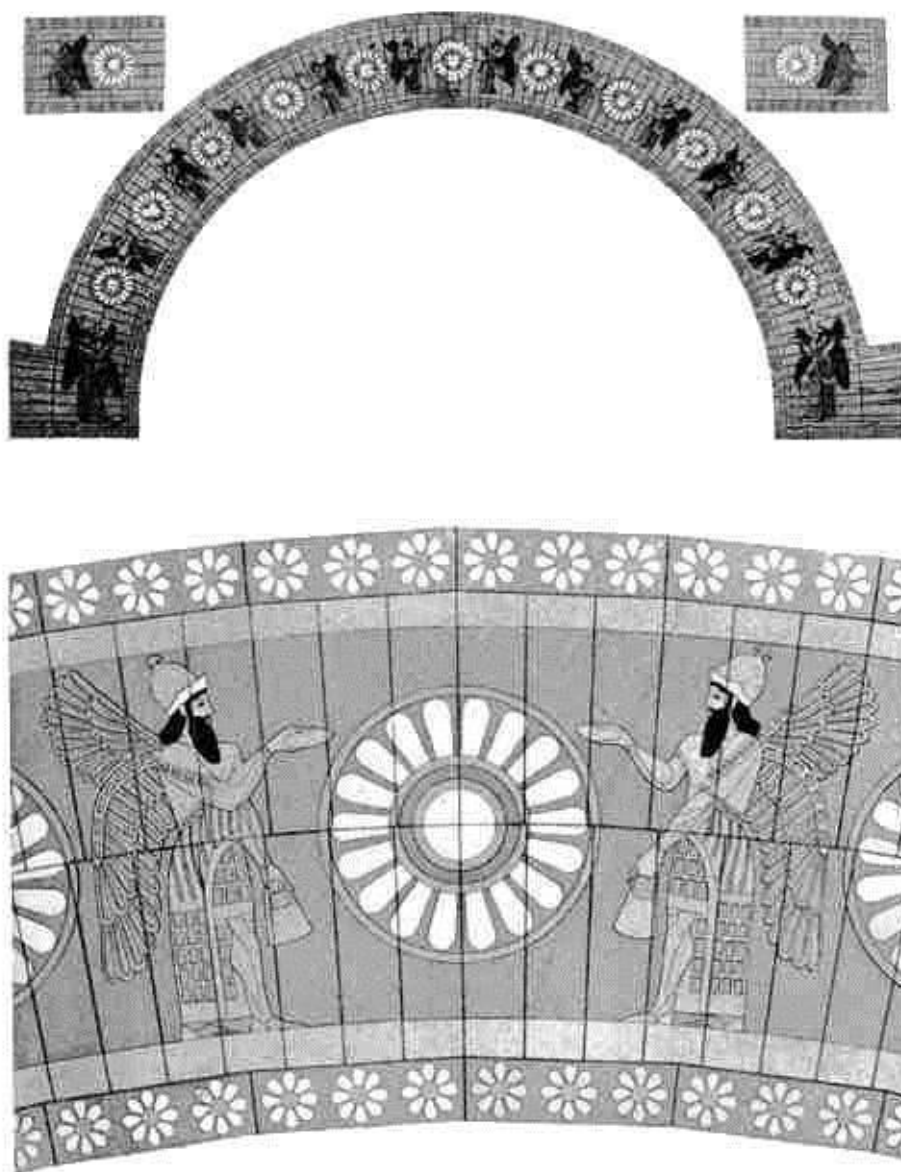
Но в самом дворце Навуходоносора было большое количество таких цветных рельефов, многие фрагменты глазурованных плиток, из которых они были составлены, были найдены Колдеем. Найденные фрагменты насчитывают буквально тысячи, и Кольдевей говорит, что, по-видимому, когда кирпичи были украдены более поздними строителями, глазурованные части были сбиты, чтобы сделать их более пригодными для обычных целей, для которых они были предназначены, и сегодня мы являемся бенефициарами этой нехватки признания. Среди животных, изображенных на стенах дворца и храма, можно упомянуть быка, мифического монстра, состоящего из «частей хищной птицы», скорпионов, змей, пантер и быков, а также вездесущего льва, в то время как на некоторых из найденных фрагментов изображены части человеческого тела, а иногда встречаются и птицы. Львы представляют наибольший интерес для изучения: существует два основных типа: (1) львы, идущие влево, с белой шкурой и желтой гривой; и (2) львы, идущие вправо (а) с белой шкурой и желтой гривой, и (б) с желтой шкурой и зеленой гривой; при этом существует третий тип, характеризующийся львами, бегущими вправо или влево. Иногда хвост изображен вытянутым прямо назад, иногда он принимает изогнутую и менее жесткую форму. Соединение различных фрагментов оказалось весьма сложной задачей, но упорные усилия немцев не остались безрезультатными.

Процесс, с помощью которого, как предполагается, были изготовлены эти цветные глиняные рельефы, заключается в следующем: брался слой или плита пластичной глины достаточно большого размера, и на этой поверхности моделировалась полная картина в рельефе, причем до этого момента процесс был таким же, как и при изготовлении обычных каменных барельефов, за исключением того, что там требовалось использовать долото, а здесь достаточно было рук, хотя, по-видимому, для некоторых львов, многие из которых, по-видимому, были совершенно одинаковыми, в любом случае изготавливались формы. Как бы то ни было, плита глины, на которой теперь был вылеплен рельеф фигуры, предположительно была разрезана на прямоугольные блоки того же размера, что и обычные кирпичи, каждый прямоугольник был помечен, чтобы упростить задачу установки каждого из них на свое место в картине; после этого каждая деталь была покрыта слоем цветного лака, а затем тщательно обжигалась в печи — о тщательности обжига свидетельствует твердость эмали — после чего различные детали были соединены вместе. Точно так же в Нимруде Лейард обнаружил большое количество эмалированных кирпичей с изображениями животных и цветов, а также клинописными знаками, беспорядочно разбросанных на полу входных проходов во дворец, на неокрашенной обратной стороне которых черными чернилами или краской были нарисованы грубые рисунки, в основном изображающие людей и животных, «а также знаки, похожие на цифры». Упомянутые знаки, по-видимому, служили строителю ориентиром при попытке воссоздать изображение на стене.

Однако цветные глиняные рельефы были не единственным видом изобразительного искусства, использовавшимся для украшения города Вавилона или дворца самого прославленного царя Вавилона. На южной стороне Касра было обнаружено большое количество красивых глазурованных плиток с оттиском надписи Навуходоносора, украшенных цветами, веточками и, в одном случае, частью человеческой фигуры высотой около 14 дюймов, а также много скульптурных камней с похожими узорами, качество изготовления которых, однако, было более совершенным, чем у плиток. Последние имеют плоскую поверхность, но по общей технике изготовления напоминают рельефные плитки.

На восточной стороне Қасг было найдено много других глазурованных кирпичей, расписанных различными узорами и отличающихся большой тонкостью исполнения — на одном из них изображена человеческая фигура, одетая в богатую одежду и держащая в левой руке что-то похожее на копье — однако Кольдевей относит их к персидскому периоду.

ПЛАСТИНА XXX.

УКРАШЕННАЯ АРКА В ХОРСАБАДЕ
(ср. Плейс, «Ниневия», таблицы 14, 15)

Но цвет использовался и в более скромных формах архитектурного декора в Вавилонии, а также в северных странах. Так, в Ниппуре стены многих комнат были отштукатурены глиной и соломой и окрашены, причем цвета, по-видимому, всегда были однотонными. Руины храма Нин-мах в Вавилоне, раскопанные Deutsche Orient-Gesellschaft, также показали остатки белых украшений на его стенах; в то время как цвет играл не последнюю роль в украшении знаменитой конусообразной стены на кургане Вусвас в Эрехе, конусы которой

были окрашены в красный или черный цвет, а затем расположены в виде различных геометрических узоров на стене, состоящей из грязи и соломы.

Как мы уже видели, эмалированные кирпичи использовались для архитектурного украшения как в Ассирии, так и в Вавилонии, хотя используемая эмаль, как правило, была худшего качества и наносилась более тонким слоем, в результате чего она не так хорошо прилипала к глине и быстрее выцветала. Мы обязаны Плейсу и Ботта самыми прекрасными и крупными образцами ассирийского искусства эмалирования, обнаруженными на сегодняшний день. Главные ворота Дур-Шаррукина (Хорсабада) (города, построенного Саргоном, 722-705 гг. до н.э.), которые образованы арками, опирающимися на спины выступающих крылатых быков, по-видимому, были объектом особого внимания художника. Эти арки были украшены полукругом из эмалированных кирпичей (см. табл. [XXX](#)), эмаль наносилась на один край кирпичей, средняя длина которых составляет около трех с половиной дюймов. Фон синий, а составные крылатые фигуры желтые, а нижняя часть головного убора окаймлена зеленой линией. Розетки, образующие дополнительный декор, белые. Эти фигуры, которые простираются по всему кругу арки, все одинаковы: они заняты каким-то актом поклонения или выполнением какой-то религиозной церемонии и сразу же напоминают сцены, изображенные на рельефах дворцовых стен, с которыми они практически идентичны. В отличие от метода, обычно используемого в Вавилонии, эти цветные изображения не являются рельефными, цвет наносится на плоскую поверхность кирпичей, единственным исключением являются центральные выпуклости розеток, которые слегка приподняты. Еще один хороший пример цветной плитки был найден на цоколе в дверном проеме того, что Плейс считал гаремом во дворце Саргона. Цоколь, о котором идет речь, имеет длину двадцать три фута и высоту более трех футов. Изображенные фигуры — это царь, стоящий с одной стороны цоколя с непокрытой головой, а с другой стороны — в обычном головном уборе, лев, бык, орел, дерево и плуг, все выполненные желтым цветом на синем фоне, а края всего цоколя украшены неизбежными розетками. Листья дерева зеленые, цвет, который, по-видимому, редко использовался эмайлерами Месопотамии. Другой расписной фрагмент из Хорсабада, интересный своей чрезвычайной яркостью цветов (ср. Place, *Nineve*, Pl. 32), воспроизведен на илл. [XXXI](#). Лица двух людей белые, фон зеленый; фриз вверху желтый, круглые украшения состоят из внутреннего круга зеленого или желтого цвета, а внешний круг состоит из трапециевидных фигур красного и белого цвета в случае с зеленым внутренним кругом и красного и зеленого цвета в случае с желтым центром, расположенных в обоих случаях поочередно.

Лэарду также удалось найти в Нимруде (Калах) много глазурованных и окрашенных кирпичей, представляющих еще больший интерес с точки зрения композиции изображенных сцен, чем с точки зрения используемых цветов, которые в их нынешнем состоянии ни в коей мере не сравнятся по яркости с кирпичами из Хорсабада. Наиболее интересным из них (см. табл. [XXXI](#)) является тот, на котором король, сопровождаемый главным евнухом, принимает своего главного чиновника,¹²⁷ — сцена, так часто изображаемая на ассирийских барельефах. Над его головой находится «своего рода багряный павильон» и единственный сохранившийся знак клинописной надписи, а под ним — спиральный узор, который чаще встречается на так называемых хеттских произведениях искусства, хотя он также встречается в качестве декоративного аксессуара на некоторых из самых ранних скульптур в Вавилонии (см. рис. [27](#)). Преобладающими цветами являются черный и желтый: волосы и борода царя и его последователей, их сандалии, а также круглые шарики, расположенные в каждом звене спиральной цепи, черные, фон светло-желтый, одежда различных фигур более насыщенного оттенка желтого, а королевский

головной убор белый. Как говорит Лэйард: «Это уникальный образец цельной ассирийской живописи».

Остальные наиболее интересные экземпляры кратко описаны Лэйардом в книге *«Открытия»* (*Discoveries*), стр. 166 и 167, и проиллюстрированы в цвете в его книге *«Памятники»* (*Monuments*), серия II, табл. 53-55. На одном из них (Pl. 54, 7) изображены четыре лысых и гладко выбритых пленника, чьи шеи связаны веревкой, конец которой держит пленник впереди. Двое из пленников одеты в белые набедренные повязки, а двое других — в длинные белые рубашки, распахнутые спереди. Что касается цветов, то фон бледно-голубой, а фигуры желтые. Еще один очень интересный фрагмент воспроизведен в *«Памятниках»*, табл. 54, 12, на котором изображены две лошади, ассирийский воин и мужчина с кинжалом. Последний, обнаженный за исключением синей набедренной повязки, по-видимому, был ранен или убит в бою. Фон здесь оливково-зеленый, а лошади синие. На другой глазурованной плитке (Pl. 54, 13) мы видим изображение ассирийской кавалерии, опять же на оливково-зеленом фоне, но в этом случае лошади желтые, а упряжь синяя. На одной из этих расписных кирпичей (илл. 53, 1) изображена синяя рыба на желтом фоне; чешуя рыбы, однако, окрашена в белый цвет, а на той же плитке изображен мужчина, пронзенный двумя стрелами и опоясанный белой набедренной повязкой. На другом фрагменте (илл. 53, 3) колесница с подпряженными лошадьми () тащится по обнаженной фигуре, шея которой пронзена стрелой. Голова мужчины окружена лентой, которой прикреплено перо. Лошади синие, их упряжь белая, а колеса колесницы желтые. Внизу видны головы и часть щитов двух ассирийских солдат. Шлемы желтые, но лица «просто обведены белым по оливково-зеленому фону», а щиты синие, но окаймлены чередующимися квадратами желтого и синего цветов. Все это относится к одному и тому же периоду, но Лэйард (Pl. 53, 6), который, по-видимому, относится к более раннему периоду: фон желтый, но контуры черные, а не белые, а фигуры, головы которых были разрушены, одеты так же, как и даньщики, приносящие обезьяну и другие подношения Ашур-насир-палу, как изображено на барельефах, взятых из того же здания. Внешний плащ синий, внутренний — желтый, а бахрома — белая.

Но иногда керамика также украшалась цветами; так, капитан Крос, преемник Де Сарзека в Телло, обнаружил на этом месте черную керамику с вырезанными линиями, заполненными белой пастой, — стиль керамики, хорошо известный в Египте и других местах, но до сих пор не встречавшийся в Вавилонии. С другой стороны, в Ниппуре была найдена керамика, расписанная зелеными и желтыми полосками, а также были обнаружены другие вазы, украшенные черными и белыми дисками.

ПЛАСТИНА XXXI

ГЛАЗУРОВАННЫЙ КИРПИЧ
(см. Place, «Ninive», Pl. 32)

Фото. Мэнселл

Британский музей

ГЛАЗУРОВАННЫЙ КИРПИЧ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ
АССИРИЙСКОГО ЦАРЯ, ВОЗЛИВАЮЩЕГО ЖЕРТВЕННОЕ
ВИНО ПО ВОЗВРАЩЕНИИ С ОХОТЫ

Подобная расписная керамика была найдена и в Ассирии: в Нимруде люди сэра Генри Лейарда обнаружили различные фрагменты керамики, которые, по-видимому, принадлежали крышкам кувшинов; они были украшены спиральным узором, а также жимолостью, шишками и тюльпанами черного цвета на бледно-желтом фоне. Кроме того, в ходе недавних раскопок в Ашуре были найдены доисторические керамические изделия, украшенные красными и черными геометрическими узорами. Глиняные саркофаги в форме тапочек () также иногда были окрашены; многие из саркофагов, обнаруженных в Ниппуре, были покрыты синей глазурью, но, по-видимому, они принадлежали к парфянскому периоду. Глазурованные саркофаги были также найдены в Варке (т. е. древнем Эрехе), а также в городе Вавилоне, хотя они также были продуктами позднего периода. Различные другие предметы из терракоты нередко покрывались стеклянной глазурью, цвет эмали обычно был синим или зеленым. Однако в Вавилонии цвет использовался не только для украшения зданий, горшков и фигур, но, по-видимому, и для украшения человеческого тела, поскольку немецкие раскопки в Фаре обнаружили в могилах алебастровые сосуды для краски, в некоторых случаях с сохранившимися следами краски. Цвета: черный, желтый, светло-зеленый и светло-красный. Согласно анализу цветов вавилонских кирпичей, проведенному сэром Генри Де ла Беком и доктором Перси, цитируемому Лейардом,¹²⁸ «желтый цвет — это антимониат свинца, из которого также извлекается олово, называемый неаполитанской желтой, который, как полагают, является относительно современным открытием, хотя его также использовали египтяне. Белый цвет — это эмаль или глазурь из оксида олова, изобретение, приписываемое арабам Северной Африки в VIII или IX веке. Синяя глазурь — это медь, не содержащая кобальта, но содержащая некоторое количество свинца; любопытный факт, поскольку этот минерал добавлялся не в качестве красящего вещества, а для облегчения плавления глазури, для чего, как считалось, свинец стал

использоваться только в относительно современные времена. Красный цвет — это субоксид меди.»

ГЛАВА IX — ЦИЛИНДРИЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ^[129]

О Среди небольших реликвий вавилонской и ассирийской древности нет ничего столь многочисленного и столь интересного, как гравированные печати, которыми владели как цари, так и простые люди всех эпох. О всеобщей распространенности их использования в более поздние времена свидетельствует Геродот (I, 195), который рассказывает, что в его время каждый житель Вавилонии носил с собой печать, как и трость, а об их широком использовании в древние времена свидетельствует огромное количество печатей, обнаруженных в ходе раскопок.

Печать, столь важная в наши дни, была еще более незаменимым удобством цивилизованного общества в первобытные времена и, вероятно, была одним из первых изобретений, которые обязаны своим происхождением непосредственно взаимному признанию частных прав собственности. Первоначально она, конечно, служила той же цели, что и сегодня, хотя запечатывание глиняной крышки кувшина с вином, веревки зарегистрированной посылки или клапана бумажного конверта никоим образом не мешает вору похитить содержимое в любом из этих случаев, однако это делает невозможным совершение такой кражи без обнаружения, причем обнаружения не обязательно самого вора, а самого деяния, а это, в конце концов, является необходимым предварительным условием для успешного возбуждения любого судебного иска. Однако в первобытные времена его использование было гораздо более широким, поскольку, как хорошо выразился Ньюберри, ⁴ «то, чем для нас являются замки и ключи, для народов Старого Света были печати». Если человек уходил из дома на весь день, и в доме не оставалось никого, кто мог бы его охранять, он, вероятно, обеспечивал безопасность себе и своему имуществу, насколько это было возможно, приклеивая к двери куски глины и накладывая на них свою печать таким образом, чтобы вход в дом был невозможен без взлома печати; в любом случае, доктор Уорд сообщает нам¹³¹, что он видел в хане в Хилле, недалеко от Вавилона, дверь комнаты, в которой хранились товары принадлежащего отсутствующему торговцу, тщательно запечатанную глиняными пластинами, на которых был должным образом закреплен оттиск печати торговца, что делало доступ в дом возможным только при взломе печатей, а в консервативном Востоке обычаи сегодняшнего дня не просто являются обычаями вчерашнего дня, но, как правило, отражают традиционные обычаи сотен, а иногда и тысяч лет. Было найдено несколько таких запечатанных глиняных кусочков, некоторые из которых служили пробками для кувшинов, но основным назначением цилиндрической печати было удостоверение подлинности актов, документов и писем.

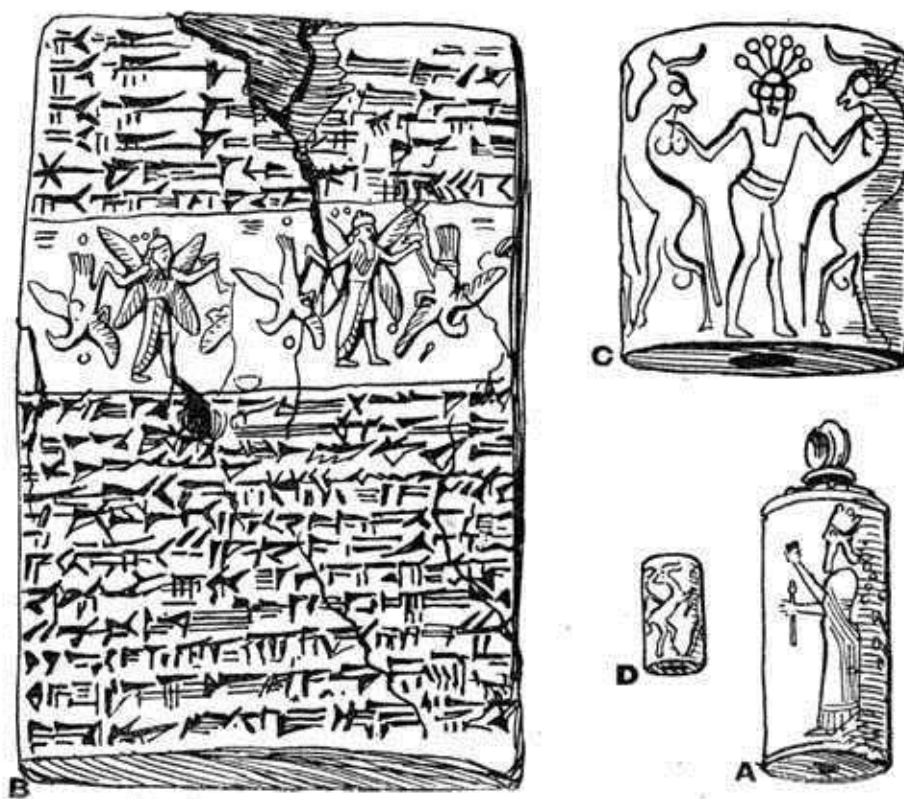

Рис. 48. — А, цилиндрическая печать, в которой сохранилась ручка.

В, глиняная табличка с оттиском печати.

С, D — иллюстрируют различия в размерах цилиндрических печатей.

Печати, использовавшиеся вавилонянами и ассирийцами, отличались от печатей, обычно используемых в других местах, как по форме, так и по мотивам гравировок. Они имели форму цилиндров или валиков, в центр которых вставлялся один или два куска проволоки, обычно из меди, хотя иногда из золота и серебра, а позднее — также из железа. Один конец проволоки был зажат, а другой закручен в петлю (см. рис. 48, А), через которую продевалась нить или шнур, с помощью которых печать можно было повесить на шею владельца или носить на запястье, при этом проволока облегчала процесс прокатывания цилиндра по влажной глине.

Плитка (К. 382), показанная на рис. 48, В, является хорошим примером глиняной плитки с оттиском цилиндрической печати. Плитка размером 4-1/8 дюйма на 2-5/8 дюйма содержит условия договора. Сам оттиск показывает нам мифологическое четырехкрылое существо, которое так часто встречается на ассирийских барельефах. В каждой руке оно держит птицу за ногу. Цилиндры по бокам плитки воспроизведены в натуральную величину; А, С и D (Британский музей № 89319, 89538, 101974) иллюстрируют различия в размерах вавилонских цилиндрических печатей, причем (С) является необычно большим экземпляром, а (D) — исключительно маленьким, при этом подавляющее большинство печатей занимает промежуточное положение между этими двумя крайностями; в (А) мы видим цилиндр, в котором еще сохранилась металлическая ручка.

Существование печатей такого же типа в Египте еще во времена первой династии использовалось в качестве аргумента в поддержку теории о том, что первобытные цивилизации Египта и Вавилонии были в некоторой степени взаимозависимыми (). Действительно, цилиндрические печати могли использоваться только там, где в качестве

материала для письма использовалась глина, но нет прямых доказательств того, что практика использования глины для письма или строительства была заимствована из Вавилонии, а сходство в форме ранних вавилонских и египетских булавок является еще более неопределенным аргументом, на котором можно основывать иначе неподтвержденную теорию.

Материалы, использовавшиеся для изготовления цилиндрических печатей, были многообразны. Самым ранним из известных материалов является ракушка, но наиболее часто встречается гематит. Среди других материалов можно упомянуть серпентин, мрамор, кварцевый кристалл, халцедон, сердолик, агат, яшму, сиенит, нефрит, обсидиан, оникс, известняк, сланцевую мать, изумруд и аметист. Было найдено несколько цилиндров из кремня, но этот материал, очевидно, использовался редко, а стекло встречается еще реже, а металл не известен. Процесс гравировки необходимого изображения на цилиндре зависел от материала, из которого он был изготовлен. Более мягкие материалы, использовавшиеся в древние времена, такие как ракушка, мрамор или серпентин, возможно, гравировались с помощью инструментов из кремня, но для более твердых камней требовались инструменты из более прочного материала. Уорд считает, что для этой цели использовался либо наждак, либо определенный камень, называемый корундом. Последний использовался в очень ранний период в Египте, а позднее — в Греции. Самые ранние печати, по-видимому, изготавливались полностью вручную, а практика сверления с помощью тетивы лука была введена только в более поздний период. В рамках одной главы, конечно, невозможно рассмотреть все бесчисленные типы цилиндрических печатей, использовавшихся вавилонянами и ассирийцами разных эпох, и поэтому мы можем выделить только один или два примера некоторых из наиболее интересных классов, которые в достаточной степени представляют периоды, к которым они относятся.

Самые древние печати, как правило, изготовлены из белого мрамора из Эфеса () или ракушки, а иногда также из лазурита и серпентина. Невозможно установить точную или даже приблизительную дату большинства цилиндрических печатей, найденных в руинах курганов Месопотамии, поскольку большинство из них принадлежали неизвестным лицам, но, к счастью, было обнаружено несколько печатей, принадлежащих царям или чиновникам, дату жизни которых можно установить независимо, и которые, следовательно, дают нам представление о том, до какого уровня совершенства было доведено искусство гравировки в тот конкретный период, в котором жили владельцы печатей, а сравнение стиля искусства, проявленного на печатях, которые иначе нельзя было бы датировать, со стилем тех печатей, возраст которых был таким образом установлен, позволяет нам с некоторой степенью уверенности отнести их к тому периоду, к которому они относятся в истории искусства гравировки печатей.

Интерес к этим небольшим реликвиям прошлого, конечно же, сосредоточен на изображенных на них сценах, которые очень разнообразны и проливают свет на мифологию, а также проясняют многие легендарные неясности в теологических и религиозных представлениях вавилонян и ассирийцев. В тех случаях, когда сравнение с королевскими или официальными цилиндрическими печатями определенной даты невозможно, сходство между стилем искусства, проявленным на конкретной печати, и стилем некоторых скульптур древних патетов или царей дает нам необходимую подсказку, а когда оба этих критерия не работают, если на печати есть надпись, характер письменности часто позволяет нам отнести ее к правильному классу.

Рис. 49.

Одним из самых ранних вавилонских правителей, чьи печати были найдены, является Лугал-анда, патеси или жрец-царь Лагаша и непосредственный предшественник Урукагины, последнего царя первой династии Лагаша. Оттиск одной из печатей Лугал-анды воспроизведен на рис. [49](#). Часть печати разделена на два регистра, в верхнем из которых мы видим орла с распростертыми крыльями, сжимающего двух львов, которые вместе составляли геральдический герб города Лагаша. Примечательно, что львы изображены с той же свободой, что и на маленьком блоке Дуду (ср. рис. [27](#)), современника Энтемены, одного из предшественников Лугал-анды. Здесь, как и на упомянутом маленьком блоке, львы изображены очень энергично, и в отличие от более ранних изображений этого символа, львы грызут крылья своего похитителя. Справа от герба города находится надпись, написанная очень архаичными символами. В нижнем регистре мы видим двух быков с человеческими головами, оленя, бородатого героя, напоминающего Издубара или Гильгамеша, как он изображен на других ранних цилиндрических печатях, и еще одну фигуру, которая обнимает оленя левой рукой за шею и держит одну из передних лап оленя в правой руке. В отличие от бородатого героя, который также держит переднюю лапу одного из быков с человеческой головой, он гладко выбрит, а его волосы представлены четырьмя языкообразными выпуклостями. Слева от двух регистров изображены тело и нижняя часть лица большого быка с человеческой головой, а справа — два льва, один из которых впивается зубами в шею гибридного существа, наполовину человека, наполовину зверя. Сразу же становится очевидным, что эта цилиндрическая печать раннего шумерского периода предполагает неопределенный период художественного развития в практике гравировки.

На самых ранних печатях сцена, конечно, гораздо менее сложна, а качество изготовления бесконечно более грубое; мы часто встречаем тот же мотив орла, но животные, которых он хватается когтями, обычно являются козлами, быками или козлоборами, как показано на рис. [50](#), а львы появляются только позднее. Здесь мы видим очень примитивную печать, на которой орел схватил двух козлов за рога, а герой держит тех же двух животных за ноги. Герой, орел и козлы изображены в очень архаичном и грубом стиле, хотя в симметрично распростертых крыльях орла мы, кажется, видим предвестник конвенционализма более поздних времен. Козлы подняли задние ноги в воздух, а орел схватил их за рога, которые являются источником их силы как в реальности, так и символически. Сама печать толще и короче, чем обычно, и имеет только один регистр.

Однако простота, которая обычно характеризует цилиндрические печати самого раннего периода, иногда уступает место совершенно поразительной сложности, как в печати, изображенной на рис. [51](#). Два регистра, на которые разделено поле цилиндра, настолько сильно вторгаются друг в друга, что требуется внимательное изучение, чтобы увидеть, что здесь два регистра. Орел является центральной фигурой в верхнем регистре, его когти тянутся, с одной стороны, к льву, на которого нападает стервятник, а с другой — к льву, который, по-видимому, нападает на перевернутого козерога. Внизу доминирующее положение занимает охотник; он одет в короткую шумерскую юбку, бахрому которой архаично изображена в виде ряда ярлычков, напоминающих фрагментарные скульптуры доисторического периода Лагаша (ср. рис. [25](#), С), и окружен толпой львов и антилоп. Эта печать явно является продуктом более развитого искусства, чем то, что воспроизведено на рис. [50](#), но, несмотря на это, она по сути своей имеет архаичный характер и относится к раннему шумерскому периоду.

Один из самых популярных мотивов для цилиндрических печатей в ранний шумерский период — это одно или два сидящих божества, иногда в сопровождении орла. Очень архаичный пример этого класса воспроизведен на рис. [52](#). Два сидящих существа, несмотря на то, что они гладко выбриты и имеют те же слабо намеченные черты, что и фигура в центре, безусловно, являются богами. Можно заметить, что бахрому короткой шумерской юбки одного из божеств, а также поклоняющегося изображена в виде ряда заостренных язычков, как на рис. [51](#).

Рис. 50.

Рис. 51.

Рис. 52.

Рис. 53.

На рис. [53](#) мы снова видим двух сидящих богов, но на этот раз между ними стоит большая чаша, из которой они, по-видимому, пьют через трубочки. Они, судя по всему, сидят на складных стульях, а перед одним из них стоит священное дерево. Их одежда состоит из длинной мантии, которая покрывает одну руку, оставляя другую открытой и свободной, и доходит до лодыжки, нижняя часть которой украшена бахромой, а тело — узором в виде ветвей.

Иногда мы снова видим изображение бога, сидящего в лодке, как показано на рис. [54](#). Невозможно сказать, кто этот бог, хотя его божественный характер ясно демонстрируется

рогатой шапкой. Судя по появлению ветвей или, возможно, пламени огня и потоков воды из его плеч, кажется справедливым предположение доктора Уорда, что этот бог — не кто иной, как Шамаш, бог солнца. Лодка движется по реке или каналу благодаря двум гребцам, которые вместе с богом стоят в лодке. У двух мужчин разные головные уборы, но все трое одеты исключительно в старинные шумерские юбки. В воде растут камыши, достигающие роста пассажиров лодки, а в этом причудливо изображенном болоте бродит очень примитивно выполненный дикий кабан. Нос и корма лодки имеют одинаковую форму и изогнуты вверх на большую высоту. Если бог и есть Шамаш, то, вероятно, здесь, как и в других местах, он изображен пересекающим небо на своей лодке.

Другая серия архаичных цилиндрических печатей посвящена героическим подвигам Гильгамеша и Эа-бани, двух мифологических существ, чьи победы над быками и львами принесли им репутацию и славу, которые сохранялись вплоть до последних дней ассирийской истории. На рис. [55](#) мы видим оттиск одной из самых примитивных печатей Гильгамеша. Герой стоит между двумя бизонами, один из которых подвергается нападению льва, а другой — леопарда, в то время как нечеловеческий и полужвериный Эа-бани нападает на льва сзади. Особого внимания заслуживает появление пятнистого леопарда, поскольку он почти никогда не встречается на более поздних цилиндрах, а присутствие бизонов, обитающих только в высокогорьях, является дополнительным архаичным штрихом и является еще одним свидетельством древности этой печати, которая, вероятно, была выгравирована в то время, когда воспоминания о его горном происхождении еще были свежи в памяти шумеров, поскольку в более поздний период вавилонского искусства бизон уступает место любящему болота буйволу. Все детали печати имеют те же примитивные характеристики, и, как обычно, на ней нет надписи.

Мы уже видели одну королевскую печать, а на рис. [56](#) представлена печать более позднего, но гораздо более известного вавилонского царя Шар-Гани-Шарри, царя Агаде. Во время правления Шар-Гани-Шарри и его сына Нарам-Сина вавилонское искусство достигло своего расцвета — грубость ранних работ исчезла, а следов конвенционализма более поздних дней еще не было, и свобода стала основной чертой его успеха. Сцена повторяется часто: герой, который, по всей видимости, является Гильгамешем, стоит на одном колене и держит в руках вазу, из которой буйволы пытаются утолить свою жажду. Печать выгравирована с энергией и точностью, смелость которой превосходит только естественный эффект, создаваемый изображением. И герой, и животное изображены с свободой и точностью, которые редко, если вообще когда-либо, превосходили в восточном искусстве, в то время как сила картины заключается в гении художника и ни в коей мере не зависит от сюжета, который не дает возможности создать что-либо особенно яркое или эффектное.

Рис. 54.

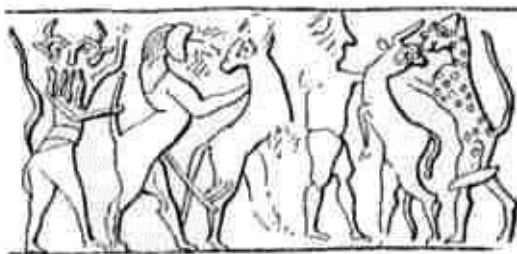

Рис. 55.

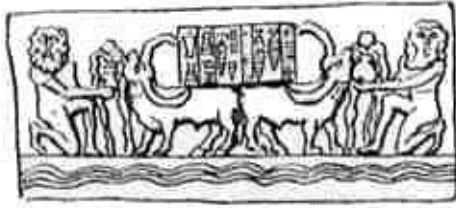

Рис. 56.

Рис. 57.

Рис. 58.

На рис. [57](#) мы видим оттиск другой печати, на которой главными действующими лицами являются Гильгамеш и Эа-бани. Эа-бани сражается со львом, а его товарищ борется с огромным рогатым буйволом. Эта печать относится к временам Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, царей Агаде, и ее датировка установлена как по стилю искусства, так и по содержанию краткой надписи, в которой указано имя владельца, Бингани-Шарали, царя Агаде и сына Нарам-Сина. Эта печать, ныне хранящаяся в Британском музее, была обнаружена на Кипре.¹³² Движения Гильгамеша и Эа-бани изображены реалистично, хотя движения левой руки Эа-бани несколько неловкие и неуклюжие. То же самое можно сказать о перегруженном и плохо прорисованном буйволе, а также об антилопе под надписью, но лев явно выполнен в традиционном стиле, что, возможно, объясняется его повсеместным присутствием на цилиндрических печатях и памятниках древнейших шумерских времен, из чего можно сделать вывод, что постоянное воспроизведение одного и того же животного со временем лишило художника свежести, с которой он первоначально подходил к своему предмету. Но печати с изображением Гильгамеша, вероятно, достигают своего апогея в той, что воспроизведена на рис. [58](#). Герой ведет смертельную схватку со львом, которого он пытается сбросить. Гильгамеш изображен в анфас с различными особенностями, которые, по-видимому, были присущи его уникальной личности — длинная вьющаяся борода, столь же длинные волосы с пробором посередине и тремя характерными локонами по бокам, а также полностью обнаженное тело, за исключением узкого пояса. Действие сконцентрировано и сфокусировано в одной точке — в сцене нет конфликтующих персонажей, животных или даже предметов, которые могли бы отвлечь или разделить внимание зрителя, а оживленность, с которой трактуется тема, вполне оправдывает изолированное и исключительное положение, которое она здесь занимает.

Рис. 59.

Другая группа вавилонских печатей, относящихся к разным периодам, изображает драматическое победу божества над крылатым драконом. Один из самых ранних, наиболее хорошо сохранившихся и наиболее поучительных примеров таких печатей — цилиндр из раковины, хранящийся в Музее Метрополитен в Нью-Йорке, также опубликованный Уордом¹³³ (см. рис. 59). Дракон имеет крылья и заднюю часть орла, а передние лапы и голова у него львиные; между крыльями на его спине стоит обнаженная богиня, размахивающая молниями в обеих руках. Дракон запряжен в четырехколесную колесницу, передняя часть которой выше задней, а бог непропорциональных размеров ведет колесницу и размахивает кнутом в левой руке. Дракон с головой льва, по-видимому, рвет, и его действие напоминает действие одного из умирающих львов на барельефах Ашшурбанипала. Однако это может означать извержение яда, хотя в этом случае оно не очень удачно изображено. Перед этой группой сверхъестественных существ стоит поклоняющийся, который в момент принесения жертвы неопределенного характера на алтарь.

Но иногда боги и герои изображаются бок о бок на одной печати, как в случае с печатью, воспроизведенной на рис. 60. Божество в роговом венце, сидящее на троне, — это Шамаш, бог Солнца, от плеч которого исходят лучи света, а из его колен — потоки живой воды.

Рис. 60. Бог одет в длинный плащ, свисающий с правого плеча, а левая рука и плечо остаются обнаженными, и он сидит на трех- или четырехножном табурете. Перед ним находится полумесяц, а за ним — звезда, установленная на подбодии подставки, в то время как в его присутствии разыгрывается типичная сцена: два героя сражают льва — один из них держит левой ногой голову льва и левой рукой хватает хвост поднятого вверх зверя, а правой рукой собирается вонзить нож в его заднюю часть. Другой герой держится наготове с маленьким топориком; его головной убор отличается от головного убора его товарища тем, что имеет шипы, но во всех остальных отношениях они похожи. Эта печать сделана из розового мрамора и в настоящее время хранится в Музее Метрополитен в Нью-Йорке. Один класс божеств был тесно связан со змеем, и тело бога () иногда изображается в виде змеиного кольца (

), как в случае с цилиндрической печатью, воспроизведенной на рис. [61](#). В данном случае бог сидит напротив богини, которая также сидит и держит в руке неглубокую чашу; над ее рукой находится полумесяц, а за ней — восходящая звезда, как на рис. [60](#). Звезда, изображенная здесь, идентична раннему шумерскому идеограмме и детерминативу для бога и, без сомнения, имеет здесь то же значение. Богиня одета в длинную одежду, достигающую лодыжек, но ее левая рука и плечо свободны, как и у бога на рис. [60](#). Ее сиденье представляет собой своего рода складной стул, форму опоры, которую гении Вавилона, по-видимому, изобрели в очень ранний период. Бог с телом змеи и человеческой бородой держит в руке ветвь, точное значение которой не совсем ясно, но видное место, занимаемое священным деревом в вавилонской и ассирийской мифологии, оправдывает предположение, что здесь, как и в других случаях, оно имеет какое-то символическое значение. За богом находится пятибалочная калитка, которая, вероятно, должна символизировать трудность доступа к божественному присутствию или необходимость представления к нему. Если калитка не была открыта либо самим богом, либо каким-либо посредником божественного или квазибожественного характера, поклоняющийся, по-видимому, не мог получить допуск.

Как мы уже видели, цилиндрические печати часто представляют нам изобразительный аспект легенды, уже известной из литературы. Одной из самых известных легенд вавилонян была та, которая рассказывала о смелой, но тщетной попытке Этаны подняться на небеса на крыльях орла. Орел поднимался все выше и выше, пока наконец не появились взору врата небес, но цель, по какой-то неуказанной причине, так и не была достигнута, и как Этана, так и его живой самолет рухнули на землю. Иллюстрация этого смелого полета имеется на некоторых цилиндрических печатях в Британском музее, оттиск одной из которых приведен на рис. [62](#). Этана сидит на орле, который несет его вверх на глазах восхищенной и смотрящей вверх собаки. Справа пастух, одетый в длинную одежду — его правое плечо, как обычно, обнажено — гонит рогатого барана и двух коз к примитивному забору: и Этана, и пастух носят бороды и длинные волосы, а последний держит посох в левой руке. На заднем плане изображен обнаженный, но также бородатый человек (), сидящий рядом с большой амфорой, содержимым которой он, по-видимому, полностью занят; предположительно, он выполняет какие-то кулинарные операции.

На других вавилонских печатях изображена сцена, в которой бог нападает на врага, олицетворяющего человека; к этой категории относятся цилиндрические печати, относящиеся к архаическому периоду, а также более позднего времени.

Рис. 62. Оттиск одной из таких архаических печатей воспроизведен на рис. [63](#). В центре изображен бог, сидящий на быке, с поднятой левой рукой и правой рукой, сжимающей оружие или кнут; он топчет лежащего и молящего о пощаде врага, фигура которого нарисована самым грубым и примитивным образом. Как говорит Уорд, эта печать должна датироваться временем, когда лошадь была неизвестна или, во всяком случае, не использовалась в бою. С правой стороны отпечатка бог сражается пешком с врагом, который, по-видимому, вооружен оружием в форме бумеранга, таким же,

как то, которым вооружен бог Нин-гирсу на стеле с изображением стервятника.

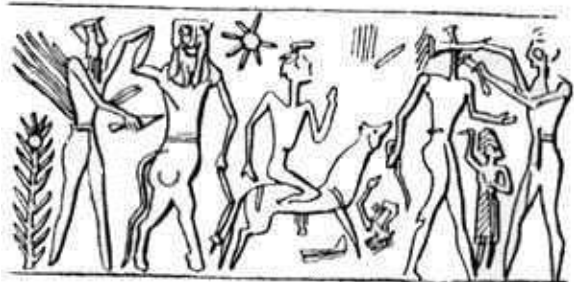

Рис. 63. Бог держит в правой руке оружие неопределенного характера, а между ними и лицом к богу стоит маленький поклонник, поднявший руку — несомненно, в знак покорности — к своему божественному господину. Слева бог пронзает кинжалом быка с человеческой головой, а из спины бога исходят лучи или то, что похоже на лучи.

К временам Гудеа, патеси Лагаша, и Ур-Энгура и Дунги, царей Ура, мы наблюдаем заметные изменения в художественных достоинствах произведений гравиров печатей. В целом, они выполнены с гораздо большей тщательностью, и с богатой точностью, полностью отсутствующей в большинстве более ранних инталий, но то, что они выигрывают в тщательности и внимании к деталям, они теряют в конвенциональности, порожденной этой тщательностью и вниманием. Здесь мы не видим грубых набросков прирожденного художника, а утонченную живопись копииста. На рис. [64](#) мы видим оттиск одной из цилиндрических печатей Гудеа. Бог, вероятно, Нин-гирсу или Эа,¹³⁴ сидит на троне в форме ящика: в каждой руке он держит вазу, из которой вытекают два потока, которые изливают свое содержимое в три вазы, стоящие на земле, которые, в свою очередь, становятся

источниками живых родников.

Рис. 64. Напротив бога стоит посредническое божество, которое левой рукой поддерживает одну из ваз, а правой ведет поклоняющегося, вероятно, самого Гудеа. Из плеч посредника выходят две змеи, голова ближайшей из которых точно напоминает странных рептилий на вазе того же патеси (ср. рис. 90). Идентификация посреднического божества с Нингиш-зида становится весьма вероятной благодаря упоминанию Гудеа об этом боге в одной из своих надписей, где в описании того, как он был представлен своему верховному богу Нин-гирсу, он прямо заявляет, что «Нин-гиш-зи-да, его бог, держал его за руку».

Рис. 65.

Рис. 66.

На рис. [65](#) мы видим оттиск печати Ур-Энгура, царя Ура около 2400 г. до н. э. Изображенная сцена хорошо знакома: посреднический бог представляет молящегося поклонника высшему божеству, сидящему на троне. Восседающий на троне бог имеет длинную бороду и носит круглую шапку, чем-то напоминающую тюрбан, который носил Гудеа (ср. табл. [XXIII](#)). Он опирается одной рукой на спинку трона, а правую руку протягивает в явном приглашении к медленно приближающемуся поклоннику. Сам трон, в отличие от коробчатых сидений более ранних времен, имеет спинку, а задние ножки выполнены в виде ног быка. Посреднические божества носят рогатые шапки, которыми обычно покрывались боги во времена Гудеа, а рога, по-видимому, также вырастают из их голов, причем эти рога, как ни странно, имеют ту же форму, что и рога на терракотовой голове, обнаруженной во время недавних раскопок в Вавилонии.¹³⁵ Сидящее божество одето в длинную простую одежду, достигающую до ног, его одежда проще, чем у сопровождающих божеств или даже у самого поклоняющегося. Последний одет в длинную тунику и бахрому на левом плече. Оба посредника также одеты в длинные одежды, которые, однако, отличаются друг от друга, а также от одежды поклоняющегося, поскольку они более тщательно проработаны, причем божественный посредник носит более богатую одежду из двух. Надпись относится к Ур-Энгуру, царю Ура, который, возможно, является фигурой, сидящей на троне; в поддержку этой теории стоит отметить, что цари этой династии часто обожествлялись еще при жизни. Преемником Ур-Энгура был Дунги, оттиск одной из цилиндрических печатей которого приведен на рис. [66](#). Обе эти печати хранятся в Британском музее. Бог с бородой и роговым

головным убором стоит перед алтарем в форме высокой стоячей вазы, из которой поднимается пернатый ветвь, возможно, символизирующая восходящее пламя, а по обеим сторонам алтаря свисают два длинных голых стебля с пушистыми головками. Бог держит в левой руке оружие, верхний конец которого снабжен боковой полукруглой рукояткой, похожей на ту, что была найдена в Телло Де Сарзекком, а также на ту, что изображена на каменной вазе Гудеи (см. рис. [90](#)). В вытянутой правой руке он держит трехстебельный цветок, который является точной копией того, что было найдено в руках мифических существ на более поздних ассирийских барельефах. По другую сторону алтаря находится молящийся, одетый в ту же одежду с бахромой, что и на рис. [65](#), а его правая рука поднята в знак поклонения. За ним стоит еще один поклоняющийся, одежда которого напоминает одежду бога, и который также увенчан рогатым головным убором, но, несмотря на это божественное отличие, он поднял обе руки в знак поклонения. Преемником Дунги стал Бур-Син, одна из цилиндрических печатей которого показана на рис. [67](#). Сцена мало отличается от той, что изображена на печатях его предшественников. Сидящий бог, поклоняющийся и еще одна поклоняющаяся фигура в божественном головном уборе позади. Бог носит тюрбан, как на печати Ур-Энгура (ср. рис. [65](#)); он отдыхает на очень толстом мягком сиденье, а его ноги и ноги его трона стоят на небольшой низкой платформе. Поклоняющийся здесь сложил руки перед собой почти так же, как руки Гудеи на статуях из Телло, но третья фигура, которую Уорд с некоторым юмором описывает как «богиню с оборками», подняла обе руки. Оттиск цилиндрической печати Гимил-Сина, преемника Бур-Сина на троне Ура, воспроизведен на рис. [68](#). Бог в тюрбане и с длинной бородой снова сидит на богато обитом диване и возвышается на небольшой платформе. В правой руке он держит вазу с двумя ручками, а левая рука скрыта в складках его оборчатой одежды. Одежда посредника точно такая же, как у сидящего бога, но вместо тюрбана он носит рогатый колпак. Поклоняющийся позади поднял одну руку, как и его привратник, а одежда с бахромой, свисающая с его плеча, устроена так, что видна его левая нога. Печать Иби-Сина, последнего из династии (см. рис. [69](#)), представляет тот же сюжет, причем в исполнении практически нет никаких изменений. Можно заметить, что звезда и полумесяц присутствуют на некоторых из этих цилиндров, а на других отсутствуют, из чего можно сделать обоснованный вывод, что они были лишь символическими аксессуарами и как таковые не имели жизненно важного значения.

Все эти печати имеют надписи, в отличие от печатей более раннего периода, и значительная часть поверхности цилиндра занята надписями, а не изображениями. Но со временем эта тенденция стала более выраженной, и в касситский период иногда почти вся поверхность печати была занята надписью (), обычно религиозного характера. Так, на цилиндре с надписью имени Куригалзу, касситского царя Вавилонии (около 1400 г. до н. э.) (см. рис. [70](#)), изобразительный элемент сведен к одной единственной фигуре — поклоняющегося.

Рис. 67.

Рис. 68.

Рис. 69.

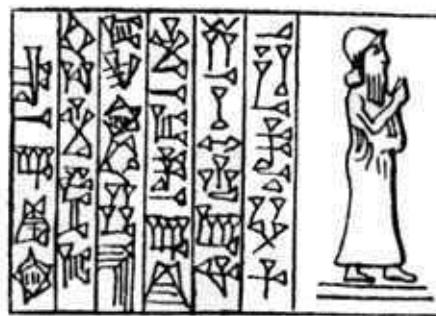

Рис. 70.

Чрезвычайно интересный оттиск печати касситского периода опубликован Клэем в журнале «*The Museum Journal, University of Pennsylvania*» (I, 1910, стр. 4-6). Он датирован четвертым годом правления Нази-Марутташа, царя Вавилона (около 1330 г. до н. э.) (см. рис. [71](#)). Три бородатых мужчины заняты пахотой; один подгоняет двух горбатых волов, запряженных в плуг, второй держит ручки, а третий, по-видимому, засыпает зерно в сеялку, прикрепленную к плугу.

Говорят, что этот оттиск печати дает нам самое раннее изображение вавилонского плуга, но это утверждение необходимо значительно скорректировать в свете ранних оттисков печатей, приведенных Уордом (стр. 132, рис. 369, 371, 372). Плуг изображен на всех трех цилиндрах, и все они предшествуют цилиндрической печати Нази-Марутташа (ср. также вотивную табличку из Ниппура, рис. [25](#), E).

Нововавилонская империя (625-538 гг. до н.э.) унаследовала стереотипные традиции

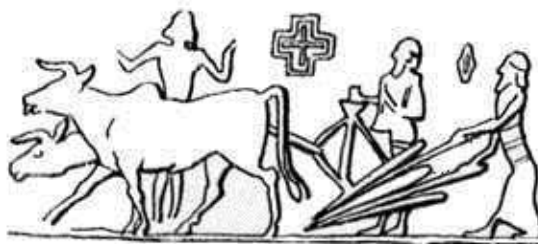

Рис. 71. и,

длительного периода господства касситов хотя в более поздних цилиндрических печатях наблюдалась определенная реакция в пользу изобразительного элемента по сравнению с литературным, стиль искусства оставался более или менее неизменным, если не неизменным. Хорошим примером нововавилонского оттиска печати является оттиск, найденный на табличке, датированной 26-м годом правления Навуходоносора (см. рис. [72](#)).¹³⁶ Поклоняющийся стоит перед прямоугольной коробкой, которая выглядит как алтарь, но, по мнению Уорда, является престолом богов. На нем расположены два символа: собака и молния бога грома Адада. Поза, осанка и общий вид поклоняющегося точно соответствуют изображениям на касситских цилиндрах Куригалзу (см. рис. [70](#)) и являются хорошей иллюстрацией условности, которой так безнадежно подверглось позднее месопотамское искусство.

Цилиндрическая печать использовалась в Ассирии с самых ранних периодов ее истории,

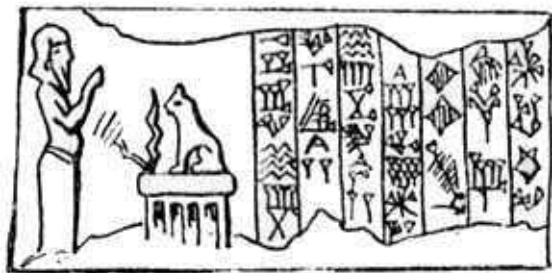

Рис. 72. и продолжала использоваться вплоть до времени персов, которые, в свою очередь, приняли тот же вид печати. Цилиндрическая печать, относящаяся к раннему ассирийскому периоду, т. е. около 2000 г. до н. э., показана на рис. 73. Исполнение грубое, но в самой сцене мы видим зародыш военных подвигов поздних ассирийских барельефов. Воин, сидящий в своей двухколесной боевой колеснице, готовится выпустить стрелу из натянутого лука ; его соперник, идущий пешком, делает то же самое, и, похоже, вопрос в том, кто из двух бойцов первым поразит цель. Колесница запряжена быком, что указывает на то, что лошади еще не использовались в военных целях, а

четырехспицевые колеса Рис. 73. являются еще одним архаичным элементом — колеса колесниц поздних ассирийцев имели восемь, двенадцать, а иногда и шестнадцать спиц. Бык в своем безумном беге топчет лежащего врага — сцена, которая часто изображается на барельефах; однако интересно увидеть символическую звезду и полумесяц древних вавилонян, воспроизведенные на этой ранней ассирийской печати.

Мы уже видели крылатого дракона на архаичной вавилонской печати (см. рис. 59), но, по-видимому, только в ассирийскую эпоху конфликт между «Белом и драконом» был

представлен в месопотамском искусстве.¹³⁷ Рис. 74. На ранней ассирийской цилиндрической печати, которая сейчас хранится в Музее Метрополитен в Нью-Йорке (см. рис. 74), мы видим примитивное изображение победы Бел-Меродаха, как представителя и воплощения порядка, системы и метода, над драконом — олицетворением беспорядка и бурного хаоса. Бог натягивает свой лук — по-видимому, не наобум, а с той смертельной уверенностью, с которой, по-видимому, могут целиться боги. Несмотря на это, бог принял меры предосторожности, взяв на спину колчан, полный стрел, а также вооружившись топором. Крылатый дракон смешанного характера стоит на задних лапах, лицом повернувшись к своему всемогущему противнику, как на знаменитом барельефе

Мардука и Тиамат из храма Ашшуна ().

Бога сопровождает другое крылатое чудовище, которое, без сомнения, готово прийти на помощь своему божественному повелителю, когда тот его позовет. За богом мы видим крылатый диск и то, что похоже на два глаза, а спереди выгравированы полумесяц Сина, бога Луны, и звезда Иштар. За драконом находится священное дерево, напоминающее пальму. Священное дерево играло очень важную роль в ассирийском искусстве и является одним из наиболее часто повторяющихся объектов на рельефах дворцовых стен. Оно также часто встречается на ассирийских печатях, хорошим примером которых является цилиндрическая печать в Британском музее, воспроизведенная на рис. [75](#). Священное дерево в его наиболее условной форме занимает центральную часть картины; по обе стороны от него стоит царь с поднятой в поклонении рукой; его одежда — для ассирийского царя — сравнительно проста, но его головной убор является копией остроконечной шапки, которую так часто можно увидеть на

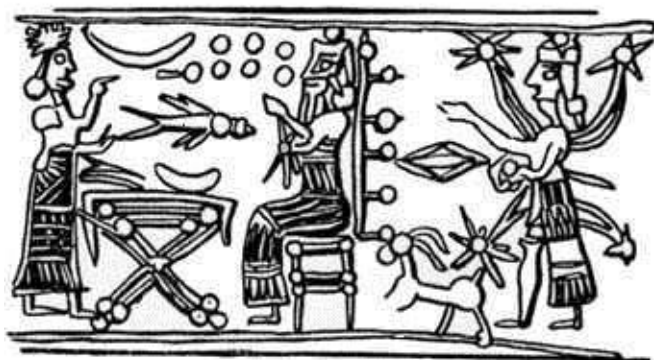

головах ассирийских царей на рельефах дворцовых стен.

Рис. 76.

Над священным деревом находится бог Ашур с крылатым диском, с которого спускаются две веревки, которые, кажется, образуют внешнюю связь между богом и его поклонником и напоминают лучи, исходящие из диска Атона и заканчивающиеся руками, несущими египетский символ жизни, на знаменитой стеле Хунатена, так называемого «еретика-царя» XVIII династии Египта. За царем находится крылатый гений с головой орла, который так часто изображается на барельефах. Это странное мифическое существо поднимает одну руку (), а в другой держит корзину обычного ассирийского типа.

На ряде печатей, одна из которых воспроизведена здесь (см. рис. [76](#)), наиболее видное место занимает человек-рыба или бог-рыба, напоминающий фигуру, найденную Лейардом в скульптурном рельефе в Нимруде (см. табл. [IV](#)). Ашур в своем крылатом диске снова бросает тень своей божественной защиты на священное дерево; по обе стороны от него стоят поклонники, похожие на Дагана, с поднятой рукой и корзиной в другой. За ним следует сопровождающий поклонник, а позади — воинственный персонаж, возможно, бог Мардук,

который
страусу; левой рукой он крепко сжимает длинную шею страуса, а в правой держит ятаган, которым, по-видимому, намеревается отсечь голову птицы.

Рис. 77. собирается отомстить

Сидящее божество, изображенное на вавилонских печатях всех периодов, также встречается на цилиндрических печатях ассирийцев. У нас есть хороший образец ассирийской печати, подобной той, что изображена на рис. [77](#). Бородатый бог сидит на стуле с высокой спинкой, которого никогда не встретишь на вавилонских цилиндрах: ножки стула укреплены поперечинами, чтобы выдержать вес божественного обитателя, а спинка несколько гротескно украшена шариками. Перед богом стоит стол или подставка с двойными складными ножками, покрытая тканью, на которой лежат неглубокая миска и два плоских хлебца; над столом висит рыба, голова которой повернута к богу. За восседающим на троне богом стоит богиня, из тела которой исходят четыре лучеобразных выпячивания, заканчивающиеся звездами, общий вид которых напоминает четыре звездные ракеты. Перед накрытым столом стоит поклоняющийся с поднятой рукой, а на цилиндре изображен козел, узор в форме глаза, семь шаров и полумесяц.

ГЛАВА X — ГРАВИРОВКА НА РАКУШКАХ И РАБОТА ПО СЛОНОВОЙ КОСТИ

(А) ГРАВИРОВКА НА РАКУШКАХ

Искусство гравировки на раковинах в Месопотамии восходит к самым ранним дням шумерской цивилизации. Самые древние из этих гравюр выполнены на раковинах с шероховатой поверхностью, среди которых наиболее популярными, по-видимому, были раковины устриц.

Некоторые из найденных фрагментов имеют четкую форму и были созданы для инкрустации, в то время как другие, имеющие изогнутую форму, могут быть соединены вместе и когда-то составляли часть гравированной и изящно сформированной вазы или чашки. Некоторое время спустя перламутр стал популярным материалом среди граверов, которые использовали его с большим успехом. Перламутр, несомненно, более эффектен и впечатляющ, чем обычная раковина, но у него есть свои недостатки и минусы, поскольку он хрупок и чешуйчатый, и вследствие этого гравер, по-видимому, был вынужден по необходимости ограничиваться использованием плоских лезвий или чешуек при работе с этим материалом.

Рис. 78. — (Лувр) Кат., стр. 389. Рис. 79. — *Déc. en Chald.*, Pl. 46, 4.

Один из древнейших образцов искусства гравировки на раковинах, обнаруженных на сегодняшний день, представлен на рис. [78](#). Этот фрагмент имеет выпуклую форму и представляет собой усеченный треугольник. На нем изображен лев, душащий быка: одной из передних лап он сжимает шею жертвы, а другой обхватывает спину быка, впиваясь зубами в его шею. Общий стиль, которому соответствует эта гравюра, вид льва в анфас, действие, которым он занят, и сочетание энергичности и грубости, характерные для этого произведения, ярко напоминают головку булавы Месилима, царя Киша (ср. рис. [26](#)). Сравнение между ними настолько поразительно, что мы вряд ли ошибемся, отнеся эту гравированную раковину примерно к тому же периоду, т. е. ко времени до Ур-Нины, основателя первой династии Лагаша. Она была обнаружена в Телло, недалеко от колодца Эаннатума, и ее высота составляет чуть менее трех дюймов. На рис. [79](#)¹³⁸ мы видим еще один фрагмент очень архаичной гравюры на раковине; бык с человеческой головой и полосатой

бородой подвергается нападению орла с головой льва; сама раковина чрезвычайно тонкая, а гравюра очень тонкая, но как сам рисунок, так и способ его исполнения свидетельствуют о его большом возрасте. Работы на раковинах времен Ур-Нины и его преемников хорошо иллюстрированы на рис. [80](#). Здесь мы видим эскиз человека с сетью; мужчина гладко выбрит и лысый, а его лицо точно соответствует типу, который так часто изображался на скульптурах времен Ур-Нины. Его единственная одежда — короткая юбка «каунакес», бахрома которой изображена в стиле, характерном для самых ранних шумерских произведений искусства. В правой руке он держит боевой топор, а левой — концы двух палок, на которых висит уже упомянутая сеть или корзина. Эта небольшая реликвия была найдена в том же районе, что и предыдущая, и ее высота составляет чуть менее двух дюймов. Еще один интересный образец шумерской резьбы по ракушке опубликован г-ном Л. В. Кингом в «Трудах Общества библейской археологии» (1910, стр. 243-5). На нем изображен бородатый герой, обнимающий козла. Стоит отметить, что одежда героя состоит не из шумерской юбки, а из набедренной повязки. Вероятно, лучшим примером ранней вавилонской резьбы по ракушке является изображение, воспроизведенное на рис. [81](#): прыгающий козленок удивительно реалистичен как по форме, так и по позе и явно был изучен с натуры. Хороший пример более поздней резьбы по перламутру мы видим на рис. [82](#). Здесь Гильгамеш изображен в стоячем положении, держа в каждой руке один из длинных «посохов», которые можно увидеть и в других местах, в частности на знаменитой зеленой стеатитовой вазе Гудеа (см. рис. [90](#)). Гильгамеш изображен в анфас и имеет длинную бороду с вертикальными полосками, которую так часто можно увидеть на цилиндрических печатях. Этот фрагмент имеет высоту чуть менее двух с половиной дюймов и был найден в том же месте. Гравированные продолговатые пластины из перламутра, по-видимому, использовались для украшения рукояток ножей или кинжалов.

Рис. 80.

Рис. 81.
(Музей Лувр)

Рис. 82.
Каталог, стр. 393, 401.

На рис. [83](#) мы видим один из наиболее хорошо сохранившихся и интересных образцов позднейшей раковинной резьбы в Месопотамии. Этот фрагмент был обнаружен в Варке (Эрехе), но явно выполнен в ассирийском стиле: тщательно украшенные лошади поразительно напоминают лошадей, высеченных в рельефе на стенах дворца Ашур-насира-пала в Нимруде (Калахе), а цветочный орнамент свидетельствует о египетском влиянии и напоминает резные изделия из слоновой кости, найденные среди обломков дворца этого царя. Разрушенные курганы самой Ассирии дали лишь несколько образцов искусства

резьбы по ракушке, и те, что были найдены, в основном выполнены в финикийском стиле и египетской концепции, с сфинксами и лотосами, занимающими наиболее видное место в

украшении.

Рис. 83. (По Лейарду.)

Обнаружение гравированных раковин, по-видимому, более позднего периода, было одним из многих интересных результатов немецких раскопок в Вавилоне; ряд этих раковин был найден на полу здания Навуходоносора, некоторые из них демонстрировали египетское влияние и были украшены лotosовыми орнаментами. Таким образом, ракушки использовались для различных декоративных целей, но в древние времена они иногда служили материалом для изготовления даже таких утилитарных предметов, как печати, как мы уже имели возможность отметить.

(В) РАБОТЫ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

В отличие от ракушек, которые жители Нижней Месопотамии () могли легко собирать на берегах Персидского залива, многие из которых в те времена, несомненно, были морскими портами, слоновая кость была доступна только в других местах, и только после того, как жители долины распространили свою власть за ее пределы, они смогли обеспечить себя этим более ценным материалом. слоновая кость была одним из основных материалов, которые позднее ассирийские цари требовали от своих различных вассальных князей. Большая коллекция резных изделий из слоновой кости, обнаруженная во дворце Ашур-насир-пала в Нимруде (Калах), дает нам желанную возможность изучить изделия из слоновой кости того периода и оценить мастерство, которого достигли художники того времени. Что сразу же и с потрясающей силой бросается в глаза в небольшой группе резных

изделий из слоновой кости (, рис. 84) на табл. [XXXII](#), так это их ярко выраженный египетский облик, который является верным и несомненным свидетельством тесных отношений, которые, должно быть, существовали между Египтом и Ассирией в этот период. В правом верхнем углу мы видим голову женщины, изображенную в анфас и с египетским головным убором: голова помещена в рамку узкого окна, из которого она смотрит на балкон, поддерживаемый колоннами. В центре мы видим фрагмент похожей головы, под которой находится голова быка. В верхнем левом углу мы видим слоновую кость, на которой изображен египетский царь в стоячем положении, держащий в левой руке лотос, высотой примерно с него самого. Растение стоит на подставке, верхняя часть которой имеет форму волуты и напоминает капители колонн на барельефе из Сиппара (ср. табл. [XIV](#)). Внизу слева находится резной сфинкс из слоновой кости, который по стилю и характеру явно не является ни ассирийским, ни вавилонским. Но самым интересным экземпляром в этой группе является резной панно из слоновой кости, на котором две женщины сидят друг напротив друга по обе стороны от картуша, увенчанного диском и перьями. Картуш содержит египетские иероглифы, которые можно прочесть как «Убен Шу», что означает «Восходит бог солнца Уа-Шу» или «Восходящее солнце»: внутренняя часть этого картуша позолочена, а символы внутри инкрустированы. Перья, которые также инкрустированы, являются эмблемой Маат, бога истины, а диск, конечно же, символизирует солнце. Две женщины явно египтянки, об этом свидетельствуют их головные уборы, складки на одежде и общая поза, а под их сиденьями, представляющими собой стулья с низкой спинкой, находится знак «анкх», значение которого — «жизнь». Этот знак, неправильно названный «сгux ansata» или «крест с ручкой», не имеет, разумеется, никакого отношения к христианскому символу; вероятно, он представлял собой пояс, причем то, что считалось ручкой, было частью пояса, опоясывающей талию, а длинный стержень — свободными концами, и пояс, опоясывающий жизненно важные части тела, вполне естественно символизировал жизнь и в изобразительном языке стал обозначать ее. Две сидящие фигуры поднимают одну руку в знак поклонения перед священными символами в центре, а другой рукой крепко сжимают скипетр. Ниже представлены еще семь фрагментарных образцов изделий из слоновой кости, все из которых были обнаружены

среди руин того же дворца и свидетельствуют о сильном иностранном влиянии. Выводы, которые эти небольшие резные изделия из слоновой кости позволяют сделать в отношении внешней политики Ассирии в этот период (), подтверждаются доказательствами, полученными из бронзовых чаш, о которых говорится в главе «Металлургия».

Фото. Манселл

РЕЗНЫЕ ПАНЕЛИ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ, ИЗ НИМРУДА

Однако не следует полагать, что все изделия из слоновой кости, обнаруженные в Ассирии, являются работой египетских или финикийских мастеров. Некоторые из них, хороший образец которых можно увидеть на рис. [84](#), по стилю и замыслу столь же ассирийские, как и любой дворцовый барельеф. Изображенная здесь панель из слоновой кости имеет высоту всего пять дюймов. Тема изображения хорошо знакома — четырехкрылое мифологическое существо в рогатой короне, с правой рукой, протянутой для совершения какой-то религиозной церемонии, и с корзиной в левой руке. Не только мотив полностью соответствует ассирийскому характеру, но и мастерство и манера исполнения несут на себе несомненный отпечаток Ассирии. Агрессивная мужественность рук и ног, складки, расположение и стиль одежды, а также волосы и ярко изображенная борода — все это точно соответствует фигурам, которые так часто встречаются на каменных скульптурах того периода. По обеим сторонам панно, на котором изображено это мифологическое существо, находится узор в виде спирали, который использовался в Вавилонии еще во времена Энтемены из Лагаша, а его ноги стоят на линии розеток, которые так часто встречаются в качестве декоративного элемента в ассирийских произведениях искусства. Нижняя часть этой панели заполнена круглыми и спиралевидными узорами, а внизу снова идет ряд розеток. Среди различных сюжетов, вырезанных на других панелях из слоновой кости, найденных в руинах того же дворца, особого интереса заслуживают следующие: герой, убивающий льва, ассирийцы, собирающие фрукты, и Ашур-насир-пал в сопровождении божеств и слуг.

Эти слоновые панели из Нимруда, как мы видели, во многих случаях были инкрустированы [139](#) лазуритом и позолочены, и, вероятно, использовались для украшения тронов или других величественных предметов мебели, и в этой связи мы невольно вспоминаем великий трон, который Соломон построил для себя, который, как говорят, был сделан из слоновой кости и покрыт лучшим золотом (ср. 1 Царств х. 18), а также слоновой кости дворец, построенный Ахавом.

ГЛАВА XI — ТЕРРАКОТОВЫЕ ФИГУРЫ И РЕЛЬЕФЫ

¹Было бы действительно парадоксально, если бы вавилонские художники не прибегали к помощи глины, которую они так охотно и широко использовали не только в строительстве, но и для всех обычных целей письма, в своих попытках изобразить жизнь людей и животных. Несомненно, этот материал не использовался для этих целей так часто, как можно было бы ожидать, но это, вероятно, связано с относительной хрупкостью этого вещества и его неспособностью противостоять разрушительному воздействию времени и климата; поскольку большинство предметов, созданных вавилонскими художниками, по-видимому, имели обрядовый характер, очевидно, что долговечность была одним из важнейших факторов при их изготовлении. Несмотря на это, к счастью, сохранилось достаточно большое количество терракотовых фигурок, некоторые из которых относятся к самым ранним периодам шумерской цивилизации. Самые древние из этих терракотовых моделей чрезвычайно малы по размеру и грубы по исполнению. Очень архаичный образец представлен на рис. [85, А](#). Наиболее заметной чертой этой маленькой фигурки являются глаза, представляющие собой сплюснутые шарики; тела этих примитивных маленьких моделей настолько незавершенны, насколько это только возможно, иногда они имеют лишь треугольную форму. На рис. [85, В](#) представлен другой образец того же типа и того же периода, хотя он демонстрирует небольшой прогресс по сравнению с предыдущей фигуркой. Голову венчает толстый головной убор или парик, а в руках она держит предмет неопределенного характера, либо ребенка, либо музыкальный инструмент, по мнению М. Хеузея. Глина, хотя и сформованная вручную, покрыта множеством тонких линий, которые, вероятно, были нанесены с помощью острого и тонкого инструмента. Эти любопытные фигурки имеют высоту около полутора-двух дюймов.

Следующая иллюстрация (рис. [85, С](#)) переносит нас из раннего шумерского периода в период Гудеи. Сравнительная мастерство, достигнутое благодаря долгому развитию искусства, достаточно очевидно. Фигура представляет собой бога, его головной убор характерно украшен четырьмя парами рогов, и в отличие от медных вотивных статуэток Гудеи, бог здесь имеет уши быка. Верхняя часть тела осталась обнаженной, но нижняя часть, которая, к сожалению, не сохранилась, была, очевидно, покрыта одеждой, закрепленной вокруг талии поясом. Левая рука бога держит палку или оружие, вставленное в пояс, верхняя часть которого видна на иллюстрации. Как обычно, бог носит густую бороду, изображенную серией вертикальных полос, но прическа, состоящая из двух длинных хвостов, свисающих на грудь и закрученных на концах, несколько необычна. Эта небольшая пластина имеет высоту от двух с половиной до трех дюймов.

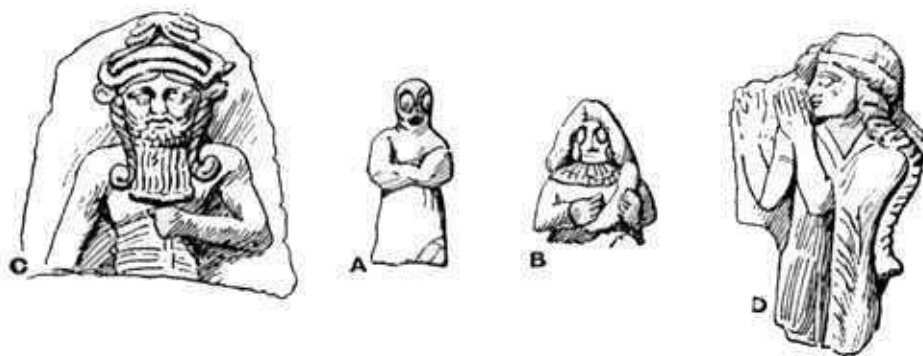

Рис. 85.—А, В (ср. *Déc. en Chald.*, Pl. 39; 1, 2). С (ср. Cat., Fig. 183).
D (ср. Cat., рис. 193; *Déc. en Chald.*, стр. 252). (Все из Музея Лувра.)

Однако шумеры древних времен не ограничивались изображением отдельных фигур на своих глиняных рельефах, но иногда стремились создать целые сцены; таким образом, на фрагменте, воспроизведенном на рис. [85](#), D, мы видим стоящую женщину; ее руки подняты в знак поклонения, и, несомненно, если бы сохранилась остальная часть этого глиняного рельефа, мы увидели бы ее в сопровождении мужа, как это часто бывает на цилиндрических печатях. Ее густые волнистые волосы свисают косо по спине, а голову окружает приподнятая повязка. Рельеф, на котором изображена фигура женщины, высокий, и хотя исполнение грубое, оно не лишено жизни. Этот маленький фрагмент высотой около пяти дюймов сделан из серой глины. Иногда эти терракотовые фигурки раскрашивались, как в случае с маленькими мужскими статуэтками, обнаруженными в Вавилоне в 1910 году.^{[140](#)}

Всегда верные искусству имитации, ассирийцы также обратили свое внимание на художественные возможности глины, которую они использовали как для строительства своих домов, так и для письма. Некоторые из глиняных фигурок или небольших глиняных рельефов, обнаруженных в Ассирии, без сомнения, относятся к ассирийскому периоду, но значительно большая часть терракотовых фигурок, ламп и других предметов, безусловно, относится к постяссирийскому периоду.

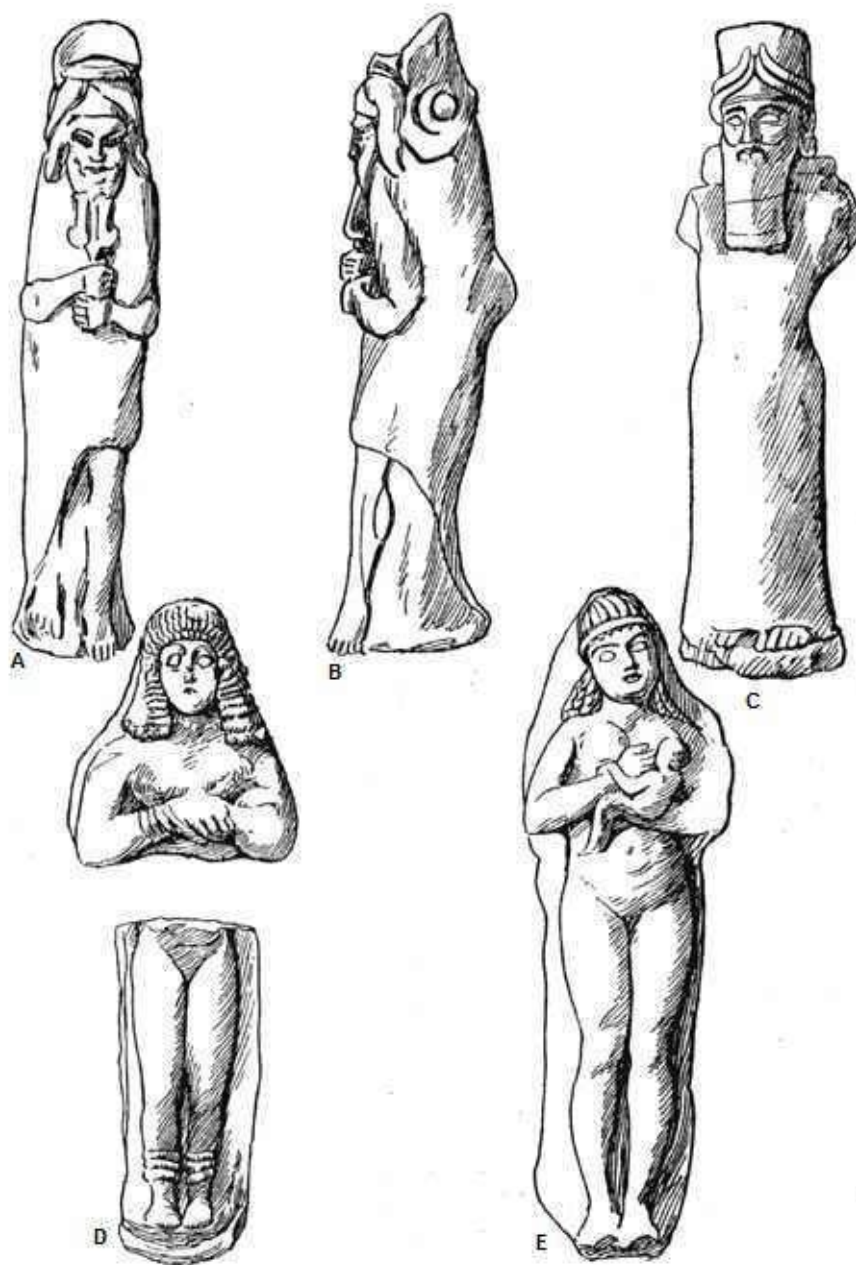

Рис. 86.—А, В (Британский музей, № 91837). С, Е (Лувр).
D (См. *Mitteilung.*, № 5, Abb. 1).

Некоторые очень интересные терракотовые фигурки, изображающие бога-рыбу Дагана, хранятся в Британском музее (см. рис. [86](#), А, В). Эти небольшие изображения имеют высоту всего несколько дюймов, но человеческое лицо бога изображено менее условно, чем в скульптурных портретах людей ассирийского периода, что, конечно, возможно, объясняется пластичностью глины по сравнению с камнем. Эти маленькие фигурки, вероятно, являются ассирийскими, а не вавилонскими по своему исполнению; в любом случае, рельефная скульптура бога-рыбы была обнаружена у входа в небольшой ассирийский храм в Нимруде, что, помимо других свидетельств,^{[141](#)} является явным указанием на то, что бог-рыба почитался как в Ассирии, так и в Вавилонии. Кажется разумным предположить, что культ Дагана, естественно, возник в аллювиальных центрах шумерской цивилизации на крайнем юге Вавилонии, где вода была важнейшим фактором, определяющим благополучие или бедствие, но, согласно Ястроу^{[142](#)} он был завезен с севера на юг, хотя имя царя Исина Ишме-

Дагана, правившего около 2200 г. до н. э., показывает, что бог был известен и почитаем в Вавилонии по крайней мере еще в его время. С другой стороны, столь же примечательно, что один из самых ранних известных ассирийских царей, чье правление, вероятно, следует отнести к XIX веку до н. э., также носил это имя. Эти глиняные изображения богов обычно закапывались в качестве амулетов в фундаментах зданий. Еще одно терракотовое изображение бога, относящееся к ассирийскому периоду и созданное ассирийским художником, можно увидеть на рис. [86](#), С. ¹⁴³ Это маленькое изображение было найдено вместе с двумя другими терракотовыми фигурками под полом двора дворца Саргона в Хорсабаде. Каждая из них была заключена в кирпичную капсулу в качестве амулета фундамента, где они оставались нетронутыми, пока лопата Ботты не вывела их снова на свет. Здесь воспроизведена фигурка ассирийского бога, в то время как одна из двух других фигурок представляла мифическое существо, а третья — демона, но все три, вероятно, были захоронены с одной и той же целью: бог должен был заботиться о благополучии обитателей дворца, демон — отгонять злые силы, а все они имеют свои каменные аналоги в барельефах, найденных в руинах ассирийских дворцов. Эта маленькая статуэтка высотой восемь дюймов сделана из сероватой глины. Бог одет в длинную одежду, достигающую до ног; его голова увенчана короной, окруженной двумя парами рогов, а борода соответствует обычному ассирийскому типу. ¹⁴⁴

Различные терракотовые фигурки обнаженных женщин или богинь были найдены на разных вавилонских и ассирийских раскопках, но в большинстве своем они не более древние, чем парфянский период, и поэтому их рассмотрение не входит в рамки настоящего тома. Однако из этого общего правила есть исключения, одним из наиболее примечательных из которых является терракотовая фигурка, также хранящаяся в Лувре и воспроизведенная на рис. [86](#), Е. ¹⁴⁵ Эта маленькая модель, по имеющимся данным, была найдена в Хилле, недалеко от Вавилона; местом ее обнаружения была греческая могила, но она была найдена в компании печатей и амулетов, относящихся к гораздо более раннему периоду. Женщина, стоящая в полный рост, кормит грудью своего младенца. Тела матери и ребенка обладают характерной для восточного искусства полнотой, но, несмотря на это, в них есть нежность и утонченность, а также понимание прелестей человеческой природы, что редко встречается в статуях и фигурках восточной древности. Различные терракотовые фигурки обнаженных женщин были также обнаружены в Ниппуре в слоях Шар-Гани-Шарри и Ур-Энгур, а еще один интересный пример обнаженной женщины или богини можно увидеть на рис. [86](#), D. ¹⁴⁶ Эта маленькая глиняная фигурка была обнаружена в ходе немецких раскопок в Вавилоне, где было найдено множество терракотовых фигурок обнаженных женщин с детьми и без детей; нижняя часть тела, по-видимому, не принадлежит представленной здесь верхней части, а является сломанной половиной другой глиняной фигурки; однако она позволяет нам составить более полное представление о внешнем виде этих терракотовых фигурок в целом. Оба фрагмента были найдены в руинах храма богини Нин-Мах и, без сомнения, были частью глиняных миниатюр каменной статуи богини, которая, к сожалению, еще не была обнаружена. Фигурка выглядит несколько тяжеловесной, что только подчеркивают густые волосы. Сами волосы, по-видимому, тщательно зачесаны и закручены; руки женщины сложены под грудью, на запястьях она носит браслеты, а на ногах — браслеты.

Во время тех же раскопок в храме Адара была найдена интересная фигурка бородатого мужчины, сделанная из не обожженной глины и высотой около шести дюймов; его левая рука свисает, а правая вытянута и держит что-то похожее на посох, а на голове он носит фригийскую шапку или что-то похожее. Подобная глиняная фигурка была найдена в храме Ану-Адада, но она отличалась от предыдущей тем, что была снабжена золотым посохом.

Фигурка была заключена в так называемую кирпичную капсулу; эти капсулы иногда были высотой всего несколько дюймов (), но в других случаях достигали двадцати дюймов. Эти капсулированные статуэтки обычно располагались перед входами в комнаты. Иногда фигурки животных, а также людей были аналогичным образом помещены в кирпичные капсулы; так, модель глиняного голубя, заключенная таким образом, была обнаружена немецкими археологами в Вавилоне.

Рис. 87. (Британский музей) Рис. 88. (Британский музей)

Среди наиболее интересных ассирийских терракотовых моделей следует упомянуть модели любимых охотничьих собак Ашшурбанипала (см. рис. [87](#)), найденные в его дворце в Ниневии; однако эти же собаки гораздо легче изучить по каменным барельефам того же царя, поэтому лучше не рассматривать их здесь подробно. К сожалению, невозможно с уверенностью говорить о дате создания подавляющего большинства глиняных фигурок, найденных при раскопках в Вавилонии и Ассирии; среди них есть фигурки богов и богинь, а также собак, львов и других животных. Некоторые из них выполнены в объемном исполнении, другие изображены в рельефе на небольших пластинках. Одна из наиболее хорошо сохранившихся таких пластин воспроизведена на рис. [88](#). Этот небольшой глиняный рельеф был обнаружен сэром Генри Роулинсоном в Бирс-Нимруде. Бритый и полуобнаженный слуга присматривает за большой гончей, которую он ведет на поводке. Слуга, вооруженный палкой, выглядит более реалистично, чем слуги на барельефах Ашшурбанипала, но собака, хотя и энергичная, не может сравниться с теми, что высечены из твердого камня на стенах дворца того же царя. Бесчисленные терракотовые лампы, которые время от времени извлекались из земли, в основном относятся к позднему периоду, однако интересно отметить, что глиняные лампы, по-видимому, использовались в очень ранний период, даже во времена Бур-Сина, царя Ура (около 2350 г. до н.э.), одна из глиняных ламп которого была обнаружена в Ниппуре. Мы уже отмечали, что глина, вероятно, широко использовалась для изготовления форм для литья металлических предметов, и несомненно, что иногда она использовалась скульпторами в качестве материала для грубых эскизов (см. стр. [118](#)). Глиняные фигурки или статуэтки более раннего периода были либо изготовлены вручную, либо отпечатаны в форме, но в любом случае они были цельными, в отличие от вавилонских терракот более позднего греческого и римского периодов, которые, как правило, были полыми внутри, а снаружи покрытыми пастой, с помощью которой художник пытался проработать детали волос, одежды и других внешних признаков, причем нередко они покрывались стекловидной глазурью синего и зеленого цветов. Однако рассмотрение этих более поздних работ выходит за рамки нашего издания, которое ограничивается рассмотрением вавилонского и ассирийского периодов.

ГЛАВА XII — КЕРАМИКА И ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА

СКАМЕНЬ и глина были двумя материалами, из которых вавилоняне и ассирийцы, как правило, изготавливали свои вазы, горшки и чаши, хотя, как мы видели (см. рис. [45](#)), иногда для этой цели использовался металл. К сожалению, изучение вавилонской и ассирийской керамики никогда не получало должного внимания, а в ходе ранних раскопок в Месопотамии не было осознано значение этих неискорененных реликвий прошлого, а упущение в наблюдении за конкретными слоями курганов, в которых они были соответственно обнаружены, а также в некоторых случаях неуказание даже мест, где они были найдены, сделало практически невозможным какое-либо систематическое изучение вавилонской и ассирийской керамики.

С самых ранних периодов месопотамской цивилизации в качестве материала для изготовления чаш и ваз использовались различные виды камня. Так, в Ниппуре американские археологи обнаружили вазу из песчаника с надписью Утуга, патеси или жреца-царя Киша, почерк которой был еще более архаичным, чем надпись на головке булавы Месилима, царя Киша (ср. стр. 185, рис. [26](#)), и, следовательно, предположительно более ранней даты; по-видимому, она была посвящена Эн-лилу в качестве благодарственного подношения, что является случайным свидетельством того важного места, которое бог Ниппура, должно быть, занимал даже в этот чрезвычайно отдаленный период. Точно так же ваза из белого кальцитового сталагмита с надписью Урзаге, царя Киша, относящаяся примерно к тому же периоду, была посвящена Эн-лилу и его супруге Нин-лилу.

Подобные каменные вазы были найдены в Телло, а фрагменты нескольких каменных ваз из белого кальцитового сталагмита с надписью Лугаль-заггиси, царя Уммы, который разграбил Лагаш во время правления Урукагины, последнего царя первой династии, были найдены на том же месте, и из надписей на этих фрагментах ваз мы узнаем, что они были посвящены Лугаль-заггиси Эн-лилу в Э-куре. Фрагмент алебастровой вазы с именем Урукагины в настоящее время хранится в Британском музее, а ониксовая ваза, посвященная богине Бау, была обнаружена в окрестностях здания Ур-Нины, в то время как большая базальтовая чаша Эаннатума была найдена на том же месте, а фрагменты известняковой вазы с надписью Энтемена, позднего царя Лагаша, были обнаружены под храмом Эн-лиля в Ниппуре. Так же и в Джохе, месте древнего города Умма, были обнаружены фрагменты ваз и предметов из камня, а в Фаре, руины которой представляют собой одно из самых ранних мест шумерской цивилизации на Вавилонской равнине, были найдены вазы и чаши из различных камней, в том числе мрамора. Они были в основном простыми, хотя иногда и украшенными. Но Бисмая, благодаря научным раскопкам, проведенным Харпером и Бэнксом для Чикагского университета, вероятно, дала более богатый и разнообразный урожай каменных сосудов, чем любое другое место в Вавилонии. Они включают чаши, флаконы, блюда, чашки, кружки и сосуды всех возможных форм, самые высокие из которых достигают около двенадцати дюймов в высоту, а самые большие — около двенадцати дюймов в диаметре, при этом толщина стенок варьируется от одной восьмой дюйма до чуть менее одного дюйма и четверти.^{[147](#)} Камни, из которых они изготовлены, варьируются почти так же, как и их размеры, и включают белый мрамор, желтый мрамор, алебастр, желтый известняк, розоватый оникс, порфир, зеленый порфир, голубой тесаный камень, мягкий известняк и серый песчаник. Практически ни один из этих разнообразных сосудов не был найден в

целостности, но Бэнкс смог восстановить большое количество из оставшихся фрагментов. Все они были отполированы; некоторые были гравированы с относительно простым дизайном, в то время как другие были тщательно украшены фигурами людей и животных, а некоторые были инкрустированы слоновой костью и драгоценными камнями. Надписи были немногочисленны и фрагментарны, имя короля или храма, упомянутого в них, было неизвестно, а письменность была чрезвычайно архаичной. В той части кургана, где были обнаружены эти фрагменты каменных ваз, содержатся только плоско-выпуклые кирпичи, характерные для древнего шумерского периода, что еще раз указывает на чрезвычайную древность этой большой коллекции каменной посуды, которая, по-видимому, была в значительной степени вытеснена более экономичной и легкой в обработке глиняной посудой в относительно ранний период, как это было в древнем Египте. Большинство ваз из Бисмы имеют круглую форму, хотя были также найдены образцы овальных, продолговатых, квадратных и ракообразных ваз. Наиболее часто используемым камнем был мрамор, несомненно, из-за его относительной мягкости и поддающейся обработке долотом. Искривление и общая симметрия этих ваз настолько совершенны, что, по мнению Бэнкса, для их изготовления, должно быть, использовался токарный станок или что-то, выполняющее ту же функцию. Более мягкие камни в этот период, несомненно, обрабатывались кремневыми инструментами, как в случае с самыми ранними цилиндрическими печатями. Назначение этих ваз, должно быть, было столь же разнообразным, как и сами вазы. Некоторые, по-видимому, были лампами, другие — чашами для питья; некоторые, вероятно, использовались как кувшины для воды, вина или масла, а другие, возможно, использовались как умывальники; некоторые использовались для туалетных принадлежностей, и в одном сосуде в одном отделении были еще видны следы хны¹⁴⁸, а в другом — следы сурьмы.

Рис. 90, а.

Рис. 89.

Рис. 90, б.

Из керамических изделий раннего периода семитского господства в долине Евфрата () выделяется изящно изогнутая ваза из белого мрамора, принадлежавшая Урумуну¹⁴⁹, царя Киша, которая была обнаружена в Ниппуре в ходе раскопок, проводимых Пенсильванским университетом, и в настоящее время хранится в Пенсильванском музее, является хорошим примером; а из керамики несколько более позднего периода правления Shar-Gâni-sharri и Narâm-Sin, семитских царей Агаде, белая алебастровая «фиала» (см. рис. [89](#)), обнаруженная в Телло и носящая имя Нарам-Сина, является прекрасным образцом. Она представляет собой

хорошо скругленную флягу или фиалку высотой семь с половиной дюймов с надписью «Нарам-Син, царь четырех регионов». Еще одна небольшая каменная ваза этого царя, изготовленная из мрамора, была приобретена Оппертом во время злополучной экспедиции 1855 года. Надпись на ней давала дополнительную информацию о том, что камень, из которого была изготовлена ваза, происходил из Магана (), но эта ценная реликвия разделила судьбу других памятников и табличек, обнаруженных Френелем и Оппертом, и 23 мая 1855 года утонула в Тигре.¹⁵⁰

Было обнаружено много каменных ваз позднего периода шумерского господства, но ни одна из них не была столь интересной и поучительной, как ваза Гудеа, патеси Лагаша (см. рис. [90 а, б](#)). Эта уникальная ваза из темно-зеленого стеатита имеет высоту от восьми до девяти дюймов и стоит на узком круглом основании. Она снабжена очень маленьким носиком, через который можно было вылить только небольшое количество жидкости за раз. Декор вазы очень сложный: в центре изображены два переплетенных змея, извивающиеся вокруг длинного посоха, проходящего по всей высоте вазы, а их языки касаются края вазы возле зачаточного носика. Змеи окружены двумя странными, сложными и мифическими существами, стоящими лицом друг к другу; в руках каждого из них длинное копье с полукруглой боковой рукояткой, точная копия медного оружия, обнаруженного Де Сарзекком в Телло,¹⁵¹ месте, где была найдена и эта ваза. Эти крылатые чудовища имеют тело и голову змеи, снабжены когтями и коготками, а их хвосты заканчиваются жалом скорпиона; их шеи опоясаны скрученными хвостами, а на головах у них надеты своего рода рогатые шапки, указывающие на сверхъестественные силы этих необычайных чудовищ. Но, несмотря на высоко мифический характер этих существ, художник не упустил из виду общий облик змеи, которая, так сказать, послужила материальной и естественной основой для неестественных дополнений, наложенных его воображением, а чешуйчатая кожа змеи изображена с помощью инкрустированных фрагментов мрамора. Надпись сообщает нам, что эта ваза была посвящена богу Нин-гиш-зи-да Гудеей для продления его жизни.

Еще одним каменным сосудом, имеющим несколько уникальный характер, является темная алебастровая чаша в Центральном салоне Нимруд Британского музея; на ней высечена рельефная сцена, на которой Гильгамеш и Эа-бани борются со львами, но, к сожалению, она находится в очень плохом состоянии.

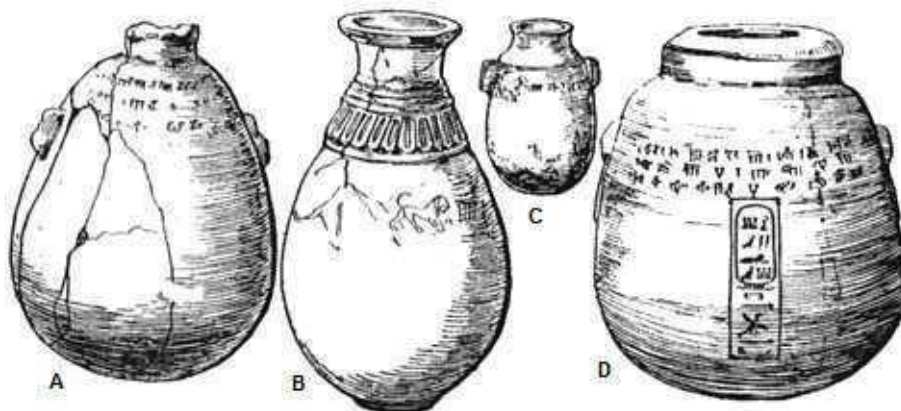

Рис. 91.—А, В, С (Британский музей, № 93088, 91596, 90952). D (по Клэю).

Но практика изготовления ваз из камня не прекратилась с упадком вавилонского господства; ассирийцы подражали своим культурным предшественникам в этом, как и во всех других вопросах. Наиболее интересной каменной вазой, относящейся к ассирийской эпохе, является ваза с надписью Сеннахериба (ср. рис. [91](#), А). Это своего рода амфора, хотя две ручки почти полностью изношены. Форма и пропорции этой вазы очень художественны, а изгибы хорошо скруглены. По общему контуру она несколько напоминает маленькую стеклянную вазу Саргона, еще более замечательную реликвию древности (см. рис. [91](#), С). Еще один интересный пример ассирийской керамики представлен на рис. [91](#), В; ваза, украшенная вокруг горлышка, имеет следы почти стертой надписи и, как и маленькая стеклянная ваза того же царя, украшена гравировкой в виде маленького льва. Ее форма отличается от большинства каменных vaz того периода и обладает особым шармом и красотой. Различные стеклянные сосуды и трубки были найдены в руинах Вавилона, Куюнджика и других мест, но их датировка в почти всех случаях остается неопределенной. Ассирийское и вавилонское стекло, по-видимому, изготавливалось обычным способом, т. е. путем смешивания кремня или песка с щелочами, а затем придавалось нужная форма с помощью духовой трубки и дорабатывалось на токарном станке, следы которого иногда еще видны. Так обстоит дело с маленькой вазой Саргона, изображенной выше.

Керамика позднего вавилонского периода хорошо иллюстрируется фрагментом кувшина Навуходносора (604-561 гг. до н.э.), опубликованным У. Л. Нэшем в «*Трудах Общества библейской археологии*» (1910, стр. 180). Надпись очень краткая и, кроме имени царя, содержит только цифру «один», за которой, вероятно, следовала мера веса, но название последней отломано. Эта каменная кувшина, как и ассирийские кувшины, отличается от большинства сосудов с надписями более ранних времен, которые обычно несут посвятельную надпись, в то время как по форме она не отличается от ассирийских кувшинов, показанных на рис. [91](#).

В другом месте (см. стр. [86](#)) упоминается мраморная ваза с именем Ксеркса, написанным клинописью и египетскими иероглифами, но также были обнаружены и другие подобные вазы и фрагменты с надписью этого же царя. Одна из таких vaz была найдена Ньютоном в Галикарнасе в Малой Азии, фрагменты другой были найдены Лофтусом в Сузах, а третья (см. рис. [91](#), D), недавно приобретенная Вавилонским музеем Университета Пенсильвании, опубликована Клеем в *Museum Journal* (1910, I, стр. 6). На ней имеется царская надпись Ксеркса Великого, написанная на четырех разных языках: персидском, эламском, вавилонском и египетском, причем последний написан древними иероглифами, а три других — клинописью. Ваза имеет высоту девять с семью восьмыми дюйма и диаметр восемь с пятнадцатью шестнадцатью дюйма.

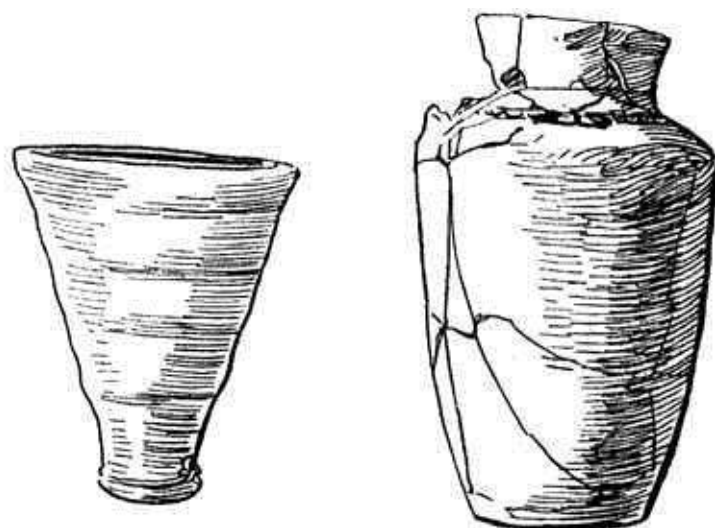

Рис. 92. — «Чаша досаргонского периода». Рис. 93. — «Самая ранняя ваза из Ниппура».

(Хильпрехт, *«Исследования»*, стр. 407.)

Хотя в ранние периоды месопотамской цивилизации, по-видимому, чаще использовалась керамика, не следует полагать, что древние шумеры и ранние семиты не использовали также терракотовую посуду. Огромное количество керамических изделий, включая чаши, флаконы, плоские вазы, кубки, овальные горшки и сосуды всех видов, размеров, форм и очертаний, было найдено в Телло, Ниппуре, Фаре и других недавно раскопанных местах в Вавилонии, и действительно, эти сосуды настолько многочисленны и разнообразны, что только длительное и систематическое изучение имеющегося в настоящее время материала, столь же тщательное и исчерпывающее, как исследование египетской керамики, проведенное профессором Флиндерсом Петри, оправдало бы любую попытку классифицировать и датировать различные образцы. Более ранние раскопки в Месопотамии также принесли большое количество терракотовых горшков и кувшинов, но, к сожалению, существует большая неопределенность относительно места происхождения многих из них, и даже в тех случаях, когда это известно, как правило, нет возможности установить, в каких слоях они были найдены (как, к сожалению, и в случае со значительной частью керамики, обнаруженной в последние годы), а поскольку на них нет надписей, любая попытка систематизации при нашем нынешнем состоянии знаний неизбежно будет в значительной степени основана на недоказанных и недоказуемых гипотезах. Два хороших примера ранней досаргонской керамики показаны на рис. [92 и 93](#). И чашка (рис. [92](#)), и ваза (рис. [93](#)) были обнаружены в досаргонских слоях в Ниппуре.¹⁵³ Многие другие интересные образцы ранней керамики были обнаружены на том же месте, некоторые из них, по-видимому, черного цвета, другие — красного. В помещении под мостовой Нарам-Сина были обнаружены две вазы, которые иллюстрируют замечательные различия в размерах и форме ранней вавилонской керамики. Одна из этих ваз имела форму колокола и плоское дно, диаметр которого в два раза превышал диаметр горлышка, а другая, высотой чуть более двух футов и диаметром в верхней части один фут девять дюймов, была украшена узором в виде веревки.¹⁵⁴

Среди второстепенных результатов раскопок в Бисмае было обнаружение огромного количества терракотовых ваз, некоторые из которых были целыми, а другие — лишь фрагментами.¹⁵⁵ Они были найдены в могилах, колодцах и дренажных каналах, а также на

различных платформах, содержащихся в кургане, и на самой равнине. На глубине от 25 до 26 футов под поверхностью были обнаружены две большие погребальные урны, а на глубине около 34 футов была найдена урна меньшего размера. Самые ранние образцы керамики были найдены на глубине более сорока четырех футов под поверхностью. В более крупных вазах и урнах глина, по-видимому, была смешана с измельченной соломой,¹⁵⁶ сама глина, как правило, имела желтовато-коричневый цвет, но, по словам Бэнкса, в древнейшие времена глина обжигалась до темно-коричневого или черного цвета. Колесо, по-видимому, использовалось во все периоды, хотя и не исключало изготовление керамики вручную. Одна из досаргонских ваз, найденных на этом месте, была, по-видимому, сформирована путем размещения глины на плоской поверхности, которую гончар вращал одной рукой, а другой придавал глине нужную форму; как предполагает Бэнкс, это могло быть началом гончарного круга. Сосуды из Бисмыи варьируются по высоте от чуть более одного дюйма до чуть менее тридцати дюймов и имеют всевозможные формы. Поверхность большинства из них гладкая, но некоторые украшены точками, квадратами, концентрическими кругами и бороздками. Две большие вазы расписаны черными знаками их создателей или владельцев, но Бэнкс считает их позднеавиловскими. Некоторые вазы имеют крышки, крышка одной из погребальных урн представляет собой своего рода блюдо; иногда, в случае ваз, которые были захоронены, на горлышко накладывали тканую ткань и запечатывали глиной. Эти ткани, конечно, давно погибли, но следы нитей на глине все еще видны.¹⁵⁷ Одна ваза имеет форму лодки, а другой интересный терракотовый предмет, обнаруженный на этом месте, представляет собой лампу, заканчивающуюся головой быка.

ПЛАСТИНА XXXIII

КЕРАМИКА ИЗ НИМРУДА

Фотографии. Манселл

Британский музей

КЕРАМИКА ИЗ НИНЕВИИ

Некоторые уникальные экземпляры вавилонской черной керамики с вырезанными линиями, заполненными белой пастой, были обнаружены капитаном Кросом в Телло. Эти вазы были украшены не только геометрическими узорами, но и изображениями рыб, лодок, водоплавающих птиц и другими речными сценами.¹⁵⁸ Этот тип керамики часто встречается в древнем мире. Он был найден в Сузах на востоке, а на западе проник даже в Испанию. Из вавилонской керамики касситского периода особо следует упомянуть три вазы, обнаруженные Петерсом и Хейнсом в Ниппуре. Эти сосуды украшены зелеными и желтыми полосами и были помещены в урну вместе с тремя маленькими ящичками, самый большой из которых был украшен ручками. Наряду с этими предметами было найдено более ста дисков и полумесяцев с отверстиями для подвешивания, в основном окрашенных в черный или белый цвет. Одним из лучших образцов поздней керамики является изящно сформированная и хорошо сохранившаяся амфора, обнаруженная Кольдевеем в Вавилоне,¹⁵⁹ но, вероятно, ее следует отнести к римскому периоду.

Что касается ассирийской керамики, то мы находимся в еще большем неведении, несмотря на богатство имеющихся материалов. Большое количество керамики было обнаружено Боттой, Лэрдом и другими ранними археологами, но, к сожалению, их археологическая значимость казалась ничтожной по сравнению с колоссальными быками, скульптурными барельефами или даже прозаическими глиняными табличками, и результатом этой, к счастью, ушедшей в прошлое апатии является то, что место, откуда они были взяты, иногда невозможно установить, а в большинстве случаев невозможно обнаружить здание или непосредственное место, где они были найдены.

Однако научные раскопки, проводимые Кольдевеем и Андреем в Ашуре, должны дать более удовлетворительные результаты в этом отношении. Эти раскопки уже пролили свет на раннюю керамику Ассирии, благодаря обнаружению глиняных сосудов, украшенных черными и красными геометрическими узорами и относящихся к доисторическому периоду.

Еще один интересный образец ассирийской керамики, найденный на том же месте, представляет собой большую круглую вазу с украшениями в верхней части и двумя ручками.¹⁶⁰

На табл. [XXXIII](#) представлена разнообразная группа керамических изделий из разрушенных курганов Ниневии и аналогичная группа из Нимруда. Представленные здесь сосуды сильно различаются по размеру и форме, но больше о них сказать нечего. Однако, помимо целых глиняных сосудов, было найдено несколько фрагментов чаш с надписями ассирийских царей, правивших в 1140-681 гг. до н.э. Эти надписи в основном касаются различных строительных работ, проводившихся во время правления соответствующего царя. Если бы эти чаши были целыми, они имели бы огромное значение для формирования определенного представления о формах и размерах ваз, популярных в разные периоды, к которым они относятся. Но, по счастливой или несчастливой случайности, почти ни одна из хорошо сохранившихся чаш и кубков, найденных на сегодняшний день, не имеет никаких надписей или рисунков, и это одна из больших трудностей, с которой приходится сталкиваться исследователям вавилонской и ассирийской керамики. Иногда на поверхность терракотовых сосудов наносилась цветная глазурь, но в какой степени эта практика была распространена в древние времена, сказать трудно.

Вероятно, двумя наиболее яркими сосудами, найденными в ходе раскопок, являются сосуды под номерами 91941 и 91950 в коллекции Британского музея. Первый из них — это большая кувшин высотой девятнадцать дюймов и диаметром восемнадцать с половиной дюймов, на котором изображена фигура человека с козлиным хвостом и орлиными когтями, а также сохранились обломки одной ручки. Второй — это ваза с шестью ручками высотой два фута шесть дюймов, на корпусе которой изображены грубые фигуры и драконоподобные животные, но обе эти вазы, вероятно, относятся к поссассирийскому периоду.

ГЛАВА XIII — ОДЕЖДА, ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ И Т. Д.

Т Полная одежда самых ранних шумеров состояла из не более чем юбки, застегивающейся на талии и, вероятно, сделанной из шерсти. Однако склонность к украшениям, присущая всем первобытным народам, проявилась у шумеров очень рано, и они стремились разбавить монотонность юбки, обрамляя ее низ бахромой (см. рис. [25, 52](#)), которая на самых ранних памятниках представляла собой ряд заостренных язычков. Во времена Ур-Нины юбка с архаичной бахромой уступила место юбке с изысканными оборками и складками — по крайней мере, в случае королей и магнатов (см. рис. [26, 27](#)), но верхняя часть тела оставалась полностью обнаженной; однако люди особо высокого ранга иногда носили юбку с прикрепленной верхней частью, которая покрывала левое плечо, как в случае с лидером процессии на табличке Ур-Нины (см. рис. [26](#)), хотя примечательно, что сам Ур-Нина здесь не имеет одежды на верхней части тела. Позже царь Лагаша по-прежнему носит юбку с воланами, но поверх нее надевает еще одну одежду: эта верхняя одежда, по-видимому, также была сделана из шерсти и проходила через левое плечо и под правой рукой (см. табл. [XII](#)); однако, поскольку это сцены сражения, верхняя одежда может быть частью военных знаков отличия царя. Этот обычай оставлять правую руку и плечо свободными сохранялся вплоть до времени Гудеа (ср. ил. [XXIII](#)) и Хаммурапи (ср. ил. [XIV](#)).

Головы большинства фигур на ранних скульптурах без волос и бороды, хотя, как мы видели (ср. стр. [183](#)), длинные волосы и заметная борода были нередким явлением, а волосы на голове — возможно, парик — иногда свисали на шею (ср. рис. [25](#), В, С), а иногда были собраны сзади и закреплены лентой (ср. табл. [XII](#)). По-видимому, так поступал царь, когда находился на службе, несомненно, с целью сделать свой шлем более удобным и надежным. Поскольку почти все эти ранние фигуры не имеют головных уборов или каких-либо других покрытий для головы, мы почти ничего не знаем о характере их головных уборов — если, конечно, они их носили. Иногда носили перья (ср. рис. [25](#), А), а фигура, напоминающая Гильгамеша, на одном из древнейших шумерских барельефов (ср. *Découvertes*, Pl. I, 1) имеет плоский головной убор неопределенного характера, божество на той же архаичной скульптуре носит то, что похоже на раннюю форму рогатого головного убора богов более поздних времен.

Одежда ранних шумерских женщин несколько неопределенна; если мы можем предположить, что форма одежды, показанная на маленькой каменной статуэтке, обнаруженной Де Сарзекон в Телло (см. рис. [33](#), стр. 224), является типичной, то женская одежда того периода, по-видимому, состояла из юбки с воланами из шерсти, свисающей с левого плеча, при этом правая рука и плечо были обнажены. Длина волос, завязанных в косу на упомянутой статуэтке, не оставляет сомнений в отношении пола, и примечательно, что одежда этой шумерской женщины точно такая же, как у персонажа на упомянутой выше стеле Ур-Нины, и, конечно, этот персонаж также может быть женщиной (см. далее стр. [186](#)). Однако маленькие медные статуэтки женщин того же периода всегда изображают обнаженный торс, поэтому вполне вероятно, что женщины того времени обычно носили обычную юбку, как и мужчины, а одежда, свисающая с плеч, была уделом элиты.

Однако одежда членов королевской семьи и вельмож отличалась от одежды простого народа скорее качеством, чем характером : так, юбки всех придворных Ур-Нины, за исключением выдающегося лидера процессии, во многом похожи на юбки их королевского господина , но качество их очень различно: одни совершенно простые, другие чрезвычайно сложные.

В более поздние времена то, что было исключением, по-видимому, становится правилом, и в период Гудеа левое плечо всегда было покрыто складками модного в то время плаща, похожего на мантию; в то время как семит Нарам-Син, живший еще раньше Гудеа, носит плед, перекинутый через левое плечо и обернутый вокруг тела, оставляя правую руку свободной. Плетеная накидка, которую носит Нарам-Син, имеет поразительное сходство с одеждой, которую носят Нин-гиш-зи-да и сопровождающее его божество на стеле Гудеа в Берлинском музее (ср. *Sum. and Sem.*, Taf. VII). Королевский головной убор Гудеа отличается от головных уборов более позднего времени и, вероятно, от тех, которые носили более ранние правители Лагаша: он состоит из вышитого тюрбана, полностью отличающегося от конической шапки, которую носит Нарам-Син на стеле Пир-Хусейна, и от коронок более поздних ассирийских царей, имеющих схожую форму, но имеющего некоторое сходство с тем, что носит Хаммураби на своей знаменитой стеле с кодексом (ср. таблицы [XXXIII](#), [XIV](#); рис. [31](#)).

Но в то время как семит Нарам-Син носит длинную бороду, шумер Гудеа все еще безбородый. Точно так же семит Хаммураби носит длинную бороду, но плащ, перекинутый через левое плечо, похож на плащ Гудеа, а одеяние бога Шамаша на той же стеле имеет складки, как у Нарам-Сина, хотя материал, по-видимому, другой. На более позднем рельефе времен Набу-аплу-иддина, царя Вавилона около 870 г. до н. э., бог Шамаш носит полосатую одежду с рукавами, и практика оставлять правую руку и плечо открытыми, по-видимому, к этому времени вышла из употребления (ср. табл. [XIV](#)).

Хорошую иллюстрацию женской одежды времен Гудеа мы видим на илл. [XXIII](#). Она носит изящный плащ с бахромой, который, по-видимому,^{[161](#)} сначала прижимался к груди и пропусклся под мышками, после чего перекрещивался на спине, а два конца перекидывались через плечи и симметрично свисали спереди.

Погребальные дары предоставили обильные свидетельства широкого использования ювелирных изделий даже в самые ранние времена Шумера, так, в Фаре были найдены ожерелья из аметиста, коралла, лазурита, перламутра и агата, а другие ранние памятники дают аналогичные свидетельства.

Информация о военном снаряжении древних шумеров в основном почерпнута из барельефов того периода, среди которых наиболее важным является стела с изображением стержневика. Длинное копье или копье, которое, по-видимому, держали обеими руками (см. табл. [XII](#)), было явно основным оружием нападения, в то время как топор, дротик, дубина или булава, изогнутое оружие — до сих пор обычно считавшееся метательным оружием или бумерангом — и копье также были в употреблении. Было обнаружено очень мало шумерского оружия, но в дополнение к тому, что перечислено в главе о металлах, можно упомянуть архаичное топориче из агата, которое сейчас находится в Американском музее естественной истории;^{[162](#)} символы, которыми оно исписано, имеют более клиновидную форму, чем те, что найдены на памятниках Гудеи, и, соответственно, его можно отнести к более позднему периоду. Другое топориче, также из агата, с ранними линейными символами, находится в Музее Метрополитен в Нью-Йорке,^{[163](#)} а в досаргонских слоях в Ниппуре были обнаружены несколько шариков из обожженной глины и несколько небольших каменных яиц, а также медные стрелы, копья, топоры и каменные дубинки. Находка стрел, относящихся к столь раннему периоду, представляет значительный интерес, поскольку утверждается, что лук и стрелы были введены семитами главным образом из-за того, что считалось, что эти виды оружия не были представлены в раннем шумерском

искусстве. Однако очень ранний пример лука в вавилонском искусстве представлен на архаичной раковине-цилиндрической печати, опубликованной Уордом.¹⁶⁴ Люди и боги на этой печати одеты в шумерские короткие юбки, а не в семитские клетчатые одежды, а наличие на вершине горы бизона, животного, которое изображается только на очень ранних печатях, еще больше подтверждает древность данной цилиндрической печати и, следовательно, использования лука и стрел, изображенных на ней. Обнаружение глиняных шаров и каменных снарядов также, по-видимому, свидетельствует об использовании пращи в гораздо более ранний период, чем предполагалось до сих пор.

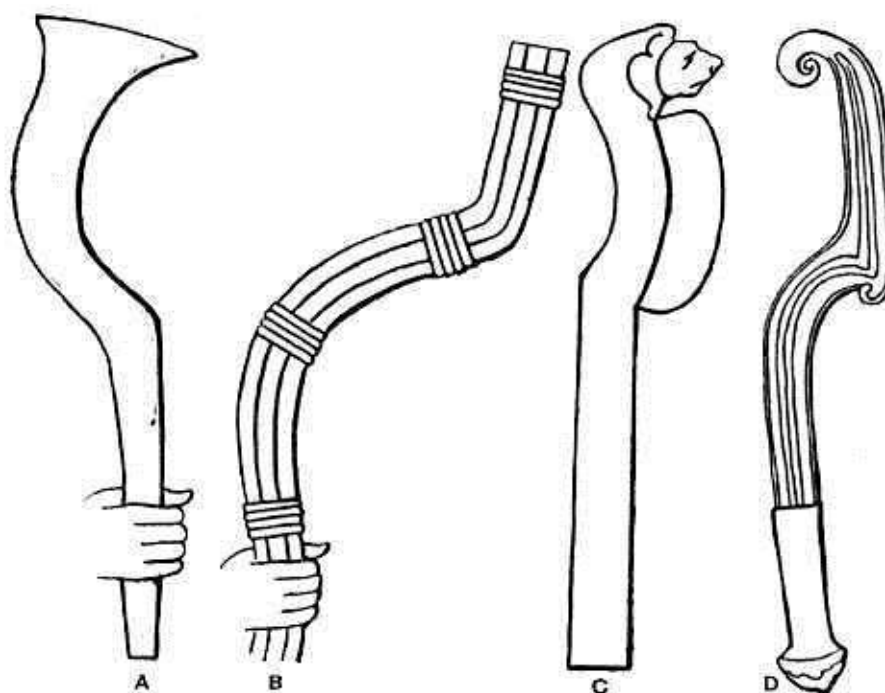

Рис. 94.

Интересно проследить историю оружия в форме бумеранга, которое держит на плече одна из фигур на архаичном фрагменте круглого барельефа, воспроизведенном на рис. [25](#), В. Изогнутое оружие¹⁶⁵ первоначально могло быть метательным посохом или бумерангом, хотя его форма является единственным аргументом в пользу этой теории. Но каким бы ни было его первоначальное назначение, есть свидетельства того, что оружие такой формы использовалось в качестве дубинки или примитивного меча в очень ранний период. В скульптуре, относящейся к немного более позднему периоду, чем вышеупомянутый барельеф, рассматриваемое оружие утратило свою простоту и больше не изготавливалось из одного куска, а состояло из трех узких частей, скрепленных несколькими кольцами. Если бы этот инструмент странной формы встречался только в руках правителей или высокопоставленных лиц, кольца могли бы быть просто декоративными аксессуарами, но его появление в руках охотника, атакующего льва (см. рис. [78](#)), заставляет нас искать более адекватную и практическую причину существования этих колец. Несомненно, эта более поздняя форма была принята с целью повышения эффективности оружия. Здесь оружие используется в ближнем бою и в этот период явно не использовалось как метательный палок, а скорее как своего рода сабля. В ранний период шумеры, вероятно, искали способы сделать свое оружие более удобным в использовании и пришли к идее заменить лезвие кремнем или обсидианом. Фактически, в ранних вавилонских руинах были найдены многочисленные острые куски кремня и обсидиана, а также примитивные пилы с зубцами. Проблема крепления этого лезвия к рукояти или древку нашла свое естественное решение в изготовлении последнего из двух или более частей, между которыми можно было вставить обсидиановое или кремневое лезвие, причем и дерево, и лезвие удерживались на месте кольцами; о его раннем использовании в качестве дубинки или сабли свидетельствует архаичная раковина, воспроизведенная на рис. [78](#), где охотник держит изогнутый инструмент, состоящий из трех кусков дерева, соединенных кольцами, как на стеле с изображением стервятника, он явно используется здесь не как метательный палок, а как оружие для ближнего боя (ср. также рис. [94](#), А. В).

В более поздний период правления Гудеа мы видим, что используется оружие того же стиля. На барельефе, найденном командантом Кросом в Телло и принадлежащем Гудеа, мы видим изогнутое оружие (см. рис. [94](#), С)¹⁶⁶, заканчивающееся головой льва и имеющее лезвие, которое, по-видимому, было вставлено в продольную щель, проделанную в дереве. Иногда эти изогнутые оружия изготавливались из одного куска металла, как в случае с двумя экземплярами, обнаруженными командантом Кросом в древней вавилонской могиле, один из которых воспроизведен на рис. [94](#), D. Оба этих оружия изготовлены из меди и были найдены в гробу, состоящем из двух колоколообразных горшков, склеенных битумом. Оружие на рисунке является более сложным из двух и, в отличие от своего собрата, имеет сохранившуюся рукоять, а его общая длина составляет около шестнадцати дюймов. Кромка лезвия, конечно, находилась с внешней стороны изгиба, поэтому оружие напоминало ятаган или короткий изогнутый меч. Таким образом, вполне возможно, что ятаган, или, по крайней мере, его прототип, обязан своим происхождением шумерам.¹⁶⁷ Другое оружие имеет более примитивный характер и более ярко напоминает ранние образцы, представленные на барельефах, а его лезвие является обоюдоострым. В ассирийские времена изогнутый конец становится почти круглым, а внешний край снабжается зубцами, как в случае со скипетром, который держит в руке Ашур-насир-пал (табл. [XXIV](#)). Оружие, которое держит сам Эннатум, изображенный на стеле с изображением стервятника, представляет собой уже упомянутое изогнутое оружие, несколько дротиков, некоторые из которых имеют двойные наконечники, и длинное копье. Эннатум пронзает копьем голову поверженного врага, держа его горизонтально над головой. По словам команданта Кроса, копье используется точно так же арабами Ирака и сегодня. Сначала его держат свободно за середину, а затем бросают с силой через руку, пока оно не достигнет нижнего конца, но не позволяют ему полностью выскользнуть из руки; таким образом, оружие используется частично как копье, а частично как дротик.

Информация о военном снаряжении, использовавшемся во времена Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, в основном почерпнута из стелы последнего из названных монархов (см. табл. [XIII](#)) и фрагментов барельефа, воспроизведенных на рис. [28](#), В, С. Лук и стрелы, по-видимому, были основным оружием семитов, хотя копья и топоры также встречаются на ранних семитских памятниках. Одной из заметных особенностей этих двух скульптур является отсутствие каких-либо щитов.

Цилиндрические печати мало способствуют решению многочисленных проблем, связанных с изучением ранних военных дел, поскольку печати с изображением сцен сражений в большинстве своем имеют персидское происхождение.

Попытка описать полный гардероб ассирийцев была бы почти столь же сложной, как дать полное и всеобъемлющее описание современной английской одежды. Костюмы настолько разнообразны и часто настолько искусно выполнены, что даже краткий обзор различных «мод» далеко вышел бы за рамки одной главы. Одежды царя, конечно, являются самыми великолепными и самыми сложными как по конструкции, так и по украшению. На илл. [XV](#) мы видим Ашур-насир-пала, царя Ассирии (885-860 гг. до н.э.), одетого в свои церемониальные одежды. По сравнению с праздничными одеждами его преемников, они просты и не украшены, и являются лишь копией одежд, которые носил мифический персонаж позади, с той лишь разницей, что одежды царя скроены так, чтобы скрывать обе его ноги, поскольку обнажение королевской ноги () явно не соответствовало царскому достоинству. Нижняя одежда, по-видимому, представляет собой одежду с бахромой или казулу, поверх которой надета длинная мантия с глубокой бахромой; и царь, и его божественный слуга носят широкий пояс, в который вставлены два кинжала; но сама мантия, по-видимому, закреплялась с помощью шнурков, заканчивающихся кисточками.

Головной убор короля, однако, полностью отличается от головного убора его спутника; он имеет форму, напоминающую митру, с двумя хвостами, прикрепленными к задней части. Королевская тиара, которую носили позднейшие короли Ассирии, соответствует тому же типу, только она более богато украшена и имеет некоторые различия в форме. Судя по эмалированным кирпичам из Хорсабада,¹⁶⁸ можно предположить, что она была окрашена в красный, белый и желтый цвета, причем последний, возможно, символизировал золотую тесьму. Судя по общему виду, головной убор, вероятно, был сделан из ткани.

Обе фигуры здесь (табл. [XV](#)) носят браслеты на обоих запястьях и два браслета на мускулистых руках, а ожерелье опоясывает их бычьи шеи. Ашур-насир-пал, как и все ассирийские цари, имеет густую шевелюру и очень густую бороду. Его сын и преемник Салманасар II носит почти такую же одежду, как и его отец, и такой же конический головной убор (ср. рис. [44](#)), но Сеннахериб, живший сто двадцать лет спустя, уже не довольствуется простой, но достопочтенной одеждой Ашур-насир-пала и Салманасара, а носит гораздо более богатые и дорогие одежды (ср. рис. [31](#)). Королевский плащ не просто украшен бахромой, но и тщательно вышит по всей поверхности, а его корона также гораздо более богато украшена, чем короны его предшественников из Нимруда, но его поза точно такая же, как у Ашур-насир-пала на илл. [XV](#). Оба царя держат лук в левой руке и две стрелы в правой. Царский и церемониальный костюм Ашур-бани-пала контрастирует аналогичным образом с костюмом Ашур-насир-пала и его непосредственных преемников — его одежда по общей богатой отделке напоминает одежду Сеннахериба (ср. ил. [XX](#)), а даже костюм, который он носит, отдыхая за трапезой в своем саду, гораздо более сложен, чем тот, который носит Ашур-насир-пал на самых торжественных церемониях (ср. ил. [XXI](#)).

Существует некоторая неопределенность в отношении материалов, из которых изготавливали одежду ассирийцы. Многие предметы одежды, несомненно, были сделаны из шерсти или шерстяных тканей, как и в другой период, но также использовался и хлопок, поскольку Сеннахерим утверждает, что он импортировал с юга деревья, дающие шерсть или волосы, которые впоследствии стригли и использовали для изготовления одежды.

Такая же неопределенность существует в отношении материалов, использовавшихся для вышивания, но нет сомнений в мастерстве вышивальщика, который, судя по барельефным изображениям его работ, был настоящим художником. Хороший пример таких работ приведен в работе Лэйарда, ил. 9. Очевидно, что он не ограничивался просто рисунками, а стремился к художественному изображению и сценическому эффекту. Наиболее заметными элементами являются традиционные пальмы и четырехкрылые чудовища. Одно из этих чудовищ держит в каждой руке по одной задней лапе льва, в то время как львы безжалостно нападают на пассивно сопротивляющихся быков.

Женщины редко изображаются на ассирийских барельефах, но мы точно знаем, что дама, удостоенная чести быть женой Ашурбанипала, была одета не менее богато, чем ее королевский супруг (см. табл. [XXI](#)), и оба носили украшения на голове. Ювелирные изделия, по-видимому, ценились и любили ассирийским царем и его придворными почти так же, как и современными женщинами, а спрос на «новинки» должен был заставлять ювелиров напрягать свою изобретательность до предела. Востребованы были не только браслеты и нарукавники, но и также ожерелья, серьги и безделушки. Последние обычно имели форму божественных или астрологических символов, и одно из самых интересных украшений, которое носил царь, было точно похоже на мальтийский крест и очень напоминало крест, найденный на касситских печатях (ср. рис. [71](#)). Брелки висели на шнурке, который опоясывал царскую шею, над которым виден настоящий ожерелье. И браслеты, и серьги отличаются большим разнообразием дизайна и высоким мастерством исполнения. К

сожалению, было найдено лишь несколько ювелирных изделий (кроме нескольких бус из бисера¹⁶⁹), и для большинства из них невозможно определить дату, но благодаря барельефам мы можем получить довольно точное представление о том, какого уровня мастерства достигло ювелирное искусство в этот период, хотя мы не можем быть уверены в том, какие металлы использовались в каждом конкретном случае. На рис. [95](#) мы видим группу браслетов разнообразных форм и дизайнов, в которых, как обычно, ведущую роль в большинстве декоративных элементов играет розетка. На рисунке А мы видим пример королевского ожерелья; оно простое и аккуратное по дизайну и резко контрастирует с ожерельем, которое носит одна из крылатых фигур из Нимруда (ср. В), украшенная в верхней части головами животных. Серьги, которые носили короли, воины, жрецы и мифические существа, варьируются так же сильно, как и браслеты, хотя между большинством из них есть определенное сходство (ср. рис. [95](#)). Капли почти во всех случаях длинные и часто имеют поперечную часть, которая придает им общий вид «сгук ansata».

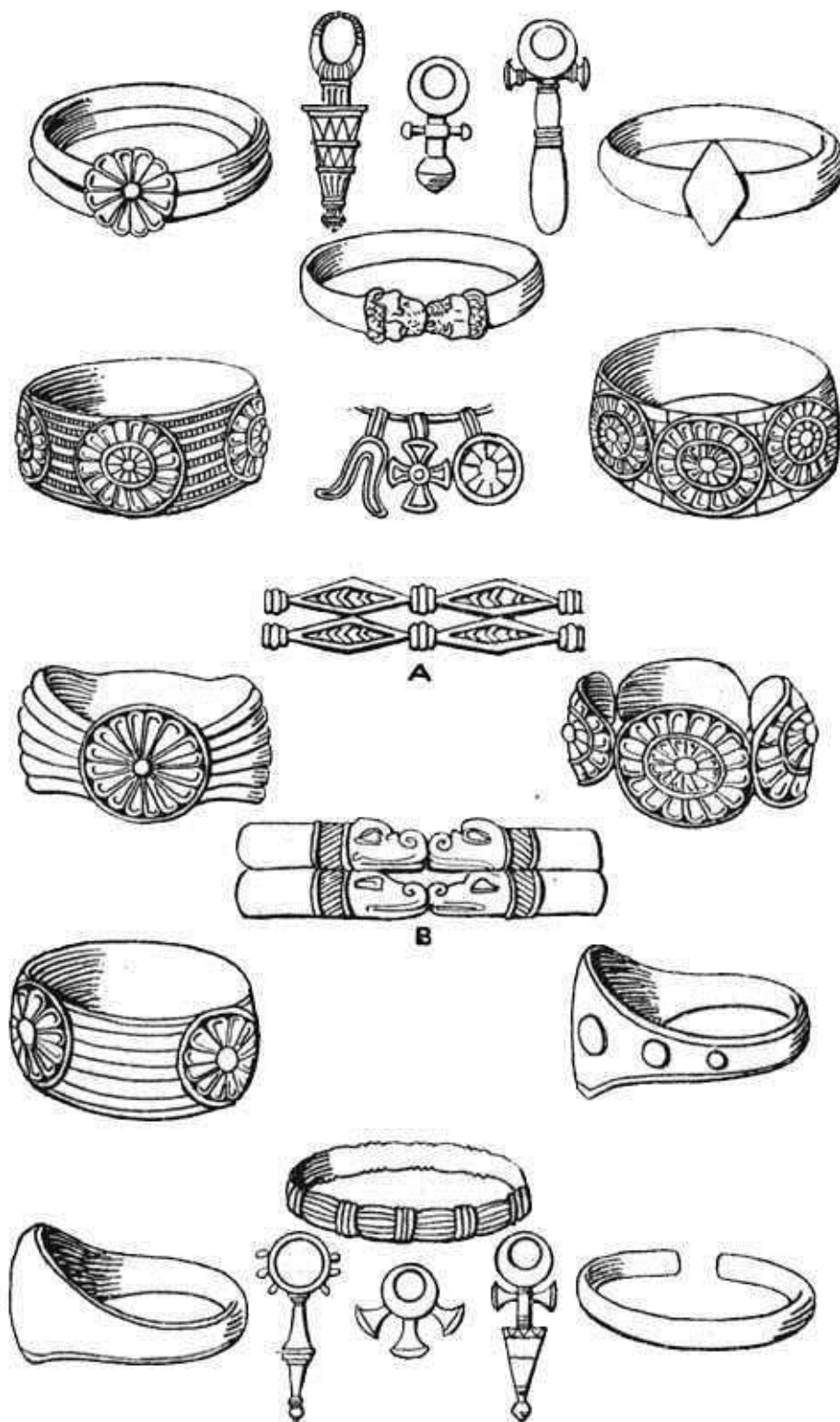

Рис. 95.

Туалетные принадлежности вавилонян и ассирийцев, несомненно, были очень похожи на те, что используются сегодня, хотя было найдено лишь несколько предметов с туалетного столика, наиболее примечательными из которых являются расчески, хранящиеся сейчас в Лувре (см. рис. [96](#), [97](#)). Они изготовлены из черного дерева и имеют размер около трех с половиной дюймов в поперечнике, а в центре они богато украшены фигурами сфинксов или львов, иногда выполненными в виде ажурных узоров, иногда в виде рельефов. Зубцы на

одной стороне крупные и немногочисленные, а на другой — тонкие и многочисленные. Подобная расческа была обнаружена Кольдеевем в Вавилоне, центр которой украшен фигурой крылатого быка.¹⁷⁰

Рис. 96.

Рис. 97.

Сандалии были основной обувью гражданских лиц — как королевских особ, так и простолюдинов — хотя ноги часто оставались босыми. Обычные сандалии имели тонкую подошву и небольшой каблук, по-видимому, сделанные из полосок кожи, которые иногда были окрашены в красный и синий цвета попеременно, хотя чаще всего сандалии были полностью красного цвета, а держались они на ноге благодаря петле вокруг большого пальца и шнурку, который перекрещивался на подъеме стопы и завязывался бантом. Именно такие сандалии носил Саргон. Однако во времена Ашшурбанипала были в моде совершенно другие сандалии; подошва этих более поздних сандалий была значительной толщины, особенно в области пятки, а верхняя кожаная часть не только защищала пятку, но и покрывала всю боковую часть стопы. Но уже во времена Сеннахериба наряду с сандалиями использовались и туфли; туфли, изображенные на барельефах, имеют неуклюжую форму, хотя и украшены изящными полумесяцами и розетками, и, по-видимому, завязывались спереди.

Рис. 98.
Пехотинец с копьем
(1-й период, Нимруд).

Рис. 99.
Пехотный лучник
(1-й период, Нимруд).

Однако военная форма ассирийцев отличалась гораздо большим разнообразием, чем одежда царей, евнухов и слуг. В ранний период Ассирии пехотинцы носили короткую тунику и пояс с бахромой, а голову защищал остроконечный шлем; руки, ноги, шея и ступни обычно были обнажены, хотя иногда на ногах надевали простые сандалии. Пехота включала лучников, копейщиков и мечников, причем лучники часто были дополнительно вооружены мечами, а иногда и булавами, и, по-видимому, составляли элиту пехоты. Все три подразделения защищались небольшими ручными щитами, а лучники часто сопровождалась другим воином, вооруженным копьем, который выполнял функции щитоносца. В период правления Салманасара II мы часто видим лучников, одетых в длинные кольчуги, достигающие от шеи до лодыжек (см. рис. [44](#)), но в период Саргона различия в снаряжении пехотинцев становятся более заметными. Существует по крайней мере три различных типа лучников. Во-первых, это легко вооруженный лучник, который был практически обнажен, за исключением набедренной повязки, на которой висел колчан, и повязки на голову (см. рис. [100](#)). Затем шли более просто вооруженные тяжеловооруженные лучники (см. рис. [101](#)), которые были одеты в кольчугу, достигавшую от шеи до талии, под которой была туника с бахромой, доходившая до колен, а их ноги обычно были защищены сандалиями (), а голова покрыта остроконечным шлемом. Основной чертой, отличавшей внешний вид наиболее тяжеловооруженных лучников от предыдущих, была длинная туника с глубокой бахромой (см. рис. [102](#)), поверх которой надевали кольчугу, похожую на ту, что носили лучники второго класса.

Рис. 100.

Рис. 101.

Рис. 102.

Копейщики того периода одеты почти так же, как лучники со средним вооружением, и наиболее заметной особенностью их снаряжения являются шлемы, увенчанные гребнями того или иного вида (см. рис. [29](#)), а еще одной частой особенностью их снаряжения является расположение ремней, перекрещивающихся на груди и спине. Их ноги, как правило, босые, хотя иногда они обуты в сандалии, а иногда в низкие сапоги.¹⁷¹

Сын Саргона, Сеннахирим, по-видимому, в значительной степени реорганизовал пехоту и создал новые корпуса. Пращники, по-видимому, впервые появляются во время правления этого царя, хотя праща была известна в Вавилонии еще до времени Шар-Гани-Шарри (см. выше, стр. [341](#)). На барельефах Сеннахериба мы видим его полностью вооруженным шлемом, кольчугой, туникой до колен, облегающими штанами и короткими сапогами, ни один из которых не мог повысить эффективность его службы. Существовало четыре типа лучников: два типа тяжеловооруженных и два типа легковооруженных. Самые тяжеловооруженные (см. рис. [103](#)) носили тунику, кольчугу до пояса, чулки, короткие сапоги и конический шлем, а также были защищены длинными щитами, которые несли

щитonosцы. Следующий класс не имел щитовой защиты, а их ноги и ступни были полностью обнажены (см. рис. [104](#)). Лучше всего вооруженные из легко вооруженных были одеты в короткую тунику, носили на голове своеобразные повязки и сандалии на ногах, а на поясе у них висели короткие мечи, а на спине — колчаны. Последними идут самые легко вооруженные лучники, которые носят полосатую тунику¹⁷², достигающую колен и несколько более длинную сзади, чем спереди (см. рис. [105](#)). Их ноги, руки и ноги обнажены, а головной убор представляет собой повязку, и они редко вооружены короткими мечами, как предыдущие.

Рис. 103.

Рис. 104.

Рис. 105.

В армии Сеннахериба, по-видимому, было два класса копейщиков: лучше вооруженные носили кольчугу поверх туник, конические шлемы, чулки на ногах и сапоги, а вооружены были, как правило, относительно короткими копьями, довольно большими выпуклыми щитами и обычными короткими мечами. Второй дивизион был вооружен примерно так же, как легко вооруженные копейщики Саргона, и носил простые туники, поперечные пояса и шлемы с гребнями, но в отличие от копейщиков Саргона, они обычно имели рукава на туниках, носили чулки на ногах, сапоги на ногах и иногда несли длинный выпуклый щит, изогнутый сверху, вместо круглого. Еще один класс пехотинцев заслуживает упоминания: они вооружены двусторонними топорами, которые используют для срубания деревьев и расчистки дороги для прохода войск. Их снаряжение очень похоже на снаряжение лучше вооруженных копейщиков. Армия во времена Ашшурбанипала была почти такой же, как и во времена Сеннахериба; она состояла из лучников, копейщиков, боевых топоров, воинов, вооруженных боевыми топорами, и пращников. Что касается последних, то интересно отметить, что тяжелые доспехи пращников были заменены на более легкую и удобную одежду.¹⁷³

Основным оружием кавалерии в ранний период был лук, хотя встречаются и мечи, и щиты, но, по-видимому, они не использовались широко. Обычно всадников-лучников сопровождал другой всадник, чья задача состояла в том, чтобы держать поводья лошади лучника, пока тот целился в врага. Сопровождающий носит простую тунику и обычный колпак, а лучник — остроконечный шлем, вышитую тунику и пояс с мечом. Их ноги и ступни обнажены, чтобы они могли крепко сидеть на лошадях, которые не имеют седел. Во времена Саргона кавалерия состояла частично из копейщиков, частично из лучников. Седла или седельные попоны, в чем-то напоминающие те, что используются сегодня на лошадях европейской кавалерии, были в регулярном употреблении, а безоружные помощники больше не требовались, поскольку и лучники, и копейщики могли самостоятельно управлять своими конями. Униформа кавалерии была также гораздо более сложной, чем та, которую носили

конные лучники более раннего периода. Их туники облегают тело, но ниже талии расширяются, образуя своего рода килт с бахромой, на ногах они носят чулки и длинные сапоги, которые иногда доходили почти до колен; основным оружием всадников были луки и копья, но они часто были вооружены также короткими мечами, а копейщики иногда носили с собой лук и колчан, а также копье и меч (см. рис. [106](#)).

Рис. 106.

Во времена Сеннахериба обычная кавалерия была вооружена примерно так же; однако некоторые полки были тяжело вооружены кольчугой, доходящей до нижней части спины (см. рис. [107](#)). На скульптурах Ашшурбанипала лошади кавалерии иногда покрыты большой тканью, похожей на ту, что носят лошади колесниц (см. рис. [108](#)), поверх которой помещается седло, но снаряжение самой кавалерии практически не отличается от снаряжения прежних времен.

Возничие составляют последнее подразделение ассирийской армии, которое мы кратко рассмотрим. На колеснице находилось не менее двух человек — возница и воин; но когда царь лично выходил на поле боя, его сопровождал щитоносец, а иногда два щитоносца, а также возница. Обычным оружием колесничего является лук, который он, как правило, держит полностью натянутым, с стрелой на тетиве; однако нередко он опоясан мечом, а копье часто лежит рядом с ним, в пределах легкой досягаемости. Иногда он одет просто в тунику, иногда — в длинную кольчугу, достигающую по крайней мере колен, но с короткими рукавами, несомненно, для облегчения манипуляций с луком. Он либо стреляет из колесницы, либо спускается с нее, чтобы прицелиться точнее; в последнем случае слуга защищает лучника щитом, который держит в левой руке, а в правой руке держит копье или меч, чтобы отразить любую ближнюю атаку. Воин обычно носит шлем, который иногда снабжен боковыми и передними частями из металлических чешуек, предназначенными для защиты плеч, затылка, а иногда даже подбородка, но сопровождающий, как правило, не имеет покрытия для головы.

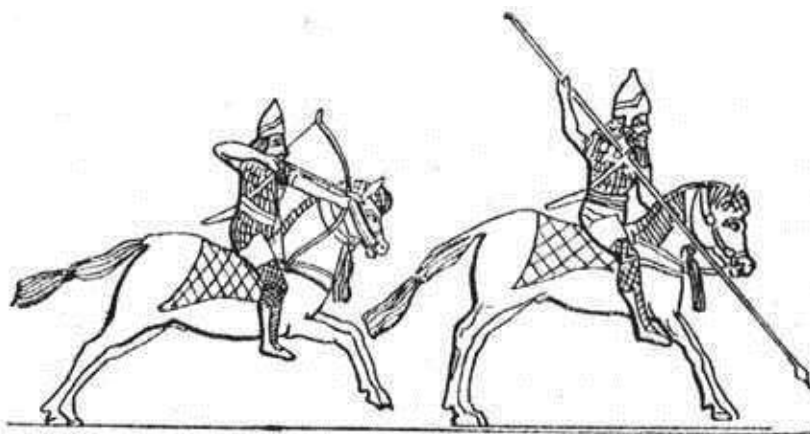

Рис. 107.

Колесницы тянули либо две, либо три лошади, но, по-видимому, никогда не было более одного шеста; соответственно, когда в колесницу запрягали третью лошадь, она, должно быть, была привязана веревкой или ремнем и, вероятно, использовалась в качестве вспомогательного животного, чтобы заменить одну из других на случай, если кто-то из них будет прострелен насквозь. Сбруя лошадей часто была очень сложной, как можно видеть на рис. 83, в то время как колесницы также иногда были очень богато украшены. На ассирийских барельефах представлены два основных типа боевых колесниц: один характерен для более раннего периода, когда Калах (Нимруд) был столицей империи, другой - для более поздней эпохи, когда резиденция правительства была установлена в Ниневии. Колесницы раннего периода были низкими и короткими, колеса

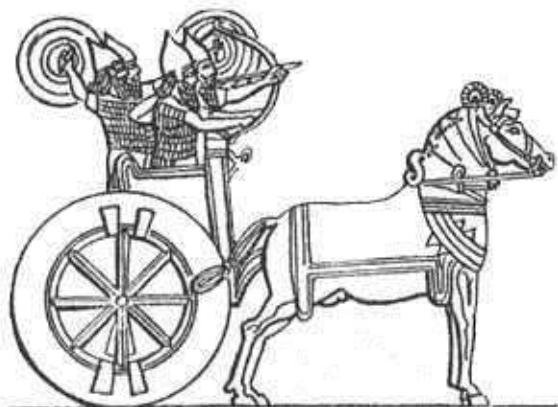

FIG. 108. being comparatively small, and as a rule only having six spokes, while the chariots portrayed on the later reliefs are generally more capacious and also loftier, while the wheels, which would appear to be about five feet in diameter, are normally eight-spoked (cf. Fig. 108, ,,,). Следовательно, позиция в одной из этих более поздних колесниц давала воину хорошую позицию для прицеливания во врага, а также для обзора ситуации. Шесты колесниц обоих периодов часто заканчиваются головой животного, быка или лошади, в зависимости от обстоятельств. Иногда к концу шеста прикрепляли поперечную перекладину, которая также иногда заканчивалась головами животных, причем поперечная перекладина иногда была прямой, иногда изогнутой.

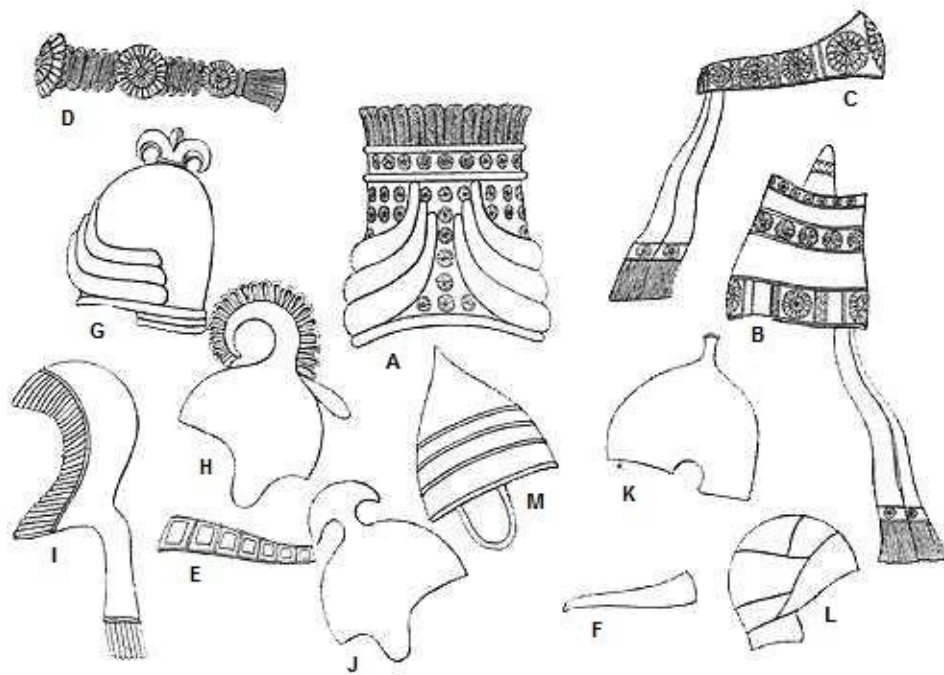

Рис. 109.

Из этого краткого описания военного снаряжения ассирийцев сразу станет ясно, насколько сложной должна была быть организация армии. Часто упоминались шлемы солдат конической формы и диадемы царей аналогичной формы, но не следует предполагать, что все ассирийские головные уборы были коническими. Некоторое представление о разнообразии головных уборов, используемых в Ассирии, можно получить из подборки, воспроизведенной на рис. 109. Наиболее примечательным из них является рогатая корона в центре (А), которую носили колоссальные крылатые быки. Рога, являющиеся символом божественности, занимают видное место на головных уборах почти всех вавилонских и ассирийских богов, а их присутствие на головном уборе быка с человеческой головой указывает на божественный характер, которым они наделили этих колоссов. Верхушка этой массивной короны или шляпы украшена рядом перьев, а лицевая сторона украшена знакомыми розетками. В (В) у нас есть королевская тиара, и (С), (D), (E) и (F) иллюстрируют различные виды повязок, которые носят вокруг головы, в то время как (G) - (M) демонстрируют различные типы шлемов, используемых в ассирийской армии.

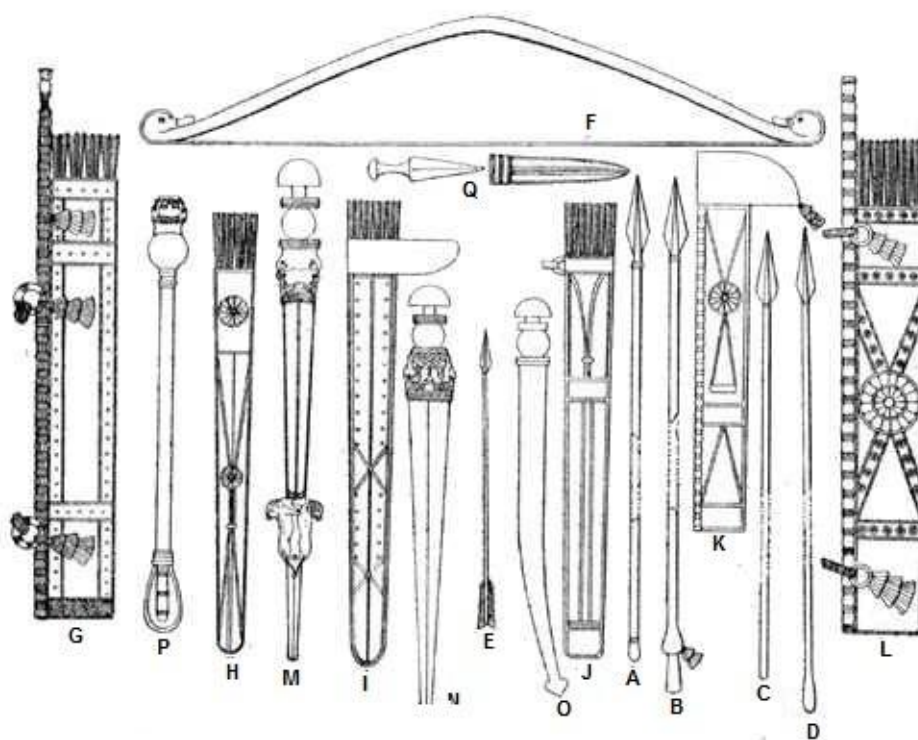

Рис. 110.

Однако наступательное и оборонительное вооружение ассирийцев отличается еще большими вариациями, чем их шлемы. Сохранилось мало настоящего оружия, но благодаря огромному количеству барельефов, которые Ботта и Лейард извлекли из разрушенных курганов Ассирии, мы можем составить некоторое представление об обширности ассирийского оружейного склада. Оружие обычного солдата достаточно простое по своему характеру, но то, которое носят короли, полубоги или визири, часто наиболее богато украшено. На рис. 110 у нас есть подборка наиболее поражающего оружия, представленного на барельефах. (A), (B), (C) и (D) показывают нам четыре различных вида копий, которыми владели воины Ашшура; они различаются по длине и их рукояти различаются, но все они имеют более или менее ромбовидное лезвие, в то время как наконечники стрел (E) имеют одинаковую форму. Два конца лука, из которых король посылает свои безошибочные стрелы в сердце врага, льва или дикого быка, и которые он также находит применение при исполнении религиозных церемоний, часто заканчиваются в голове птицы (F). Но хотя сами стрелы по своему внешнему виду очень практичны, колчаны, в которых они лежали “вне службы”, более изящны (ср. (G)- (L)). Самый большой из этих колчанов мог вместить до пяти стрел (см. (L)), но обычно их было четыре. Колчан был перекинут через спину с помощью шнуров (см. (G), (J) и (L)). Мечи, по-видимому, были в основном прямыми ((M) (N)), хотя иногда и изогнутыми (O). Рукоять меча часто украшалась несколькими львиными головами, в то время как сами ножны часто украшались львами, что придавало им высокую декоративность и эффектность. Скипетр был церемониальным оружием — без сомнения, безобидным, но красноречиво символизирующим королевскую власть (ср. (P)), в то время как кинжалом (Q), с другой стороны, весьма тревожно размахивают составные чудовища, изображенные на стенах дворца Ашур-насур-пал.

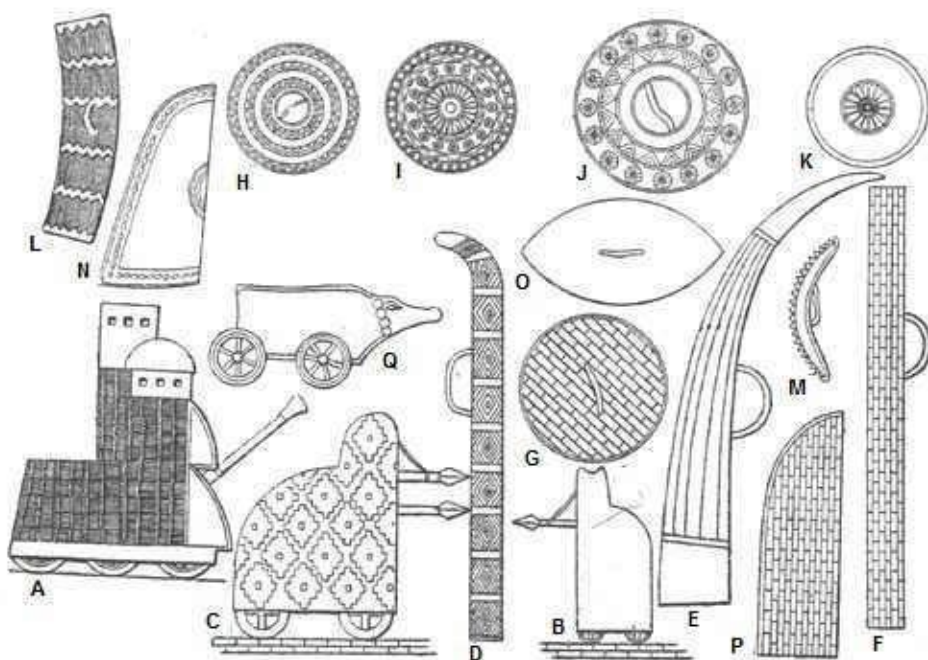

Рис. 111.

Но, безусловно, самым грозным военным изобретением воинственных ассирийцев был таран; таран обрушивался на стену осажденного города с помощью передвижной башни, под прикрытием которой тараном можно было эффективно и безопасно работать, башня и таран, таким образом, вместе составляли наиболее мощный фактор как в наступательных, так и в оборонительных операциях. Эти передвижные башни ни в коем случае не были однородными, но различались как по размеру, так и по высоте, иногда их венчали башни (см. рис. 111 (A)), с которых атакующие силы могли безнаказанно осыпать осажденную армию стрелами, в других случаях они были довольно низкими и имели форму торпеды, причем большие опирались на шесть колес (см. рис. 44), а меньшие - на четыре (Q). Сам таран также варьировался — иногда он устанавливался под углом, наклоненным вверх (A), его выступающий конец был в то же время тяжелее и толще древка, но чаще всего таран устанавливался горизонтально и заострялся наподобие копья (B), башня иногда была вооружена двумя такими таранами (B). Наиболее заметными из представленных здесь щитов являются большие щиты, из-за укрытия за которыми лучник мог прицеливаться и стрелять в свое удовольствие, щит, конечно, удерживался на месте щитоносцем (ср. (D), (E), (F)). Эти большие щиты обычно стояли вертикально (F), но часто были изогнуты вверх, чтобы защитить голову лучника от метательных снарядов противника (D), в то время как иногда весь щит был изогнут (E). Но уланы не нуждались в такой защите, небольшой ручной щит, который они могли нести сами, был единственным видом защиты, который не сводил бы полностью на нет их полезность в полевых условиях. Эти щиты различались по форме и размеру; обычно они были круглыми (ср. (G)- (K)), но иногда изогнутыми и продолговатыми (L), в то время как в других случаях они были вогнутыми в корпусе, овальными сверху, прямыми внизу и украшенными выступом в центре и выгравированным рисунком по краю (ср. (N)). Другой тип щита имел форму, напоминающую ромб (O), но все они имели одинаковые рукояти в центре. Они часто были очень искусно выгравированы, узоры образовывались расположением прямых линий ((G) и (P)), геометрических фигур ((H) и (L)) или кругов из розеток ((I) и (J)). Один из показанных здесь щитов отличается от остальных тем, что его внешняя поверхность зазубрена, как лезвие пилы, и, должно быть, служил как наступательным, так и оборонительным целям (ср. (M)).

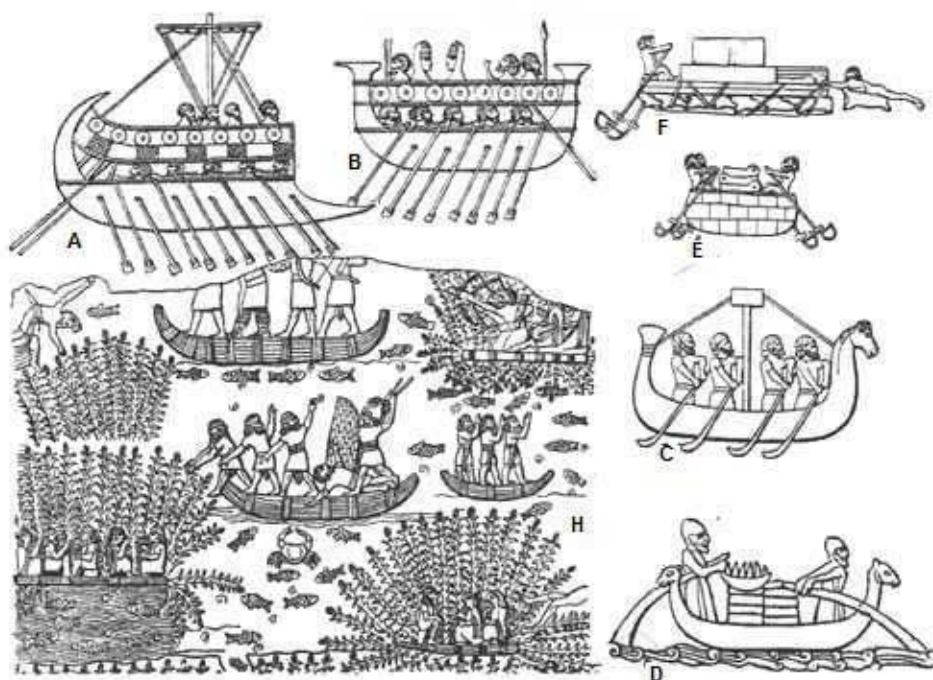

Рис. 112.

Но ассирийцы вели войну “terra marique” — как на море, так и на суше, и на рис. [112](#) (А) мы видим пример одной из боевых галер, использованных Сеннахерибом в его преследовании вавилонских повстанцев через устье Персидского залива. Это бирема, то есть лодка с двумя рядами весел; внизу находятся гребцы, а воины размещены на верхней палубе. Спереди лодка имеет форму катера, но корма заканчивается широким изгибом вверх, а в носовой части камбуза есть мачта и поперечная балка, закрепленные на реях. Управление ходом лодки осуществляется с помощью двух весел, приводимых в движение сзади, которые отличаются по форме от тех, которые используются для приведения в движение лодки. В (В) у нас есть еще одна разновидность этого типа судов: здесь оба конца лодки изогнуты, оконечности квадратные, а не заостренные, как в (А), и, кроме того, нет мачты, но в (С) у нас совсем другой тип лодки; это открытая лодка только с одним рядом весел, и на борту нет воинов. Гребцов всего четверо, и их весла полностью отличаются от тех, что используются на военных галерах, весла на галерах напоминают лопаты с длинными черенками, в то время как здесь они похожи на хоккейные клюшки. И нос, и корма изогнуты, последняя заканчивается лошадиной головой, а в центре лодки установлена мачта. Обычай украшать концы лодки головой животного, без сомнения, возник у финикийцев, которые были морским народом восточного мира. В одной из сцен на бронзовых воротах из Балавата мы видим, как Салманасар II получает дань в виде кораблей из Тира и Сидона (D); эти корабли, или, скорее, лодки, изогнуты с обоих концов, а на носу и корме изображены головы верблюдов. Для управления тяжело груженным судном требуются только два человека, один из которых, по-видимому, управляет, в то время как другой тянет лодку с помощью очень тяжелого и неуклюжего на вид весла. Но военные галеры были не единственными судами, использовавшимися во времена Сеннахериба; для перевозки товаров использовалось более легкое и гораздо меньшее по размеру судно (Е). Груз занимает центр этого странного маленького судна, по обе стороны от которого два гребца деловито налегают на весла. Как ни странно, кажется, что они тянут в противоположных направлениях, но мы, возможно, должны приписать эту аномалию незнанию скульптором морского дела; весла сильно отличаются от тех, что используются на линкорах, но они точно

такие же, как те, что используются на грузовом плоту выше (F); плот, кажется, нагружен большими каменными блоками; деревянный плот сам по себе явно неспособен выдержать такой тяжелый вес, а необходимая плавучесть достигается прикреплением надутых шкур к нижней части плота. Для пересечения болотистых районов Нижней Месопотамии, по-видимому, использовался своего рода тростниковый плот (H), тростник был связан вместе с помощью ивняка, а вода не пропускалась через кожаное покрытие или толстый слой битума. Эти тростниковые поделки иногда принимают форму плоских плотов, в то время как в других случаях они напоминают каноэ.

ГЛАВА XIV—ЖИЗНЬ, ПРАВЫ, ОБЫЧАИ, ЗАКОН, РЕЛИГИЯ

(А) РАННИЙ ШУМЕРСКИЙ ПЕРИОД

1. ЗАКОНЫ, ПРАВЫ И ОБЫЧАИ

ТБЛАГОДАРЯ неутомимым трудам отца Шайля и М. Тьюро-Данжена, а также замечательной работе М. Генуйяка о *шумерском обществе*, в которой этот ученый публикует, переводит и комментирует многие ранние таблички из Телло, мы можем составить очень точное представление о нравах и обычаях шумеров во времена первой династии Лагаш.

Исследование условий существования любого общества, естественно, начинается с краткого рассмотрения законов, регулирующих процесс размножения, от которого в конечном счете зависит продолжение существования и процветание сообщества. По-видимому, с древнейших шумерских времен брак рассматривался в свете юридического контракта, и развод точно так же мог быть осуществлен только в соответствии с юридической процедурой. Но шумерские брачные законы времен Лугаль-анды и Урукагины отличались от современных европейских законов по крайней мере в одном важном пункте: контракт заключался мужчиной со своим тестем, а не с будущей женой, и, следовательно, в случае развода право на компенсацию имел тесть, а не разведенная жена.

Полиандрия, очевидно, не была чем-то необычным, поскольку Урукагина имел случай применить предельную строгость закона для ее подавления, хотя до сих пор это ни в коей мере не одобрялось, а, напротив, уже рассматривалось как уголовное преступление, и не только это имело место, но даже полигамия, похоже, не принималась во внимание, поскольку такие выражения, как “жена священника Нин-гирсу” или “жена патеси”, косвенно предполагают, что в нем участвовала только одна женщина, и что не было никакой ответственности за путаницу в тексте. материя. Однако вполне возможно, что у патеси была официальная жена, точно так же, как у жрецов Амона или царей Египта, другие дамы гарема не занимали такого же положения, как царственный супруг, или пользовались таким же отличительным титулом, но это, конечно, вопрос догадок. Как бы то ни было, существует множество свидетельств того, что шумеры очень выгодно отличаются от других примитивных народов в своем отношении к женщинам. Они могли действовать как свободные агенты в вопросах собственности и могли быть юридическими свидетелями контрактов, в то время как вдовы были особенно защищены от вымогательства со стороны власть имущих, а самые бедные были юридически защищены от жадности священника, который взимал с членов общины своего рода десятину. В этой связи заслуживают внимания две другие социальные реформы, проведенные во время этого правления, одна из которых заключалась в отмене налога, ранее взимавшегося со сторон при разводе, а другая - в снижении платы за погребение священников. Но, несмотря на ограничения, которые, таким образом, было признано необходимым наложить на грабительское жречество, служение богам заслуживало особого вознаграждения, и поэтому в соответствии с этим принципом сирота, сын жрицы богини Бау, получал большую пенсию, чем другие сироты.

Но помимо того, что можно назвать домашними обязанностями, от женщин ожидалось выполнение других функций еще во времена Урукагины. Некоторые женщины посвятили себя более черному служению богам и заботились о приношениях в святилище; другие снова были наняты ткачихами, в то время как другой класс женщин, прикрепленных ко

двору, были заняты уходом за овцами, козами и другими мелкими домашними животными. Некоторые снова были привратниками, а некоторые постигали искусство прически.

Как и следовало ожидать, профессии, которыми занимались мужчины, были более многочисленными и разнообразными. Строительством лодок занималось значительное число жителей Лагаша, в то время как плотникам и мебельщикам, по-видимому, тоже было чем заняться. Ремесло курьера также процветало, и среди наиболее эстетичных ремесел, которыми занимались, можно особо упомянуть парфюмерию и ювелирные изделия, а о том, до какого мастерства было доведено искусство обработки металла и резьбы по камню, мы имеем множество свидетельств в виде многочисленных барельефов, фигур и статуэток, дошедших до нас. Большая часть работающего населения была садовниками или землепашцами, поскольку вавилоняне давно вышли из бедуинской стадии примитивной цивилизации и поселились на земле, которую они обрабатывали, по-видимому, с большим успехом. Среди домашних животных, которых они использовали, можно особо выделить корову, овцу, осла и козу. Осла использовали как для верховой езды, так и в качестве тягловой повозки. Бык был основным рабочим животным, его услуги требовались как при орошении, так и при транспортировке строительных материалов, хотя иногда для этих и подобных целей использовался и осел. Бык в дальнейшем использовался в пищу, в то время как коровы, по-видимому, предназначались для разведения и выработки молока, из которого делали масло и, возможно, также сыр. Овец выращивали с двойной целью: получать шерсть в качестве материала для одежды и мясо для потребления, причем некоторые породы ценились особенно высоко из-за своей шерсти, в то время как другие особенно ценились за их вкусовые качества в качестве диетического продукта, хотя некоторые использовались для обеих этих целей. По-видимому, существовал обычай предлагать мясо овцы полностью или частично богам до того, как смертный мужчина отваживался отведать его, а остриженная шерсть отдавалась женщине-ткачихе гарема. Овцы, пользовавшиеся особым королевским покровительством, были белого окраса и поэтому, по-видимому, были самой необычной и наиболее высоко ценимой породой, в то время как самой распространенной породой была коричневая. Овцу мужского пола или ягненка обычно выбирали для принесения в жертву богам, отдавая предпочтение женщине. Козленок, по-видимому, рассматривался как средство обмена, во всяком случае, арендная плата выплачивалась за счет детей или иногда овец, в то время как коза часто служила жертвоприношением, как мы видели в другом месте.¹⁷⁴ За детьми, принадлежащими богине Бау, ухаживали женщины гарема, хотя иногда и пастухи. Козы, как и овцы, ценились высоко из-за своей шерсти, при этом особо выделялись два вида, один из которых был известен как белошерстный козел, а другой - как черношерстный. Другие животные неописуемого вида также играли важную роль в жизни людей, а также в служении богам. Птицы также были частью подношений высшим силам, главными из которых, по-видимому, были гусь, утка, цыпленок и горлица.

Плодородие почвы, естественно, способствовало ее возделыванию еще в древнейшие времена. Часть земель во времена Урукагины принадлежала королевским владениям, остальная часть была занята частными лицами. Злаки, такие как кукуруза и ячмень, выращивались с успехом, как во времена Геродота,¹⁷⁵ в то время как часть земли была отведена под фруктовые деревья и овощную продукцию.

Но земля не была полностью разделена на земли короны и земельные поместья, "мелкая собственность" составляла определенное количество доступной земли, и, по-видимому, даже у бедных женщин иногда были свои небольшие участки; однако мелкие собственники часто становились жертвами грабителей-капиталистов, и их обиды время от времени требовали возмещения. В таких случаях чиновник, на которого была возложена задача

уладить дела, очень тщательно проводил различие между пахотными землями и землями, которые не допускались к обработке. Надзор за королевскими поместьями включал, как и следовало ожидать, наем целой армии сельскохозяйственных чиновников с разной степенью ответственности и различными обязанностями для выполнения. Сельское хозяйство во времена Урукагины, как и в наши дни, включало в себя регулярную серию операций: землю нужно было вспахать, посеять семена и собрать урожай, и последней, но, возможно, самой важной и трудоемкой из всех, была ирригация, которая на земле, подверженной наводнениям зимой и полутропической жаре без дождей летом, требовала постоянного внимания и бесконечного количества тяжелой работы. Прорубание каналов даже в наши дни со всеми приспособлениями, имеющимися в распоряжении современной гидравлики, ни в коем случае не является легкой или быстро решаемой задачей, и мы легко можем понять, что труд был ничуть не меньшим, а процесс ничуть не проще каких-то четыре или пять тысяч лет назад. Ирригационные работы, столь важные и кропотливые, не были предоставлены индивидуальным предпринимателям, а были предприняты государством и сформировали одно из главных управлений общественных работ, и первые правители Лагаша, похоже, гордились своими достижениями в области ирригационной инженерии не меньше, чем своими победами на полях сражений. Нанятые люди были либо обычными инженерами, либо землекопами, привлеченными к этой работе на время. Но работа по орошению не была закончена с прокладкой каналов; необходимо было изобрести какие-то средства для подачи воды из каналов в почву. Несомненно, в прежние времена это делалось с помощью ручной машины, возможно, представлявшей собой ведро, прикрепленное к шесту, к другому концу которого был подвешен уравнивающий груз. Во времена Ассирии,¹⁷⁶ эти машины устанавливались рядом с "ямой" или цистерной, которая часто представляла собой углубление в русле ручья, в которое опускали ведра и из которого их поднимали, когда они были полны, или же ямой, вырытой фактически на поле, в которую вода из канала стекала по водостоку. Сама машина в своей простейшей форме напоминает современный "шадуф", такой, который использовался в Древнем Египте¹⁷⁷ и широко используется феллахами Верхнего Египта в наши дни. Но в больших поместьях, очевидно, требовался какой-то более эффективный аппарат, который, несомненно, использовался, во всяком случае, ассирийцами. Что это были за машины большего размера, мы не знаем, но, как предполагает Джонс, они, вполне возможно, представляли собой набор ведер, прикрепленных к колесу, которое вращали волю, ведра набирали воду по мере того, как колесо опускало их на дно, и опорожняло свое содержимое по ходу движения: но какой бы ни была машина, она, должно быть, была довольно сложной, поскольку для ее работы иногда требовалось до восьми волов.

О важной роли, которую сельское хозяйство играло в жизни общины, свидетельствует название одного из месяцев, который назывался "месяц, в течение которого работают волю". Сезон дождей в ноябре и декабре закончился, и рабочие приступили к посеву семян, урожай которых должен был быть собран летом, в "месяц сбора урожая". Кукурузу срезали чем-то вроде серпа, после чего зерно взбивали или же топтали волю на самом поле. Затем его пропускали через сито и готовили к распределению или хранению в зернохранилищах.

Как мы уже видели, примерно пять тысяч лет назад для поддержания и комфорта человека разводили почти тех же животных, что и сегодня. Человеческая природа и человеческие потребности различаются лишь незначительно по сравнению с заметными различиями, которые отделяют одну цивилизацию от другой и одну стадию культуры от другой, более примитивной или более развитой, хотя эти различия действительно скорее поверхностны, чем фундаментальны, но элементарные законы, от которых по существу зависит человеческая жизнь, принадлежат к тем вещам, которые являются фундаментальными, и в

этом смысле они вечны. Таким образом, члены общины Уруагины ели говядину, баранину или баранину в зависимости от сезона, как мы делаем это сегодня; однако его меню состояло не только из мяса, но и из птицы - курицы, утки, гуся или черепахи, в зависимости от обстоятельств. Рыба всех видов, включая как пресноводную, так и соленую, была приготовлена различными способами для употребления в пищу, в то время как молоко, масло и сыр, по-видимому, использовались регулярно. Пшеница и ячмень, как мы уже несколько раз имели возможность отмечать, выращивались в больших масштабах и, без сомнения, составляли основной продукт питания людей, обеспечивая их достаточным запасом сырья для выпечки тортов и различных видов хлеба, включая молочные батоны и черный хлеб. Основными фруктами, которые выращивались в этот период, были финики, инжир, гранаты и виноград: их употребляли в вареном и сыром виде, иногда они входили в состав фруктового салата, а иногда из них делали фруктовые пирожные.

Финиковая пальма процветала повсюду и была основным средством поддержки бедных, в то время как сами финики, по-видимому, использовались как средство обмена. Яблоко, по-видимому, выращивали и из него готовили определенный напиток,¹⁷⁸ в то время как из тамариска получалась своего рода сладкая жвачка. Что касается овощей, то, по-видимому, наибольшим спросом пользовались лук, редис, огурцы и фасоль, хотя в текстах упоминаются различные другие растительные продукты, которые пока не были идентифицированы. В этот ранний период искусство ферментации злаков было уже известно, и в шумерских погребках можно было найти пиво, финиковое вино и другие алкогольные напитки.

С их искусствами и ремеслами мы уже имели дело в другом месте, а также с их архитектурными остатками, которые, однако, дают нам мало информации или вообще не дают никакой информации о структуре частных жилых помещений, но из литературы мы узнаем, что дерево, а также кирпич использовались в их строительстве более широко, чем мы могли бы предположить. Шерсть была основным материалом для изготовления одежды, хотя, возможно, производился и лен,¹⁷⁹ в то время как мех иногда носили, предположительно, в холодную погоду.

Деловые операции заключались на основе контрактов, причем рассматриваемые сделки обычно касались продажи рабов, животных или другого имущества. Действительность контрактов, по-видимому, зависела от их надлежащего удостоверения, поскольку в более поздние времена свидетели получали подарки за свои услуги. Что касается покупки рабов и цены, которую за них давали на рынке, то важным фактом является то, что, согласно стеле Маништусу, осел и раб стоили совершенно одинаково, что свидетельствует об отсутствии понимания превосходства трудоспособности человека над трудоспособностью грубого животного.

Но корона и церковь хорошо позаботились о том, чтобы не позволять мирянам полностью владеть своей собственностью, и сумели обеспечить себе очень комфортные средства к существованию с помощью различных поборов и налогов. Сельскохозяйственные продукты, садовые фрукты, рыба, крупный рогатый скот, шерсть и парфюмерия - все это взималось в качестве королевских или церковных сборов, в то время как храмовые жертвоприношения, конечно, по большей части были просто привилегиями священников, хотя последние должны были передавать значительную долю своему царственному покровителю.

Такая цивилизация, как эта, с ее коммерческими предприятиями и юридическими операциями, конечно, предполагает изобретение систем для определения веса и меры различных объектов и различных форм собственности, с которыми эти операции были непосредственно связаны. Существовала мера площади, непременное условие при передаче собственности; существовала длинная мера, одинаково необходимая для продажи и покупки древесины или других изделий, наименьшей единицей измерения которых, по-видимому, был большой палец. С другой стороны, повседневные потребности человека сделали изобретение меры производительности абсолютной необходимостью. Однако иногда применялись и другие способы счета, помимо обычных метрических систем, таким образом, рыбаки, по-видимому, продавали свою рыбу либо по количеству, либо по корзинам, в то время как жидкости измерялись с помощью сосудов разного размера. Наконец, существовала мера веса, которая во времена Урукагины была такой же, как и при более поздней династии Ура.

2. РЕЛИГИЯ

Религия вавилонян и ассирийцев была политеистической на протяжении всей их истории. Это правда, что в более поздние времена была проявлена определенная тенденция к монотеизму, но она никогда не становилась достаточно сильной, чтобы произвести такую революцию в религиозных представлениях людей, какую неизбежно предполагает переход от политеизма к монотеизму. Боги, которым поклонялись в более поздний период Гудеа, были, за исключением Нин-гиш-зи-да, личного бога Гудеа, известного и почитаемого во времена Урукагины.¹⁸⁰ Кроме того, интересным и заслуживающим внимания фактом является то, что имя Гишгибильгемеш (Гильгамеш) иногда сопровождается определительным для слова “бог” в литературе того времени, что является четким указанием на то, что даже в эту дату герою вавилонского фольклора приписывались божественные или квазибожественные атрибуты. Местным богом Лагаша был Нин-гирсу; ему принадлежала эта земля, и именно он доверил управление ею королю; народ Лагаша действительно отождествляется со своим божественным господином, их победы принадлежат ему, а их проступки - преступлениям против его божества. Жрец Нин-гирсу стоит сразу после самого патеси, и его храмы носят исключительно национальный характер. Сам дворец патеси на самом деле был домом Нин-гирсу, в то время как дворец его королевы был жилищем божественной супруги Нин-гирсу, богини Бау. Другой богиней, которую глубоко почитали и которой поклонялись еще во времена Ур-Нины, была Леди Нина, от которой основатель династии получил свое царское имя, в то время как богиня Гатумдуг, в честь которой Ур-Нина построил храм, считалась “Матерью Лагаша”. Эн-лил, вечно знаменитый владыка Ниппура, также занимал видное место в сонме богов в это время; он упоминается первым в королевских протоколах Эаннатума и Энтемены, а также первым в божественных книгах. заклинания на стеле со стервятником в честь бывшего правителя.

Но влияние невидимых сил на умы и жизни людей отражается во власти священников. Священник, служитель или слуга на самом деле не “больше своего господа”, но его авторитет и могущество полностью пропорциональны тем, которыми обладает его небеснорожденный господин. Искушение со стороны земных эmissаров злоупотребить властью, которую дает им их положение, обычно оказывается непреодолимым, и жрецы Лагаша, как мы видели, не были исключением из почти всеобщего правила. О власти, которой пользовался верховный жрец Нин-гирсу, можно судить по тому факту, что и Энлитарзи, и Энтарзи занимали эту должность до того, как взошли на трон.

Жертвоприношения составляли основную часть раннего шумерского богослужения; животные, птицы, фрукты, овощи, хлеб и пирожные - все это приносило пользу нагруженным алтарям богов и, попутно, ненасытным аппетитам и карманам жрецов; приношения также приносились статуям живых и мертвых, причем приношения размещались на алтаре рядом со статуей; так, некая Шагшаг, по-видимому, получала удовлетворение, ставя подношения перед своим собственным изображением, в то время как статуя умершего Ур-Нины была почитаема аналогичным образом. Другой интересной практикой, вошедшей в моду в этот период, было зажигание масляных ламп перед статуями. Последние, по-видимому, носили обетный характер, и они, по-видимому, выполняли религиозные обязанности, требуемые от людей, которых они представляли, действительно возносили молитвы, начертанные на их безжизненных телах, и, короче говоря, играли благородную роль заместительного поклонника. Без сомнения, это истинное объяснение преданности, которую Гудеа демонстрирует в своих статуях. Магия и прорицания, вездесущие помощники всех примитивных религий, культивировались и в них горячо верили как в этот период, так и в более поздние времена, пророки, провидцы и толкователи снов пользовались почти таким же спросом, как и сегодня.

Для проведения похорон и совершения необходимых обрядов и церемоний был назначен особый чин священников, и они получали плату или гонорары за свои услуги. Мертвые нуждались в пище в могиле, и было принято класть рядом с трупом семь кувшинов спиртного и четыреста двадцать буханок хлеба; этот обычай стал практически обязательным для несчастных родственников покойного, и одной из реформ Урукагины было уменьшение этих сборов.

Сами храмы, которые иногда стояли на собственной территории и были окружены священным лесом, были украшены статуями, вазами, плитами с надписями, сокровищами из серебра и драгоценных камней и предметами роскоши всех видов.

Действительное и внутреннее благочестие жителей Лагаша, как и вавилонян и ассирийцев более позднего периода, проявляется в составленных богом именах, которые они носили, именах, которые явно предназначались для того, чтобы заручиться помощью и благосклонностью бога, земными тезками которого они были и в честь которого были составлены эти имена. Таким образом, обозначение одного человека - "Эн-лил - моя защита", другого - "Бау - моя мать", а третьего - "Энки - мой спутник", имена, которые живо напоминают некоторые имена собственные из Ветхого Завета. Другим поразительным свидетельством реальности того, что можно назвать индивидуальной религией тех дней, является преобладающая вера в благосклонность одного конкретного бога к человеку; ясно, что личный элемент в религиозных чувствах и устремлениях того времени не удовлетворялся жертвоприношениями и церемониями официальных культов, но искал и, по-видимому, находил удовлетворение в утешительной вере в то, что какой-то единый бог действительно понимал особые обстоятельства, трудности и замешательства стремящегося и, понимая, можно было рассчитывать на помощь в трудную минуту.

(В) ПЕРИОД ХАММУРАПИ

1. ЗАКОНЫ, ПРАВЫ И ОБЫЧАИ

Правление Хаммурапи в некоторых отношениях является промежуточным этапом в истории месопотамской цивилизации. Царь, конечно же, был верховным главой государства, и действительно, он был не только "первым джентльменом" в Вавилонии, но и пользовался

уникальной привилегией и благословением быть полубогом. Обожествление царей было в моде за столетия до правления Хаммурапи, и, несомненно, это была практика, усердно культивируемая самими царями. Некоторые из ранних семитских царей Киша были обожествлены после смерти, в то время как имя Шаргани-шарри из Агаде часто пишется с божественным определительным, а имя его сына Нарам-Сина вряд ли когда-либо пишется без него. Но во времена более поздней династии Ур распространилась практика обожествления царя еще при жизни, вместо того чтобы ждать, когда он займет свое место на скамье богов после смерти. О божественной природе Хаммурапи у нас есть свидетельства в использовании таких имен, как “Хаммурапи-илу” (== Хаммурапи - бог), а также в частом соединении его имени с именами богов в клятвах.

После короля, но намного позже, идут знать и джентри, класс, который включал в себя не только людей высокого происхождения, но и тех, кто, хотя и был ремесленником, отличался принадлежностью к старым торговым гильдиям, среди которых можно упомянуть плотников, портных, строителей или гончаров. Далее шло то, что можно назвать низшим средним классом, в то время как на нижней ступени лестницы — если вообще можно правильно сказать, что он вообще был на лестнице — находился раб, который был не более чем товаром или движимым имуществом.

Полный размах империи Хаммурапи неизвестен, но его притязания на бессмертие покоятся не на постоянно зыбучих песках территориального расширения, а на прочной скале морального прогресса. Дать точную оценку влияния, которое свод законов Хаммурапи оказал на кодекс Моисея и косвенно на современные европейские кодексы, выше наших сил, но один факт неоспорим, и он заключается в том, что юридический кодекс Хаммурапи около четырех тысяч лет назад закрепил многие из тех принципов справедливости и милосердия, которые мы склонны рассматривать как своеобразное порождение нашего просвещенного века.

Однако многие законы, содержащиеся в этом всемирно известном кодексе, практически не отличаются от действующих, если они фактически не систематизированы во времена Урукагины. Законы, касающиеся брака, являются почти точной копией тех, которые существовали у древних шумеров, при этом контракт по-прежнему заключался между женихом и отцом будущей невесты, которому он обычно платил определенную цену за руку своей дочери, цена, конечно, варьировалась в зависимости от положения в обществе заинтересованных сторон. Сумма, переданная отцу, часто передавалась им своей дочери, но если в браке не рождалось детей, мужчина имел право получить обратно цену, которую он заплатил за свою жену после ее смерти, если она не была возвращена ему ранее. Отец, в свою очередь, обычно давал своей дочери приданое или приданое от брака, которое после ее смерти возвращалось семье в случае, если у нее не было детей. Приданое часто включало в себя различные виды имущества, включая золото и серебро, рабов, мебель и одежду, и обычно, по-видимому, превышало по стоимости брачную цену, заплаченную мужем. Если дети, рожденные в браке, переживали жену, ее приданое делилось между ними. Даже если женщина разводилась, она сохраняла свою долю в браке, хотя и была лишена ее в случае грубого морального проступка с ее стороны. В глазах закона женатые мужчина и женщина были единым целым, и каждый нес ответственность за долги другого, не исключая даже брачных обязательств. Но хотя вавилонянин времен Хаммурапи, как и во времена Урукагины, по-видимому, был моногамистом, ему разрешалось иметь наложницу в случае, если его жена не рожала ему наследника, дети наложницы считались законными, а наложница имела право на все уважение, подобающее жене. В кодексе есть различные

статьи, касающиеся особых случаев, таких как брак свободной женщины с рабом или брак приверженцев, но для подробного описания их необходимо обратиться к стандартным работам по Кодексу Хаммурапи, среди которых можно особо упомянуть *Кодекс Хаммурапи Харпера*¹⁸¹ и перевод кодекса Джоном в его *Вавилонских и ассирийских законах, контрактах и письмах*.

Как и в более ранний период, вавилоняне времен Хаммурапи были, по сути, земледельческим народом, но со времен Урукагины сельское хозяйство получило огромное развитие, и отношения землевладельца к арендатору и работодателя к рабочему регулировались и закреплялись рядом правовых актов, воплощенных в кодексе.

Обычная пахотная земля сдавалась в аренду по фиксированной арендной плате, арендная плата выплачивалась зерном, но владелец имел право на залог, а неуплата арендной платы была юридическим долгом. Кодекс содержит два специальных положения, действие которых должно было заставить арендатора откладывать уплату арендной платы как можно дольше. Тот постановил, что если арендная плата не была выплачена или земля была предоставлена в аренду по принципу долевого прироста и урожай был уничтожен штормом, то нанесенный ущерб делился либо поровну, либо пропорционально между арендодателем и арендатором. С другой стороны, если арендная плата уже была уплачена, арендатор не мог требовать компенсации. Система долевого прироста была очень распространена, и в таких случаях арендодатель обычно получал половину или две трети урожая. Но неравенство, которое, по расчетам, могло возникнуть в результате такой системы, было очевидным, поскольку, хотя она в некоторой степени защищала арендатора, она оставляла домовладельца без средств правовой защиты в случае, если его арендатор был бездельником, и для обеспечения такого случая был включен пункт о том, что нерадивый мелкий собственник должен платить среднюю арендную плату "как его соседи". Часто арендодатель дополнительно обезопасил себя, оговорив в договоре возведение коттеджа на этой земле, или настоял на том, чтобы арендатор арендовал уже построенный там коттедж, который должен быть освобожден по окончании срока аренды.

Арендатор был уполномочен сдавать свою землю в субаренду, причем согласие основного арендодателя, по-видимому, не требовалось. Домовладелец, конечно, имел законное право на арендную плату, оговоренную в контракте со своим непосредственным арендатором, но при условии, что это произойдет, а земля будет должным образом обработана, он не сможет выдвинуть никаких возражений. Иногда землевладелец находил семена, необходимые инструменты, а также волов и вдобавок выплачивал заработную плату фермеру; в этом случае статус арендатора чем-то напоминал статус садовника в его сегодняшнем коттедже в поместье. Семя, волю и все остальное принадлежало его хозяину, и наказанием за любую растрату этого имущества со стороны арендатора было отрубание последнему рук. Опять же, если арендатор такого рода был мошенником, он мог взять волов напрокат, присвоить корм, который он получил от своего хозяина за указанных волов, и в то же время не произвести урожая: в этом случае он подлежал крупному штрафу, а если он оказывался неплатежеспособным, его растерзали быки на поле, которым он пренебрегал.

Законы и нормативные акты, которые применялись к землевладению сельскохозяйственного назначения, применялись по большей части и к аренде плантаций и садов. Благодаря необычайному плодородию вавилонской почвы владельцы земли стали очень богатыми; несмотря на это, ростовщик не остался без клиентов. Произошли непредвиденные бедствия, которые подкосили землевладельца, и, если бы не ростовщик, он

не смог бы справиться с бедой. В качестве обеспечения ссуды он часто закладывал свою землю, но кодекс предписывал, что он всегда должен сам собирать урожай и оплачивать долг и расходы ростовщика за счет продукции. Более того, ростовщик был юридически обязан принять такие продукты или кукурузу в уплату долга и не мог настаивать на выплате деньгами, если только, как это часто случалось, он не оговорил в контракте, что ссуда должна быть возвращена в той же форме, в какой она была получена. В качестве дополнительной гарантии для незадачливого заемщика денег было объявлено незаконным наложение ареста на арендную плату или что-либо еще на рабочего быка. Это был гуманный закон, поскольку полив земли, а также вспашка почвы и обмолот пшеницы в основном выполнялись волами.

Законы, регулирующие орошение земель, были строгими из-за катастрофических последствий, возникающих в результате небрежности со стороны любого заинтересованного лица. После того как каналы были проложены, неременной обязанностью каждого землевладельца, малого или крупного, было содержать в хорошем состоянии ту часть канала, которая проходила мимо или через его землю. Если та часть берега канала, за которую он отвечал, обваливалась, и вода, таким образом, затопляла землю его соседа, он должен был полностью возместить ущерб, а если бы он был неплатежеспособен, его можно было бы продать. Он имел право открыть водопровод для полива своего поля, но если вода затопляла соседние поля по какой-либо неосторожности с его стороны, он должен был выплатить полную компенсацию.

Заработная плата, предположительно минимальная заработная плата рабочего, была установлена законом, как и арендная плата за волов и повозки. Наниматель животных был по закону обязан надлежащим образом заботиться о них, и невыполнение этого требования влекло за собой штраф. Но если произошел несчастный случай, который наниматель не мог предвидеть или предотвратить - например, нападение льва, — владелец должен был понести убытки. Это имело место также в том случае, если лицо, ответственное за животное, было пастухом или скотоводкой на службе у владельца, причем принцип был одним и тем же в обоих случаях. Умышленная халатность не подлежала оправданию, но, с другой стороны, последствия непредвиденных и неизбежных несчастных случаев не должны были падать ни на нанимателя, ни на служащего.

Большая половина работающего населения во времена Хаммурапи, вероятно, занималась сельским хозяйством, в то время как остальные были заняты торговлей. В настоящее время расширение торговли зависит от наличия адекватных транспортных средств, с помощью которых экспорт может отправляться, а импорт - поступать. До изобретения и внедрения локомотивов вода была непревзойденным средством транспортировки большого количества товаров из одного места в другое, и даже сегодня, с нашими переплетающимися сетями железных дорог, мы все еще находим применение каналам первобытных времен. Несомненно, именно две реки, Тигр и Евфрат, были ответственны за развитие торгового таланта вавилонян, таланта, который в конечном счете сделал их великими торговцами восточного мира. Соответственно, мы не удивлены, обнаружив, что уже во времена Хаммурапи судоходство было важным видом торговли. Верное указание на этот факт можно найти в ряде законов, непосредственно касающихся судостроителей и лодочников, содержащихся в Кодексе. Кораблестроитель, или, скорее, лодочник, — ибо корабли, как их правильно называть, были изобретением гораздо более позднего времени, - нес полную ответственность за свое мастерство и был обязан предоставить покупателю годичную гарантию; если за это время оно оказывалось неисправным, он должен был предоставить другое. Как и в случае с сельскохозяйственным рабочим, нанятый лодочник нес ответственность за находящуюся в его ведении лодку и груз, и любая халатность с его стороны каралась уголовным наказанием. Если судно сталкивалось с другим судном, стоящим на якоре, столкнувшееся судно несло ответственность за весь ущерб.

Бизнес велся в основном с помощью агентов, как это происходит у нас сегодня. Агент выдавал расписку в получении товара или денег, которые он получал от своего начальника, а затем отправлялся торговать с ними. Как правило, создается впечатление, что агент получил обычную комиссию, которую по возвращении он должен был выплатить с разумной прибылью, причем прибыль иногда представляла собой определенно фиксированную сумму, в других случаях - заранее оговоренную долю от фактической выручки. Как и в наши дни, некоторые торговцы были спекулянтами, и вся неопределенность, присущая любому виду спекуляции, по-видимому, окружала перспективы агента, который, несомненно, временами выигрывал хорошо, в то время как в других случаях сильно проигрывал. Но любые убытки, возникшие в результате неблагоприятного события, которое агент не мог ни предвидеть, ни предотвратить, должен был понести продавец. Таким образом, если агента ограбили во время его путешествия, он мог снять с себя всякую ответственность в этом вопросе, принеся соответствующую клятву. Но этот закон явно мог привести к жесткой практике со стороны нечестного агента; и, соответственно, любые ложные требования с его стороны должны были быть возмещены в тройном размере, но ложные требования руководителя в отношении товаров, доверенных его агенту, должны были быть возмещены в шестикратном размере. Все деловые операции должны были оформляться в письменной форме, чтобы сделать их законными.

Коммерчески проникательные вавилоняне вскоре осознали очевидные преимущества партнерства, и деловые партнерства были хорошо известны во времена Хаммурапи. При получении дивидендов обычная договоренность заключалась в том, что партнеры забирали свой капитал и проценты, а затем получали равные доли избыточной прибыли. Дивиденды выплачивались ежегодно, и изъятие каждым партнером своего капитала фактически распадало партнерство, которое, конечно, могло время от времени возобновляться при желании.

Как и во всех коммерческих предприятиях, капитал был единственным необходимым, и потребность в наличных деньгах немедленно удовлетворялась ростовщиком. Процентная ставка, взимавшаяся во времена Хаммурапи, неизвестна, но ставка, взимавшаяся за ссуды под зерно, часто доходила до сорока процентов. Однако такие ссуды, как правило, пользовались спросом во время посева, и если они были погашены во время сбора урожая, то, по-видимому, проценты не взимались. Должник мог погасить свой заем либо в виде кукурузы, либо в виде кунжута, и стоимость каждого из них была установлена законом. Если должник был неплатежеспособен, он мог передать слугу своему кредитору для отработки причитающегося долга. Однако право собственности на такого слугу по-прежнему принадлежало должнику, и слуга был защищен законом от жестокого обращения со стороны кредитора. Если бы он был свободным человеком, кредитор должен был вернуть его первоначальному хозяину по истечении трех лет, и то же правило применялось, если залогом или поручительством были жена или ребенок должника.

Лишение права собственности не было чем-то необычным, но это была последняя мера, к которой кредитор имел право прибегнуть после того, как все другие средства оказались неэффективными. Наложение ареста на зерно без предварительного согласия должника было незаконным, а незаконное наложение ареста *ipso facto* лишало права на любые дальнейшие требования со стороны кредитора, в то время как наложение ареста без обоснованных требований было уголовно наказуемым, и теоретический кредитор должен был заплатить штраф. Как упоминалось ранее, на рабочего вола не может быть наложено никакого взыскания, и действительно, взыскание любого рода, по-видимому, могло быть наложено только впоследствии с согласия должника. Короче говоря, интересы более скромных и бедных членов общины были защищены всеми возможными способами. Законодатели времен Хаммурапи уделяли внимание не только мелким фермерам, но даже рабочему классу. Таким образом, во время сбора урожая явно наблюдалась тенденция к повышению цен на пиво, и, соответственно, пункт кодекса предписывает продавать напиток по низкой цене, несмотря на возросший спрос.

Опять же, все в сообществе практически находится во власти строителя дома, и, соответственно, любой ущерб, причиненный использованием некачественных материалов или плохим качеством изготовления, должен был быть возмещен строителем. Если дом рушился и хозяин был убит, строитель был предан смерти, в то время как если был убит сын или слуга владельца, сын или слуга строителя был точно так же предан смерти в соответствии с первобытным законом возмездия. Владение домом во времена Хаммурапи, как правило, осуществлялось по системе аренды на ремонт, арендатор должен был оставлять дом в том же состоянии, в котором он его нашел, в то время как арендную плату было принято вносить раз в полгода, а не ежеквартально, причем арендная плата вносилась заранее.

Окончательная санкция и приведение в исполнение этих различных законов, касающихся отношений, существующих между капиталистом и рабочим, владельцем и нанимателем, домовладельцем и арендатором, должны были быть найдены в судах. Как ни странно,

главной ареной юрисдикции был храм, где сам бог выносил решения через посредство своих земных полномочных представителей. Точная форма судебной процедуры во времена Хаммурапи неизвестна, но были выяснены определенные факты, касающиеся института и ведения судебных процессов.

Одно большое различие между судебными процессами во времена Хаммурапи и в наши дни заключалось в том, что дела, по-видимому, велись не адвокатом, а самими сторонами, и такое соглашение, должно быть, в значительной степени пошло на пользу более способному из двух истцов. Более важные дела рассматривались коллегией судей, чем-то напоминающей наш Апелляционный суд, в то время как мелкие иски рассматривались одним судьей, как в наших Высоких судах и судах графств. Заявление о признании вины должно было быть изложено в письменной форме в форме “аффидевита”; смог ли ответчик подать встречный аффидевит, кажется, не совсем ясно. На самом судебном процессе истец и ответчик вызвали своих свидетелей, и судебное решение было подписано обеими сторонами. Апелляция в вышестоящий суд была единственным средством правовой защиты для проигравшего в иске, судье суда низшей инстанции не разрешалось рассматривать то же самое дело во второй раз под страхом исключения из списка, и в то же время увеличивалась в двенадцать раз сумма штрафа, который он ранее назначил, или ущерб, который он оценил.

Дата судебного разбирательства была назначена судьей, но это должно было произойти в течение шести месяцев с момента подачи аффидевита. Это время было предоставлено для того, чтобы истец мог вызвать своих свидетелей в случае их отсутствия дома. Назначение судей, или, по крайней мере, некоторых из них, было возложено на корону; получали ли они зарплату или нет, вызывает сомнения. Иногда должности судей передавались по наследству. Но независимо от того, получали судьи гонорары или нет, они, по-видимому, считались профессионалами и сохраняли свой титул даже после того, как прекращали выполнять свои судебные функции. Верховным судьей был сам король, которому иногда передавались дела первостепенной важности, в то время как высшие должностные лица государства часто выступали в качестве судей.

Следующие преступления карались смертной казнью, хотя точная форма, в которой должен был быть приведен в исполнение смертный приговор, не всегда вполне ясна: —ложное обвинение в колдовстве; лжесвидетельство свидетеля по делу, карающемуся смертной казнью; кража со взломом храма, дворца или частного дома; похищение свободнорожденного ребенка; разбой на большой дороге; кража имущества мужчины, в доме которого горит; супружеская измена; различные формы кровосмешения; изнасилование нареченной девушки; убеждение раба сбежать от своего хозяина или соучастие в совершении преступления путем укрывательства его; различные формы воровства и мошенничества; и строительство дома настолько неудачно, что он рухнул и тем самым убил владельца. Смертная казнь, по-видимому, была назначена либо путем сожжения, пронзания на кол, расчленения или утопления.

Уголовные преступления менее серьезного характера рассматривались по-другому. Среди наказаний, перечисленных в кодексе, нанесение увечий, клеймение и бичевание являются самыми варварскими. Нанесение увечий было наказанием, логически основанным на принципе “око за око” и “зуб за зуб”, и применялось оно в первую очередь к тем, кто нанес увечья своему ближнему. Но его применение было распространено на другие формы преступлений, признанных в те дни преступлениями, таким образом, дерзость

усыновленного ребенка по отношению к своим приемным родителям была эффективно пресечена удалением языка ребенка; в то время как приемному сыну, чрезмерно любопытствующему о происхождении своего рождения, вырывали глаз; наконец, - и что, возможно, нам кажется самым удивительным из всего — если хирург проводил операцию и пациент умирал из—за какой—либо небрежности или недостатка мастерства с его стороны, руки хирурга ампутировались - закон что, должно быть, значительно охладило пыл любого из хирургов тех дней, особенно пристрастившихся к использованию ножа. Клеймо было внешним и видимым знаком (обычно отпечатывавшимся на руке) превращения в рабство — наказанием за клевету на верующего или замужнюю женщину. Бичевание было наказанием за нанесение ударов начальнику; бичевание должно было проводиться публично, ударов насчитывалось шестьдесят, а в качестве орудия использовался кнут из коровьей кожи; в то время как изгнание из города было очень подходящим наказанием за кровосмешение.

2. РЕЛИГИЯ

Единственной выдающейся чертой вавилонской религии времен Хаммурапи было уникальное положение, отведенное Мардуку в вавилонском пантеоне. Мардук был обязан своим возвышением тому, что мы можем без излишнего легкомыслия назвать местными интересами. Династия, столь прославленным монархом которой был Хаммурапи, была первой династией самого города Вавилона; и Мардук, местный бог Вавилона, естественно, разделял удачу и процветание народа, благополучием которого он руководил. Мардуку принадлежали подлинные заслуги, честь и великолепие успеха его народа, что же удивительного тогда, что ему был предоставлен почетный пост в небесной иерархии! Другие боги действительно существовали, и им уделялось такое внимание, какое соответствовало их низшему положению, но их свет был подобен свету планеты по сравнению с ослепительным сиянием полуденного солнца, в то время как возникла монотеистическая тенденция, подпитываемая желанием приписать Мардуку такие чудесные действия, как сотворение мира, действия, которые до сих пор приписывались древним богам Южной Месопотамии.

Но благоговение и уважение к традициям героического прошлого исключали возможность обесчестить богов, которые сделали это прошлое таким славным, и единственным способом удовлетворить религиозные устремления приверженцев Мардука, с одной стороны, и сохранить верность, подобающую освященным веками богам вавилонского младенчества, с другой, было отождествление последнего с Мардуком; если бы этот процесс отождествления был доведен до логического завершения, это привело бы к эволюции монотеизма, столь же исключительного и простого, как самый догматичный унитаризм наших дней.

К счастью или к сожалению, этого не произошло; практическая последовательность тенденции была реализована в отождествлении Мардука с древним богом Ниппура, но в остальном тенденция оставалась тенденцией и не более того. Однако, несмотря на этот факт, верховенство Мардука было так прочно установлено, а его положение столь неприступно обеспечено, что мимолетные перемены и случайности примерно за две тысячи лет не смогли вытеснить его с его высокого положения, и именно Мардуку Кир, покоритель последнего местного царя Вавилона и обреченный наследник ее мимолетной империи, приписывает триумфальную победу, сопутствовавшую его оружию. Он записал признание

своих обязательств перед владыкой Э-сагила на глиняном цилиндре, который сейчас хранится в Британском музее.

Надпись сделана клинописью и гласит, что Мардук “искал праведного принца, человека по своему сердцу, которого он мог бы взять за руку, и нарек ему имя Кир. И Мардук, великий владыка, защитник своего народа, с радостью взирал на его добрые дела и его праведное сердце”. Таким образом, спустя 1500 лет после правления Хаммурапи культ Мардука все еще был тесно связан с процветанием его народа, и именно из-за пренебрежения к его поклонению и ненадлежащего сохранения его поклонников Набонид, последний царь неовавилонской династии, не смог противостоять натиску иностранного завоевателя.

Хотя Мардук, таким образом, был верховным богом Вавилона, к святилищу которого обычно прибегали все истинные патриоты, другие боги все еще были объектами почитания, и по-прежнему считалось благоразумным обращаться к ним за благосклонностью и помощью. Солнце продолжало следовать ровным курсом своего пути, и, в конце концов, солнце является важным фактором в многообразных операциях сельского хозяйства, поэтому человеку надлежит выразить свое почтение богу, чье простое кратковременное отсутствие за облаком недовольства может привести к таким важным последствиям. Среди других божеств, которым поклонялись в это время, следует упомянуть Иштар, мать богов и богиню любви и войны, Ану, владыку небес, и Эа, бога глубин, Сина, бога луны и особого покровителя народа Ура, Ниниба, бога войны, и Адада, божество погоды.¹⁸²

Великое религиозное движение, характеризовавшее установление первой династии Вавилона, естественно, включало в свой состав все атрибуты, требуемые высокоорганизованной государственной религией и сопутствующие ей. Жречество стало властью, а храмы - коммерческими центрами, а также местами обучения. Доход храма был очень велик; его основным источником, по-видимому, были пожертвования и царские щедроты царей. Как и в прежние времена, здесь содержалось большое количество крупного рогатого скота и овец, и управление его собственностью, по-видимому, доставляло Хаммурапи немало беспокойства. К служению в храме было привлечено великое множество священников и мирян, и духовный работник тех дней, по-видимому, заслуживал совершенно непомерной платы. Очевидно, что это было самое прибыльное предприятие, и привилегия служить в храме была положительным активом, который можно было купить, продать или заложить. Эта ценная привилегия, которая приносила с собой такие денежные преимущества, была, само собой разумеется, очень ревностно охраняема избранными, которые твердо придерживались принципа наследования — тогда он был в самом разгаре. Эти привилегии фактически были неотчуждаемы и передавались от отца к сыну.

О финансовом процветании храма и его атташе свидетельствует то, что они открывают свои двери для ведения чистого финансового бизнеса, а со временем кредитование становится довольно важной отраслью храмовой работы. Однако ссуды, по-видимому, в целом были бесплатными, проценты не взимались.

Но у храма были свои обязанности, которые он должен был выполнять, а также свои привилегии, которыми он мог пользоваться, одной из обязанностей, возложенных на храмовые власти, был выкуп земляка, попавшего в плен к врагу.

(С) АССИРИЙСКАЯ ЭПОХА

1. СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

Во времена Ассирии, по-видимому, действовали или молчаливо согласовывались те же самые явные или неявные правила в отношении семьи, что и в древневавилонский период. По-видимому, обычным образом от мужчины ожидалось, что он женится только на одной женщине, хотя представляется вероятным, что в случае, если первая жена оказывалась бездетной, считалось вполне оправданным и законным для мужчины жениться на другой женщине, учитывая желательность рождения наследника.¹⁸³ Соответственно, моногамия, по-видимому, была общим правилом, хотя полигамия ни в коем случае не была неизвестна. Когда мужчина женился, он оставлял своих отца и мать и, как ожидалось, "прилеплялся" к своей жене, и они становились "одной плотью" и жили в "одном доме"; короче говоря, ассирийский "дом" обычно был таким же, как современный английский "home". Как и во времена Хаммурапи, женщины могли быть законными владельцами собственности и часто владели фермами и виноградниками.

Общие занятия этого народа были во многом такими же, как и у прежних жителей Месопотамии. Население, как и тогда, было в основном сельскохозяйственным; земля требовала такого же тщательного и продуманного орошения, в то время как землю нужно было вспахивать, сеять семена и собирать урожай, как и прежде. К кукурузному угодию¹⁸⁴ обычно был пристроен дом, а также двор, где хранилось зерно, который, таким образом, выполнял функцию амбара, если не напоминал его внешним видом. Очевидно, что на виноградниках, которые, должно быть, иногда были очень обширными, работало большое количество людей, поскольку количество растений на одном винограднике в одном случае достигало 49 300, и знаменательным фактом является то, что самые знаменитые вина в Вавилонии производились с севера, хотя также стоит отметить частоту, с которой виноградная лоза встречается на ассирийских барельефах. Садов и огородов также было предостаточно, хотя то, что в них росло, в некоторой степени является предметом догадок; однако, если мы можем предположить, что список растений, упомянутый в вавилонской *садовой табличке*, опубликованной Мейснером, справедлив и для ассирийского сада, то лук-порей, репчатый лук, чеснок, салат-латук, кориандр, иссоп, репа, капуста и редис, должно быть, были привычными огородными продуктами.

Крупный рогатый скот и овцы выращивались, как и в старые времена, причем последние использовались как для получения шерсти, так и в пищу, в то время как козы давали молоко, а также мясо и шерсть, причем козья шерсть даже сегодня используется на Востоке для покрытия палаток. Волы использовались в основном для работы оросительных машин, в то время как ослы также служили в качестве рабочей силы. Верблюд не был неизвестен, и его часто называют в связи с продажей поместий. Лошадь в тот период была в обычном пользовании, но, по-видимому, предназначалась для верховой езды.

Юридическая атрибутика ассирийских времен была естественным развитием вавилонского кодекса законов, побочным продуктом которого она была. В праве собственности на землю наследственный принцип, по-видимому, был доминирующим фактором, и, вероятно, фермы и виноградники автоматически переходили от отца к сыну точно так же, как земли короны и более крупные поместья. Крестьянин по-прежнему был крепостным, купленным или проданным вместе с землей, к которой его привязала судьба; ему не разрешалось переселяться в другое место, но, с другой стороны, он находился под защитой государства; захватчики не могли вытеснить его, и его пропитание было первоочередной заботой в поместье. Несомненно, что земельные рабы иногда реквизировались для военных или других государственных целей, при этом владелец, конечно, был вынужден удовлетворять

спрос, в то время как продукция его земли также подлежала налогообложению. Однако некоторые поместья были освобождены от сборов такого рода, причем освобождение, несомненно, было предоставлено королевской милостью и подтверждено королевской хартией.

Среди мелких землевладельцев мы находим множество фермеров или виноградарей, которые оставили бизнес или промышленные занятия и оставили пекарню и контору писца, чтобы вернуться к земле.

Арендодатель часто не проживал на своей земле, а сдавал ее арендаторам, которым, как он ожидал, платил арендную плату в положенный сезон. Первоначальное владение землей, без сомнения, было в значительной степени, если не полностью, подарком короля, в то время как завоевания постоянно передавали в его руки новые участки земли. Вероятно, часть вновь приобретенной собственности пошла на расширение земель короны, в то время как остальное или часть остального была распределена между министрами короля, генералами и другими придворными фаворитами.

2. РЕЛИГИЯ

Ассирийская религия была вавилонской как по происхождению, так и по характеру. Ану, Бел и Эа, Мардук, Нергал, Адад, Шамаш и Син, Нана и Иштар - все они пользовались уважением, и в их честь были возведены храмы. Господство Ассирии и соответствующий упадок могущества Вавилонии едва ли повлияли на авторитет и влияние освященных веками богов вавилонского пантеона. Но новая политическая ситуация требовала некоторого признания в религиозной жизни нации, а требования настоящего требовали определенного внимания, так же как и священные традиции прошлого. Эти два конфликтующих интереса должны были быть примирены, и примирение было достигнуто, и был изобретен способ спасения, аналогичный тому, который применяли ранние вавилоняне, когда сталкивались с подобной дилеммой. Местный бог Ашшур был возведен на первое место в пантеоне и стал как бы ассирийским Мардуком, хотя его положение было еще более неприступным, чем у Мардука в Вавилоне, поскольку последний¹⁸⁵ был вынужден признать Эа своим отцом, тогда как Ашшур выше всех связей такого рода; вавилонско-ассирийский пантеон признан им, но это никоим образом не затрагивает его возвышенного поместья.

Культ бога Ашшура восходит к самому раннему известному периоду ассирийской цивилизации, в то время как он дал свое имя первой известной столице страны и, в конечном счете, самой стране. Ашур является божественным олицетворением Ассирии, как Мардук был олицетворением Вавилонии, только отождествление было более выраженным, поскольку упадок ассирийского могущества и гибель ее империи фактически означали смерть Ашура, тогда как Мардук сохранял свое влияние как во времена невзгод Вавилона, так и во время его процветания; иностранные завоеватели стремились оказать ему честь, Кир Персидский приписывает свое завоевание Вавилона владыке Э-сагила и даже Антиоху Сотеру (280-260 до н.э.).) восстанавливает свой знаменитый храм. Но следует отметить и другое различие между культом Ашшура на севере и культом Мардука на юге. Ашуру поклонялись в храмах, возведенных по всей Ассирийской империи, тогда как Вавилон был местом, "где люди должны поклоняться" Мардуку, точно так же, как в более поздние времена Иерусалим был единственным разрешенным центром поклонения Иегове. Но, несмотря на универсальность его присутствия, у Ашура было главное место поклонения,

местоположение которого было таким же, как и у тогдашнего центра и столицы империи, Ашура, Калаха, Ниневии или Хорсабада, в зависимости от обстоятельств.

Приспособляемость, проявленная Ашуром в отношении своего земного дома, может, как предполагает Джастроу, частично объясняться тем фактом, что статуя не была единственным или даже главным символом его божественного присутствия, как это было в случае с Мардуком и другими великими богами. Его обычной эмблемой был штандарт, состоящий из шеста, окруженного крылатым диском, к которому прикреплен лучник с натянутым луком. Невозможно сказать точное время, когда военный штандарт стал рассматриваться как естественный и подобающий символ бога-покровителя страны, но природа самого символа совершенно ясно показывает, что Ашшур считался богом войны. Действительно, божество-покровитель такого воинственного народа, как ассирийцы, не могло не отражать воинский дух своего народа. Ассирийские воины были "войсками Ашшура", их враги были его врагами, а их друзья - его друзьями. Супругой Ашура была Б [=э]лит (=="Леди"), но та же богиня иногда появляется как супруга Бела¹⁸⁶, а иногда также как жена Эа в ассирийских надписях, в то время как в других случаях Б [= э] лит - это просто обозначение Иштар. Последняя богиня занимает очень видное место в ассирийском пантеоне, уступая лишь самому Ашуру. В Ассирии действительно было не менее трех Иштар — Иштар из Ниневии, Иштар из Арбелы и Иштар из Кидмуру, но ассирийцы, по-видимому, не сохранили какого-либо определенного различия между ними, так что для всех практических целей у нас есть только одна богиня, которую следует рассматривать в этой связи.

Вряд ли стоит удивляться тому, что ассирийцы с большим почтением относились к Иштар, богине войны и любви, которые, что вполне естественно, подчеркивали ее воинственные качества. Но ассирийцы не были ответственны за происхождение воинственного характера Иштар; она рассматривалась в этом свете, по крайней мере, еще во времена Хаммурапи,¹⁸⁷ в то время как ее боевой дух ярко выражен в раннем эпосе о Гильгамеше, но ассирийцам оставалось развить этот аспект ее характера, фактически исключив все остальные аспекты. По мере того, как ассирийцы распространяли свое влияние на все стороны, власть Иштар Б [=э]лит, или "владычицы" битв, также росла; она является богиней как царей, так и людей; во времена опасности она дарует царю свой совет и своевременные слова ободрения посредством снов. Она "совершенна в мужестве" и несравненна в великолепии; ее облик подобен огненному пламени, и она изливает потоки огня на врагов Ашур-бани-пала. В отличие от других богинь, она правит сама по себе, а не в силу своего положения супруги, двойника или отражения кого-либо из важных богов. Она равна им по рангу, силе и достоинству, в то время как само ее имя становится почти синонимом слова "богиня", и в более поздние времена все богини, будь то местные или иноземные, стали рассматриваться как многочисленные формы или проявления Иштар.

Но, за исключением почитания воинственных божеств Вавилонии и дальнейшего развития военного характера, который они уже носили, ассирийская религия лишь немногим отличается от религии метрополии. Цивилизация и культура ассирийцев были импортированы *целиком* из Вавилонии, и это тотальное заимствование манер и обычаев народа юга проявляется в ассирийском искусстве, религии, праве и архитектуре. Их храмы и дворцы были более или менее точными копиями тех, что были возведены в Вавилонии; их верования, обряды и церемонии происходили из того же источника, в то время как их литература вряд ли отличается какой-либо оригинальностью. Когда Ашшур-бани-пал решил собрать библиотеку в своем царском дворце в Ниневии, он был вынужден послать своих писцов на юг для поиска в архивах древних храмов, которые содержали молитвы и гимны, обращенные к богам, легенды и эпосы далекого прошлого, астрономические отчеты

и медицинские формулы настоящего. Большая часть библиотеки Ашшур-бани-пала состояла из практически дословных копий этих оригинальных текстов, но наш долг перед библиографическими пристрастиями Ашшур-бани-пала должен измеряться не оригинальностью томов его библиотеки, а большим вкладом, который они вносят в вавилонскую и ассирийскую литературу, находящуюся сейчас в нашем распоряжении. В очень многих случаях вавилонские оригиналы не были восстановлены, и мы полностью зависим от копий переписчиков Ашшур-бани-пала, и если бы не усердие этого великого царя в этом направлении, мы были бы в полном неведении относительно содержания значительной части вавилоно-ассирийской литературы.

(D) ВАВИЛОНСКАЯ И АССИРИЙСКАЯ СИМВОЛИКА

Во всех религиях, будь то древних или современных, материальное представление образует связующее звено между естественным и сверхъестественным, физическим и духовным. Медиум иногда принимает форму изображения естественно или неестественно задуманного божества, в других случаях он принимает форму эмблемы, астрономической или иной, с которой ассоциируется бог. У нас есть множество свидетельств о выдающейся роли изображений в поклонении вавилонян и ассирийцев, и, возможно, будет уместно посвятить две-три страницы краткому рассмотрению некоторых эмблем божеств, о которых шла речь.

Главными источниками для изучения ассирийской и вавилонской символики являются цилиндрические печати, вавилонские пограничные камни и монолиты ассирийских царей. В кратком обзоре месопотамских цилиндрических печатей мы имели возможность наблюдать частое появление эмблем, многие из которых также встречаются на монолитах ассирийских царей, например Саргона, Сеннахериба и Асархаддона. Среди тех, значение которых несомненно, мы можем упомянуть полумесяц, очевидно символизирующий бога Луны Сина, и звезду Иштар, в то время как божество, вооруженное молниями, несомненно, Адад. Крылатый диск, который встречается на стеле Асархаддона, а также на других ассирийских памятниках, явно символизирует Ашура, хотя в более ранние времена он, по-видимому, символизировал Шамаша, бога Солнца,¹⁸⁸ и если это так, то у нас есть полезное свидетельство в поддержку теории солнечного происхождения Ашура.

Рис. 113.

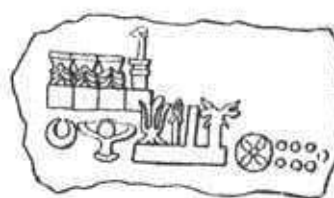

Рис. 114.

Но вавилонские *кудурру*, или пограничные камни, предоставляют гораздо больше материала для изучения вавилонской символики, чем ассирийские царские скульптуры, поскольку эмблемы богов, как и сами боги, были по большей части заимствованы из Вавилонии и с вариациями переняты народами севера. У нас есть эмблемы, которые

спорадически разбросаны на вавилонских цилиндрических печатях, собранных вместе в более или менее большие группы на пограничных камнях. На одном из этих пограничных камней (см. рис. [113](#)) сбоку начертано имя бога, с которым ассоциируется эмблема, что дает нам определенные данные, а не гипотетические догадки, на которых можно основывать наше исследование. К сожалению, все имена, начертанные на этом кудурру, неразборчивы, но среди тех, которые достоверны, следует отметить следующее: Шамаш, бог Солнца, который представлен кругом, внутри которого четыре луча света чередуются с четырьмя потоками воды. Иштар представлена звездой, а Син, бог Луны, как обычно, полумесяцем. Еа символизируется головой барана на колонне, установленной на прямоугольном троне, под которым восседает козерог с рыбьим хвостом. Мардук также представлен колонной, вершина которой, однако, имеет форму копья. Нергал, бог мертвых, символизируется колонной с львиной головой, в то время как сидящая богиня - Гула, которая отождествляется с Бау.

Другим важным памятником в этой связи является наскальный рельеф Сеннахериба близ Бавиана (см. рис. [114](#)). В надписи упоминаются двенадцать богов, и такое же количество эмблем, предположительно соответствующих двенадцати богам, изваяно на скале. Но важным моментом является то, что не только количество изображенных эмблем совпадает с количеством упомянутых богов, но и есть определенные указания на то, что порядок следования в обоих случаях одинаков.¹⁸⁹ Таким образом, полумесяц, который, очевидно, символизирует бога-луну, находится пятым, на том же месте, которое занимает Син в списке имен. Опять же, звезда, несомненная эмблема Иштар, также занимает одиннадцатое место, и имя богини также является одиннадцатым в списке. Наконец, молния, которая является определенным символом Адада, занимает седьмое место и соответствует тому, которое занимает бог в надписи. Эти три совпадения вряд ли можно считать случайными, и разумно присвоить остальные символы соответствующим богам в списке. Следуя этому методу, мы можем условно распределить эмблемы следующим образом: Ашур, Ану и Бел представлены рогатыми шляпами; Эа - колонной с головой барана; Син - полумесяцем; Шамаш - крылатым диском; Адад - молнией; Мардук - колонной с завершением в виде ананаса; Набу - простой колонной; Ниниб (?) - колонной, увенчанной двумя львиными (или двумя бычьими) головами; Иштар - звездой; Игиги - семью точками.

Вероятно, лучшим образцом вавилонской стелы такого характера является стела Навуходоносора I (около 1120 г. до н. э.) (см. рис. [115](#)). В верхнем регистре у нас есть полумесяц, диск и звезда Сина, Шамаша и Иштар соответственно, второй регистр занят рядом из трех эмблем, каждая из которых представляет собой божественное седалище, увенчанное рогатым тюрбаном. Последние, по-видимому, представляют Ану, Бела и либо Ашура, либо Эа.¹⁹⁰ Следующими по порядку у нас, по-видимому, являются эмблемы Мардука и Нево, в то время как в четвертом регистре у нас есть двуглавая колонна Ниниба, голова

рис.

лошади, покоящаяся на сиденье и увенчанная сводчатой аркой (это 115. представляет особый интерес, поскольку, по словам Уорда, это, вероятно, самое раннее изображение лошади в вавилонском искусстве); орел на вершине колонны, и еще одна колонна, увенчанная с головой ястреба, изображающей Замаму. В пятом регистре изображена богиня Гула, восседающая на троне в сопровождении собаки; человек-скорпион или Стрелец; и, наконец, у нас есть молния Адада над теленком, черепаха, которая, возможно, является альтернативной эмблемой Еа,¹⁹¹ скорпион, и лампа Нуску, бога огня. Наконец, всю одну сторону этой замечательной стелы пересекает гигантский змей. На других памятниках представлены различные разновидности тех же эмблем, в то время как среди тех, что не включены здесь, - дубинка, стрела, воробей и плуг, сноп, ваза, бык, гусь, человек-рыба, голубь, жезл и кольцо (ср. XIV), а также прическа и нож богини Нинкхаршаг, для полного и исчерпывающего изучения которых читателю следует обратиться к Уорду, *Цилиндрические печати*, стр. 389 и далее. О погребальных обычаях вавилонян и ассирийцев, насколько они известны, мы говорили в другом месте (ср. стр. 62, 69 и др.), Но, возможно, для нас будет не лишним кратко рассмотреть их эсхатологию.

(Е) ВАВИЛОНСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

Идеи и размышления человека в значительной степени определяются его окружением, так же как и его верования относительно загробного мира имеют своей материальной основой и задают мир, в котором он сейчас живет; неизвестное, но о котором смутно догадываются, может быть определено или, скорее, изображено только в терминах известного, невидимое - в терминах видимого, небеса - в терминах земли, Бог - в терминах Человека - короче говоря, доктрина Воплощения лежит в основе всей религии и всех религиозных систем. Как мы уже видели, ранние вавилоняне, по всей вероятности, происходили из горной страны Элам, поскольку они использовали один и тот же рисунок-знак или идеограмму как для обозначения "горы", так и для обозначения "страны"; следовательно, земля представлялась им в виде горы, и если этот мир имеет форму горы, то мир за ее пределами, несомненно, также должен иметь подобную форму, следовательно, одним из их названий другого мира было Э-кур, что означает "горный дом", то же название применяется и к нынешнему миру. На заре вавилонской мифологии считалось, что сами боги обитают в Э-КУРЕ, горном доме мира, и, возможно, нет ничего противоестественного в том, что боги так тесно связаны с матерью-землей, если вспомнить, что вавилоняне верили, что сами боги произошли из того

же водного хаоса, из которого, так сказать, возникла земля - боги и земля были детьми одного и того же родителя и возникли одинаковым образом.

Но эта горная теория относительно потустороннего мира никоим образом не исключала и, по-видимому, даже не вступала в противоречие с другими взглядами совершенно иного характера; действительно, наиболее популярной концепцией загробного мира, как царства мертвых, была концепция впадины или пещеры, расположенной под землей, которая, как считалось, имеет форму перевернутого блюдца: эта пещера называлась “Аралу” и поэтически описывалась как “иршитум ла тарат” — “земля без возврата” — описание, которое на удивление негативное и иллюстрирует, насколько мало известно о загробном мире. Вавилонянин интересовался жизнью после смерти по сравнению с египтянином, который, можно с некоторой долей правды сказать, уделял больше внимания загробной жизни, чем той, которая есть сейчас. Местонахождение Аралу под землей также может быть выведено из истории о нисхождении Иштар в Аид; эта практически универсальная концепция настолько естественна, что вряд ли требует объяснения. Ассоциация царства мертвых с могилой под землей, где были захоронены останки умерших, почти неизбежна, и соответствующая ассоциация обители богов, или небес, с областями света и сияния над этой землей — вечно видимые солнце и луна, являющиеся самими богами, — столь же естественна, но попутно следует отметить, что в системе - за неимением лучшего слова — которая устанавливала обитель богов в областях неба, небеса, на которых они обитали, были недоступны смертному человеку, будь он даже таким хорошим или добродетельным; это было невозможно. по-видимому, только в прежние времена, когда жилище богов находилось на земле, души усопших считались обитающими с ними или рядом с ними.

Это дополнительно подтверждается применением термина Э-кур — “горный дом” - к самой земле, а также к обители богов и царству мертвых, в то время как в то же время он использовался для обозначения земных обителей или храмов богов; теория, согласно которой дом богов располагался на Э—КУРЕ, вероятно, является более ранней, и это произошло только в более поздние времена, когда Вавилон добился более или менее господства в долине Евфрата и таким образом приобрел для своего бога Мардук обладал таким же превосходством, что обстоятельства, казалось, требовали, так сказать, более универсального и менее локального дома для бога, чья власть таким образом распространилась по всей стране; если Мардук ограничивается своим домом-храмом в Вавилоне, как он может следить за судьбой и получать почтение своих приверженцев по всей империи?

Более того, как уже говорилось, по независимым от этого причинам искушению приписать богам небесное жилище поддались почти повсеместно; эта точка зрения, конечно, не исключала возможности присутствия бога в храмах, воздвигнутых в его честь, она лишь исключала идею его исключительного присутствия в храме.

Но были и другие названия, помимо Аралу и Э-кур, использовавшиеся для обозначения обители мертвых, одно из которых было “Шуалу”; этот термин означает “вопрошание” и происходит от того же корня, что и имя собственное “Саул” (“испрошенный”), само по себе являющееся эквивалентом еврейского “Шеол”, которое греки переводили как “Аид”, а английские переводчики, к сожалению, перевели как “ад”; соответственно, мир мертвых рассматривается как место вопрошания, причем вопрошание, по-видимому, имеет природу оракула. Таким образом, предполагается, что мертвые наделены способностью отвечать на вопросы, адресованные им людьми на земле; и в этом качестве они подобны богам, с той лишь разницей, что боги даруют оракулов руками своих священников, в то время как мертвые используют некромантов в качестве своих медиумов, как это было в случае, когда

Самуил явился Саулу через посредство ведьмы-некромантки Эндора. Таким образом, в связи с Э-кур домом богов и мертвых следует отметить, что умершие не только считаются с богами или рядом с ними, но, подобно богам, они также уполномочены помогать земным смертным своими пророческими высказываниями; это предполагает, что мертвые наделены большим знанием, чем живые, и, соответственно, какими бы мрачными ни были Аралу, Шуалу или Э-кур (как дом мертвых), мертвые во всяком случае приближаются к богам в этом смысле. уважайте Древо Познания и приобщайтесь к нему более свободно, чем к живым.

Достигнув такого уровня, обожествление мертвых - это всего лишь короткий шаг, который вавилонянину было нетрудно совершить; поскольку, однако, обожествление усопших было скорее исключением, чем правилом, исключительные случаи такого обожествления должны были иметь особый смысл существования, и этот смысл существования, вероятно, заключался в силе дарования предсказаний, которую вавилоняне приписывали тем высокооплачиваемым личностям, чьи героические достижения на земле снискали им величайшую честь, оказанную человечеству в древности. Королей действительно часто обожествляли после смерти и даже при их жизни, но это было естественным следствием веры в то, что загробный мир похож по порядку и способу правления на этот мир, хотя он был гораздо более мрачным и к тому же носил сравнительно негативный характер.

Но хотя мертвые, таким образом, считаются более близкими к богам, чем живые, и в большей степени объектами их особой заботы, все же сама их близость к богам, по-видимому, ставит их еще выше власти и контроля последних, и жрецы, делегированная им божественная власть имеет первостепенное значение для живых, не имеют никакого права влиять на мертвых.

Другим названием подземного мира было “Ки-галлу”, что означает “великая земля”, “Ки” является обычной идеограммой слова “земля” вообще или “суша” в частности, для раннего восточного сознания эти два понятия были практически синонимами; этот термин, как и Э-кур, таким образом, связывает обитель мертвых с обителью живых, обитель живого существа на земле, а обитель мертвых находится под землей или внутри нее. Другими эпитетами, применяемыми к подземному миру, были “темное жилище”, “дом смерти”, “могила”, “великий город”, “глубокая земля” и вышеупомянутый “иршитум ла тарат”, “земля, откуда нет возврата”, последнее встречается в хорошо известной истории о нисхождении Иштар в Аид, где нижний мир далее описывается как дом тьмы, в котором мертвые, одетые в перья, как птицы, питаются пылью и глиной. Этот рассказ о загробном мире хорошо согласуется с рассказом Эа-бани, вызванного из царства мертвых, чтобы поговорить со своим другом Гильгамешем; Эа-бани боится причинить боль своему другу, описывая ужасы подземного мира, но в конце концов его уговаривают сделать это, и его описание Гадеса звучит так: “место, где червь пожирает и все покрыто пылью” — “Прах ты, и в прах ты вернешься”. Идея о мертвых, облаченных в перья, как птицы, напоминает о характерных месопотамских чудовищах сложной формы, полуптицах и получеловеках, которые сами, по-видимому, были прямо или косвенно связаны с потусторонним миром.

Однако считалось, что плачевная участь умерших может быть в какой-то степени смягчена актами преданности и благотворительности, совершаемыми теми, кто остается; таким образом, для умершего было первостепенно важно, чтобы он получил респектабельные и достойные похороны, и, более того, его потребности на этом не ограничивались, ибо в Э-куре — независимо от того, применяется ли этот термин к земле как дому смертных, или к стране мертвых, человеку для поддержания существования требуются как еда, так и питье. Состояние несчастного человека, который не получает погребения и не обеспечен ничем из необходимого для жизни в загробном мире, описано в конце Эпоса о Гильгамеше, где нам

сообщается, что такой человек терзается гложущим голодом и вынужден утолять свой аппетит отбросами на улицах; но непогребенная тень была не только проклятием для него самого, так сказать, он также стал проклятием для живых, приняв форму “экимму” или демона, одержимого злобными намерениями по отношению к человечеству, и, кроме того, наделенного прискорбной способностью переносить смерть. Эти намерения привели к благому результату; следовательно, живым надлежало выполнять требования умерших с точки зрения самообороны, совершенно независимо от каких-либо соображений благочестивой благотворительности.

В залах Аралу не делалось различия между верными и неверными усопшими, единственное различие, которое там было, заключалось в судьбе тех, кто прошел обряд погребения и получил средства к существованию из рук своих оставшихся в живых друзей и родственников, и участи тех, кому было отказано в последних обрядах и службах; однако следует отметить, что будущая жизнь тех, кто погиб на поле битвы, считалась чреватой большим счастьем или, по крайней мере, меньшим несчастьем, чем у всего человечества.

Таким образом, для вавилонян жало смерти было еще очень далеко от избавления, и их погребальные панихиды состояли в основном из причитаний по поводу плачевного положения усопшего, а не по поводу их собственной личной потери; для них Победа не была поглощением Смерти, единственная возможность будущего блаженства заключалась в невосприимчивости к смерти, невосприимчивости, которая была предложена только одному или двум смертным и которой, по-видимому, удалось воспользоваться только одному, и единственным исключением был Шит-напиштим, чье возвышение до божества, по-видимому, было освобождением его от необходимости умирать. Таким образом, преобладающей нотой был пессимизм, пессимизм, от которого “жителям Месопотамии” так и не удалось полностью освободиться, пессимизм, который, более того, замечен в священных писаниях евреев еще долгое время после их эмиграции из Вавилонии в землю Ханаанскую. Для Иова участь дерева предпочтительнее участи человечества, ибо “у него есть надежда, что если его срубить, оно снова прорастет; но человек ложится и не встает; пока небес больше не будет, они не пробудятся и не восстанут ото сна”; точно так же Псалмопевец просит, чтобы ему было позволено восстановить свои силы — “прежде чем я уйду отсюда и меня больше не будет”, общий вывод состоит в том, что для еврейского сознания загробная жизнь скорее напоминала простое существование, чем жизнь с положительной деятельностью и положительными функциями.

Склонность относиться к неизвестному с подозрением и сомнением присуща законам нашей природы, и история демонстрирует, что только мужественная жизнерадостность, обретенная благодаря неустанным усилиям человечества бороться с Матерью, которая их родила, может преодолеть это, как и все другие тенденции, присущие человеческой природе. Для народов древности потусторонний мир был неизвестен и темен, ибо первобытный человек волей—неволей считает темным состояние существования, относительно которого он находится в неведении, точно так же, как он неизменно приписывал причины физических явлений вне его понимания силам тьмы, но сама темнота потустороннего мира не только не уменьшала реальность его существования в его первобытном уме, а, наоборот, усиливала ее; он рассматривал невидимое через ментальный телескоп - для него оно казалось темным, но большим; видение ни в коем случае не было необходимым условием его веры, он верил там, где ему казалось, что он существует. не видел, и его воображение оказалось вполне адекватным случаем. С другой стороны, в двадцатом веке существует склонность рассматривать неизвестное как *само по себе* несуществующее, но следует признать, что тенденция, проявленная древним человеком, приписывать неизвестному еще большую реальность, чем известное, более соответствует

архетипическому идеализму Платона и других, чье умственное развитие, по крайней мере, не имеет среднего порядка, и чьи теории еще не были осуждены судом Логик.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Те читатели, которые, возможно, пожелают расширить свои знания по какому-либо конкретному предмету, затронутому в этом томе, не найдут ничего лучше, чем обратиться к следующим работам. Для истории раскопок очень полезной является книга Хилпрехта *"Исследования в библейских землях"* (Т. & Т. Clark, Эдинбург). Для получения дополнительной информации о раскопках в Ниппуре следует обратиться к книге Питерса *"Nippur, или Исследования и приключения на Евфрате"* (Путман), а также к *"раскопкам Фишера в Ниппуре"* (Филадельфия). Для изучения клинописи и надписей следует прочитать *"Археологию клинописных надписей"* Сэйса (S.P.C.K.). Это самая последняя работа на эту тему, полная интереса и оригинальных идей. О литературе вавилонян и ассирийцев читайте в книге Харпера *"Литература ассирийцев и вавилонян"* (Библиотека Альдина), которая содержит переводы полностью репрезентативной подборки литературных произведений обеих стран.

Отчет о раскопках, проведенных в течение последнего десятилетия Немецким Восточно-европейским обществом в Вавилоне и Ашуре, можно найти в официальных отчетах Кольдевея и Андраз в Собрании Общества (опубликовано J. Hinrichs'sche, Buchhandlung Leipzig), в то время как с подробным отчетом о храме Ану-Адад в Ашур-Андраз *Der Anu-Adad Tempel* Андраз (также опубликовано Хинрихсом) следует ознакомиться. Работы Де Сарзека и Юзи (опубликованные Э. Леру, Париж) должны быть изучены теми, кто желает получить полный отчет о раскопках в Телло; из них *Découvertes en Chaldée* является наиболее важной. Это великолепно иллюстрированное произведение, содержащее полное описание ранних открытий, сделанных на этом месте, а также критическое и взвешенное суждение о выводах, которые мы можем сделать на основе этих открытий, несомненно, является одним из наиболее важных вкладов в изучение шумерского искусства. Из меньших работ М. Хьюзи, *"Королевская вилла Халдеен"* (Леру, Париж), по расчетам, представляет особый интерес для изучающих вавилонскую архитектуру, в то время как его многочисленные статьи в *ассириологическом журнале* (Леру, Париж) и статьи в *Собрании академии надписей и художественной литературы* решают многие проблемы, с которыми сталкивается изучение восточного искусства. Что касается цилиндрических печатей, то монументальная работа, недавно опубликованная У. Хейсом Уордом *"Цилиндрические печати Западной Азии"* (Институт Карнеги), безусловно, является наиболее всеобъемлющей по этому вопросу и является кульминацией многолетних исследований в государственных и частных коллекциях Европы и Америки.

Для изучения права читателю следует обратиться к *"Вавилонским и ассирийским законам, контрактам и письмам"* К. Дж. Джонса (Эдинбург), *"Ассирийским деяниям и документам"* (Кембридж) и *"Ассирийской книге о конце света"* (Делич и Хаупт, Ассириологическая библиотека, Band XVII, Лейпциг), а изучающему вавилонскую и ассирийскую религию следует обратиться к *"Религии Вавилонии и Ассирии"* Морриса Джастроу (Бостон, США), которая является единственной исчерпывающей работой по этому вопросу. Для подробного и всестороннего рассмотрения декоративно-прикладного искусства вавилонян и ассирийцев в свете материала, доступного на момент публикации книги, следует прочитать книгу Перро и Чипиза *"История искусства Халдеи и Ассирии"* (Chapman & Hall, Лондон; A. C. Armstrong & Son, Нью-Йорк).

Что касается манер, обычаев и общего образа жизни, следует обратиться к стандартным произведениям Масперо — *"На заре цивилизации"*, *"Борьба наций"* и *"Крушение империй"* (S.P.C.K., Лондон), к тому же автору (Масперо) *"Жизнь в Древнем Египте и Ассирии"* (Chapman

& Hall) до "Ассирийцев и вавилонян" Сэйса (Дж. К. Ниммо, Лондон); и до "Генделя и странствий в Альтбабилонии" Делича (Deutsche Verlags-Anstalt, Штутгарт), в то время как по военным вопросам читателю следует обращаться к "Хирвезену и Кригфюреру ассириера" Дж. Хунгера в "На Другом Востоке", 1911 г..

В этом томе не рассматривается история вавилонян и ассирийцев, но тем, кто интересуется этой областью, следует прочитать "Историю Вавилонии и Ассирии" Роджерса (Eaton & Mains, Нью-Йорк; Jennings & Pye, Цинциннати), "Историю вавилонян и ассирийцев" Гудспида (Smith, Elder & Co., Лондон); и "Стандартные труды Масперо" — "На заре цивилизации", "Борьба народов и цивилизация". "Переход империй" (S.P.C.K., Лондон) для общей истории, в то время как для раннего периода следует изучить "Шумер и Аккад" Кинга (Чатто и Виндус) и "Раннюю вавилонскую историю" Радау (издательство Оксфордского университета).

СПИСОК НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ КОРОЛЕЙ И ПРАВИТЕЛЕЙ И КРАТКОЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ

	Приблизительные даты до н.э.
Месилим, царь Киша, сюзерен Южной Вавилонии	3000 г.
ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ ЛАГАША.	
Ур-Нина, основатель династии	3000 г.
Акургал	
Эаннатум	
Эаннатум I	
Энемена	
Эаннатум II	
Энетарзи	
Энлитарзи	
Лугаль-анда	
Урукагина, побежден Лугаль-заггиси, царем Эреха и Шумера.	2800
ДИНАСТИЯ КИША.	
Шарру-Ги	2750
Маништусу	
Урумуш	
ДИНАСТИЯ АГАДЕ.	
Шар-Гани-шарри, основанная империя, охватывающая Ассирию, Сирию и Палестину	2650

Нарам-Син

ВТОРАЯ ДИНАСТИЯ ЛАГАША.

Ур-Бау 2500

Гудеа 2450

Ур-Энгур 2400

Дунги, грабит Вавилон, осуществляет сюзеренитет над Вавилонией, распространяет свое влияние на Элам

Бур-Син I

Гамиль-Син

Иби-Син

2300-

Династия Исин.

2100

ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ ГОРОДА ВАВИЛОНА.

Хаммурапи, царь Вавилона, основывает могущественное царство в Вавилонии, 1900
изгоняет эламитов, которые основали поселения в Уре и Ларсе,
восстанавливает империю Шаргани-Шарри в Палестине и включает Ассирию в
сферу своего влияния

Этой династии приходит конец в результате вторжения хеттов, которые захватили
Вавилон

Касситы из горного района к востоку от Тигра вторгаются в Вавилонию и
утверждают себя царями Вавилона. Примерно через столетие после вторжения
касситов Ассирия утверждает свою независимость и становится отдельным
королевством

(?) Ушпия,¹⁹² вероятный основатель храма Ашура 2100

(?) Ки-Ки-а, первый строитель Дуру в Ашуре, реставратор храма Ашура и строитель
храма Адада 2000

Салманасар I 1300

Тукульти-Ниниб I, царь Ассирии, завоевывает Вавилонию 1275

Ашур-реш-иши 1140

Тиглат-Пилесер I 1100

Ашур-нашир-пал расширяет пределы империи 885-
860

гг. Салманесер II становится хозяином всей Западной Азии. Израильяне под
предводительством Ииуя признают его сюзеренитет 860-
825

Тиглатпаласар III восстанавливает земли, утраченные его непосредственными
предшественниками, уводит в плен колена Рувима, Гада и половину колена
Манассии 745-
727

Салманасар IV осаждает Самарию 727-
722

	722-
Саргон, узурпатор, захватывает Самарию и уводит большую часть населения; побеждает египтян и филистимлян при Рафии; уменьшает Вавилонию, ведет войну в Эламе; строит большой дворец в Хорсабаде	705
гг. Сеннахериб покоряет мятежную Вавилонию; побеждает египтян при Алтаку в Дане; ведет войну в Палестине; Езекия Иудейский признает его сюзеренитет; разрушает Вавилон (689)	705- 681
Асархаддон завоевывает Нижний Египет (672)	681- 668
Ашшур-бани-пал вторгается в Египет, последний сбросил ассирийское иго; разграбляет Фивы, столицу Египта (666); полностью подчиняет Элам; побеждает и предаёт смерти Шамаш-шум-укина, наместника Вавилонии	668- 626
Египет и Лидия утверждают свою независимость	
Мидяне совершили набег на восточные границы империи (ок. 634)	
Ашур-бани-пал умирает	626 г.
Вскоре после его смерти мидийский царь Киаксарес побеждает ассирийцев и осаждает Ниневию. Вторжение скифских орд на мгновение останавливает Киаксара, но вскоре после этого Киаксар и, возможно, Набополассар, ассирийский военачальник в Вавилоне, осаждают и в конечном итоге захватывают и разрушают Ниневию (ок. 607 г.)	
Ассирия переходит к Мидии, Вавилония - к Набополассару, который основывает Неоавилонскую династию	
НЕОВАВИЛОНСКАЯ ДИНАСТИЯ.	
Набополассар	625- 604
Навуходоносор II победил Нехо, царя Египта, перед своим восшествием на престол; захватывает Иерусалим и уводит Иудею в плен	604- 561
Набонидус вверяет Вавилон своему сыну Валтасару. Перс Кир вторгается в Вавилонию, захватывает Вавилон и разрушает Неоавилонскую империю	555- 538

Карты

БАВИЛОНИЯ

МЕСОПОТАМИЯ

СНОСКИ:

- [1](#) Ср. Уорд, *Герметичные цилиндры*, стр. 24 и далее.
- [2](#) Ср. Пинчес, *Труды Общества библейской археологии*, 1910, стр. 42.
- [3](#) “Саргон” (то есть Шарру-укин) - имя, данное этому древнему царю позднейшими ассирийскими писцами.
- [4](#) Ср. однако Фишер в *записях прошлого*, т. II, часть iv, стр. 116.
- [5](#) Ср. Фишер, *Раскопки в Нинпуре*, стр. 1; и Прествич, *Геология* (Карта).
- [6](#) Cf. *Comptes Rendus, Académie des Inscriptions et Belles Lettres*, 1894, p. 409.
- [7](#) Отделение, *Уплотнения цилиндров*, стр. 30, рис. [55](#).
- [8](#) Ср. примечание на стр. 86.
- [9](#) Ср. Клей, *Американский журнал семитских языков*, XXIII, стр. 269.
- [10](#) Ср. Ward, *Уплотнения цилиндров*, рис. 289.
- [11](#) см. рис. [25](#), Е.
- [12](#) Ср. Ungnad на *Востоке. Лит. XI*, 1908, кол. 533-537.
- [13](#) Ср. Ботта, *Ниневия*, II, Листы 108, 110; Лейард, Серия II, Листы 9, 32.
- [14](#) Ср. Ward, *Уплотнения цилиндров*, рис. 179.
- [15](#) Ср. № 43, галерея “Ниневия”, Британский музей.
- [16](#) Ср. Перро и Чипиез, II, стр. 153.
- [17](#) Ср. Ward, *Уплотнения цилиндров*, рис. 93.
- [18](#) Для изображений птиц на ассирийских барельефах, ср. Ботта, *Ниневия*, II, Листы 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, и Лейард, Серия II, Номера 9, 32, 40.
- [19](#) См. стр. 185.
- [20](#) Лейард, *Ниневия*, стр. 74 и далее.
- [21](#) Хилпрехт, *Исследования*, стр. 236.
- [22](#) Утверждалось, что обгоревшие человеческие останки, обнаруженные в Месопотамии, во всех случаях следует рассматривать как результат общего пожара, и что фактически кремация никогда не практиковалась. Но если это так, то на керамике, захороненной вместе с обгоревшими человеческими останками, точно так же должны быть следы обжига. Во многих случаях керамика, по-видимому, не дает определенных доказательств в пользу или против этой теории, но доктор Колдевей сообщает мне, что на сосудах, содержащих сожженные останки людей в Сургуле, не обнаружено никаких следов того, что они сами побывали в огне, так что здесь, во всяком случае, мы имеем ясное и неопровержимое свидетельство практики кремации в Вавилонии.

[23](#) Ср. Хилпрехт, *Исследования*, стр. 317.

[24](#) Для описания зиккурата, см. стр. [133](#) и далее.

[25](#) Ср. Однако, Джастроу, *Журнал Американского восточного общества*, том. XXVII, стр. 147 и далее.

[26](#) Клэй, *Записи прошлого*, Том. II, Часть II, стр. 47 и далее.

[27](#) Описание знаменитых ворот Иштар и дополнительные сведения о дворце Навуходоносора см. на стр. [136](#), [137](#), [149](#).

[28](#) Ср. *Mitteilungen*, № 44, стр. 11.

[29](#) Описание этого храма см. в главе об архитектуре, стр. [141](#) и далее.

[30](#) Ср. далее, стр. 176 и далее.

[31](#) Ср. Andrae, *Mitteilungen*, № 38, стр. 23 и далее.

[32](#) Ср. далее, стр. 144 и далее.

[33](#) Ср. *Mitteilungen*, № 42, стр. 42.

[34](#) там же, вып. 42, С. 35.

[35](#) *Ibidem*.....

[36](#) Ср. *Mitteilungen*, № 44, стр. 34.

[37](#) Зенд-Авеста практически эквивалентна Библии и молитвеннику зороастрийцев. Зороастрийская вера процветала еще в шестом веке до н.э., вероятно, стала религией более поздних ахеменидских царей.

[38](#) Язык и литература пехлеви относятся к среднеперсидскому периоду, то есть примерно с третьего по девятый век н.э. Язык связан с древнеперсидским, с одной стороны, и с современным персидским - с другой. Зенд как бы перекинул мост через пропасть между современным и древнеперсидским языками и оказал величайшую помощь в расшифровке древнеперсидского языка, содержащегося в клинописных надписях.

[39](#) *Археология клинописных надписей*, стр. 8.

[40](#) Выдавливания производятся с помощью серии слоев плотной бумаги, которая была смочена, при этом оттиск достигается нанесением образовавшегося таким образом вещества на надпись и взбиванием его кисточкой.

[41](#) Частичная копия этой надписи на Бехистунской скале выбита на долеритовой глыбе, обнаруженной немецкими раскопщиками в Вавилоне; она содержит много интересных дополнений.

[42](#) Термин "ассирийский" используется, поскольку большая часть ранней вавилонской литературы дошла до нас через ассирийские руки, будучи скопированной и как бы переизданной ассирийскими переписчиками. Ассирийский и вавилонский были разными диалектами одного и того же языка; точно так же ассирийская и вавилонская клинопись демонстрируют большие различия в стиле, вавилонский более скорописный и, как правило, более трудный для чтения.

[43](#) Ср. А. Дж. Бут, *Трехязычные надписи*; Роджерс, *История*, стр. 175 и далее; Сейс, *Археология клинописных надписей*, стр. 1-35; Харпер, *Библейский мир*, XVI, стр. 294-7, 371-3 (краткое изложение).

[44](#) Ссылки на тексты, в которых встречаются эти знаки, см. Г. А. Бартон в книге Харпера "Ветхозаветные и семитские исследования", том. II, стр. 241 и далее.

[45](#) Ср. *Вавилонскую экспедицию Пенсильванского университета IV, серия D*, для этого вавилонского пограничного камня и для полного обсуждения предмета в целом.

[46](#) Эпонимом называлось должностное лицо высокого ранга — иногда сам король, — которое занимало свой пост в течение года и чье имя использовалось для датировки всех документов, составленных в этом году. Он переписывался с римским консулом и афинским архонтом.

[47](#) Ср. Хилпрехт, *Исследования*, стр. 517.

[48](#) “Плосковыпуклый” кирпич - это кирпич, плоский с одной стороны и выпуклый или овальный с другой, его общий вид напоминает продолговатый пирог или маленькую подушечку.

[49](#) Cf. De Sarzec et Heuzey, *Une Villa Royale Chaldéenne*, p. 47.

[50](#) Ср. Лофтус, *Путешествия*, стр. 189.

[51](#) Лофтус, *Путешествия*, стр. 187.

[52](#) Ср. Хьюзи, “*Королевская вилла*”, стр. 48.

[53](#) Хьюзи, “*Королевская вилла*”, стр. 47, 48.

[54](#) В северной крепостной стене, и, по словам Колдевея, только там, на Касре, также были обнаружены большие строительные блоки из известняка.

[55](#) J. R. A. S., 1855, стр. 266.

[56](#) *там же*, стр. 407.

[57](#) Ср. Харпер, *Ассирийская и вавилонская литература*, стр. 57.

[58](#) *Там же.*, стр. 87.

[59](#) Ср. *Король Шумера и Аккада*, стр. 88.

[60](#) Ср. Тейлор в J. R. A. S., 1855, стр. 261 и далее.

[61](#) Ср. J. R. A. S., 1855, стр. 405 и далее.

[62](#) Ср. однако Андраз, *Der Anu-Adad Tempel*, стр. 80.

[63](#) Ср. Пинчес, Диктант Гастингса, Религия и мораль, “*Архитектура*”, *Перро и Чипиес*, II, стр. 393; Лейард, *Открытия*, стр. 348 и далее.

[64](#) Ср. Харпер, *Ассирийская и вавилонская литература*, стр. 25, 26.

[65](#) Ср. *Mitteilungen*, № 44, стр. 30.

[66](#) Ср. *Декувертес*, стр. 22 бис, рис. 26, 36.

[67](#) Cf. Andrae, *Der Anu-Adad Tempel*, p. 80.

[68](#) Хилпрехт, *Исследования*, стр. 286.

[69](#) Лофтус, *Халдея и Сузиана*, стр. 133; J. R. A. S., XV, стр. 265, 266.

[70](#) Лофтус, стр. 187 и далее.

[71](#) См. стр. 80.

[72](#) Ср. Хилпрехт, *Исследования*, стр. 372.

[73](#) *там же*, стр. 402.

[74](#) Ср. Тейлор, *Журнал Королевского азиатского общества*, 1853, стр. 269.

[75](#) Лофтус, *Путешествия*, стр. 174 и далее.

[76](#) Ср. *Журнал Королевского азиатского общества*, 1855, стр. 406.

[77](#) Ср. *Миттейлунген*, № 43, стр. 7.

[78](#) Ср. Лейард, *Открытия*, стр. 590; Дьелафуа, *Антикварное искусство*, V, стр. 57 и далее; *Перро и Чипьез*, стр. 214.

[79](#) Плейс обнаружил восьмигранную колонну в Карамбе, но она, по-видимому, относилась к парфянскому периоду (Плейс, *Ниневия*, II, стр. 169 и далее).

[80](#) Ср. *Mitteilungen*, № 40, стр. 25.

[81](#) Ср. *Там же*, № 40, стр. 24.

[82](#) Ср. *Там же*, № 42, стр. 40.

[83](#) Ср. Хилпрехт, *Исследования*, стр. 397 и далее.

[84](#) Ср. J.R.A.S., 1855, стр. 266.

[85](#) Ср. *Mitteilungen*, № 8, стр. 4.

[86](#) Ср. *Перро и Чипьез*, стр. 231.

[87](#) см. рис. [9](#).

[88](#) Ср. Андре, *Миттейлунген*, № 27, стр. 29-32.

[89](#) Ср. *Mitteilungen*, № 40, стр. 29.

[90](#) Ср. Хилпрехт, *Вавилонская экспедиция Пенсильванского университета*, том. I, часть ii, Стр. XVI.

[91](#) Хилпрехт, *Исследования*, стр. 474, 475.

[92](#) Ср. также выше, рис. [28](#), А.

[93](#) Ср. выше, стр. 33.

[94](#) Для грубого наброска см. Роулинсон, *Пять великих монархий*, II, 79.

[95](#) См. стр. 45.

- [96](#) Ср. Роулинсон, *Пять монархий*, стр. 151-62.
- [97](#) Ср. E. J. Banks, *Scientific American*, 19 августа 1905 г., стр. 137; *Американский журнал семитских языков*, XXI, стр. 59.
- [98](#) *Comptes rendus*, 1907, стр. 399.
- [99](#) Ср. Миттейлунген, № 29.
- [100](#) Ср. Дековерт, стр. 24, рис. 2.
- [101](#) *Revue Archéologique*, 1894, I, 108.
- [102](#) Ср. Neuzeu, в *Мон. Мет. Академия. Примечание. Фонд Петра*, XII, стр. 19-28, и *C. R. Acad. Инсерт.*, 1905, с. 75.
- [103](#) Ср. *Понедельник. Piot.*, т. VII, стр. 1, рис. 1, и *Луврский кат.*, стр. 324.
- [104](#) Ср. *Журнал Королевского азиатского общества*, XV, стр. 410.
- [105](#) Ср. Сэйс, *Археология клинописных надписей*, стр. 58.
- [106](#) Ср. Дековерт, стр. 28, рис. 1 и 2.
- [107](#) Ср. Хилпрехт, *Исследования*, стр. 539.
- [108](#) Ср. *Луврский кат.*, № 173; и *понедельник. Петр.*, т. VII, стр. I, рис. 1.
- [109](#) Ср. Харпер, *Американский журнал семитских языков*, XX, стр. 266, 267.
- [110](#) Ср. Кинг, *Шумер и Аккад*, стр. 26; и Хилпрехт, *Исследования*, стр. 156.
- [111](#) Лейард, *Открытия*, стр. 357.
- [112](#) Ср. Боскавен, *Труды Общества библейской археологии*, 1876, стр. 347.
- [113](#) Лейард, *Открытия*, стр. 177.
- [114](#) Ср. цилиндр Тейлора у Сеннахирима.
- [115](#) За замечательное воспроизведение лучшей половины ворот Балавата, хорошее введение и перевод текста, ср. Береза и щипцы, *Бронзовые украшения дворцовых ворот Балавата*. Ср. также Delitzsch, *Справочник по ассириологии*.
- [116](#) Для перевода, ср. Ungnad, *Or. Lit.*, IX (1906), 534-8.
- [117](#) Ср. Делич, *Записи прошлого*, 1903, стр. 323 и далее.
- [118](#) Ср. Харпер, *Ассирийская и вавилонская литература*, стр. 129.
- [119](#) Харпер, *Ассирийская и вавилонская литература*, стр. 14.
- [120](#) Ср. Харпер, *Ассирийская и вавилонская литература*, стр. 54, 99.
- [121](#) Ср. Перро и Чипиез, стр. 277.
- [122](#) Лейард, *Ниневия I*, стр. 64; II, стр. 306, 307.

[123](#) Лейярд, *Ниневия*, II, стр. 15.

[124](#) *Там же*, I, стр. 130.

[125](#) Ср. Делич, *Миттейлунген*, № 6, стр. 13-17; и Диодор II, 8.

[126](#) Ср. Колдевей, *Миттейлунген*, № 3, стр. 5, 10, 11.

[127](#) Лейярд, *Памятники*, Серия II, стр. 55, 6; и Лейярд, *Открытия*, стр. 167.

[128](#) *Открытий*, стр. 166.

[129](#) Значительное количество воспроизведенных здесь оттисков печатей взято из монументальной работы доктора У. Хейса Уорда "Цилиндрические печати в Западной Азии" с великодушного разрешения автора.

[130](#) *Скарабеев*, стр. 5.

[131](#) Уорд, *Печатные цилиндры Западной Азии*, стр. 1.

[132](#) Ср. Уорд, *Герметичные цилиндры*, стр. 69.

[133](#) Ср. *Уплотнительные цилиндры*, стр. 48, рис. 127.

[134](#) Ср. Уорд, стр. 128.

[135](#) Ср. *Mitteilung*., № 9, стр. 6.

[136](#) Ср. Менант, *Пьер Граве*, II, стр. 132; Уорд, стр. 193.

[137](#) Ср. Уорд, стр. 197.

[138](#) Ср. Хьюзи, *Кат.*, стр. 387 и далее.

[139](#) О ранней истории инкрустированных украшений см. Далтон, *Археология*, LVIII, стр. 237-74.

[140](#) Ср. *Mitteilungen*, № 44, стр. 24.

[141](#) Ср. также ассирийскую печать, воспроизведенную на рис. [76](#).

[142](#) Ястроу, *Религия Вавилонии и Ассирии*, стр. 208.

[143](#) Cf. Heuzey, *Catalogue des Figurines de terre cuite du Musée du Louvre*, Pl. I, Fig. 2.

[144](#) Для двух других, см. *Там же*, стр. I, рис. 1 и 3.

[145](#) Cf. Heuzey, *Les Figurines Antiques de terre cuite*, Pl. II, рис. 3.

[146](#) Ср. Колдевей, *Миттейлунген*, № 5, стр. 19, 20.

[147](#) Ср. Бэнкс, *Американский журнал семитских языков*, Том 22, стр. 35 и далее.

[148](#) Ср. Бэнкс, *Американский журнал семитских языков*, Том 22, стр. 37.

[149](#) Ср. Хилпрехт, *Вавилонская экспедиция*, Том. I, часть ii, Стр. XX.

[150](#) Ср. *Découvertes, Описание*, стр. 118; Хилпрехт, *Исследования*, стр. 170.

[151](#) См. стр. 243.

[152](#) Ср. Лейард, *Открытия*, стр. 197.

[153](#) Ср. Хилпрехт, *Исследования*, стр. 407.

[154](#) Хилпрехт, *Вавилонская экспедиция Пенсильванского университета*, Серия А, том. I, часть ii, Стр. 27.

- [155](#) Ср. Э. Дж. Бэнкс, *Американский журнал семитских языков*, Том 22, стр. 139.
- [156](#) *Ibidem*.
- [157](#) Ср. Э. Дж. Бэнкс, *Американский журнал семитских языков*, Том 22, стр. 140.
- [158](#) Cf. *Comptes Rendus, Académie des Inscriptions et des Belles Lettres* 1904, p. 115.
- [159](#) Ср. *Mitteilungen*, № 40, стр. 8.
- [160](#) Ср. *Там же*, № 26, стр. 19.
- [161](#) Cf. Heuzey, *Catalogue des Antiquités Chaldéennes*, p. 249.
- [162](#) Принс, *Журнал Американского восточного общества*, XXVI, стр. 93.
- [163](#) Ср. *Американский журнал семитских языков*, апрель 1905 г., стр. 173.
- [164](#) Ср. Уорд, *Уплотнения цилиндров*, рис. 139 с.
- [165](#) Ср. Heuzey, *Comptes Rendus*, 1908, стр. 415-22.
- [166](#) Ср. *Comptes Rendus*, стр. 418, рис. С.
- [167](#) Ср. Сэйс, *Археология клинописных надписей*, стр. 65, 66.
- [168](#) Ср. Botta, II, Стр. 155.
- [169](#) Интересная бусина из черного мрамора размером 1-1 / 2 × 5/8 дюйма была обнаружена в Ашуре; на ней есть надпись Салманасара, смысл которой заключается в том, что этот царь привез бусину из храма в Сирии.
- [170](#) Ср. *Mitteilungen*, № 7, стр. 18.
- [171](#) Ср. Ботта, *Памятник*, II, стр. 90, 93.
- [172](#) Ср. Роулинсон, *Пять монархий*, II, стр. 49.
- [173](#) Ср. Роулинсон, *Пять монархий*, II, стр. 43.
- [174](#) См. стр. 17.
- [175](#) См. стр. 10.
- [176](#) Ср. Джонс, *Ассирийская книга о конце света*, стр. 19.
- [177](#) Ср. Эрман, *Жизнь в Древнем Египте*, стр. 426; и Уилкинсон, I, стр. 281.
- [178](#) Ср. Genouillac, стр. xlix.
- [179](#) См. стр. 346.
- [180](#) Ср. Genouillac, стр. ii.

[181](#) Эта работа включает текст с автографом, транслитерацию, перевод, глоссарий, тематический указатель, список имен собственных, знаков и цифр, а также карту, фронтиспис и фотографию текста.

[182](#) Ср. Ястроу, *Религия*, стр. 116 и далее.

[183](#) Ср. Джонс, *Книга судного дня*, стр. 26.

[184](#) *Там же.*, стр. 20.

[185](#) Ср. Ястроу, стр. 191 и далее.

[186](#) Ястроу, *Религия*, стр. 226.

[187](#) *Там же.*, стр. 83.

[188](#) Ср. Уорд, *Цилиндрические уплотнения*, стр. 391, 392.

[189](#) Ср. Уорд, *Цилиндрические уплотнения*, стр. 391 и далее.

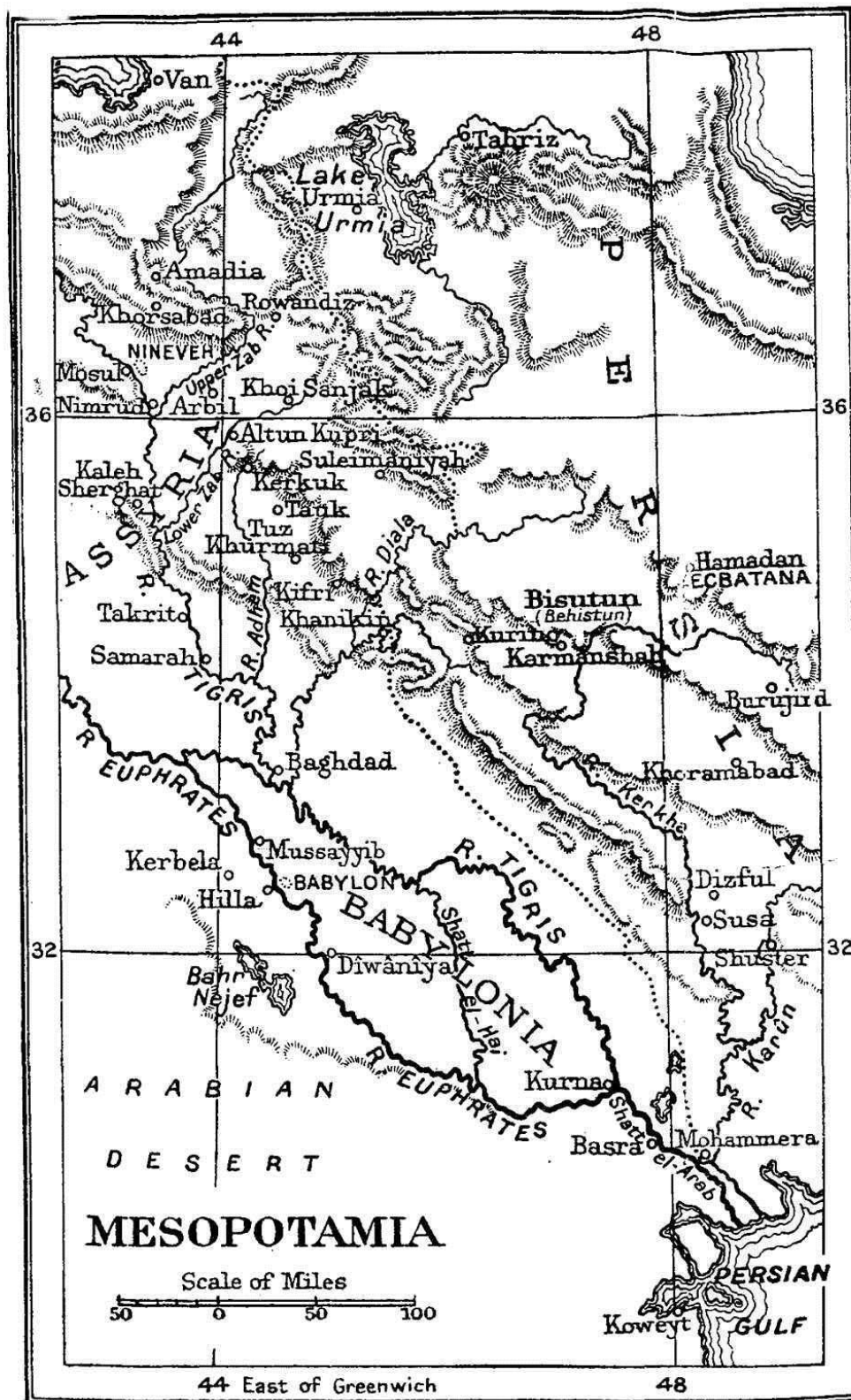
[190](#) Ср. Уорд, *Уплотнения цилиндров*, стр. 398.

[191](#) *Там же.*, стр. 407.

[192](#) Ср. *Mitteilungen*, № 21, стр. 49.

[Назад](#)

[Назад](#)